

С.С. ЛАЗАРЯН

**ЭКОНОМИЧЕСКАЯ, СОЦИАЛЬНАЯ И
ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА КНЯЗЯ
М.С. ВОРОНЦОВА В КАВКАЗСКОМ КРАЕ. 1845-1854 гг.**

ПЯТИГОРСК 2013

УДК 94 (479)
ББК 63.3 (531) 5
Л 17

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»

Научный редактор:

профессор кафедры истории государства и права России и
зарубежных стран ФГБОУ ВПО «ПГЛУ»
доктор исторических наук Ю.Ю. Клычников

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент О.Б. Маслова;
кандидат исторических наук, старший преподаватель
А.А. Остахов

Л 17 Лазарян С.С. Экономическая, социальная и этно-
конфессиональная политика князя М.С. Воронцова в
Кавказском крае. 1845-1854 гг. - Пятигорск: ПГЛУ, 2013. - 398 с.

Данная монография является продолжением серии монографий, посвященных различным аспектам деятельности князя М.С. Воронцова в годы его наместничества в Кавказском крае. В данном случае автор особое внимание уделяет экономическим и социальным вопросам, которые находились в поле зрения российской администрации на протяжении периода с 1845 по 1854 гг. Заслуга М.С. Воронцова состоит в том, что ему удалось заложить достаточно прочные основания для модернизационных преобразований, инициировавшихся Россией на Кавказе.

При описании и исследовании прошлой социально-экономической действительности кавказской жизни автор стремился учитывать и выявлять интересы и позиции сторон, принимавших участие в коммуникативных действиях различной направленности и целей. При этом автор старался придерживаться той степени объективности, которая только возможна, чтобы избежать ангажированности и политических спекуляций, представляя интересы, как российской стороны, так и народов Кавказа.

ISBN 978-5-4220-0525-3

© С.С. Лазарян, 2013
© ФГБОУ ВПО «ПГЛУ», 2013

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
ГЛАВА 1. РОЛЬ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КРАЯ.....	6
1.1. Инициативы М.С. Воронцова в развития товарного сельского хозяйства.....	6
1.2. Влияние М.С. Воронцова на становление промышленности в кавказском регионе.....	53
1.3. Вклад князя-наместника в развитие путей сообщения и транспортной инфраструктуры.....	85
1.4. Торговля в экономической и социальной политике М.С. Воронцова.....	137
ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 40-50 ГОДЫ XIX ВЕКА.....	190
2.1. Пути и приоритеты в переселенческой политике князя М.С. Воронцова.....	190
2.2. Влияние князя-наместника на развитие конфессиональных отношений в регионе.....	227
2.3. Кавказский наместник в системе этнических и социальных процессов в крае.....	280
2.4. Особенности межкультурных коммуникаций в ходе Кавказской войны.....	324
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	375
БИБЛИОГРАФИЯ.....	377

ВВЕДЕНИЕ

Реализация государственной политики Российской империи в Кавказском крае во многом определялась не только волей высших имперских властей, но и теми людьми, которым поручалось её непосредственное воплощение.

Петербург давал стратегический план-задание: сливать Кавказ и Россию в единое целое, расширять и укреплять пространство имперского мира, вплетая мир кавказских народов в систему русско-европейской цивилизации.

Воплотители монаршей воли – наместники – искали пути и способы исполнения порученной им задачи. Не у всех получалось в равной степени, но все в меру своих сил и способностей старались и не жалели своих трудов.

Заслуга князя Михаила Семеновича Воронцова состоит в том, что он был в когорте тех немногих успешных имперских администраторов, которым удалось заложить достаточно прочные основания по большинству направлений и сфер экономической и социально-культурной жизни Кавказа, позволивших приступить к развертыванию преобразованной деятельности в крае в более благоприятных условиях.

Князь М.С. Воронцов стремился убеждать горские и все другие народы Кавказа в том, что русский мир не только не враждебен их историческим перспективам, но с Россией они наилучшим образом способны будут самоопределиться в мире, предъявлявшем им новые вызовы. Его усилия были направлены на то, чтобы научить горские народы видеть в качестве своей родины не только горы и аулы, но всю Россию.

Князь М.С. Воронцов предлагал Кавказу обновление мотивации повседневной жизни, при сохранении и поддержании устоявшихся социальных состояний, условия благополучного существования, опиравшегося на мирные и созидательные способы деятельности без перманентной вражды и противоборства.

Не все и не сразу откликнулись на его предложения. В воспоминаниях, рапортах, записках и письмах русских военных и гражданских лиц, в произведениях русских писателей XIX века рассыпано множество полярных свидетельств и оценок

жителей Кавказского края. Не все горцы могли избавиться от вражды и нелюбви к русским, ворвавшимся в их замкнутый мир устоявшейся традиции. Не всегда у самого князя находилось достаточно аргументов и средств придерживаться избранной тактики, но его никогда не покидало терпеливое спокойствие и уверенность в том, что мирная и благоустроенная жизнь, в конце концов, сделается выбором жителей Кавказского края.

Князь М.С. Воронцов считал, что многие не соглашались или противятся русским начинаниям не в силу какой-то изначальной несовместимости русского и кавказского миров, а только в силу незнания или непонимания сути предлагавшихся инноваций, в силу новизны предлагавшихся ценностей и жизненных устоев, а также малого по историческим меркам периода их взаимодействия.

В то же время опыт жизни говорил о сходимости человеческой природы всех живущих под Солнцем. Необходима была активная работа и уверенность в том, что «покорение Кавказа должно быть скорее нравственное, чем военное». В этом направлении сосредоточивалось большинство усилий князя-наместника.

Обращаясь к прошлому и определяя его актуальность, следует помнить простую истину, формулу которой дал известный российский историк В.О. Ключевский: «Прошлое надо изучать не потому, что оно уходит, а потому, что, уходя, оно оставляет свои последствия».

Сегодняшний день и политико-экономическая и социально-культурная ситуация, сложившаяся на Северном Кавказе тому прямое продолжение и подтверждение, а потому опыт и способы прошлого нельзя придавать забвению или игнорировать.

ГЛАВА 1. РОЛЬ КАВКАЗСКОГО НАМЕСТНИКА В СИСТЕМЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КРАЯ

1.1. Инициативы М.С. Воронцова в развитии товарного сельского хозяйства

М.С. Воронцов, осуществляя свою деятельность на Кавказе, который представлял тогда контактную зону неустойчивости социальнo-культурных, политических и иных процессов, направлял её, по заданию императора Николая I, на то, чтобы привести этот край к доминированию в нем российской имперской сущности.

Князь Воронцов был известен как один из российских администраторов высшего ранга, который последовательно проводил миротворческую политику по отношению к местному кавказскому населению. Не отвергая военные меры в системе покорения Кавказа, князь на первое место ставил несиловые способы его включения в состав империи. Кроме того, будучи человеком практического ума, он невоенными мерами стремился не допустить бесконечного увеличения финансовых расходов на содержание постоянно растущих армейских контингентов, а также всем иным расходам, сопутствовавшим и сопряженным с ведением военных действий.

Кавказский наместник вел дело так, чтобы наряду с военным покорением Кавказа, всё активнее вести его хозяйственное освоение, которое постепенно должно было сделаться основным способом вовлечения кавказских жителей в мир имперских обыкновений.

Как подчеркивает по этому поводу В.В. Дегоев: «Воронцов мечтал превратить этот край в мирную и процветающую провинцию империи – источник благоденствия, как для России, так и для местных народов»¹.

Способствуя развитию экономики всего Кавказа, М.С. Воронцов, не оставляя поставленной ему цели, действовал в различных частях вверенного ему края, соглашаясь с их

¹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. С.181.

особенностями, которые не выходили за рамки обозначенного императором приоритета.

В Закавказье центральным местом усилий наместника была избрана Грузия. По замыслу российских властей она должна была сделаться выставочной витриной успешного существования местного населения в системе имперской структуры.

Развитие Грузии должно было подтвердить благость модернизации всех сторон жизни туземцев; стать также примером для всех, кто примирился с русским присутствием на Кавказе или пока ещё оставался в стане непримиримых её противников. Именно здесь в наибольшей степени и усердием разворачивались преобразовательные действия кавказской администрации.

В Предкавказье задача была иной – укрепить позиции русского (христианского) населения, способствовать скорейшему его укоренению в местную почву, создать крепкое «русское ядро» - надёжную опору для всей совокупности преобразовательной деятельности, вносимой в регион российскими властями; быть плацдармом всех инноваций, распространяемых по всему Кавказу.

В районах расселения кочевых народов и горских обществ Северного Кавказа российская администрация стремилась содействовать тем процессам, которые бы наилучшим образом сблизили их с империей, сделали их неотъемлемой частью российского мира. Это касалось не только тех, кто принял и примирился с теми новациями, которые принесла с собой на Кавказ Россия, но и тех, кто видел в России противника своей традиционности.

В районах существовавшей конфликтности между горцами и империей, повлиять на ситуацию в направлении заявленной цели у кавказской администрации до определенного времени не было больших возможностей, но в то же время, сами военные действия, рубка лесов и все иные способы изменения ландшафтов вносили коррективы в жизнь и хозяйственную деятельность горцев.

Кавказ в продолжение многих веков оставался регионом, в котором преобладала экономическая парадигма

аграрного развития. Потому, начиная речь о его хозяйственном положении, следует начинать с развития земельных отношений и сельского хозяйства, как первостепенной и естественной для края формы жизнестояния. При этом стоит отметить то обстоятельство, что природные богатства Кавказа были таковы, что для своей эксплуатации требовали именно того, «чего слишком недоставало этому краю – широкой предприимчивости, больших капиталов и серьёзных научных познаний»².

Например, для западной части Закавказского края, чрезвычайно богатой растительностью, но страдавшей от излишней влажности климата, крайне необходимо было развивать соответствующую систему мелиорации и осушения большого количества имевшихся там болот, тогда, как другая его часть – восточная, почва которой могла давать такие ценные продукты, как виноград лучших сортов, рис, кунжут, табак, хлопчатник и многое другое - сильно нуждалась в организации правильной ирригации «в самых широких размерах»³.

В этой связи следует подчеркнуть, что князь М.С. Воронцов не только не менял, но старался восстановить, где это было возможно, привычную для территорий, находившихся под его непосредственным управлением, систему землевладения и землепользования, а также поощрял все частные усилия предприимчивых людей во всех сферах аграрного производства. Кроме того, князь-наместник мерами постепенной модернизации и привлечения к кавказским делам многих опытных и знающих людей из России намеревался придать необходимые импульсы всем аспектам хозяйственного развития в крае.

Например, в Грузии уже с конца 30-х гг. XIX века стали создаваться благоприятные условия для развития сельского хозяйства. Усилиями российских властей «в стране установился мир, прекратились разбойничьи набеги горцев, была искоренена продажа пленных. Уменьшились произвол и насилия,

² Кавказ. Справочная книга, составленная старожилом. – Тифлис, 1887. С.359.

³ Там же. С.360.

сопровождаящие сбор налогов и выполнение государственных повинностей»⁴.

Российские власти в целях содействия развитию сельскохозяйственного производства создали в Тифлисе ряд учреждений, таких как «Закавказское общество сельской и мануфактурной промышленности и торговли» (1833 г.), «Общество по распространению шелководства и торговли» и «Компанию по производству грузинских вин» (оба в 1836 г.). К ним усилиями М.С. Воронцова в 1850 году было добавлено «Кавказское общество сельского хозяйства»⁵.

По прибытии наместника в 1845 г. в Закавказский край, он скоро выяснил, что «по счастливому географическому положению и плодородию земли»⁶ край способен к ведению всякого рода сельской промышленности, но там не хватает знаний и умений «в улучшенных способах возделывания земли и приготовления различных произведений»⁷.

Для того чтобы переменить ситуацию к лучшему, наместник внёс коррективы в деятельность «Закавказского общества сельской и мануфактурной промышленности и торговли». Это учреждение, существовавшее уже 11 лет и употребившее на различные начинания около 70 000 руб. серебром, не принесло ожидавшейся от него пользы⁸.

Неуспехи «Закавказского общества» были связаны с тем, что оно не действовало практическим образом, не завело школ или питомников плодовых и лесных растений, а потому не пользовалось доверием у сельских хозяев.

Зная о приверженности князя Воронцова к такого рода начинаниям, чиновник Министерства государственных

⁴ Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. История Грузии. С древнейших времен до 60-х годов XIX в. Т.1: Глава II. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие буржуазных отношений в 30-50-х гг. XIX в. – Тбилиси: Госиздат учебно-педагогической литературы, 1962 // URL http://yandex.ru/yandsearch?text=dlibrary_collect_0001_000038_istoria_Gruzii_tom_I&clid=44289&lr=11057.

⁵ Там же.

⁶ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1885. Т.Х. С.834.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

имущества т.с. Гамалея сделал запрос к Кавказскому наместнику с просьбой содействовать продвижению новых для края культур и привлечения местных сельскохозяйственных сил к разведению колониальных растений⁹.

По свидетельству князя А.М. Дондукова-Корсакова: «Воронцова всегда интересовало экономическое развитие вверенного ему края. На Кавказе, как и в Новороссийском крае, князь чрезвычайно заботился о разведении полезных растений, усовершенствовании виноделия и лучших способах обработки земли и извлечения доходов от плодородной почвы Кавказа»¹⁰.

М.С. Воронцов, человек опытный и сам предприниматель¹¹, понимал значение удачного примера, особенно если это касалось выгоды частных лиц. Администрирование здесь приобретало отрицательное звучание и могло восприниматься как навязывание способов и целей деятельности. Примеры же успешной частной хозяйственной деятельности «действуют гораздо сильнее на убеждение толпы и увлекают за собою из среды её более последователей»¹².

Развитию сельского хозяйства за Кавказом препятствовало множество факторов, на преодоление которых направлялись ресурсы, которыми обладал Кавказский наместник. Он считал, что модернизация сельского хозяйства встретит «весьма много затруднений в настоящем младенческом состоянии земледелия за Кавказом, где способ возделывания полей, система посевов и неудобства пахотных орудий ещё надолго будет служить препятствием к совершенно успешному возделыванию всех сельских произведений, особенно торговых»¹³. К таким культурам относились: индиго, шафран, табак и хлопок.

И хотя заинтересованность правительства в данном вопросе прямая и непосредственная, действия Кавказской

⁹ Там же. С.155.

¹⁰ Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. Князь М.С. Воронцов // Старина и новизна. 1902. №5. С.134.

¹¹ Письма С.В. Сафонова к князю М.С. Воронцову // Архив князей Воронцовых (АКВ). – СПб, 1892. Т.38. С.313-382.

¹² АКАК. Т.Х. С.156.

¹³ Там же.

администрации должны состоять лишь в поощрении частных лиц «заводить плантации тропических растений, способствуя им в том наставлениями, выпиской семян, а в последствии – мастеров и машин для окончательной обработки»¹⁴.

Бюрократический характер казенных заведений и отсутствие там прямой выгоды едва ли могли содействовать тому, чтобы добиться скорого результата, который в большой степени зависел от распорядительности, неусыпной заботы и наблюдения за процессом адаптации колониальных растений в кавказской почве.

В то же время, «побуждение к выгодам есть всегда и везде главнейшая пружина деятельности и предприимчивости», а выгоды, которые частные лица от того получать будут, «могут служить самым надёжным ручательством в общем стремлении к подражанию»¹⁵.

В связи с этим адъютант князя-наместника А.М. Дондуков-Корсаков указывал: «Положительно каждый частный человек находил в своём деле в лице князя <...> не только опытного советника, но и мощного покровителя против канцелярских и бюрократических порядков, которым всегда тормозится частная предприимчивость в России, и которым так не сочувствовала натура князя и широкий взгляд его на дело»¹⁶.

По распоряжению М.С. Воронцова деятельность «Закавказского общества сельской и мануфактурной промышленности и торговли» была преобразована. Заведывание всеми его делами было поручено одному, особо доверенному наместнику лицу.

Опытная ферма, принадлежавшая «Закавказскому обществу», была продана с торгов, т.к. находилась и «устроена в дальнем расстоянии от Тифлиса и неудобном для предназначенной цели»¹⁷. На вырученные от продажи деньги был заведен питомник близ Тифлиса, в предместье Авлабар для разного рода виноградных лоз, лесных и плодовых деревьев, огородных овощей. Он предназначался быть примером для

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С.157.

¹⁶ Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. Указ. соч. С.135.

¹⁷ АКАК. Т.Х. С.834.

жителей Закавказского края, а также для безденежного снабжения желающих деревьями, семенами и прочим.

Кроме того, чтобы распространять по всему Кавказскому краю сведения и желание заниматься передовым садоводством, виноделием и другими земледельческими занятиями, в разных местах, как Закавказья, так и в Кавказской области, была организована сеть небольших опытно-показательных питомников, а в самом Тифлисе - устроен ботанический сад, для наблюдения за которым был выписан из Петербурга опытный садовник.

М.С. Воронцов и сам был первый зачинщик всего нового и выгодного в хозяйственных усилиях. Он по собственной инициативе «снабжал всех желающих виноградными крымскими лозами из своих садов и вообще его чрезвычайно занимали и служили ему развлечением успехи в крае той или иной отрасли садоводства»¹⁸.

На одной только опытной ферме в Тифлисе в течение 1846-1848 гг. было посажено на приготовленных для посадки местах большое число виноградных лоз, выписанных из Крыма, фруктовых деревьев и других растений до 170 000 штук¹⁹.

В должный порядок привели сады в Кутаисской, Тифлисской, Шемахинской и Дербентской губерниях. Там высадили много новых деревьев и проложили новые дороги.

Из желания наместника и возникшей необходимости для Имеретии, Гурии и всей западной части Закавказского края иметь такое заведение, из которого можно было бы раздавать деревья и другие растения, по приказу князя Воронцова был увеличен сад в Озургетах. То же самое сделали в Сухум-кале, где «климат и почва земли, быть может, более других местностей на Кавказе способствуют к разведению всякого рода растений»²⁰.

В 1846 г. близ Поти была посажена роща апельсиновых и лимонных деревьев. В этом отношении князь Воронцов не был первопроходцем. Опытам с цитрусовыми растениями

¹⁸ Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. Указ. соч. С.134.

¹⁹ АКАК. Т.Х. С.865.

²⁰ АКАК. Т.Х. С.866.

положил начало ещё князь П.Д. Цицианов, под начальством которого в 1803-1804 гг. начинал службу молодой поручик Михаил Воронцов. Опыты эти были остановлены после смерти Цицианова, но не забыты князем Воронцовым, который возобновил их, как только к тому представилась возможность.

На Тифлисской опытной ферме, ставшей по воле наместника центром разведения ценных сортов растений и выработки способов культивирования их в кавказских условиях, не останавливалась селекционная работа во всё время пребывания М.С. Воронцова в должности. Виноградные лозы по его указанию ежегодно поступали из Крыма во всё возрастающем числе. В 1849 г. – 110 000, в 1850 г. – 170 000, в 1851 г. – 272 500 штук. Кроме того, было высажено черенков фруктовых деревьев: в 1849 г. – 20 000, в 1850 г. – 49 500, в 1851 г. – 22 200 штук, предназначенных для снабжения других питомников и для продажи частным лицам²¹.

Предполагалось на первых порах устроить показательные питомники в Шемахе, Кутаиси, Гурии, Владикавказе, Нальчике, Пятигорске, Ставрополе. Организовывались также и показательные животноводческие фермы. По подсчетам наместника, организация данных заведений не потребовала бы больших издержек, но принесла существенную и практическую пользу²².

За годы наместничества князя М.С. Воронцова в Грузии «особенно возросло производство основных продуктов сельского хозяйства – хлеба и вина»²³. Отмечая данную тенденцию, князь Воронцов в своём отчёте в Петербург писал: «С каждым годом становится ощутительнее старание здешних помещиков к улучшению по всем отраслям сельской промышленности – этого краеугольного камня, на котором основывается народное благосостояние»²⁴.

Основным их потребителем была императорская Кавказская армия и города. Для стимулирования производителей данной продукции властями были установлены

²¹ АКАК. Т.Х. С.884.

²² Там же. С.835.

²³ Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

²⁴ АКАК. Т.Х. С.884.

выгодные цены²⁵. Валовой сбор пшеницы постоянно возрастал за счёт освоения новых посевных площадей. За период с 1821 по 1861 гг. производство пшеницы в зерновых районах увеличилось в 3 раза²⁶, потому уже в 40-50-х годах XIX века Грузия оказалась способной выделять для снабжения многотысячной Кавказской армии часть собственного хлеба, без ущерба для внутреннего потребления этого продукта. Доказательством тому может служить то, что в отдельных уездах четверть всего урожая хлеба поступала на рынок²⁷.

Вообще с середины 40-50-х гг. стала заметной тенденция неуклонного роста населения Грузии и усиления стимулов к хозяйственной деятельности. В сельском хозяйстве отмечаются качественные сдвиги, поскольку усилилось проникновение в эту отрасль товарно-денежных отношений, укрепилась связь сельского хозяйства с рынком, произошло расширение объемов и номенклатуры производства товарной продукции.

Часть местных помещиков смогли перестроить свои поместья на рациональных началах. К ним можно отнести хозяйства помещиков-рационализаторов Соломона Гургенидзе, Дмитрия Абхазии, Александра Чавчавадзе, Соломона и Торникэ Андроникашвили, Симона Шаликашвили, Михаила Накашидзе и др.²⁸. Движущими мотивами для ведения собственного хозяйства в дворянской среде стало производство меновой стоимости, получения денежных средств, которые обеспечивали им поддержание нового образа жизни, привнесённого на Кавказ русско-имперским присутствием. Посещение клубов и театров, подражание европейским модам, изучение иностранных языков, образование детей – на всё требовались большие расходы.

К рационализации хозяйств помещики обращались в силу того обстоятельства, что известный им старинный способ

²⁵Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же.

²⁸ Очерки истории Грузии. Т.V. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989 // URL http://yandex.ru/clck/redir/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pI3DW99KUdgowt9Xsh9AmfW_e8fw8JjxSfq9kqjCXXkMZfN5TwVXWGSO9dF4gORw2YnTls_L5LiR.

ведения дел, несмотря на большие затраты, не давал достаточной им выгоды. Так И.К. Багратион - Мухранский перестроил своё хозяйство по европейскому образцу и прибегнув к разного рода рационализаторским мероприятиям, намного увеличил получаемые от хозяйства доходы: в начале 40-х гг. годовой его доход равнялся 400 рублям, к концу 50-х гг. - 30 000 рублей²⁹.

Производство товарного хлеба значительно выросло, а его удельный вес составил: в Тифлисском уезде – 25%, в Телавском – 26%, в Ахалцихском – 21%, в Кутаисском – 20,1%³⁰. В том же 1845 г. во всей Тифлисской губернии было собрано 1 957 544 четвертей всех хлебов (продано из всего сбора 186 967 четв., что составило 18%). Посевные площади под хлеба увеличивали не только помещики, но и крестьяне³¹.

К концу 50-х годов XIX в. общая численность войск Кавказской армии достигла 200 тысяч человек, что соответственно увеличило её потребности в продовольствии, превысив 0,5 млн. четвертей хлебопродуктов³². Недостающую часть продовольствия интендантское управление войск закупало в других районах Кавказского края или выписывало из России. В то же время войска по краю были рассредоточены неравномерно (большая их часть находилась на Северном Кавказе), а потому местных возможностей Закавказья к середине 40-х - 50-м годам вполне хватало, чтобы обеспечивать армейские нужды из собственных средств. В отчёте Кавказского наместника за 1846 г. сообщалось, что «местный урожай хлеба почти всегда оказывается достаточным для продовольствия войск, расположенных за Кавказом, без выписки хлеба из России»³³.

²⁹ Там же.

³⁰ Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.Д., Хоштария Э.В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. – Тбилиси, 1967. С.6-7.

³¹ Очерки истории Грузии. Т.V. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

³² Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. С.199.

³³ АКАК. Т.X. С.834.

В обозначенный период возрос спрос и на кукурузу, которая являлась «главным хлебным растением»³⁴ лишь в Кутаисской губернии, в Горийском уезде и Черномории. Кукуруза была двух видов – местная и американская. Излишки этого продукта, достигавшие трети урожая, вывозилась из Западной Грузии в Турцию и Европу³⁵.

Следует также отметить заметный рост производства товарного вина. Один только Телавский уезд в 1845 г. продал около 1 млн. ведер красного вина³⁶. Одновременно надо подчеркнуть, что в целом торговое виноделие долгое время в регионе было развито слабо. Только заинтересованность кавказской администрации в этом вопросе сдвинула дело к лучшему. К середине 50-х годов уже не только Телавский уезд продавал по 1,3 млн. ведер вина, но и Сигнахский предложил рынок свои 1,35 млн. ведер кахетинского вина³⁷.

Наместник, знавший толк в хорошем вине и имевший в Крыму отличные виноградники и винные заводы, в которых производились отличные сорта красных и белых вин выписанными из Франции и Венгрии виноделами³⁸, не мог не обратить своего внимания на эту традиционную для Закавказья, прежде всего, Грузии отрасль сельской промышленности. К тому же доверенное лицо князя доктор Андриевский убедил его, что сады Тифлиса – лучшая почва для разведения токайских лоз. Князь Воронцов же, который, по мнению Н.С. Лескова, всю свою жизнь стремившийся переделывать природу, отрядил в Токай адъютанта для выписки лучшего для этой работы виноградаря - Чешени³⁹.

Виноделие составляло важную отрасль сельского хозяйства в крае. Лучшие вина выделывали в Кахетии. Если красные вина не требовали улучшения, то для производства белых вин были выписаны «лучшие сорта винограда из Крыма»,

³⁴ Кавказ. Справочная книга... С.363.

³⁵ Бердзенишвили Н.А., Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

³⁶ Там же.

³⁷ Очерки истории Грузии. Т.V / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

³⁸ Письма С.В. Сафонова к князю М.С. Воронцову... С.327-333.

³⁹ Лесков Н.С. Заметки неизвестного. – М.: Изд-во «Правда», 1989. С.437.

которые затем были розданы местным виноградарям и виноделам в большом количестве⁴⁰.

Более других преуспели в производстве белых вин местные немецкие колонисты, которые разводили привезённый из Крыма сорт «мускат» и получали из него очень хорошее белое вино.

Из-за растущего спроса на кахетинское вино и увеличения его поставок в Россию, наместник, делая ставку в данном вопросе на частную инициативу, обратился в Министерство государственных имуществ и земледелия с просьбой о продаже некоторых казённых садов в частные руки, а также о заведении в Кизляре училища виноделия. Он рассчитывал с помощью графа П.Д. Киселёва «иметь возможность сделать много полезного по этой части»⁴¹.

С 40-х гг. XIX века в сельском хозяйстве Грузии получают распространению новые культуры – картофель, капуста, хлопок, табак, чай, марена. Табаководство становится одной из ведущих отраслей товарного земледелия. Стимулом производству служило не только само присутствие большого количества войск, но также большого числа чиновников и вообще нового для края населения. Спрос на технические культуры предъявляла имперская промышленность, повышая рентабельность тех хозяйств, которые откликнулись на запросы дня.

Большими возможностями в данном направлении развития сельского хозяйства обладали местные помещики. Они расширяли свои пахотные земли, закладывали обширные виноградники, плодовые сады и плантации доходных культур.

В России, где не было достаточных условий и мест для разведения табака и снабжения дешевым сырьем фабрик, были заинтересованы в заведении табачных плантаций за Кавказом. Уже ранее упоминаемые общества, основанные в Закавказье для поощрения развития сельского хозяйства, выписывали из-за границы семена лучших сортов табака и раздавали их

⁴⁰ АКАК. Т.Х. С.835.

⁴¹ Там же.

грузинским помещикам и крестьянам, способствуя тем самым улучшению табаководства в Грузии⁴².

Табаки выписывали из Америки – лучшие сорта табака – Виргинского, Мерилендского и Кентукского⁴³. Семена Пергамского и Магнезийского табаков были разосланы к Горийскому, Сигнахскому, Телавскому и Елисаветпольскому уездным начальникам, которые раздали их для посева в удобных местах известным им лицам⁴⁴.

В Тифлисской губернии табаководством стали заниматься более 1 600 человек, в Кутаисской губернии табаководством занимались более 1 000 человек. Исключительно с промышленной целью разводили табак в хозяйстве имеретинского помещика Чиджавадзе и в селении Хони. Для реализации табака в 1850 г. в Хони была учреждена «табачная марка». В Мегрелии эта отрасль достигла также большого размаха, и ежегодно продавалось от 15 до 20 тысяч пудов табака⁴⁵. Некоторые из помещиков выписывали из Турции мастеров для возделывания турецкого табака⁴⁶.

Распространение в Грузии этой отрасли сельского хозяйства доказывалось поучением от частных лиц многих просьб о выдаче им семян различных табаков. Лучшие сорта табаков давали семена из Албанского и Виргинского табака.

Из Виргинского табака делались очень хорошие по качеству сигары, которые не только потреблялись на месте, но частью отправлялись в иные местности и в Москву⁴⁷.

Князь М. Шарвашидзе из Абхазии сообщал наместнику, что семена американских сортов табака, как и табака Албанского, по его приказанию были засеяны «опытными и усердными здешними земледельцами в каждом из округов

⁴² Очерки истории Грузии. Т.V / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

⁴³ АКАК. Т.Х. С.159.

⁴⁴ АКАК. Т.Х. С.174.

⁴⁵ Очерки истории Грузии. Т.V /Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

⁴⁶ АКАК. Т.Х. С.867.

⁴⁷ АКАК. Т.Х. С.866.

Абхазии»⁴⁸. Несмотря на несовершенство обработки рассады, при недостатке земледельческих орудий и весьма ограниченных познаниях местных земледельцев, - всходы оказались вполне удовлетворительными. Сильная вегетация табачных кустов дала надежду, что со временем табачное производство превратиться в одну из главных отраслей рождающейся в регионе промышленности⁴⁹.

Успешно приживались посевы табачных семян в Эриванском уезде, дав изобильный урожай уже на первом году культивации (1846 г.). Опыт первого посева указал возможность разведения и здесь лучших сортов американского табака. Предстояло только найти достаточное количество людей, способных к усердной работе на данном поприще.

Все семена, поступавшие в распоряжение наместника, одновременно с раздачей их земледельцам высаживались в существовавших образцовых питомниках уже известных обществ. Там проводились опыты и разрабатывались рекомендации для успешного культивирования данной культуры с последующей передачей знаний непосредственным производителям.

Побуждаемый просьбами и энтузиазмом наместника, уверовавшего в табачное будущее Закавказского края, сам руководитель Министерства госимуществ П.Д. Киселев принимал активное участие в развитии табачного дела в Кавказском крае и присылал новые сорта табачных семян во все возрастающих пропорциях⁵⁰.

Полученные табаки, первоначально их образцы, отправлялись в Москву на табачные фабрики, где проходили проверку на пригодность к использованию в промышленном производстве.

В России в 40-50-х гг. XIX в. употреблялось 5 наиболее известных сортов табака. Ежегодно в связи с растущим его потреблением московскими промышленниками закупалось из-за границы все больше табачного сырья. Так в 1846 г было

⁴⁸ АКАК. Т.Х. С.161.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же. С.162.

закуплено в Америке 120 000 пудов на сумму более чем в 5 млн. руб. ассигнациями⁵¹. Поэтому развитие табаководства на Кавказе становилось весьма важным предприятием, способным принести большую пользу, как закавказским производителям, так и московским промышленникам.

Потребности армии и имперской промышленности вынуждали князя Воронцова начать эксперименты с посевами хлопчатника. По его просьбе Министерством государственных имуществ в сентябре 1845 г. для Закавказского края были присланы 28 фунтов семян хлопчатника, выписанные из Нью-Йорка. В марте 1846 г. на имя наместника были отправлены семена из Сицилии и машины для очистки семян хлопка. В ноябре того же года – семена из Египта и модель употребляемой там машины для очистки хлопка. В ноябре 1847 г. – машина из Вашингтона, усовершенствованная Карвелом, обошедшаяся казне в \$150 или 215 рублей серебром⁵².

В Грузии стали культивировать разведение хлопка - в основном в западных её районах – в Кутаисском, Шорапанском и Озургетском уездах. Часть урожая потреблялась на месте, часть вывозилась на имперский рынок. В 50-х гг. в Имеретии ежегодно в среднем производилось до 5 000 пудов хлопка⁵³.

Хлопчатник, полученный из Америки и Сицилии, был высажен преимущественно в Эриванском уезде, где эта отрасль к концу 40-х гг. уже приносила местным жителям значительные доходы⁵⁴. В Закавказском крае в общей сложности производилось от 100 до 200 тысяч пудов хлопчатника в год⁵⁵.

Не меньше обращалось внимания на разведение красящих и мануфактурных растений. Первый опыт разведения красящей гречки, из которой получали краску, был сделан одним частным лицом «из рвения к этому делу»⁵⁶, а для

⁵¹ АКАК. Т.Х. С.167.

⁵² АКАК. Т.Х. С.159.

⁵³ Очерки истории Грузии. Т.V / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

⁵⁴ АКАК. Т.Х. С.867.

⁵⁵ Там же. С.885.

⁵⁶ Там же.

изучения технологии приготовления этой краски в Индию посылали одного тифлисского жителя.

Кроме того, в 1850 г. на пособие от казны в Елисаветпольской губернии открылась школа для приготовления индиго по бенгальскому способу, доступная для всех желающих посвятить себя данному делу. Там обучались 8 мальчиков⁵⁷.

М.С. Воронцов выражал по этому поводу сдержанный оптимизм, сообщая в Петербург, что, хотя «до сей поры Закавказский край не производит индиго, но опыты сделаны и появилась надежда, что со временем Грузия будет поставлять свою долю в число 50 000 пудов, которую получает Россия из-за границы на сумму 2 500 000 рублей»⁵⁸.

Что касалось возделывания других красящих растений, то это, прежде всего, был шафран, который преимущественно культивировался в Бакинском, Ленкоранском и Дербентском уездах. Его получали там до 500 пудов, и, переработав традиционным местным способом, продавали в Персию по цене 80 рублей за пуд. В то время как переработка шафрана по европейской технологии повышала качество получаемого конечного продукта, продававшегося по 400 рублей за пуд. Чтобы привить европейский способ переработки шафрана в местной среде, основным плантаторам этого растения властями были розданы печатные наставления на «татарском» языке. Первый успех не заставил себя долго ждать: выделанный по новой технологии шафран был оценён московскими мануфактуристами в 350 рублей за пуд⁵⁹.

Возделывание марены к 50-м гг. уже совершенно было освоено в крае и составляло один из самых выгодных источников дохода местных производителей. В Россию стали вывозить от 120 до 140 тысяч пудов корней марены. Преимущественно это растение возделывалось в Дербентском, Кубинском, Бакинском, Елисаветпольском и Телавском уездах.

⁵⁷ Там же.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же.

В дикорастущем виде марена чаще всего встречалась в долинах Аракса, в Кахетии, Имеретии и Мингрелии. Корни марены привозились на московские рынки, где за них давали по 11 рублей за пуд⁶⁰.

Весьма важной отраслью закавказского сельского хозяйства было шелководство. Однако сама отрасль долгое время находилась на низком уровне развития из-за того, что «туземный шёлк не выдерживает конкуренции с европейским, не столько от качества, сколько от дурной размотки», а также из-за «дурной породы шелковичных червей»⁶¹.

Для перемены дела к лучшему на средства, находившиеся в ведении Кавказского наместника, было закуплено несколько мотовил, которые были переданы бесплатно всем желающим, преимущественно в Нухинском уезде, где шелководством занималось больше людей, чем в других местах.

Кроме того, по распоряжению наместника разрешено было принимать за счет казны в Нухинское училище шелководства всех желающих познакомиться с усовершенствованною размоткою шёлка. Часть жителей научились новой размотке и получили в качестве поощрения и привлекательного примера в награды. Опыт показал, что шёлк, размотанный на усовершенствованных машинах, имел 20%, 30% и более процентов ценности по сравнению с шелком местной размотки⁶².

В Царь-абадскую практическую школу шелководства на казенный счет, кроме воспитанников из казенных крестьян, обучавшихся там всем правилам рационального ведения шелководства, было приказано принимать ежегодно от 5 до 10 человек шелкомотальщиков из всех сословий. По окончании обучения выпускникам этой школы выдавалась в виде дара шелкомотальная машина и сверх того, назначались премии лучшим из них от 50 до 100 рублей⁶³.

⁶⁰ Там же.

⁶¹ АКАК. Т.Х. С.866.

⁶² Там же.

⁶³ Там же. С.886.

Стараниями М.С. Воронцова владелец Мингрелии князь Дадияни разрешил французскому подданному графу Размордюку в Зугдиди устроить образцовое заведение, которое сильно поспособствовало развитию шелководства⁶⁴.

По распоряжению все того же князя-наместника после первых успешных опытов с внедрением новых шелкомотальных машин, такие приспособления также были направлены и во все другие места культивирования данного производства. Как помещики, так и крестьяне могли бесплатно пользоваться шелкомотальными машинами Рабине, и разматывать свои коконы.

Кроме Нухинского уезда и Джаро-Белоканского округа, где шелководство всегда составляло значительный источник богатства местного населения, оно заметно распространялось в Имеретии, Мингрелии и Гурии. В Закавказском крае производилось от 25 000 до 30 000 пудов шелка-сырца, из которых до 20 000 пудов вывозилось за пределы края⁶⁵.

Имеретинские шелковичные коконы покупали и отправляли в Одессу и Москву для размотки по европейской технологии.

Ценный шелк получался из итальянских и китайских семян. Для распространения в крае этих сортов, они рассылались в разные места, а желающим приобретать их оказывалось всяческое содействие⁶⁶.

Для поощрения шелководов князь-наместник воспользовался случаем и утвержденным ещё в 1836 г. императором решением Государственного Совета, которым предоставлялось право главному начальнику Закавказского края отменять статьи сборов, «наиболее стеснительных для местной торговли и промышленности»⁶⁷ и отменил обычай взимать подати за шелк, продаваемый за пределы Кавказа.

Много усилий потратил М.С. Воронцов для сохранения лесов в Закавказском крае. По его распоряжению местные власти и специалисты исследовали леса и проводили межевание,

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же. С.886.

⁶⁶ Там же.

⁶⁷ Там же.

приступили к созданию лесничеств, постепенному введению правильного лесоводства, которого там никогда не знали. Для предотвращения хищнической эксплуатации лесов перешли от совершенной свободы их вырубке к повсеместному ограничению таковой, путем перевода лесных массивов в ведомство казны. Так в Боржомских лесах, поступивших в казну, провели особое межевание и съемку на план всех дач и назначен офицер корпуса лесничих для ведения правильной вырубке деревьев, за вывоз которых устанавливалась плата⁶⁸.

В Эриванском, а также в восточных уездах Закавказья важнейшим условием ведения продуктивного земледельческого хозяйства было орошение полей. По этой причине большого внимания заслуживало устройство водоносных каналов в тех «знойных местах»⁶⁹. Проводились исправления и расчистка каналов, устроенных в прежние годы, засорившихся от разлива рек, а также производились работы по подготовке к проведению большого канала из реки Арапчай на Талышскую и Сардар-абазскую равнины. Составлялись проекты возобновления древнейшего и обширнейшего канала когда-то существовавшего в Закавказском крае – Гяур-архского канала.

Наместник считал, что «приведение его в рабочее состояние было бы истинным благодеянием, и превратило бы огромные пространства бесплодных и ненаселенных земель – в самые плодородные...»⁷⁰. Но эта работа требовала чрезвычайных расходов. Средств, для которых в тот момент у наместника не нашлось.

Однако независимо от мер, предпринятых к сохранению существовавших и вновь устраиваемых водоводов, «по краю производились опыты бурения артезианских колодцев»⁷¹. Для этого назначен был чиновник, опытный в своем деле и со специальными знаниями. Из Луганского завода был выписан бурильный снаряд и собраны от всех начальников губерний сведения, «где таковые работы оказываются необходимыми из-

⁶⁸ Там же. С.887.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же.

за недостатка воды»⁷². В результате первых работ воду нашли в Муганской степи.

Имея в виду, что усовершенствование земледельческих орудий «есть первый и главный шаг ко всем хозяйственным улучшениям»⁷³, князь-наместник, желая способствовать этому процессу, распорядился выписать из Одессы наиболее прогрессивные на то время плуг Домбеля и английский двуконный плуг.

Чтобы определить достоинства и преимущества выписанных плугов по сравнению с плугами, используемыми туземцами и кавказскими колонистами, в феврале 1850 г. было проведено состязание с присуждением двух премий в 150 и 100 рублей для победителей, которые покажут наиболее производительную работу при меньшей движущей силе⁷⁴.

Состязание повторили в апреле 1851 г., в котором проверяли свойства улучшенного малороссийского плуга, улучшенного колонистского и донского казачьего плугов. Двум последним были присуждены премии Общества сельского хозяйства. Кроме того, были испытаны на практике и другие усовершенствованные машины, механические молотильни при стечении большого числа помещиков края, желая подтолкнуть сельскохозяйствующих производителей к внедрению в их хозяйства новой производительной техники. М.С. Воронцов лично принимал участие в данных мероприятиях, дабы придать этому процессу весомость и выказать государственную заинтересованность в прогрессивном развитии сельского хозяйства за Кавказом.

По распоряжению наместника «Закавказское общество развития сельского хозяйства» установило связи с аналогичными сельскохозяйственными обществами России и за границей, «для собирания и распространения общепольных до этой отрасли сведений»⁷⁵.

По просьбе князя-наместника министр финансов П.В. Вронченко командировал в Тифлис двух механиков,

⁷² Там же.

⁷³ Там же. С.884.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же.

окончивших курс в Петербургском технологическом институте, которые, по мнению наместника, «принесут несомненную пользу краю улучшением машин, сельскохозяйственных орудий, устройством мельниц и заводов»⁷⁶.

Для большего развития в Закавказье пчеловодства наместник ходатайствовал перед Министерством государственных имуществ о возможности посылать новых учеников в школу черниговского помещика Прокоповича с оплатой их обучения за счет средств, находившихся в его распоряжении, а также выписал из этой школы четырех опытных пчеловодов⁷⁷.

Уже в 1850 г. в Тифлисской губернии добывалось воска 890 пудов, в Кутаисской – 800 пудов, в Дербентской – 400 пудов и в Шемахинской - 66 пудов⁷⁸.

Не менее важной частью сельского хозяйства в Закавказье было скотоводство. Наиболее развитой его отраслью было овцеводство, которому способствовали местные природные условия и климат. В то же время М.С. Воронцов был весьма озадачен реальным положением дел в данной отрасли, поскольку было выяснено, что овцеводство, несмотря на благоприятные условия, не только не процветало, но было «почти ничтожно»⁷⁹.

Наместник не мог оставаться безучастным, имея опыт и пример улучшения овцеводства в Новороссийском крае, которые доказали огромную от этого выгоду местному населению. Кроме того, наместник сам был профессиональный и успешный овцевод, имея свои хозяйства в Крыму.

Почуя большой доход от овец, он хотел распространить свой опыт в Закавказье, помочь, прежде всего, здешним помещикам и всем другим заинтересованным хозяйственникам. Как предприниматель, наместник не мог примириться с тем, что благоприятные условия края не используются должным образом. По его мнению: «Овцеводство за Кавказом должно быть в самом цветущем положении и дать большое богатство.

⁷⁶ Там же. С.887.

⁷⁷ Там же. С.886.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ Там же. С.867.

Поля везде прекрасны, климат хороший, и во многих местах местная порода требует только некоторого улучшения»⁸⁰. М.С. Воронцов не сомневался в успехе задуманного дела, поскольку в крае «есть общее желание главных здешних жителей заняться этим полезным и прекрасным делом»⁸¹.

Для улучшения местных пород овец принимались разные меры. По его распоряжению близ Тифлиса была устроена опытная племенная овчарня из 100 овец и 5 баранов, которых он приказал привезти за Кавказ из своих крымских овчарен⁸². Часть овец и 3 барана были розданы помещикам и хорошим хозяевам.

По распоряжению наместника для разведения в крае тонкорунных овец породы пепиньер было создано племенное стадо численностью 288 голов, которых было предписано держать у хорошей воды, около соленого озера с заготовкою 1000 пудов сена⁸³.

В то же время наместник понимал, что нельзя получить желаемых результатов немедленно. Он работал на перспективу. Делясь своими мыслями по этому вопросу с С.В. Сафоновым, князь писал: «Конечно, для достижения больших результатов надобно время, и слишком торопиться действиями и расходами не должно. Я не могу надеяться на многие годы впереди, и мне бы хотелось, чтобы, по крайней мере, при мне было бы этому основание»⁸⁴.

Результаты пришли, и достаточно быстро возросла продуктивность и товарность животноводства: широкие размеры приняла торговля сыром, маслом, шерстью, сыромятной кожей. Так, например, в Кутаисской губернии в 1847 г. было продано 15 000 голов скота, в 1849 г. – 17 000, в 1850 г. – 19 000, в 1851 г. – 20 000, в 1852 г. – 23 000, в 1853 г. – 26 000⁸⁵.

⁸⁰ Письма М.С. Воронцова к С.В. Сафонову. – СПб., 1892. АКВ. Т.38. С.418.

⁸¹ Там же.

⁸² Там же. С.419.

⁸³ Там же.

⁸⁴ Там же. С.418.

⁸⁵ Очерки истории Грузии. Т.V / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989.

Для пропаганды достижений сельского хозяйства в крае наместником инициировались выставки, которые проводились под присмотром кавказской администрации и с разрешения императора. В Тифлисе, например, такая выставка проводилась в 1850 г. В течение 25 дней демонстрировалось 2167 экспонатов. Цель учреждения выставки состояла в том, чтобы «во -1-х, ознакомить жителей отдаленных мест Кавказа со всеми произведениями в крае, и, во - 2-х, доставить правительству возможность судить о качестве как первоначальных, так и искусственных произведений»⁸⁶.

Часть из демонстрировавшихся в Тифлисе предметов затем была отправлена на Московскую, Петербургскую и Лондонскую сельскохозяйственные выставки, где некоторые из них были отмечены медалями или похвальными листами.

Все перечисленные мероприятия и успехи демонстрировали не только возможность благотворных новаций и мирных перемен в жизни Закавказского края, но и отзывчивость на них местных жителей, а наместнику были наградой за труды, которые он с удовольствием демонстрировал имперскому центру.

Что касается районов равнинного Предкавказья, заселявшегося колонистами, то и тут для инициативы князя-наместника существовало широкое поле деятельности. «Это степное приволье поражало русского крестьянина-переселенца, который в родных краях всю жизнь мучился в тисках малоземелья», в то же время «надежда обрести в предкавказских степях легкую долю рушилась при первом же столкновении с действительностью»⁸⁷.

Переселенцам не хватало тяглового скота, орудий производства, отвечающих местным особенностям, и транспортных средств. Ко всему добавлялись трудности привыкания к новым местам обитания и то, что трудовые навыки и агротехнические приемы, выработанные прежним

⁸⁶ АКАК. Т.Х. С.887.

⁸⁷ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. С. 68.

опытом ведения хозяйства в иных природно-климатических условиях, не соответствовали условиям Предкавказья.

По данному поводу исследователи аграрного вопроса на Северном Кавказе отмечали, что неподходящими оказывались календарь полевых работ и многое другое, с чем сжился русский крестьянин в прежних местах, и от чего ему пришлось отвыкать в краях новых⁸⁸.

Природа Предкавказья иногда была безжалостна к новоселам. Случалось, что в мае месяце с восточного направления начинали дуть знойные сухие ветры, отнимавшие влагу у почвы и растений. Хлеба начинали гореть на корню. Суховеи могли дуть с такой силой, что поднимали тучи пыли и уносили верхний слой почвы на многие километры. В источниках имеются данные о сильной засухе, поразившей Предкавказье в 1848 г., когда местными поселенцами были «не возвращены даже семена, на посев употребленные»⁸⁹. Трудноизбывной напастью была саранча, опустошавшая посевы.

В то же время возможности для хлебопашества здесь были превосходные: тучные черноземы, нетронутая целина, теплый климат. Колонизация степного Предкавказья русскими и украинскими крестьянами привела к коренным переменам в экономике края, который в течение многих веков был населен кочевниками, не занимавшимися земледелием.

Распашка целинных земель год от года расширялась. Почвенно-климатические условия в долинах рек Кумы, Кубани, на значительной территории Ставропольского плато предоставляли земледельцам широкие возможности.

В 1845 г. крестьянами Ставропольского округа было собрано 401 865 четвертей озимого зерна и 687 603 четверти ярового. Казаками Кавказского линейного Войска было собрано соответственно 280 305 и 172 416 четвертей хлебов. «Магометанские» народы Кавказской области в тот период

⁸⁸ Фадеев А.В. Указ. соч. С.69; Бентковский И. Историко-статистические сведения о селе Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. – Ставрополь, 1869. С.43.

⁸⁹ РГИА. Ф.1268. Оп.3. Д.975. Л.22. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1848 г.

хлебопашеством занимались мало: озимого зерна совсем не сеяли, а ярового собрали только 7151 четверть⁹⁰.

Зерновое хозяйство было развито, главным образом, в западной части Кавказской области. Восточная ее часть страдала от засух, и тамошнее население специализировалась на разведении скота. В юго-восточной части сеяли лен на семя. Там было больше целинных земель, требовавшихся для масличного льна⁹¹.

Посевные площади под хлеба быстро росли и к 1849 г. достигли 1 060 000 десятин, а общее количество собранного хлеба доходило до 2 млн. четвертей⁹².

Как уже было отмечено, переселенцам в свою очередь пришлось пережить коренную ломку привычных подходов и навыка ведения земледельческого хозяйства. Непригодными для подъема целины оказались прежние орудия труда. Лошадей пришлось заменять волами, впрягая для поднятия целины по 3,4 и даже по 5 пар животных. Редкая семья имела такое количество скота в личной собственности, а потому стала распространяться «супруга» - объединение нескольких хозяйств для совместной вспашки земли. «Супруга» была распространена и у казаков, и в крестьянских селах⁹³.

Переселение в Предкавказье крестьян продолжалось. В 1845 г. их в области уже насчитывалось 162 549 душ обоего пола⁹⁴. По мнению С.А. Чекменева: «Государственные крестьяне различных категорий послужили основным колонизационным материалом в присоединенных районах Северного Кавказа, что имело в развитии производительных сил этого края огромное значение. Распашка бескрайних просторов богатых и плодородных земель, производство зерна, развитие животноводства, заведение садов, виноградников, основание многочисленных сел, содействие развитию северокавказских городов было делом напряженного труда государственных

⁹⁰ Очерки истории Ставропольского края. Т.1. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. С.149.

⁹¹ Очерки истории Ставропольского края...С.148.

⁹² Чекменев С.А. Переселенцы. – Пятигорск, 1994. С.164.

⁹³ Очерки истории Ставропольского края...С.147.

⁹⁴ Чекменев С.А. Указ. соч. С.75.

крестьян.<...>Это они максимально содействовали пробуждению дремлющих сил осваиваемого края и включили его в орбиту общероссийского государственного оборота»⁹⁵.

Однако наряду со зримыми успехами колонизация порождала многие издержки. Почти повсеместно переселенцы придерживались того или иного варианта рутинной залежной системы земледелия. Эта система преобладала и в 40-х гг. XIX столетия. В результате этого нерационального способа землепользования постепенно истощалось плодородие земли. Новопоселенцы не вносили удобрений в почву, быстро сводили леса, чем способствовали распространению эрозии почв.

По этому поводу следует отметить важное замечание американского исследователя Т.М. Баррета, что, например, селения Дубовка и Берестовок, названия которых говорят о лесистом характере местности, лишились скоро своих лесов, а многие районы, когда-то богатые лесом, кустарником и животным миром, быстро превратились в голые склоны, лощины, ущелья и покрылись сорняками. Такой же была ситуация вокруг сел Чернолесского и Круглолесского и многих других⁹⁶.

Не способствовало сохранению плодородия почв и одностороннее преобладание зернового доминирования в землепользовании. Сеяли в основном озимую и яровую пшеницу, ячмень, овес, рожь и просо⁹⁷. Кукуруза стала распространяться здесь лишь в 40-х гг. из Закавказья, часто с подачи и по настоянию властей. В то время под кукурузой на Ставрополье было всего 0,5% обрабатываемых земель⁹⁸.

Для стимулирования распространения этой культуры среди переселенцев по распоряжению наместника была разработана инструкция, которую снабдили рисунками, как

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Баррет Т.М. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – М., 2000. С.173.

⁹⁷ Фадеев А.В. Указ. соч. С.74.

⁹⁸ ГАКК. Ф.249. Д.1883. Л.336; Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. Т.XVI. Ч.1.– СПб., 1851. С.198. (в дальнейшем ВСОРИ).

наилучшим способом хранить початки и какие орудия производства необходимо использовать для обработки земли⁹⁹.

Одновременно на горских землях кукуруза стала культивироваться достаточно широко, давая урожаи – от сам-15 до сам-60¹⁰⁰. Проникновение кукурузы к горцам началось через черкесские земли Причерноморья, а затем через хребет Большого Кавказа в районы расселения осетин, кабардинцев, чеченцев и на земли дагестанских обществ¹⁰¹.

Как видно из данного описания дел перед Кавказским наместником вставало немало задач по преодолению негативных обстоятельств в развитии сельского хозяйства в регионе и для оказания посильной помощи поселенцам.

Нужды Кавказской армии и государства заставляли наместника обращать внимание на развитие зернового хозяйства в области, и всячески способствовать поселенцам в их усилиях поднимать целину. Посевы и получение хлебов в крестьянских хозяйствах ежегодно увеличивались, что можно увидеть из следующих данных¹⁰²:

годы	Посеяно четвертей	Снято четвертей
1844	285 542	1 431 663
1845	325 239	1 633 735
1848	357 347	377 960
1850	378 675	1 193 566
1852	382 117	1 020 475
1854	386 817	1 666 147

Зерновое хозяйство Ставрополя к середине XIX в. приобретало все более выраженную товарную ориентацию. По мнению С.А. Чекменева, это было вызвано ростом поставок хлеба в Кавказскую армию, растущими поставками в казачьи районы Черноморья и за границу¹⁰³.

⁹⁹ ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1316. Л.23-48.

¹⁰⁰ ВСОРИ. Т.XVI. Ч.1.С.195.

¹⁰¹ Чекменев С.А. Указ. соч. С.160.

¹⁰² Там же. С.165. ВСОРИ. Т.XVI. Ч.1.С.195.

¹⁰³ Там же.

Переселенцы перенесли на новые земли и свои способности к садоводству, которое стало важной частью их хозяйственной деятельности. Площадь фруктовых садов в сравнении с площадями, отведенными под пашню, соотносилась как 1:15¹⁰⁴. На этих землях было размещено 18130 садов из них чисто фруктовых – 500¹⁰⁵.

Садоводство получило наиболее выраженное развитие на Кубани, где навыки поселян соединились с давними традициями адыгского садоводства. Большое разнообразие фруктовых садов было в среде шапсугов, натухайцев и убыхов. Их сады располагались в селениях, приусадебных и полевых участках, летних пастбищах, кладбищах, у родников и вдоль дорог.

Оценивая садоводческие навыки адыгов, С.А. Чекменев писал: «Искусство прививки к дичкам культурных сортов достигло здесь большой тонкости <...> Уход за существующими садами и посадка новых считались у адыгов делом чести. Они хорошо знали особенности почв своей страны, и умело в соответствии с этим подбирали различные сорта деревьев и целых садов»¹⁰⁶.

Князь М.С. Воронцов поддержал усилия переселенческих садоводов и распорядился для развития и улучшения садоводческого дела основать в Екатеринодаре питомник, в котором насчитывалось 25 000 кустов виноградных лоз и 19 000 саженцев фруктовых деревьев, взятых из его крымских садов. Подобный питомник был также по распоряжению наместника устроен в Ставрополе, куда было доставлено значительное количество семян и саженцев лучших фруктовых деревьев¹⁰⁷.

В Ставрополе было устроено два сада: тутовый и Бабина роща, служившая для разведения фруктовых и других полезных растений. Здесь в 1850 г. был распланирован образцовый сад и

¹⁰⁴ Фадеев А.В. Указ. соч. С.74.

¹⁰⁵ Чекменев С.А. Указ. соч. С.179; ВСОРИ. Т.XVI. Ч.1.С.198.

¹⁰⁶ Чекменев С.А. Указ. соч. С.180.

¹⁰⁷ Там же.

питомник, где высадили 2 300 кустов виноградных лоз, «а из древесных семян возшло до 27 000 разного рода деревьев»¹⁰⁸.

Сады и питомники были устроены в Кизляре, Нальчике, в Пятигорске, Кисловодске, Ейске, где с успехом занимались разведением деревьев, выписанных из Крыма. Надо отметить, что сады в регионе Кавказских Минеральных вод помимо практической направленности – снабжения публики своими плодами, исполняли роль оздоровительную и эстетическую, способствующую душевному и телесному лечению страждущих.

С 1849 г. в Эссентуках было начато разведение сада и Нижнего парка, «служащего для прогулки публики в жаркое время»¹⁰⁹. В Кисловодск, который стал для князя-наместника «Вениамином Кавказских Минеральных вод»¹¹⁰, было приказано направить из Никитского и Тифлисского садов лучшие сорта растений и семена цветов.

Директор Никитского ботанического сада отправил на Кавказские Минеральные Воды привитые черенки разных фруктовых деревьев для разведения их в казенных садах. Под присмотром главного садовника Г. Шнеберга были привезены саженцы груши, персиков, яблонь, черешни, вишни и сливы. Кроме того, М.С. Воронцов приказал «в удобное для перевозки время выслать из садовых школ в Тифлисе примерно 200 диких каштанов на имя полковника Колодеева»¹¹¹. Из Риги «были выписаны от ученого садовника Карла Вагнера»¹¹² семена «тимофеевой» травы и клевера.

В Пятигорске сад и садовая школа могли «продовольствовать плодами и зеленью посетителей в продолжение целого лета»¹¹³. По мнению Я.Д. Верховца, жителям России любопытно было бы побывать в этом саду, где росли деревья и цветы, свойственные климату Кавказской

¹⁰⁸ АКАК. Т.Х. С.885.

¹⁰⁹ Верховец Я.Д. Садоводство и виноградарство в районе Кавказских минеральных вод 1825-1850 гг. – Пятигорск, 1911. С.66.

¹¹⁰ Там же. С.63.

¹¹¹ Там же. С.47-48.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же. С.49.

области, и увидеть белую и желтую акацию, «равняющуюся здесь высотой с дубами»¹¹⁴.

Осенью, перед отъездом из Пятигорска, все желающие могли послать по почте в местности своего проживания черенки понравившихся плодовых или декоративных растений из местного садового питомника.

Кроме этих образцовых питомников, сады приказано было устраивать во многих штаб-квартирах полков Кавказской армии и в укреплениях, чтобы укрепить в жителях «охоту и вкус к ведению улучшенного садоводства»¹¹⁵.

Из-за недостатка в крае садовников, наместник инициировал Высочайшее повеление от 11 июня 1849 г. о воспитании кавказских и закавказских уроженцев и выделении для них 5 вакансий в главном училище садоводства в Одессе. Ещё 25 человек готовили в садовники в иных местах: 5 – Бессарабском училище садоводства, 5 – в Никитском ботаническом саду, 5 – в Кизляре, 10 – в Нухе. На все расходы по садоводству ассигновалось ежегодно 10 316 руб. 12 коп.¹¹⁶.

Князь М.С. Воронцов поддержал проект статского советника А.Ф. Реброва «о мерах к развитию в Кавказской области виноделия, шелководства и вообще сельского хозяйства»¹¹⁷. Развитие виноделия шло своим естественным путем и не требовало со стороны правительства «больших пожертвований»¹¹⁸, только разумной налоговой политики.

Виноделие и связанное с ним виноградарство наиболее интенсивно развивалось в восточных районах Предкавказья, где мягкий климат, подходящие почвенные условия и наличие воды, а также стародавние традиции казачьего населения благоприятствовали данному виду деятельности.

Виноградная лоза, по мнению современного исследователя жизни терских казаков О.Б. Емельянова, «за

¹¹⁴ Там же.

¹¹⁵ АКАК. Т.Х. С.885.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ АКАК. Т.Х. С.701; ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1011. Л. 1-1об; Клычников А.Ю., Клычников Ю.Ю. Алексей Федорович Ребров: страницы биографии. – Пятигорск, 2011. С.7-8.

¹¹⁸ АКАК. Т.Х. С.701.

многие десятилетия ее культивирования стала для казачьего населения Терека не просто каким-то неодушевленным предметом, приносящим определенные блага, а чем-то большим, отчего зависело само существование многих семей»¹¹⁹.

Виноград в какой-то мере приобрел среди казаков значение хлеба, который «едят и стар, и млад, начинают им пироги, примешивают к различным кушаньям, все пьют вино – холодное и горячее как пищу»¹²⁰.

С приходом в край крестьян виноградарство и виноделие начинает распространяться за пределы Кизлярского уезда – в Моздокский и Пятигорский. Кроме того, немалое усердие в развитии виноградарства и виноделия выказывали местные помещики. Например, в 1848 г. в Пятигорском уезде насчитывалось 8 крупных помещичьих виноградников и 194 виноградника крестьянских. Наиболее крупными были виноградники Калантарова, получавшего до 4 500 ведер вина, А.Ф. Реброва – 2 547 ведер вина, Скаржинского – 1 760 ведер вина ежегодно¹²¹.

Виноградники и вино А.Ф. Реброва скоро приобрели немалую известность в крае, поскольку этот предприимчивый помещик стал первым из виноделов Предкавказья, который наладил производство шипучего вина, продававшегося под маркой «Ребровского полшампанского», имевшего достаточно высокую продажную цену – от 1руб. до 1,5 руб. за бутылку. Цена была действительно высока, так как обыкновенное местное вино продавалось по цене от 70 коп. до 1 руб. 30 коп. за ведро¹²².

¹¹⁹ Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. – Георгиевск - Новопавловск, 2007. С.13.

¹²⁰ Цит. по: Емельянов О.Б. Указ. соч. С.13; Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ, 1881. С.280.

¹²¹ Чекменев С.А. Указ. соч. С.187; ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.1389. Л.26-50. Описание земель Кавказской области, помещиками владеемым.

¹²² РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.887. Л.29. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1846 г.

В Ставропольской губернии насчитывалось около 9 800 садов, большинство из которых были смешанными фруктово-виноградными садами¹²³.

Особенно хорошие виноградные сады были в селах Петровском, Сандатовском и Пелагиаде, а крестьяне села Покойного, Прасковей и Новорождественского продавали фрукты в других селениях и вывозили в города¹²⁴.

Потому М.С. Воронцов не разделял мнения действительного статского советника Стевена о необходимости упразднения Кизлярского училища виноделия в связи с большими затратами на его содержание и малой отдачей. Наместник соглашался с тем, что «хотя правительство употребило на его содержание много издержек и, может быть, расходы совершенно не соответствуют последствиям, оно принесло пользу, доказав возможность выделки вина жителями лучше прежнего»¹²⁵.

Он лично в этом убедился во время инспекционной поездки по краю в 1846 года. Им было установлено, что вино местного производства не только не уступало кахетинскому, но «некоторые сорта лучше оно»¹²⁶.

По мнению наместника, училище виноделия, кроме выделки вина, «должно быть рассадником лучших по свойственным климату сортов винограда и фруктовых деревьев, для раздачи оных безденежно желающим»¹²⁷.

Что касалось шелководства в Предкавказье, то к середине XIX века оно сделало заметный шаг в своем развитии, прежде всего, основываясь на частной инициативе, в том числе известного помещика-рационализатора А.Ф. Реброва¹²⁸.

Ежегодно этот помещик продавал из своего хозяйства по 2-3 пуда шелка, а в 1846 г. ему удалось произвести более 4-х

¹²³ РГИА. Ф.1268. Оп.3. Д.975. Л.22. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1848 г.

¹²⁴ Чекменев С.А. Указ. соч. С.187.

¹²⁵ АКАК. Т.Х. С.701.

¹²⁶ Там же.

¹²⁷ Там же.

¹²⁸ Клычников А.Ю., Клычников Ю.Ю. Указ. соч. С.9-13; ГАСК.Ф.444. Оп.1. Д.2411. Л.1-6.

пудов шелка¹²⁹. Продажная цена шелка такого качества, которое предъявлял А.Ф. Ребров, у московских фабрикантов составляла от 400 до 450 рублей¹³⁰.

Разведением тутовых садов занимались также казаки Кавказского линейного и Черноморского казачьего войск, но их успехи в этом деле были весьма скромными, так как разведение тутовых садов и обработка коконов «представляли собой весьма трудоемкие процессы и требовали работников, обладавших определенной квалификацией и производственной инициативой»¹³¹. Таких работников трудно было найти в среде казаков, чье основное занятие находилось в иной сфере деятельности.

В целях содействия шелководству и распространению его среди населения в 1848 г. в Ставрополе была открыта казенная практическая школа. Однако казенные меры по распространению шелководства среди населения были малопродуктивны. Данный вид деятельности не входил в традицию переселенцев и прививался крайне туго, а меры административного порядка приносили весьма сомнительные результаты.

Князь М.С. Воронцов сносился по этому поводу с Министерством государственных имуществ и земледелия, подчеркивая «неудобство обязать каждый двор садить по 10 шелковичных деревьев», поскольку «меру эту почти невозможно привести в исполнение, не говоря уже о других причинах»¹³².

Кавказский наместник убеждал Петербург, что данная отрасль промышленности должна распространяться в крае «без всяких усиленных мер»¹³³. Лучшим средством для этого могла бы стать бесплатная раздача тутовых деревьев желающим и потом назначение премий и наград. По мнению наместника: «Этим средством, без всякого принуждения и без всякого

¹²⁹ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.887. Л.29 об. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1846 г.

¹³⁰ Фадеев А.В. Указ. соч. С.45.

¹³¹ Там же. С.46.

¹³² АКАК. Т.Х. С.702.

¹³³ Там же.

стеснения, можно будет, хотя и медленно, но верно, распространить в область эту богатую отрасль сельского хозяйства»¹³⁴.

Другой немаловажной заботой наместника было реализация решения правительства по внедрению в быт и хозяйство жителей края картофеля. Картофель, как культуру, способную заменить хлеб в голодные неурожайные годы, стали постепенно внедрять в Предкавказье в 40-е гг. XIX столетия¹³⁵. Все его предместники на данном посту также немало прилагали усилий в данном деле, но едва ли преуспели, уповая на принудительность, в том числе, военных мер. Как отмечал С.А. Чекменев, «посевы картофеля из-за крайне низкой культуры обработки полей не давали почти никаких результатов»¹³⁶.

М.С. Воронцов нисколько не сомневался в полезности культивирования картофеля, но подошел к делу иначе. Он делал ставку на добровольность и заинтересованность, предлагая стимулы поощрительные (награды) вместо единственно мер полицейских и бюрократических.

В 1845 г. в Ставропольском уезде было посеяно 2 651, а собрано 7 072 четверти картофеля¹³⁷. По данным за 1848 г. сообщалось, что «разведением картофеля, хотя некоторые жители и занимаются, но, вероятно по недостатку сведений и средств к удобрению земли, которая в здешнем крае оказывается для сего неудобною без особенного удобрения, успехи в распространении сего полезного продукта весьма слабы»¹³⁸.

Посевов картофеля в западных районах Предкавказья было больше, чем в центральных или восточных районах. Уже в 1847 г. в Черноморском казачьем войске посев картофеля составлял «постоянную потребность для жителей войска», дав урожай до 14 143 четвертей¹³⁹.

¹³⁴ Там же.

¹³⁵ ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.604. Л.608-609.

¹³⁶ Чекменев С.А. Указ. соч. С.182.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ РГИА. Ф.1268. Оп.3. Д.975. Л.22. Отчет о состоянии Ставропольской губернии за 1848 г.

¹³⁹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1833. Л.336; Чекменев С.А. Указ. соч. С.182.

Распространение картофеля было очень медленным и представляло общее правило и не только на российской имперской периферии, не только в России вообще, но и во всем мире. Как сообщал Ф. Бродель: «Появление нового растения на Иберийском полуострове не имело немедленных последствий»¹⁴⁰.

В целом по Европе, которая познакомилась с картофелем в 1539 г., эта культура «выиграла партию лишь в конце XVIII в., а то и в XIX в.»¹⁴¹. И далее Ф.Бродель утверждал, что «по существу, повсюду, где распространялась культура картофеля (предлагая этот клубень вместо хлеба), возникало сопротивление»¹⁴².

В связи с этим не приходится удивляться тем усилиям, которые пришлось прилагать российской администрации в Кавказском крае.

Обо всех своих начинаниях М.С. Воронцов сообщал в Петербург, чтобы те или иные его мероприятия не были неожиданной или неприятной новостью для высших властей империи. Может быть, в этом и заключалась доля того удивительного для стороннего наблюдателя везения и успешности большинства начинаний Воронцова.

По свидетельству князя А.М. Дондукова – Корсакова: «Князь Михаил Семенович имел привычку почти с каждой экстрэ - почтой отправлять частные письма Военному министру или другим, разъясняя или настаивая на делах, имеющих в глазах его особое значение. В письмах этих, обыкновенно представляемых Военным министром Государю Императору, высказывалось много того, что не могло быть высказано, а иногда и терпимо в официальной переписке. Князь с удивительной ловкостью и осторожностью в этих дипломатических приемах умел проводить свои мысли и требования»¹⁴³.

¹⁴⁰ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, V-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное/ 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Весь мир, 2006. С.138.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Там же. С.139.

¹⁴³ Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова. Указ. соч. С.120.

В первой половине XIX в. Предкавказье сделалось районом достаточно развитого экстенсивного скотоводства и коневодства. Большие пространства целинных земель, сравнительно мягкий климат давали возможность содержать скот почти весь год под открытым небом.

Развитию скотоводства в Предкавказье «способствовало, прежде всего, то, что оно существовало здесь непрерывно на протяжении многих веков, составляя главное занятие кочевников-ногайцев и тех кавказских горцев, которые обитали в предгорьях, но в мирные годы пользовались зимними пастбищами на правобережье Кубани и особенно в прикумских и прикаспийских степях»¹⁴⁴.

Несмотря на существенное отличие скотоводческого дела у кочевых ногайцев и горских народов, русские и украинские переселенцы «застали в Предкавказье и давно выведенные местные породы скота <...> и проверенные вековой практикой, испытанные методы выращивания скота и ухода за ним»¹⁴⁵.

Переселенцы, хотя и не кочевали со своими стадами, как ногайцы, но также как и те, не занимались заготовкой кормов для скота и содержали его в степи на подножном корме, перегоняя его с места на место. Как правило, теплые зимы позволяли мало заботиться о сенокосах или строительстве помещений для содержания скота в зимнюю пору.

Данный тип скотоводства был типичным для степных районов и сохранялся почти, не меняясь в течение всей первой половины XIX столетия. Показателем развития этой отрасли было не повышение продуктивности и не селекционная работа, а простое увеличение поголовья.

Селекция, если и была, то большей частью стихийной. Например, украинские переселенцы пригнали с собой при переселении крупных животных серой украинской породы, которые скоро скрестились с местными кавказскими породами, что привело к созданию новых пород, «наиболее

¹⁴⁴ Фадеев А.В. Указ. соч. С.77.

¹⁴⁵ Там же.

приспособленных к местным условиям, неприхотливых и более продуктивных»¹⁴⁶.

Справедливости ради следует все же сказать, что иногда случались холодные зимы, с морозами и глубокими снегами, что оборачивалось совершенной трагедией для скота и скотоводов, например, как то было в Прикумских степях 1845 г.¹⁴⁷.

Как свидетельствовал А.Ф. Ребров «скот рогатый довольствовался полусгнившею давнею соломою или в камышах осокою, а у калмыков сырою корою, обдираемою с срубаемых дерев. Нельзя теперь сделать счета, даже приблизительно, сколько в зиму сию погибнет скота у хозяев и у кочевых народов. До сих пор у меня из табуна конного, свыше 1000 голов бывшего, убыло более 600 голов»¹⁴⁸. У туркмен и ногайцев пало в том году более 70 000 овец и 20 000 рогатого скота¹⁴⁹.

Местные помещики охотно использовали принадлежавшие им земли как пастбища для скота, хотя, как и все остальные «не утруждали себя заботами о повышении его продуктивности. Как правило, их не интересовали ни организация племенного дела, ни создание прочной кормовой базы (кроме некоторых, например, А.Ф. Реброва - С.Л.) <...> Даже такая распространенная в то время на Юге отрасль животноводства, как разведение тонкорунных овец, не получила особого развития в помещичьих имениях»¹⁵⁰.

В Кавказской области в 1846 г. насчитывалось 24 219 меринсовых овец, что составляло менее 0,5% от общего их количества¹⁵¹. На каждый же крестьянский или казачий двор к середине XIX столетия приходилось в среднем следующее количество скота¹⁵²:

¹⁴⁶ Очерки истории Ставропольского края... С.150.

¹⁴⁷ Там же. С.78; Ребров А.Ф. Зима 1844-1845 гг. на степях при-Кумских на Кавказе // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – 1845. №3. С.290.

¹⁴⁸ Ребров А.Ф. Указ. соч. С.291; Фадеев Ф.В. Указ. соч. С.78.

¹⁴⁹ Очерки истории Ставропольского края...С.151.

¹⁵⁰ Фадеев Ф.В. Указ. соч. С.42.

¹⁵¹ Чекменев С.А. Указ. соч. С.171.

¹⁵² Там же. С.172.

местность	крупнорогатый скот	лошади	овцы
Ставропольская губерния	8,6	1,8	20,0
Кавказское линейное войско	6,0	2,0	15,7
Черноморское войско	8,0	1,9	13,0

Внимание помещиков Предкавказья было в большей степени сосредоточено на развитии коневодства. Эта отрасль была более прибыльной, поскольку наблюдался высокий спрос на лошадей со стороны армейских ремонтеров, закупавших коней для нужд Кавказской армии.

Наиболее известными коннозаводчиками были все тот же А.Ф. Ребров, Скаржинский, Шан-Гирей. У Реброва выпасалось свыше 900 лошадей, а у Скаржинского – 338¹⁵³. Кроме того, Ребров имел 600 голов рогатого скота и 1000 овец, в том числе 200 тонкорунных¹⁵⁴.

Не отставали от помещиков и богатые крестьяне, которые также устраивали конные заводы, бывшие по тому времени довольно значительными по размерам. По мнению С.А. Чекменева, лучшие из крестьянских конных заводов находились в Ставропольском округе – в селе Медвежьем, у крестьянина Ник. Пашкова; в селе Летницком, у Вас. Жукова; в Пятигорском округе – в селе Александровском, у Марка Карапнина¹⁵⁵. Всего к 50-м гг. XIX в. в Предкавказье насчитывалось у крестьян, казаков, помещиков и офицеров коней различных пород (венгерской, английской, кабардинской) до 170 000 голов¹⁵⁶. Из них в Черномории насчитывалось около 51 000 голов лошадей¹⁵⁷.

¹⁵³ ГАСК. Ф.298. Оп.1. Д.1389. Л.26.

¹⁵⁴ ГАСК.Ф.298. Оп.1. Д.1389. Л.26 об.

¹⁵⁵ Чекменев С.А. Указ. соч. С.173.

¹⁵⁶ Там же. С.176.

¹⁵⁷ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.1764. Л.375.

Устройство конных заводов, помимо всего прочего, было хлопотным и весьма недешевым делом. Опыт к тому же показал, что «трудно и почти невозможно, чтобы заводы шли успешно в казенных руках»¹⁵⁸. Потому, надеясь на частную инициативу и для её поощрения, князь М.С. Воронцов на первый раз учредил ежегодные конские скачки в главных городах края, «на призы, назначенные от правительства»¹⁵⁹.

Опытный администратор не ошибся в выборе средств, поскольку это учреждение, «столь сообразное с привычкою здешнего народа, возбуждает общий интерес»¹⁶⁰. Конские скачки стали проводиться в Тифлисе, Шемахе и Ставрополе.

Для поддержания скотоводческой отрасли на должном уровне в целом и для укрепления жизнестойкости животных и отвращения от них различных заболеваний (животные погибали не только от непогоды, но и от эпизоотий, овцы – от оспы, а рогатый скот – от чумы) в ряде сел властями были предприняты попытки создавать ветеринарные пункты и провести первые опыты вакцинации скота, хотя и не в достаточном для существовавших нужд объёме¹⁶¹.

Скотоводство и коневодство в переселенческой среде быстро приняло товарный характер. Большое количество скота вывозилось для продажи не только на местные ярмарки, но и далеко за пределы Предкавказья.

Заселение и хозяйственное освоение степного Предкавказья русским населением привело к постепенному становлению и развитию хозяйственных связей с горскими и кочевыми народами¹⁶².

У жителей ставропольских степей «наиболее тесные связи складывались с ногайцами и другими степняками, у кубанских казаков и крестьян южной части края – с черкесами,

¹⁵⁸ АКАК. Т.Х. С.177.

¹⁵⁹ АКАК. Т.Х. С.836.

¹⁶⁰ АКАК. Т.Х. С.867.

¹⁶¹ Триус Л.И., Зюзин В.В. Исторический опыт развития связей в сфере экономики, культуры и быта между горцами Северного Кавказа, казаками и российскими переселенцами (конец XVIII – XIX вв.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. С.106-107.

¹⁶² Триус Л.И., Зюзин В.В. Указ. соч. С.89-126.

абазинами, карачаевцами, кабардинцами»¹⁶³. Например, ногайцы стали помогать русским крестьянам в перевозке грузов – продовольствия, леса, казенной почты, «в уборке хлеба и сенокошении»¹⁶⁴.

Наиболее тесные связи с кочевниками поддерживали крестьяне сел Новоманычского, Новоегорлыкского, Летницкого, Сандатовского, которые большей частью специализировались на разведении овец и другого скота, занятиям, свойственным местным народам.

Крестьяне сел Екатерининского и Шаблинского из-за нехватки сенокосных мест часто арендовали земли для выпаса скота и сенокошения у калмыков¹⁶⁵. Сенокошением на арендованных калмыцких землях занимались крестьяне сел Привольного, Ивановского, Николаевского. Арендная плата взималась в зависимости от накошенного сена, в среднем по 3,5 рубля за стог¹⁶⁶.

На арендованных землях выпасалось почти половина крестьянского скота. Русские крестьяне прибегали к аренде не столько из-за нехватки собственной земли, сколько потому, что арендные цены у кочевников были значительно ниже, чем у казаков, и потому, что на целинных землях урожаи были значительно выше¹⁶⁷.

Связи с русским крестьянством вели к переменам в образе жизни и хозяйственных традициях степных народов, хотя бы значительной части из них. Например, к 40-м гг. XIX в. все больше калаусо-саблинских и калаусо-джембойлуковских ногайцев переходили к оседлости и осваивали земледелие. Из 12 317 ногайских семей 3 276 семей перестали кочевать¹⁶⁸.

¹⁶³ Очерки истории Ставропольского края...С.156.

¹⁶⁴ Невская Т.А. Связи русского населения Ставрополя с ногайцами и другими кочевыми народами в XIX в. История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. – Ставрополь, 1980. С.81.

¹⁶⁵ Очерки истории Ставропольского края...С.157; Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып.2. отд.1. – Ставрополь, 1869. С.45.

¹⁶⁶ Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып.2. отд.1. – Ставрополь, 1869. С.75.

¹⁶⁷ Очерки истории Ставропольского края...С.158; Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып.3. отд.1. – Ставрополь, 1868. С.78.

¹⁶⁸ ГАСК. Ф.79. Оп.2. Д.537. Л.95.

К середине XIX в. оседлый образ жизни и занятие земледелием уже охватывало до 30% ногайцев, которые наряду с яровыми хлебами стали сеять и озимые¹⁶⁹. Свидетель тех процессов сообщал, что ногайцы «начали сеять пшеницу, ячмень и овес и, собирая то в значительном количестве, производят на продажу по городам»¹⁷⁰.

У народов, живших на территории Карачая и Черкесии, хозяйственные перемены были связаны с освоением новых культур и посевами озимых хлебов. От переселенцев горцы переняли культивирование гречихи, ржи и подсолнечника, а затем картофеля, который вызревал на таких высотах, которые не были доступны для иных культур.

У адыгов, о чем ранее уже упоминалось, на высокой ступени развития находилось садоводство. Можно сказать, что эта отрасль хозяйствования у них была традиционной, особенно характерной для ущелий Хосты, Кудепсы, Аше, верховий Шахэ и урочища Гостагакей¹⁷¹. В садах адыгов в изобилии выращивались яблоки, груши, сливы, персики и другие фрукты.

Кроме того, в Закубанье к 1849 г. насчитывалось до 355 000 голов разного скота. Лошадей в этом числе было до 35 000, крупнорогатого скота - 60 000 голов и овец – 260 000 голов, а на всей территории, населенной адыгскими народами к концу 1850-х гг. имелось от 100 000 до 120 000 лошадей, до 500 000 овец и 180 000 коз¹⁷².

На территории Кабарды русские и украинские переселенцы основали станицы и села: Екатериноградскую, Пришибскую, Прохладную, Приближное, Солдатское, поселение Котляревское, Александровское, крепости и города Моздок, Нальчик и др.¹⁷³.

¹⁶⁹ Очерки истории Ставропольского края... С.159.

¹⁷⁰ ГАСК. Ф. 249. Оп.3. Д.1. Л.6.

¹⁷¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. С.61-62..

¹⁷² АКАК. – Тифлис, 1904. Т.ХII. С.849-850; Кавказский календарь на 1857 г. – Тифлис, 1858. С.334, 345-350.

¹⁷³ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С.18-35.

Кабардинцы покупали или получали в подарок семена для посевов большей частью у русских крестьян. Как пишут Л.И. Триус и В.В. Зюзин, «использование кабардинцами больших плугов <...> увеличение хлебопашества, усовершенствование обработки земли <...> было также результатом сближения с российскими переселенцами»¹⁷⁴.

Кабардинцы также были искусными садоводами, как и все другие адыги. К концу 40-х гг. XIX столетия в Кабарде насчитывалось несколько десятков крупных садов¹⁷⁵.

Кроме того, Кабарда славилась своими конями. К середине XIX века там имелось 192 конных завода, наиболее известными из них были заводы П.Коголкина, Б. Абезиванова, М. Аджиева, А. Атажукина¹⁷⁶. Коневодство приносило большую прибыль коннозаводчикам, «поскольку лошадь с клеймом кабардинских коннозаводчиков пользовалась большой популярностью не только на Кавказе, но и в России и даже за рубежом»¹⁷⁷.

Горцы тщательно следили за чистотой породы. Почти каждая лошадь имела тавро, «свидетельствовавшее о её происхождении из определенного табуна»¹⁷⁸. Таких лошадей выводили конные заводы Касаева (600 голов), Куденетова (500 голов), Атажукина, Нечева, Лоова и Храмова¹⁷⁹.

Что касалось развития сельского хозяйства в районах проживания местных народов Северного Кавказа, которые граничили с русскими поселениями по Тереку, то следует сказать, что сельское хозяйство было традиционным их занятием. Природно-климатические условия «привели к своеобразному разделению труда: на равнине преимущественно было развито земледелие, а в горах - скотоводство»¹⁸⁰.

¹⁷⁴ Триус Л.И., Зюзин В.В. Указ. соч. С.98.

¹⁷⁵ Там же. С.62.

¹⁷⁶ История народов Северного Кавказа... С.66.

¹⁷⁷ Там же.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ Там же.

¹⁸⁰ История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1,- История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. / Руководитель издания М.М. Ибрагимов. – Грозный, 2008. С.394.

Ведущей отраслью хозяйства чеченцев по Тереку, Сунже и Аргуну было земледелие. Климат в данном районе был благоприятным для всего там посеянного, которое там скоро созревало. Потому Чечня считалась «житницей горцев»¹⁸¹.

Проживавшие на равнине так называемые «мирные горцы», те, кто признавали над собой власть имперской администрации, активно сотрудничали с русскими поселенцами и перенимали у них передовой агротехнический опыт. По этому поводу интересным можно признать мнение У. Лаудаева, который отмечал, что «основав на плоскости аулы, чеченцы тотчас воспользовались выгодами, которые могли извлечь из своей земли, подражая русским, они заменяют горные сохи плугами, производят правильное хлебопашество и по этой отрасли превосходят прочие племена окружающих стран»¹⁸².

Из всех культур здесь первенствовала кукуруза. Исследователи жизни чеченцев сообщали, что «зерном она дает огромный урожай, и стебли ее превышают человеческий рост»¹⁸³. Избыток зерна чеченцы продавали в соседний высокогорный и каменистый Дагестан¹⁸⁴.

В 40-50-е гг. XIX столетия в связи с развивавшимся наступлением Кавказской армии на районы, населявшиеся так называемыми «немирными горцами», последние, чтобы снизить негативный эффект от уничтожения русскими их хлебных полей, стали располагать их на небольших участках, расчищенных в глубине лесов, перейдя от культивирования пшеницы и проса к возделыванию кукурузы. Кукуруза давала с небольших участков большие урожаи и обеспечивала людей необходимым продуктом, а скот прокормом¹⁸⁵.

Важное место в хозяйствах плоскостных чеченцев занимало садоводство. В хороших садах выращивалось много

¹⁸¹ Там же.

¹⁸² Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.4. – Тифлис, 1873. С.22.

¹⁸³ Там же.

¹⁸⁴ РГВИА. Ф.482. Д.192. Л.164 об; Эсадзе С.С. Штурм Гуниба и пленение Шамиля. – Тифлис, 1909. С.21.

¹⁸⁵ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. С.90.

яблок, груш, сливы, вишни, персики, айва, которые в большом количестве в свежем и сушеном виде вывозились на продажу в казачьи станицы, Моздок и Кизляр¹⁸⁶.

В горных районах (Ичкерия) из-за нехватки земли земледелие было развито слабее, чем на равнине и требовало больших трудовых усилий. Здесь господствовало разведение овец. В данном случае можно сослаться на свидетельство А.И. Ахвердова, который подчеркивал, что «главное богатство чеченцев состоит в овечьих стадах»¹⁸⁷. Чеченцы также занимались коневодством, сбывая часть конского поголовья в Дагестан и казачьи станицы¹⁸⁸.

У народов Дагестана земледелие и скотоводство также оставались основными хозяйственными занятиями, хотя в ситуации разнородных природно-географических зон, из которых состоит Дагестан, степень их развития была различной.

Плоскостная часть сосредоточивалась на производстве зерна, а верхнее предгорье и горная часть – на животноводстве¹⁸⁹. Повсеместно было развито садоводство, «в особенности в предгорье и в горно-долинной зоне, где выращивали абрикосы, груши, яблоки, персики, айву, вишню, черешню, сливы»¹⁹⁰.

Большое количество садов находилось по берегам Андийского, Аварского и Казикумухского Койсу. «Горные ущелья представляли собой естественные парники, превращенные трудом горцев в сады»¹⁹¹.

В районе Дербента, по инициативе наместника, были посажены новые сады, составленные из саженцев фруктовых деревьев, выписанных им из его крымских садов. Там же стали культивировать новую для Кавказа культуру - мушмулу. Для

¹⁸⁶ История Чечни с древнейших времен...С.395.

¹⁸⁷ Ахвердов А.И. Описание Дагестана// История, география и этнография Дагестана. – М., 1958. С.227.

¹⁸⁸ История Чечни с древнейших времен...С.396.

¹⁸⁹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Институт истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2009. С.107.

¹⁹⁰ Там же. С.108.

¹⁹¹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.)...С.62.

обучения всех желающих умению управляться с данным растением наместником был выписан садовник из Венгрии. Так усилиями властей к исходу 1851 г. вокруг Дербента появилось около 1 500 садов¹⁹².

Особенностью горного скотоводства было то, что оно имело отгонный характер, «что было связано с нехваткой постоянной кормовой базы, в особенности в зимний период из-за чего овец зимой перегоняли на летние пастбища»¹⁹³.

Участие российских властей в хозяйственной жизни горцев было по большей части косвенным, и состояло, главным образом, в создании благоприятных условий тем, кто перешел к сотрудничеству с российской стороной. Уполномоченные представители имперских властей поощряли «мирных горцев» к мирным и прибыльным занятиям, тем или иным образом способствуя росту их благосостояния, чтобы предьявить получаемые выгоды в качестве козырей и примеров тем, кто продолжал упорствовать и отказывался от сотрудничества с российской стороной, предпочитая оставаться на стороне имамата.

Все действия Кавказского наместника определялась не только пониманием практических нужд и необходимых усилий его собственных, но также из общих имперских целей, когда многие из высших начертаний приводились в исполнение, и «постепенно становятся ощутительнее благотворные их плоды»¹⁹⁴.

Сущность и смысл влияния его на хозяйственное поприще в крае наиболее выпукло определялось и обосновывалось в отчетах князя-наместника в Петербург.

В них он сообщал императору, что «продолжая следовать по стезе, Вами указанной, все посильные труды мои стремились к одной цели, чтобы <...> развитием обильных, но ещё мало известных источников благосостояния, повсюду рассеянных в крае, обширном и наделенном самыми разнообразными дарами природы, вознаградить коренное

¹⁹² Там же.

¹⁹³ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией...С.108.

¹⁹⁴ АКАК. Т.Х. С.867.

отечество за полувековые пожертвования на устройство края и в особенности более и более утверждать в сердцах жителей не только единоверных нам, <...> но и других племен здешних, чувство признательности и любви к общему нашему отечеству и лично к Вам, Всемилостивейший Государь. <...> Чтобы с улучшениями по части военной шло рука об руку и преобразование гражданственности и <...> постепенно совершается слитие разноплеменных обитателей Кавказа и вкореняется в них вера, что они все дети одной общей матери России, равно пекущейся о благе всех своих чад»¹⁹⁵.

Оценивая степень влияния и участия Кавказского наместника в системе аграрного развития Кавказского края, следует отметить, что его деятельность носила активный характер, тщательно планировалась и учитывала местные особенности. Для каждой социальной группы или этнического сообщества избирались соответствовавшие их духу и традициям меры.

В разных частях Кавказского края наместник использовал определенный набор средств, способствовавший наилучшему раскрытию имевшегося там экономического и социального потенциала.

Традиционная аграрная направленность системы хозяйствования в Кавказском крае определяла экономическую целесообразность и первостепенность сосредоточения именно в этой сфере экономической жизни основных усилий князя-наместника, поскольку именно там созидался фундамент благополучия местных жителей.

Новацией для управления экономическими процессами в крае было то, что князь М.С. Воронцов старался мерами постепенной модернизации и вовлечения в кавказские дела опытных и знающих людей из России придать необходимые импульсы всем сторонам хозяйственного развития.

С легкой руки наместника в Закавказье произошел подъем развития не только традиционных для региона культур, но и стали возделываться новые культуры, такие как индиго, табак, картофель, шафран, марена, хлопок.

¹⁹⁵ АКАК. Т.Х. С.875.

Проявляя большую заинтересованность в развитии определенных отраслей сельскохозяйственного производства и культивирования тех или иных культур, наместник, в то же время, стремился избегать чрезмерного административного регулирования, поощряя частную инициативу, как наиболее продуктивную и привлекательную форму деятельности, нацеленную на получение желаемого результата.

В основу любой деятельности князь М.С. Воронцов ставил побуждение к выгоде, которая была главнейшей пружиной всякой предприимчивости, в которой он видел главнейшее условие развития при существовавшем дефиците казенных средств.

Склонность наместника к поощрению предприимчивых людей объяснялась также тем, что он сам был предприниматель и зачинщик всего нового и экономически выгодного в хозяйственных начинаниях.

Стимулирование частной инициативы в развитии сельского хозяйства способствовало укреплению товарно-денежной ориентации отрасли, а вместе с тем росту благосостояния и зажиточности всех участников данного процесса, например, в Грузии, косвенным выражением чего стал рост численности местного населения.

Благодаря усилиям князя-наместника в Кавказском крае увеличивались не только общие объемы производства сельскохозяйственной продукции, но и постоянно расширялась её номенклатура. В эти процессы стали активно вовлекаться все социальные слои, хотя и в разной степени, но в растущей тенденции.

Влияние князя Воронцова на развитие сельского хозяйства в районах расселения горских обществ было опосредованным, так как активному продвижению новаций имперской экономики препятствовало сохранявшееся вооруженное противоборство между сторонами. Однако общий характер перемен, происходивших в экономической жизни Кавказского края, постепенно становился привлекательным и для горцев.

1.2. Влияние М.С. Воронцова на становление промышленности в кавказском регионе

Политика в социально-экономической сфере, которую реализовывал М.С. Воронцов в Кавказском крае, по многим параметрам задавалась установками и целями Николая I. Император неоднократно давал понять уполномоченным им лицам, что в основании его помыслов и стремлений лежит созидание великой страны. Наиболее доверенным людям, к каковым относился И.Ф. Паскевич, император поверял свои помыслы: «Дай Бог, чтобы мне удалось упорядочить благосостояние России»¹⁹⁶.

Николай Павлович определял темп преобразовательных мероприятий в империи, направляемых твёрдой рукой «смело <...> к постепенным усовершенствованиям, которые должны из неё на долгое время сделать сильнейшую и счастливейшую страну в мире»¹⁹⁷.

Круг забот императора был весьма широк уже в силу самой природы его власти, которая «заставляла быть «разносторонним специалистом», вникать в важнейшие государственные проблемы: в области законодательства, просвещения, экономики»¹⁹⁸.

В силу ряда обстоятельств Закавказский край и, прежде всего Грузия, оставался ключевой территорией, центром, от развития и состояния которого зависело развитие всего «русского дела» в Кавказском крае.

Для Кавказа, который императору виделся не только в качестве одной из многих национальных окраин империи, но регионом, много способствующим могуществу страны, он определял свои принципы в инструкциях главным управляющим этим краем. Император пояснял: «<...> личные Мои наблюдения убеждают, что для благоустройства Закавказского края, во многих отношениях столь важного для России, не достаёт гражданского управления. <...> Твёрдая и

¹⁹⁶ Письма императора Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832-1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. – М., 2000. С.457.

¹⁹⁷ Император Николай Первый. – М., 2002. С.216.

¹⁹⁸ Олейников Д.И. Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2012. С.189.

непременная воля Моя состоит в том, чтобы верноподданные Мои, ограждённые законом и учреждениями в общественном, как и домашнем быту их, воспользовались в самом деле всеми благими последствиями Моих попечений и дарованного им промыслом Всевышнего счастья принадлежать к составу обширного царства Русского»¹⁹⁹.

Главная задача имперской политики в крае заключалась не только в «приобретении границ безопасных со стороны азиатских соседей наших, с тем и средств к большому развитию народной торговли и промышленности», но «<...> все частные распоряжения <...> должны клониться к упрочению приобретенных выгод, <...> во всем Кавказском крае, раскрытия всех источников промышленности и торговли для обоюдной пользы вновь приобретённых земель и собственно империи так, чтобы со временем первая связывалась с последнею взаимными выгодами и нуждами, представляя единое целое»²⁰⁰.

Потому усилия М.С. Воронцова были сосредоточены на Грузии. Ей он уделял первостепенное внимание, хотя никогда не забывал и о других частях Кавказского края. Однако Грузия была его приоритетом. Здесь были достигнуты наиболее значимые успехи его поприща.

Как отмечает Д.И. Олейников, «хотя умиротворение Кавказа вследствие Крымской войны и смятения-«оттепели» начала Великих реформ растянулось до 1859-1864 годов, главный шаг был сделан именно Воронцовым и в десятилетие правления Воронцова. Он привязал Кавказ к России – не столько военными действиями, сколько умелой гражданской деятельностью, направленной на культурное и экономическое развитие региона»²⁰¹.

Об этом говорят и рескрипты императора, которые он посылал князю-наместнику в 1851-1852 гг. Император писал: «Вы вполне оправдали мои ожидания. По части гражданской

¹⁹⁹ АКАК. – Тифлис, 1884. Т.IX. С.23.

²⁰⁰ Движение горцев Северного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. С.103-104.

²⁰¹ Олейников Д.И. Указ. соч. С.254.

вашей неутомимой деятельностью и заботливостью сделаны весьма важные преобразования и значительные улучшения, которые должны послужить к благоустройству края и непосредственному благосостоянию всех и каждого, что составляет главнейшее Моё желание»²⁰².

По мере роста российского присутствия в Кавказском крае и по мере углубления связей и близости российского и кавказского миров - все более насущной становилась задача промышленного обеспечения жителей региона, удовлетворения всех хозяйственных и бытовых запросов разных слоев населения, а также нужды Кавказской армии.

Жизнь предъявляла естественные требования осваивать природные богатства края и формировать многие отрасли промышленности²⁰³. Кроме того, обозначенные императором цели требовали комплексного подхода в решении многих связанных с ними задач.

Закавказский край, отделенный от России горным хребтом, через который существовала в ту пору только одна дорога, «должен был быть обеспечен морскими сообщениями по Черному и Каспийскому морям»²⁰⁴. Первым условием для функционирования такого сообщения, которое замысливалось, прежде всего, как пароходное, должно было быть наличие достаточного количества дешевого каменного угля. Поэтому, вскоре после вступления в управление Закавказским краем, князь Воронцов командировал опытного горного инженера для поисков «этого минерала вблизи берегов Черного моря и особенно в окрестностях Кутаиса, где прежде оказывались признаки каменного угля»²⁰⁵.

Ожидания наместника были очень скоро вознаграждены. Богатые пласты угля были открыты в Кутаисском уезде, близ

²⁰² АКАК. Т.Х. С.335.

²⁰³ Мунаев В.С. Северный Кавказа и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844-1854 гг. – Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2012. С.164.

²⁰⁴ АКАК. Т.Х. С.835.

²⁰⁵ Там же.

деревни Тквибули, находившейся в 40 верстах от Кутаиси и в 80 верстах от пристани, расположенной на реке Риони²⁰⁶.

Для проверки потребительских качеств найденного угля, по приказу Воронцова добыли на пробу 2000 пудов и перевезли по реке Риони до Редут-Кале, где перегрузили на военный пароход Черноморской береговой линии. Испытания показали, что найденный уголь годен не только для пароходов, но по своим качествам не уступал английскому каменному углю, бывшему в то время эталонным²⁰⁷.

Следующими шагами кавказской администрации стали заключение с владельцами земель (Агиашвили, Канделаки и Абашидзе), на которых располагались залежи каменного угля, надлежащих контрактов на добычу угля, а также прокладка необходимой дороги до реки Риони и организационно-техническое решение сплава угля по самой реке.

Предполагалось, что после завершения всех подготовительных работ и организации процесса угледобычи в обозначенном месте, «уголь будет обходиться по ценам умеренным и что употребление его делается выгодным не только для пароходов, но и для частных работ, не говоря о том, что этим открывается новая, богатая промышленность в крае»²⁰⁸.

Владельцы угленосных земель по контракту получали $\frac{3}{4}$ копейки с каждого добытого пуда каменного угля. Первоначально добыча велась посредством воинских команд. С 1847 г. в Тквибули из Луганска были переведены горные инженеры и рабочие (10 человек). Одновременно на разработку угольных копей широко привлекали местных жителей. Продолжавшаяся в течение полутора лет добыча тквибульского угля доказала «изобилие месторождения и указала вместе с тем нужду и пользу в устройстве прочного заведения»²⁰⁹.

В связи с этим, состоявшему при наместнике подполковнику корпуса горных инженеров Комарову был поручен надзор за каменноугольными копиями, и приказано

²⁰⁶ Там же.

²⁰⁷ Там же.

²⁰⁸ Там же.

²⁰⁹ Там же. С.867.

приступить к постройке нужных зданий для офицеров и горной команды, которая должна была постоянно там находиться.

В 1848 г. добыли 60 000 пудов угля, однако большим препятствием к успешному ходу всего дела был «недостаток перевозочных средств»²¹⁰. С 1848 г. доставку угля до Кутаиси, Редут-Кале и Поти по контракту с казной производил предприниматель Крижановский. За 1848-1850 гг. им было доставлено около 10 000 пудов угля. В перевозке угля участвовали и местные дворяне – Алхазивили и другие²¹¹.

В связи с разработкой копей в Тквибули и той пользой, которые они приносили, наместник считал, что «добываемого угля будет достаточно, как для пароходов Черноморской береговой линии, так и тех, кои будут содержать прямое сообщение Одессы с Редут-Кале»²¹².

В течение 1845 г. были проведены изыскательные работы в Казикумухском ханстве и других местах опытными офицерами горного ведомства, поскольку для развития промышленности каменный уголь составлял «предмет первой важности по многим отношениям», а потому «наместник употреблял все зависящие от него меры к возможному развитию этой богатой и полезной промышленности»²¹³.

В Грузии, являвшейся в 30-40-х гг. XIX в. «более крестьянской страной, чем Россия»²¹⁴, долго сохранялись примитивные формы промышленности – домашние промыслы и ремесло²¹⁵.

²¹⁰ Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. История Грузии. С древнейших времен до 60-х годов XIX в. Т.1: Глава II. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие буржуазных отношений в 30-50-х гг. XIX в. – Тбилиси: Госиздат учебно-педагогической литературы, 1962 // http://yandex.ru/yandsearch?text=dlibrary_collect_0001_000038_istoria_Gruzii_tom_I&clid=44289&lr=11057; АКАК. Т.Х. С.867.

²¹¹Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.; Гоголадзе Д.А. Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии (1830-1864 гг.). Тбилиси, 1959. С.92.

²¹² АКАК. Т.Х. С.867.

²¹³ Там же.

²¹⁴ Гоголадзе Д.А. Указ. соч. С.30.

²¹⁵Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

В силу развивавшихся общеимперских социально-экономических процессов, в которые постепенно втягивалась Грузия усилиями кавказской администрации, а также естественного становления товарной экономики, «эти формы промышленности постепенно видоизменялись: либо приспособлялись к новым условиям жизни, втягивались в товарное хозяйство, либо исчезали»²¹⁶.

Предметы домашних промыслов к середине 40-х гг. XIX века вывозились на продажу в объемах, доходивших до 30-60% «различных сельских изделий» - ковры, попоны, войлоки, чувяки, шерстяные носки, крестьянские сукна, шелковые и полушерстяные ткани, рогожа, холст или бязь, общая стоимость которых достигала 15 000 рублей²¹⁷.

В то же время, приток в Грузию дешевых фабричных товаров из Европы и России оказывали большое влияние на местное ремесленное производство. Постепенно «приходило в упадок производство черкесок, мягких кожаных сапог, кошей, азиатских музыкальных инструментов»²¹⁸ и других товаров, обслуживавших потребности традиционного восточного быта. Наоборот, становление и расширение нового образа жизни, прежде всего в элитных слоях грузинского общества, привело к росту спроса на европейские товары.

Наместническая администрация поддерживала создание на территории Грузии, в разных её губерниях и уездах, предприятий, которые могли бы удовлетворять как местные потребности, так и способствовать развитию имперской промышленности. Такими предприятиями становились те, которые организовывали переработку шелка, хлопка, табака, выделывали кожи, производили мыло, стекло, строительные материалы, добывали полезные минералы.

²¹⁶ Там же.

²¹⁷ Бакрадзе Г.К. Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии XIX в. Тбилиси, 1958. С.18.

²¹⁸ Очерки истории Грузии Т.В. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989 // http://yandex.ru/clck/redirect/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pI3DW99KUdgowt9Xs h9AmfW_e8fw8JjxSfq9kqjcXkMZfN5TwVXWGSO9dF4gORw2YnTls_L5LiR.

В обзоре Грузино-Имеретинской губернии за 1845 г. отмечалось, что ткачество «занимает руки всех почти поселян в грузинских уездах»²¹⁹, а мелкотоварное производство стремилось перерасти в сравнительно крупные производственные мастерские, особенно там, где за дело брались представители местного купечества, дворяне и чиновники.

Эти категории предприимчивых людей в первую очередь организовывали производства продукции с высоким потребительским спросом, например, производство черепицы и кирпича, обработку древесины. Открывали хлебопекарни, кондитерские, колбасное производство, пивоваренное или водочное производство, маслобойни, мыловарни, свечные заводы, слесарно-механические и кузнечные мастерские, красильни и др.

В Тифлисе и других городах появлялись предприимчивые люди, которые организовывали товарное производство на мануфактурах, фабриках и заводах. Так в 1848 году открылся чугунолитейный завод Корганова, в 1849 г. фабрика по переработке ценного строительного камня, лесопильные и кирпичные заводы. Одним из самых крупных предприятий Тифлиса первой половины XIX века был сахарный завод Зурабишвили. На котельном заводе Завриева изготавливали различную медную посуду.

В конце 1849 г. в Тифлисе казна учредила гранильную фабрику, для обработки находившихся в том крае яшмы, мраморов и других твердых каменных пород. Для налаживания дела по просьбе наместника из Екатеринбурга были присланы 4 гранильщика²²⁰.

В 50-е гг. местными купцами были открыты три капиталистические мануфактуры по переработке табака (Енфианджянца и Бозарджяна) и хлопка, текстильная фабрика Шахвердова. В Кутаиси, Орпири и Зугдиди были организованы шелкомотальные фабрики. Мануфактуры открывались в Горийском уезде и в Имеретии.

²¹⁹ РГИА. Ф.1281. Оп.4. Д.182. Л.25-26.

²²⁰ АКАК. Т.Х. С.897.

Кроме купцов в промысловом бизнесе активно стали участвовать местные помещики. Например, князя Эривани, организовали в селении Гвареби предприятие по производству стекла такого качества, что смогли его вывозить далеко за пределы Грузии.

Близ села Аццури функционировал стекольный завод Завилейского, для которого из Петербурга была выписана голландская плавильная печь. Открывали свои производства иностранные граждане (Розмордюк и Гохштресер) в Западной Грузии²²¹.

К 1851 г. в Тифлисской губернии действовало 131 предприятие, производившее ежегодно продукции на 180 000 рублей, тогда как к 1855 г. в Кутаисской губернии действовали 22 предприятия с объемом годового производства в 24 000 рублей. Притом, что общая численность населения Грузии в 1846 г. не превышала 900 000 человек²²².

Князь - наместник М.С. Воронцов покровительствовал всем и любым начинаниям предприимчивых людей, поощрял их усилия. Он не только стоял на страже интересов казны, но всячески способствовал развитию частной инициативы, открывая простор деятельности купцам и промышленникам, «возбуждал в них предприимчивость, давая подряды, места под магазины, почти насильственно привлекая их к выгодной самодеятельности»²²³.

Немало усилий было приложено офицерами горного ведомства в поисках нефти. Месторождения нефти в Грузии располагались в местечке Навтлуги и в Сингахском уезде, в Ширакской степи. Нефть добывали открытым способом из колодцев, которые долгое время находились в пользовании некоторых воинских команд или частных спекулянтов. Дохода казне они не приносили.

При князе Воронцове добычу нефти передали на откуп. «Наместник признал за лучшее отдать эти колодцы в откупное содержание и, по произведенным торгам на 3 года» они стали

²²¹ Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

²²² Там же.

²²³ Величко В.Л. Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. СПб., 1904. С.17.

доставлять ежегодно по 5 550 рублей серебром²²⁴. Деньги эти были направлены наместником на усиление капитала «для разных полезных предприятий в крае»²²⁵.

В 50-е гг. XIX в. общая добыча нефти в Грузии составляла: в 1853 г. в Навтлуги – 1 000 ведер, в Шираки – 10 000 ведер; в 1854 г. – из обоих месторождений добыли вместе 6 500 ведер²²⁶.

Нефть и продукты из неё употреблялись для освещения улиц, смазывания колес и для многих других бытовых потребностей. Впоследствии, уже после отъезда Воронцова с Кавказа, значение этих промыслов стало уменьшаться из-за начала разработки более рентабельных нефтяных месторождений в Грозном и Баку.

Важное значение имела разработка медных рудников Алаверди. Металлургия меди издавна была известна в Грузии, но к началу XIX века это производство пришло в упадок. Алавердские рудники долгое время не имели рационального устройства и управления. После 1803 г. они были взяты в казну.

Для управления добычей медной руды и организации медеплавильного производства была создана Грузинская горная экспедиция, но скоро проявилась вся невыгодность казенного управления. По распоряжению наместника разработка рудников и выплавка меди были переданы в руки частных лиц – рудопромышленников – греков, которые постепенно поднимали их рентабельность. В 1845 г. на Алавердском и Шамблугском заводах было выплавлено 3 947 пудов меди²²⁷, а в 1847 г. - 5 400 пудов меди²²⁸. Вся добывавшаяся в крае медь расходовалась на месте и употреблялась, большей частью, на разные предметы домашнего обихода.

Увлеченность техническими вопросами изыскания и разработки полезных ископаемых не ослабляла внимания наместника к общим вопросам развития данного дела. Так, когда жители нескольких армянских селений, приписанные к

²²⁴ АКАК. Т.Х. С.835.

²²⁵ Там же.

²²⁶ Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

²²⁷ АКАК. Т.Х. С.837.

²²⁸ Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. Указ. соч.

Алавердскому и Шамбульскому медеплавильным заводам, «принесли жалобы на тягость и изнурение их повинностями»²²⁹, наместник отдал распоряжение составить комиссии и провести следствие. Когда справедливость этих жалоб была подтверждена, наместник предложил Совету «немедленно заняться рассмотрением этого важного дела», заявив, что «будет гораздо выгоднее освободить жителей от тягостных повинностей и отдать содержание медеплавильных заводов в откупное содержание»²³⁰. Предложение наместника было рассмотрено, а правота его утверждена решением Кавказского Комитета по указанию императора.

По распоряжению князя-наместника чиновник горного ведомства Картерон продолжал заниматься розыском свинцовых руд в Мингрелии, Сванетии, Имеретии, Горийском уезде, Борчалинском участке и в Осетии. По мнению этого чиновника, в Грузии заслуживали внимания только гора Джамблуд, находившаяся в Борчалинском участке Тифлисского уезда, принадлежащем князьям Орбелиани, и Сасунбели в Имеретии²³¹.

Рудник Борчалинского участка изобилдовал медью и свинцом, разработку которых «помещики приняли на себя»²³². Рудник в Сусанбели, хотя и был удобен для разработки и для постройки завода поблизости от обширных лесов, но при разработке металла, там могли возникнуть большие затруднения и издержки «от частого затопления выработок, трудного и дорогого осушения штолен и недостатка близкого населения»²³³.

С ростом городов и городского населения в Кавказском крае возрастала нужда в людях ремесленных специальностей. В Тифлисе основная масса ремесленников преимущественно состояла из армян. По данным Кавказского календаря на 1847 г. в городе из числа ремесленников находились: армян-1448 человек, грузин-256, католиков-71, татар-58, немцев-35,

²²⁹ АКАК. Т.Х. С.837.

²³⁰ Там же.

²³¹ Там же. С.836.

²³² Там же.

²³³ Там же.

персиян-14, евреев-12, русских-9, греков-6, французов-4, поляков-1²³⁴.

Наиболее часто тифлисцы обращались к ремесленникам, обеспечивавших пищевые нужды горожан – пекари, духанщики. Пекарен и духанов было много²³⁵.

Много мастеров изготавливало разнообразные предметы домашнего обихода. Это были свечники, бондари, колесники, горшечники, гончары, ложечники, мастера по изготовлению бурдюков, сундуков, чепраков (покрывало для седла), которые делали из бархата, сукна с золотым или серебряным шитьем. Много тифлисцев занимались извозом и содержали к услугам горожан фазтоны, дрожки, пролётки²³⁶.

Колорита в предпринимательскую деятельность добавляли носильщики – муша, нанимавшиеся для переноски тяжестей. Местами их сбора были тифлиссские базары или вокзалы. Десятки из них разносили всевозможные грузы во все концы города.

Нередко муша переносил на себе людей. Как пишут Ю.Д. Анчабадзе и Н.Г. Волкова, в первой половине XIX века это не было редким явлением. Например, это происходило в сильный дождь, «чтобы не промочить ноги или не увязнуть в грязи <...> нанимали мушей и нередко таким образом отправлялись на спине носильщика»²³⁷.

О силе и выносливости мушей ходили легенды. Среди этого сословия наиболее выдающимися были имеретины. Они переносили такие тяжести, которые «едва в пору положить на спину лошади»²³⁸. Знаменитый муша Берика Георгобиани «таскал по Авлабарскому подъёму на пари тяжести по 25 пудов»²³⁹.

Рост заводского производства в Тифлисе был теснейшим образом связан с общим социально-экономическим развитием

²³⁴ Кавказский календарь на 1847 г. - Тифлис, 1846. С.163.

²³⁵ Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. – М.: Наука, 1990. С.55.

²³⁶ Там же. С.62-64.

²³⁷ Там же. С.64.

²³⁸ Кавказский календарь на 1847 г. С.163.

²³⁹ Там же. С.65.

города. Заводов в Тифлисе в 1846 г. было 68. Среди них: мыловаренных-3. Мыло лучших сортов изготавливалось на заводе Степана Хатисова. У него, кроме мыла лили свечи и очищали масло для ламп²⁴⁰. Кожевенных и сафьянных заводов было 5, кувшинных-10, черепичных-2, кирпичных-41, известковых-4. Все заводы сбывали свою продукцию только в Тифлисе²⁴¹. Многие местные грузинские купцы (Сараджишвили, Зубалашвили, Тавзаришвили, Чедия) или купцы из армян (Бозарджянц, Микиртумов, Зимзимов), скопив капиталы, делались организаторами местного промышленного производства²⁴².

Наряду с Тифлисом с 40-х гг. XIX в. растут Кутаиси, Гори, Телави, Сигнахи, Ахалцихе, Кулеви, Поты, Сухуми, Душети и др. В этот период было основано местечко городского типа – Боржомы, ставшее летним курортом. Рост городской жизни стал серьёзным фактором развития экономики²⁴³.

Значительно выросла роль Кулеви. В 1845-1856 гг. доход только от одних таможенных пошлин в Кулеви почти сравнялся с Тифлиским и превысил 1 150 000 рублей²⁴⁴.

Не меньше перемен в период наместничества М.С. Воронцова происходило и в других частях Закавказского края. Повсеместно производились по заданию наместника поисковые работы, с целью обнаружения полезных минералов.

В 1846 г. горные инженеры майор Комаров и гражданский чиновник Блаламберг в поисках месторождений каменного угля проехали от Дербента до Баку, однако, не получили от своих усилий положительного результата. Несмотря на это Кавказский наместник поддержал их усилия и распорядился, чтобы эти чиновники продолжали искать каменный уголь, и вместе с тем под руководством директора Бакинских нефтяных промыслов майором Алексеевым стали разыскивать нефть.

²⁴⁰ Кавказский календарь на 1847 год. С.165.

²⁴¹ Там же.

²⁴² Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. История Грузии. – Тбилиси: Гослитиздат «Цодна», 1960. С.210.

²⁴³ Указ. соч. С.210.

²⁴⁴ Там же.

Каспийской казенной палате было приказано, чтобы она отпустила 1000 рублей серебром «на отыскание посредством бурения новых месторождений нефти»²⁴⁵. Это последнее распоряжение уже было упреждено Мадатовым, который открыл близ Баку новые нефтяные колодцы.

В разных местах находились нефтяные источники, из которых добывалась нефть, использовавшаяся большей частью для домашнего потребления. Самые обильные нефтяные месторождения, принадлежавшие казне, находились близ Баку. Эти нефтяные источники, вместе с добываемой там же солью, несколько лет находились в откупном содержании, но из-за неустойки откупщиков были возвращены казне. Однако наместник считал, что после приведения данных месторождений в должный порядок, их снова следует отдать в откупное содержание, как более выгодное, поскольку «казна, получая более дохода, избавиться от содержания чиновников и разбора разных жалоб»²⁴⁶.

Примером, по мнению князя М.С. Воронцова, мог бы служить успешный опыт откупного содержания Сальянских рыбных промыслов, благодаря чему «правительство избавилось от содержания значительного числа чиновников и прочих служителей в Сальянах и в Астрахани, и получает в год 170 000 р.», тогда как при казенном управлении выручалось только 55 000 рублей²⁴⁷.

В 1850 г. было приведено в исполнение предложение наместника о передаче соляных и нефтяных промыслов в Шемахинской и Дербентской губерниях в откупное содержание на 4 года за 111 000 рублей в год²⁴⁸.

Вообще динамику добычи и реализации нефти, добываемой на Бакинских и Сальянских промыслах можно проследить по приводимой таблице²⁴⁹:

²⁴⁵ АКАК. Т.Х. С.137.

²⁴⁶ Там же. С.868.

²⁴⁷ Там же.

²⁴⁸ Там же. С.897.

²⁴⁹ Там же. С.151.

Годы	Сколько добыто нефти	Расходы	Чистая прибыль
1845	На Бакинских промыслах Белой 573 п. 20 ф. Черной 229.471 п. 12 ф. На Сальянских промыслах <u>Черной 4.350 п. 10 ф.</u> Итого: 234.395 п. 2 ф.	Штатных 9149 р. 42 к. Других <u>8.758 р. 56 к.</u> Итого: 17.907 р. 98 к.	64.010 р. 25 к.
1846	На Бакинских промыслах Белой 705 п. 15 ф. Черной 234.429 п. 18 ф. На Сальянских промыслах <u>Черной 4.100 п. 20 ф.</u> Итого: 239.235 п. 13 ф.	Штатных 8.314 р. 99 к. Других <u>8.885 р. 93 к.</u> Итого: 17.200 р. 92 к.	69.099 р. 5 к.
1847	На Бакинских промыслах Белой 720 п. 30 ф. Черной 250.291 п. 22 ф. На Сальянских промыслах <u>Черной 4.300 п. 10 ф.</u> Итого: 255.312 п. 12 ф.	Штатных 10.124 р. 82 к. Других <u>8.489 р. 97 к.</u> Итого: 18.611 р. 79 к.	77.488 р. 79 к.

Из таблицы видно, что промысел нефти год от года увеличивался, как и росла чистая прибыль казны, что в свою очередь подтверждало растущий спрос на данный продукт и его удовлетворение. Кроме того, открывались новые возможности для реализации и расширения предприимчивости в крае. Потому наместником было сделано распоряжение Казенной палате составить условия на сдачу в откупное содержание Ширванских и Бакинских горных промыслов и сделать запрос желающим.

М.С. Воронцов считал, что в Закавказском крае «велико богатство разного рода минералов, но для приведения в положительную известность того, что уже открыто <...> и для определения, какая выгода может быть извлечена от разработки руд для казны и для частных людей, нужно время»²⁵⁰.

По заданию наместника профессор Г.В. Абих исследовал Ленкоранский уезд в поисках каменного угля²⁵¹. Это было полезно, так как астраханские пароходы заходили туда два раза в месяц, и их необходимо было обеспечить местным дешевым топливом, что значительно снизило бы издержки пароходства.

После Ленкорани профессор Г.В. Абих осмотрел Карабах и Елисаветпольский уезд. Угля он там не нашел, но его исследования принесли «самые лучшие надежды для будущего»²⁵². В Карабахе он нашел такие руды меди и железа, что, с точки зрения наместника, «можно надеяться иметь там со временем добычу этого минерала, не уступающую самым богатым копиям в Сибири»²⁵³.

Кавказский наместник был полон энтузиазма и в 1848 г. планировал направить в указанные Г.В. Абином места горного инженера Б.А. Иваницкого «для подробных соображений»²⁵⁴, а заодно осмотреть обнаруженную в огромном количестве близ Нахичевани каменную соль.

Кроме того, в разных местах Закавказского края открывались частными людьми медные руды, например, в

²⁵⁰ Там же. С.868.

²⁵¹ Мунаев В.С. Северный Кавказ и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844-1854 гг. – Ставрополь, 2012. С.187.

²⁵² АКАК. Т.Х. С.868.

²⁵³ Там же.

²⁵⁴ Там же.

Мигринском участке Шушинского уезда и в Гокчинском участке Эриванского уезда. Частные предприниматели, пожелавшие самостоятельно на свои деньги строить завод, обратились к наместнику отвести им некоторое количество казенной земли и предоставить право пользоваться казенным лесом.

По приказу М.С. Воронцова «для обозрения месторождений меди и удостоверения в возможности удовлетворить просьбу их, без особых пожертвований для казны»²⁵⁵ был командирован особый горный офицер. Эриванская губерния, как и другие части Закавказского края, развивалась по общему пути с Российской империей. Как отмечает А.М. Исмаилова: «Для России и Южного Кавказа не существовало разных социально-экономических путей развития»²⁵⁶. Разница состояла лишь в уровне и темпах их развития.

Медеплавильное производство в Эриванской губернии опиралось на местную сырьевую базу – медные рудники Алаверди. Там были устроены частными предпринимателями три медеплавильных завода – Алавердский, Шамлугский и Ахталский²⁵⁷. Другим центром добычи меди был Кафан в Зангезурском уезде. Недостатком этих производств было их расположение: они находились в неудобных местах, до которых трудно было добираться из-за отсутствия обустроенных дорог.

Алавердские рудники до 1887 г. находились в руках частных предпринимателей-греков, а Зангезурские рудники и заводы контролировали предприимчивые люди из армян – Мелик-Азарянц, братья Кундуrowы, братья Лазаревы²⁵⁸.

Промышленную картину Эриванской губернии дополняли вино-водочное, шелкомотальное, свечное, мукомольное, мыловаренное, хлопкоочистительное,

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ Исмаилова А.М. Промышленность Эриванской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. // http://www/online-science.ru/m/products/istori_science/gid176/pd0/

²⁵⁷ Адонц М.А. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. – Ереван: АН АрмССР, 1957. С.145.

²⁵⁸ Исмаилова А.М. Указ. соч.

маслобойное производства, которые по своему устройству и объемам не выходили за пределы начального развития. Хлопкоочистительные заводы Эривани и Сардарабада очищали хлопок местных сортов, «достоинства» которых «равняют с туркестанским»²⁵⁹.

Кроме того, в городах губернии – Эривани, Вагаршапате, Сардарабаде, Эчмиадзине, Нахичевани и др. значительную роль играло ремесленно-кустарное производство, направленное на удовлетворение потребностей горожан и окрестного сельского населения.

Городское ремесло было представлено продукцией башмачных, портняжных и шапочных мастеров, кузнецов, красильщиков, столяров, гончаров, серебряников. Ежегодно в губернии производилось до 500 000 аршин бязи и различные шерстяные изделия: сукно, мешки, ковры. Но текстильное производство в первой половине XIX века не сумело ещё достичь даже мануфактурной стадии развития²⁶⁰.

Ведущиеся в северной части Кавказа военные действия требовали развития промышленности для удовлетворения запросов армии за счет местных ресурсов. Статс-секретарь Ф.П. Вронченко в марте 1845 г. напомнил М.С. Воронцову о повелении императора «для приведения в точную известность свинцовых месторождений в Закавказском крае, составить особую партию, дабы обследовать их с надлежащею подробностью и, сообразив с местностью, сделать предположение об учреждении там, буде можно, свинцового производства»²⁶¹.

Ф.П. Вронченко указал наместнику на уже имевшиеся сведения, которые представил правительству чиновник горного отделения Грузино-Имеретинской казенной палаты Картерон. Из его донесений стало известно, что в Алагирском округе

²⁵⁹ Белый А. Армения. Очерк, письма, воспоминания / Сост. Н. Гончар. – Ереван: Советакан грох, 1985. С.56-57.

²⁶⁰ Симонян А.С. Интеграция Восточной Армении в Российскую империю в последней четверти XVIII в. – первой половине XIX в. Автореф. канд. ист. наук. – М., 2011. С.14; Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1904. Т.XLI. С.13.

²⁶¹ АКАК. Т.X. С.129.

найлены свинцово-серебристые руды, которые «заслуживают внимания и заботливости правительства»²⁶².

Проведенные исследования месторождения свинцовых руд в Дамблудском заводе, принадлежащем князьям Орбелиани, также показали, что дальнейшая его разработка «может быть весьма полезной»²⁶³.

Наоборот, исследования, проходившие в Тушетии, Хевсурии и Шамшудинском округе показали, что находившиеся там месторождения расположены неудобно, на высоких и малодоступных горах²⁶⁴.

По мнению Ф.П. Вронченко, наместнику следовало бы обратить внимание, прежде всего, на Садонское месторождение. Это месторождение, открытое в 1840 г. Спиридоном Чекаловым в горах Алагирского общества, находилось в 70-ти верстах к юго-западу от Владикавказа. Эта местность изобиловала не только (как было установлено Картероном) достаточным количеством богатых свинцовых руд, но имела в изобилии леса и «текучие воды, могущие привести в действие горные и заводские машины. <...> В Садоне находятся все удобства для учреждения рудника и завода, в котором казна могла бы с большими выгодами выплавлять свинец»²⁶⁵.

По распоряжению властей повторные исследования Садона проводил капитан Рейнке в 1846 г. Он вычислил, что в месторождении «в средней богатой части может заключаться чистой руды до 120 000 пудов, а с прочими разведанными частями – до 140 000. <...> Во внутренности месторождения, ограниченной двумя горами, но еще не разведанной, может заключаться, по приблизительному расчету, до 1 125 000 пудов»²⁶⁶.

Исследования капитана Рейнке убедили наместника в том, что Садонское месторождение может считаться вполне благонадежным, и он запросил Петербург разрешить ему приступить к проведению необходимых работ.

²⁶² Там же.

²⁶³ Там же. С.130.

²⁶⁴ Там же.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же. С.132.

По расчетам капитана Рейнке потребовалось бы «до 130 чел.; урочников для рубки дров, жжения угля, перевозки и проч. – до 100 чел.; при руднике для всех работ не менее 300 чел., и наконец, для присмотра за работами и проч. до 70 чел., - всего около 600 чел., не упоминая при том о военных караулах и охранении»²⁶⁷.

Однако для реализации одобренного в Петербурге дела необходимо было решить ряд задач: 1) решить судьбу частных предпринимателей (С. Чекалова), ранее начавших разработку Садона; 2) заключить договор с владельцами земель, на которых располагались рудники.

Чтобы избежать неудовольствий сторон и не допустить произвола, князь М.С. Воронцов вышел с ходатайством в правительство до устройства казенного завода «платить немедленно греку Чекалову определенное количество денег за добываемые им теперь серебро и свинец, ибо, в противном случае, он будет доставлять то и другое горцам»²⁶⁸. Оплата Чекалову за серебро шла по линии Министерства финансов, а оплата за свинец – по линии Военного министерства.

После завершения процедуры выкупа разработок и заведения Чекалова в ведение правительства, по мнению наместника, «справедливость требует определить ему за все это соответственное вознаграждение, <...> как и притязания четырех Осетинских фамилий на принадлежность им земли и леса, где находится серебристо-свинцовое месторождение»²⁶⁹.

Спиридон Чекалов только выиграл от сделанного ему правительством, т.к. будучи подрядчиком каменных работ при постройке мостов Кавказской линии и, «не имея никаких понятий о горном деле и металлургии, он пригласил своих соотечественников и приступил <...> к разработке месторождения, употребляя, конечно, для этого самые примитивные, допотопные способы»²⁷⁰.

Он работал в условиях, когда «недоразумения между предпринимателями приводили к ссорам, дракам и частым

²⁶⁷ Там же. С.134.

²⁶⁸ Там же. С.140.

²⁶⁹ Там же.

²⁷⁰ Там же. С.152.

убийствам», а «отсутствие правильной системы в разработке, вследствие полного незнания дела и хищнические приемы не могли не отзываться самым неблагоприятным образом на производстве. Малые компании греков враждовали между собою, подрывались подземными ходами под те места товарищей, где знали богатые руды; бросали те места, где выходы не были так богаты, и изрыли местность по всем направлениям без всякого толка. <...> Дело клонилось к упадку»²⁷¹.

В связи с этим М.С. Воронцов, «признавая, что казна имеет гораздо более способов воспользоваться выгодами Садонского месторождения, <...> вошел в переписку с министерством финансов о взятии в казну и учреждении завода»²⁷².

С 1848 г. приступили к разработке дороги по Ардонскому ущелью (33 ½ версты), без которой не было возможности пользоваться Садонскими рудниками. При этом со стороны Петербурга были предприняты дополнительные меры к выявлению истинного положения вещей, предвидя большие вложения казны и опасаясь напрасной растраты.

Управление горной частью на Кавказе посылало подполковника Б.А. Иваницкого все досконально проверить и взвесить. Иваницкий также пришел к выводу и убеждению в необходимости устроить казенный завод «для выплавки ежегодно 100 пудов серебра и 35 000 пудов свинца, увеличивая действия завода по мере открытия новых руд»²⁷³.

Наместник поручил Б.А. Иваницкому составить проект завода, по которому предполагалось следующее устройство:

1) горная станица для проживания рабочих, обнесенная рвом и валом с бастионами, башней и цитаделью; 2) в полуверсте от станицы расположить сам завод на реке Црау, также в виде укрепления, с башнями, стенами и бойницами; 3) при руднике - все приспособления для обработки, сортировки руд с числом рабочих в 380 человек²⁷⁴.

²⁷¹ Там же.

²⁷² Там же.

²⁷³ Там же. С.153.

²⁷⁴ Там же.

После рассмотрения проекта завода и сделанных в нём некоторых изменений князь Воронцов утвердил смету, «которая простиралась до 159 000 р. 24 $\frac{3}{4}$ к., из которых собственно на постройку завода требовалось 110 000 р. 24 $\frac{3}{4}$ к., а из остальных 34 000 р. на вознаграждение осетинам за отходящие от них под завод земли и 15 000 р. – для вознаграждения разных обществ за лишение их права пользоваться лесом, отходящим в вечное довольствие завода»²⁷⁵.

В 1850 г. по представлению министра финансов в Кавказский Комитет «состоялось Высочайшее повеление: 1) разрешить наместнику Кавказскому устроить в избранном месте завод, который назвать Алагирским серебро-свинцовым заводом; 2) исчисленную на устройство завода сумму, круглым числом 160 000 р.с. занять из Государственного Заемного банка на 37-ми летних правилах, без премии, с отпуском которых в течение 3-х лет, частями по мере надобности»²⁷⁶.

В 1850 г. рудник был взят в казну окончательно, с вознаграждением С. Чекалову за уже добытую, но не расплавленную руду. Тогда же была основана станица и заселена переселенцами из алтайских, уральских и Луганского заводов (рабочих 314 чел. и 14 подростков). 21 мая 1853 г. Алагирский завод был открыт официально в присутствии Кавказского наместника²⁷⁷. Три года, с 1850 по 1853 – ушли на подготовительные работы и проведение необходимых коммуникаций.

Отмечая значение открытия Алагирского завода, С.А. Чекменёв подчеркивал, что «задуманные вначале как необходимость главным образом для снабжения армии, серебряно-свинцовые рудники в последующий, <...> период становятся важнейшими предприятиями промышленного значения всего Северного Кавказа. Этим было положено начало

²⁷⁵ Там же.

²⁷⁶ Там же; Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1981. С.44-45.

²⁷⁷ АКАК. Т.Х. С.153-154; Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844-1881 гг. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. С.70-74.

поискам и исследованиям новых месторождений полезных ископаемых на Северном Кавказе»²⁷⁸.

Кавказские власти сообщали в Петербург в 1850 г., что кроме действий в Садонском прииске «уже более года делаются непрерывные осмотры и разведки по всему Кавказу»²⁷⁹.

В Предкавказье промышленное производство стало развиваться, и было связано с началом российской колонизации в данный регион. В первой половине XIX в. центрами формирования местного предпринимательства были города Екатеринодар, Ейск, Темрюк, Майкоп, Ставрополь, Георгиевск, Кизляр и др., - в которых «наблюдался постоянный рост торгово-промышленного слоя населения»²⁸⁰, что было «новым шагом в освоении края»²⁸¹

Важным внешним фактором развития предпринимательства имели и социально-правовые условия, которые устанавливали имперские власти для хозяйствующих субъектов. Например, наместник исходатайствовал от Петербурга предоставления льгот по налоговым платежам, отмены на несколько лет денежных и казенных повинностей для податного населения²⁸².

В 1846 г. купечеству Кавказской области была дана испрашиваемая льгота сроком на 5 лет, а по истечении этого периода продлялась ещё на 3 года. Мера эта, по мнению М.С. Воронцова, была необходима «для поддержания и распространения торговли и промышленности всякого рода»²⁸³.

Ведущее место среди предприимчивых людей занимал купец, «чему в большой степени способствовало общероссийское нормативное положение, при котором занятие предпринимательской деятельностью в сколько-нибудь крупном

²⁷⁸ Чекменёв С.А. Переселенцы. С.213.

²⁷⁹ Цит. по: Чекменёв С.А. Указ. соч. С.214.

²⁸⁰ Шеховцова Н.А. Развитие предпринимательства на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века. Автореф. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2002. С.18.

²⁸¹ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1981. С.40.

²⁸² Там же.

²⁸³ Пятигорск в исторических документах. 1803-1917 гг. – Ставрополь, 1985. С.96.

масштабе законодательно соединялось с купеческим сословным состоянием»²⁸⁴. Правительства Александра I и Николая I «при общем покровительственном отношении к развитию купеческого предпринимательства стремились регулировать развитие этой сферы»²⁸⁵.

Гильдейская реформа 1824 г. министра финансов Е.Ф. Канкрин, направленная против мелкой торговли крестьян и мещан, призвана была укрепить позиции крупного гильдейского купечества. Эту же политику продолжали нормативные акты властей в 30-40 – е гг. XIX века²⁸⁶.

С ростом городского населения возрастала нужда в людях ремесленных специальностей. Так можно наблюдать динамику роста этого слоя населения на примере Ставрополя. В 1836 г. в списках городского цехового управления числилось 48 человек мастеров и подмастерьев сапожников, шубников, шорников, кузнецов, печников, бондарей и др. К 1850 г. число ремесленников в городе возросло до 170 человек²⁸⁷.

Промышленное производство «носило в основном потребительский характер»²⁸⁸ и сосредоточивалось на мелких кустарных предприятиях по переработке продуктов сельского хозяйства, выделке шерсти, кож. В связи с необходимостью благоустройства городов возникло местное производство строительных материалов (черепицы, кирпича). В 1844 г. в Ставрополе таких производств насчитывалось до 33, производивших в год разных изделий на сумму в 140 000 рублей²⁸⁹. Всего в Ставрополе было 7 небольших фабрик: 5 табачных (1-я табачная фабрика была основана купцом I гильдии Ф.А. Брациановым) и 2 хлопчатобумажные. Здесь же располагался литейный завод, выпускавший продукции из чугуна в годовом исчислении на 13 419 рублей²⁹⁰.

²⁸⁴ Там же. С.18-19.

²⁸⁵ История предпринимательства в России. Кн.1. От средневековья до середины XIX века. – М.: РОССПЭН, 2000. С.348.

²⁸⁶ Там же. С.349.

²⁸⁷ Очерки истории Ставропольского края... С.174.

²⁸⁸ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.40.

²⁸⁹ Очерки истории Ставропольского края... С.174-175.

²⁹⁰ Чекменёв С.А. Указ. соч. С.220.

Кроме того, возникли известковый, 3 шорных, 6 небольших кирпичных, водочный и пивной заводы²⁹¹.

Купец 3-й гильдии И.С. Ефимов добился разрешения в 1846 г. от наместника так же производить отливку церковных колоколов и другие изделия из чугуна. Однако его завод начал свою деятельность только в 1852 году²⁹².

Для поощрения предприимчивых людей в августе 1850 г. в Ставрополе кавказскими властями была учреждена выставка «производств фабричных изделий»²⁹³.

М.С. Воронцов не только способствовал новым хозяйственным начинаниям в крае, но часто продолжал развивать наследие, полученное им от его предместников. Так продолжались исследования, начатые в 30-х гг. XIX в. и поиск золота в районе протекания рек Терека и Малки. В предыдущий период золото там было найдено, но в ограниченных количествах²⁹⁴. Близ Пятигорска были открыты охра и алебастр, которые предлагались на «вольную» продажу «для умножения казенного экономического строительного капитала»²⁹⁵.

В 1849 г. промышленность города была представлена салотопным, мыловаренным, кирпичным, известковым, мукомольным, пивоваренным, кожевенным и горшечным заводами. В 1853 г. к ним прибавилось ещё 2 свечных завода²⁹⁶.

Найденное в 30-е гг. в верховьях Кубани месторождение каменного угля (около Хумаринского укрепления) первоначально разрабатывали силами военных или случайных подрядчиков. Так пятигорские купцы 3-й гильдии Фролов и Афанасьев, сколотив артель рудокопов, наняли 10 фур-подвод и направились за хумаринским углем, чтобы затем продать его жителям города²⁹⁷.

²⁹¹ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.41; Кавказский календарь на 1855 год. – Тифлис, 1854. С.532-534.

²⁹² Куприянова Л.В. Указ. соч. С.41.

²⁹³ ГАСК.Ф.101. Оп.1. Д.1705. Л.1-2.

²⁹⁴ Чекменёв С.А. Указ. соч. С.212.

²⁹⁵ Там же.

²⁹⁶ Записки пятигорского краеведческого общества (рукопись). – Пятигорск, 1996. Вып. 28. Л.7.

²⁹⁷ Кузнецов И.В. На холмах горячих. – Ставрополь, 1980. С.199-200.

В 1839 г. гражданский губернатор Семёнов предложил комиссионеру Серову взять угольные копи в откуп на 12 лет и вести разработку угля на собственные средства²⁹⁸. Долгое время добыча велась примитивными методами. Около 60 человек разбивали при помощи деревянных клиньев и молотов угольные пласты, а затем полученный таким образом уголь выносили на поверхность в корзинах или вывозили в тачках.

Интенсивность разработки выросла со второй половины 40-х гг., когда с подачи князя-наместника к делу стали привлекать частную инициативу. В Хумаринских копиях с 1846 по 1849 гг. было добыто 290 268 пудов угля, который использовался для хозяйственных нужд армии, а также жителями Ставрополя, Пятигорска и Георгиевска для отопления домов²⁹⁹.

За откупа на Хумаринские копи началась конкуренция между предприимчивыми людьми. С 1849 по 1860 гг. копи находились в откупе у пятигорского купца Крутицкого, энергичными стараниями которого было за этот период добыто и продано 1 080 000 пудов угля³⁰⁰.

По всему Северному Кавказу с давних времен были известны месторождения нефти. Местные народы почти не пользовались этим природным богатством в силу неразвитости их экономики и малых домашних потребностей. Начавшаяся в прикубанские степи русская колонизация привела к тому, что «вместе со всей прикубанской землей и её недрами Таманские нефтяные источники были пожалованы Черноморскому казачьему войску»³⁰¹.

В силу того, что казачий быт не оставлял времени для внеслужебных занятий, а также отсутствия специалистов, войсковое общество передало нефтяные колодцы в откуп

²⁹⁸ Чекменёв С.А. Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII – первой половине XIX в. – Пятигорск, 1967. С.221.

²⁹⁹ Гранкин Ю.Ю. Указ. соч. С.81; Триус Л.И., Зюзин В.В. Указ. соч. С.119; Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ.1780-1917 гг. – Пятигорск: Спецпечать, 2003. С.51; Чекменёв С.А. Указ. соч. С.221.

³⁰⁰ ГАСК. Ф.444. Оп.2. Д.386. Лл.58-79; Лазарян С.С. Указ. соч. С.51.

³⁰¹ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.:АН СССР, 1957. С.89.

частным лицам с годовой уплатой в войсковую казну 105 рублей³⁰².

Добывалась таманская нефть из колодцев первобытным способом и потреблялась в сыром виде, без переработки в количестве от 1000 до 3000 ведер³⁰³.

Много нефтеносных источников находилось в предгорьях за Тереком. Добывали нефть там только горцы для отопления и освещения своих жилищ. «Лишь когда русские кордоны были передвинуты с Терека на Сунжу, добыча нефти в этом районе увеличилась»³⁰⁴. Близ крепости Грозной появились «промысловые люди», которые выкопали новые нефтяные колодцы, и стали возить нефть в бочках по городам Предкавказья.

Среди «промысловиков» выделялись три брата Дубинины. Разработка новых колодцев и поддержание в рабочем состоянии старых производилась ручным способом. Из-за больших затрат и малой экономической выгоды и отсутствия достаточного количества специалистов казна не могла добиться положительной рентабельности от нефтяной добычи, а потому охотно передавала нефтедобычу в частные руки.

Дубинины не только доставали нефть из колодцев, но пытались её перерабатывать на небольшом заводике в Моздоке. Один из братьев – Василий Дубинин сконструировал нефтеперегонный аппарат по типу известному в крестьянской среде аппарату для выгонки спирта, но в данном случае для выгонки очищенной белой нефти из черной. Из 40 ведер черной нефти Дубинины получали 16 ведер очищенной, белой нефти³⁰⁵.

М.С. Воронцов использовал любую возможность для поощрения предприимчивых людей в деле нефтедобычи и нефтепереработки. Узнав о нефтеперегонном аппарате, Василия Дубинина, не получившем широкого распространения и одобрения от казны, наместник в 1847 г. ходатайствовал перед Петербургом о награждении изобретателя серебряной медалью

³⁰² ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2294. Л.232.

³⁰³ Фадеев А.В. Указ. соч. С.90.

³⁰⁴ Фадеев А.В. Указ. соч. С.90.

³⁰⁵ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.602. Л.4.

«За полезность»³⁰⁶, дабы стать назидательным примером другим.

С 1843 по 1850 г. грозненские колодцы находились в содержании нахичеванского мещанина Егора Черкесова, вносившего ежегодно в войсковую казну 380 рублей³⁰⁷.

Большое значение для населения Кубани и Черномории имела добыча соли. Соль была необходима для развития рыбных промыслов, для повседневного потребления в бытовых нуждах и для меновой торговли с горцами. Добывали соль в озерах специальные казачьи команды. Например, в 1854 г. в Черномории на войсковых соляных озерах было добыто соли 800 000 пудов³⁰⁸.

Многочисленные реки и выход к Азовскому и Черному морям позволяли развивать рыболовные промыслы. Однако казачьи войсковые общества, наделенные правительством привилегией беспошлинного рыболовства в закрепленных за ними водах, не умели рентабельно наладить дело рыбной добычи и рыбной переработки.

С целью увеличения доходов войсковой казны с 1845 г. по согласованию с властями края рыбные промыслы стали отдаваться в откупное содержание частным рыбопромышленникам из невойскового сословия. Основной рыбный промысел составляла белая рыба – судак, тарань, сом, лещ, карп, а так же красная рыба – севрюга³⁰⁹.

Большая часть доходов доставалось казачьей старшине, которой принадлежали рыбные заводы. В 1848 г. в Черномории из 176 частных рыбных заводов чиновной старшине принадлежало 113 заводов³¹⁰.

³⁰⁶ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.602. Л.9.

³⁰⁷ Чекменёв С.А. Указ. соч. С.217.

³⁰⁸ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Изд-во Советская Кубань, 1996. С.226.

³⁰⁹ Там же. С.228.

³¹⁰ Там же.

Быстрыми темпами развивалась частная инициатива в мукомольном производстве. В 1849 г. В Кавказской области было открыто до 1702 мельниц³¹¹.

Для переработки зерна в линейном войске строили мельницы. Их ставили за чертой поселений и в хуторских хозяйствах. Нередко их устраивали «на два хозяина»³¹². К 1850 г. их насчитывалось 622, среди которых было 280 водяных и 342 ветряные мельницы³¹³. Стоимость мельниц в зависимости от степени износа колебалась от 30 до 250 рублей и более³¹⁴.

В связи с увеличением роста спроса на изделия кустарной промышленности среди русского и казачьего населения Северного Кавказа этот тип производства быстро приобрел товарный характер. Однако «переключение капиталов из сферы торговли в сферу производства только начиналось»³¹⁵.

Промышленные предприятия и кустарные производства в районах расселения казачьих войск повторяли аналогичные производства в других частях края, были небольшими и представляли собой главным образом маслобойные, салотопные, пивоваренные, мукомольные, кожевенные, кирпичные и гончарные заведения³¹⁶.

Желая способствовать их развитию, князь-наместник иногда прямо назначал умельцев для открытия необходимой для того или иного региона промысловой деятельности. Так в 1853 г. по его распоряжению в Екатеринодар были направлены жители Сигнахского уезда, известные там мастера гончарного дела, Дато Гурашвили и Малхаз Мазанишвили. Им было поручено обучить местных мастеров изготовлению кувшинов большой вместимости³¹⁷.

³¹¹ ВСОРИ. СПб., 1851. Т.16. Ч.1. С.215; Дон и степное Предкавказье (XVIII – первая половина XIX века). – Ростов-на-Дону: Ростовский Университет, 1977. С.165-166.

³¹² Гангур Н.А. Материальная культура Кубанского казачества: В 2 т. Т.1. – Краснодар: Традиция, 2009. С.30.

³¹³ ВСОРИ. СПб., 1851. Т.16. Ч.1. С.160.

³¹⁴ Гангур Н.А. Указ. соч. С.32.

³¹⁵ Куприянова Л.В. Указ. соч. С.50.

³¹⁶ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. ...С.225-226.

³¹⁷ ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д.879. Л.1-3.

Эти сосуды играли важную роль в развитии местного виноделия. Не имея данных сосудов, трудно было хранить приготовленное вино. С такой проблемой князь-наместник уже сталкивался, когда инспектировал хозяйственную деятельность Терских казаков³¹⁸.

М.С. Воронцов вообще отличался умением прибегать к нестандартным решениям разного рода экономических задач, когда дело сулило выгоду казне или способствовало решению экономических проблем частных лиц. Иногда такие решения выходили за пределы чисто хозяйственных отношений и вторгались в отношения политического характера.

Так, когда в 1850 г. в 60-ти верстах от Дербента были открыты богатейшие запасы каменного угля самого превосходного качества, но по местным обстоятельствам казна не могла приступить к их разработке (месторождение находилось на территории немирных горцев), наместник распорядился заинтересовать «полудиких обитателей ущелья Гянасырга, в котором находился каменный уголь, <...> дав вид совершенно частной спекуляции»³¹⁹.

Эта мера оказалась успешной, и гянасыргинцы, не имевшие до тех пор торговых отношений с русскими, принялись за разработку каменного угля. Они заключили договор с Дербентским губернатором, выступившим перед ними в роли комиссионера, «установили цену на уголь за добычу по 15 к. и за доставку в Дербент по 10 к. с пуда»³²⁰.

Большое количество горцев стали принимать участие в отходничестве, «что было связано со сравнительной перенаселенностью, отсутствием достаточного количества земли, бедностью природы»³²¹. Горцы стали приходить в города на рыбные и нефтяные промыслы, на различные стройки. На заработки за пределы своих обществ уходили и ремесленники, которые устраивали мелкие мастерские в переселенческих селах

³¹⁸ ГАКК. Ф.254. Оп.1. Д.879. Л.239.

³¹⁹ АКАК. Т.Х. С.896.

³²⁰ АКАК. Т.Х. С.896.

³²¹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. - Махачкала, 2009. С.109.

или городах Кавказа³²². Только в Дербентском уезде в 1850 г. на весенние работы на «маренниках» было привлечено «из нагорных обществ до 25 000 человек»³²³.

Кавказская администрация способствовала развитию рыночных отношений среди жителей гор. Втягивались в эти процессы все слои горских обществ. Только один шамхал Тарковский, которому принадлежало устье реки Сулак, получал доходу от рыбопромышленников до 10 000 рублей в год³²⁴. Так откупщик Давыдов до 1846 г. платил шамхалу по 3000 рублей, а с 1864 г. по 4000 рублей³²⁵.

Вообще по мере укрепления позиций России в Дагестане российские рыбопромышленники, купцы и чиновники кавказской администрации стали широко участвовать в откупной деятельности, вызвав стремление создавать в Аграханском заливе, в устьях рек Терека, Сулака, Самура или по Каспийскому побережью рыбные заводы, продукция которых полностью вывозилась в центральные районы империи.

Кроме того, продолжалась разработка торфа в Дагестане, который удовлетворял местные потребности в топливе и доставлял большую пользу, расквартированным там войскам.

Торф искали и в других местах. В 1849 г. его нашли в 8-ми верстах от Ставрополя. Торф был по оценкам современников отличного качества и в большом количестве. От этой находки была большая польза Ставрополю и «в особенности бедному классу людей, доставляя хороший и дешевый способ отопления»³²⁶.

Таким образом, российская администрация своими действиями способствовала проникновению на Кавказ новых социально-экономических порядков и отношений, закреплению их не только в среде переселенческого населения, но и среди

³²² История Дагестана. Т.1. С.314.

³²³ РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.424. Л.1; Хашаев Х.-М. Занятия населения Дагестана в XIX веке. – Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. С.79; Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. С.255.

³²⁴ Хашаев Х.-М. Указ. соч. С.260; История многовековых взаимоотношений...С.122.

³²⁵ Там же. С.122.

³²⁶ АКАК. Т.Х. С.896.

горских обществ, через посредство отходнического промысла или частного предпринимательства.

В тоже время самодержавное государство, каким была Российская империя, долго не могло свыкнуться с тем, что кавказские условия вынуждали его предоставлять известную степень свободы участникам колонизации Кавказского края³²⁷.

По этой причине предпринимательство, как одно из прибежищ свободы, было под сильным подозрением у центральных властей. В государстве императора Николая Павловича, основанному на принципах строжайшей иерархии и субординации, господствовала система общих правил и законов, которая каждому субъекту социально-экономической жизни отводила строго определенное место. Власти допускали проявление частной инициативы только с разрешения начальства.

Кавказское наместничество было одним из инструментов существовавшей государственной системы и подчинялось установленным принципам существования. В правление М.С. Воронцова существовавшие централизаторские принципы никуда не девались, изменилось лишь их проявление.

Князь-наместник чаще и шире прежних администраторов края привлекал частную инициативу к решению задач государственного значения, предоставляя ей относительную свободу, хотя и в той степени, в какой эта свобода экономической самостоятельности могла коррелировать с интересами казны и общими политическими целями властей.

На развитие экономики губерний смотрели с точки зрения общегосударственных интересов, а потом уже допускали осуществляться интересам местным, особенно там, где правительству было неудобно вдаваться в существующие особенности местных производств.

Это обстоятельство предоставляло шанс частной инициативе, сохраняло жизненное пространство местному предпринимательству, оставляло возможность для его самореализации. Заслугой в этом процессе Кавказского

³²⁷ Лазарян С.С. Указ. соч. С.42-43.

наместника было его содействие развитию именно такой местной экономической самостоятельности.

Преобразования в Кавказском крае, производимые князем М.С. Воронцовым, могут служить опровержением расхожего тезиса о пагубности российского колониализма для Кавказа. Поскольку классический колониализм предполагал эксплуатацию территории и населения в интересах метрополии, в то время как наместническая администрация Воронцова способствовала и стимулировала развитие края и местного населения, росту его благосостояния, а не замещала их интересами метрополии, преследуя, прежде всего, цели политические – доказать благодетельность имперского покровительства.

Развивая экономику края, модернизируя его в социальном и культурном направлении, наместническая администрация стремилась не столько к извлечению одной только материальной выгоды, сколько подстраивала край к условиям и формам существования остальной части империи.

Князь Воронцов, опираясь и следуя воле Николая I, стремился наискорейшим образом превратить Кавказ в часть России, а не в источник банального обогащения для империи.

Исходя из государственной заинтересованности в скором развитии промышленных производств в крае, наместник стимулировал всеми доступными ему средствами заведение наиболее потребительски обеспеченных производств. Весьма часто при этом казна брала на себя проведение изыскательных работ по разведке и установлению потребительских качеств минерально-сырьевых ресурсов. В то время, как эксплуатацию месторождений полезных ископаемых и солевых копей передавали в частные руки в виде откупов, как для сбережения казенных средств, так и поощрения местной частной инициативы.

Существенной стороной, мешавшей полномасштабному развитию промышленности, являлось не только медленное преодоление последствий вооруженного сопротивления в крае, но и его общая экономическая отсталость, из-за которой перед наместником вставала задача не столько развивать ту или иную

отрасль промышленности, сколько создавать для неё элементарный фундамент.

1.3. Вклад князя-наместника в развитие путей сообщения и транспортной инфраструктуры

Пути сообщений принадлежат к основным факторам человеческой культуры, степень развития которой определяется, в том числе, степенью развития тех же самых путей сообщения. Никакая культурная страна немыслима без развитой сети удобных путей сообщения и связанной с ними инфраструктуры.

Исторически сложилось так, что пути сообщения в любой части мира выступают инструментом, расширяющим пространство цивилизации. Дороги становятся средством проникновения в новые регионы, средством сближения цивилизационных пространств и миров, установления между ними коммуникации.

Например, дорога в Арзрум для русских, была не только военно-стратегической необходимостью или средством реализации каких-либо экономических задач, но «символом проникновения россиян в Азию, символом их контакта с восточным миром»³²⁸.

Как писал генерал Д.И. Романовский, объясняя роль России для Востока, «...умиротворением Кавказа прорубается окно для целой западной Азии, для Персии, Армении, Месопотамии, погруженных в вековое оцепенение. Сквозь это окно взглянут они на Европу, и если взглянут не без пользы для себя, в чем нельзя сомневаться, то великий долг, лежащий на России относительно цивилизации, будет честно и достойно выплачен»³²⁹.

Хотя «результаты цивилизационного освоения Россией территорий к югу и к северу от Кавказского хребта различались. В первом случае они выглядят более глубокими и прочными, чем

³²⁸ Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. – М.: Восточная литература РАН, 2000. С.3.

³²⁹ Романовский Д.И. Кавказ и Кавказская война. – М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2004. С.30.

во втором, поскольку Закавказье, географически более отдаленное от России по сравнению с Северным Кавказом, было ближе к ней по «формационным» характеристикам. Кроме того, в Грузии, Армении и Азербайджане – ввиду отсутствия ярко выраженного внутреннего сопротивления и ослабления (или устранения) внешней угрозы со стороны соседних мусульманских держав, Россия получила возможность сосредоточиться на имперско-интеграционной программе»³³⁰.

На Северном Кавказе у российских властей было гораздо больше работы во всех отношениях. Военные столкновения, принявшие там затяжной характер, приносили большие и непреходящие жертвы, отвлекая от решения гражданских задач³³¹.

Однако постепенно российский проект, воплощаемый князем М.С. Воронцовым, вносил существенные перемены в сложившуюся ситуацию, поскольку «сулил порядок, определенность, материальные выгоды практически для всех, без исключения народов, конфессий и классов»³³².

Кроме того, сам «образ империи символизировал вовсе не господство одной нации над другими и не типичные отношения между метрополией и её колониями»³³³.

Большую роль в реализации российского «цивилизационного проекта», в том числе, для заложения основ новой культуры, нового экономического пространства и новых социальных и экономических отношений в Кавказском крае сыграли пути сообщения. Первая половина XIX века стала временем появления первых шоссейных дорог, ведущих из Южной России через Северный Кавказ в Закавказье³³⁴.

Дорожному строительству сильно способствовала

³³⁰ Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.1 (33)/ Под ред. Н.Ю. Силаева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С.45.

³³¹ Там же.

³³² Там же.

³³³ Там же. С.46.

³³⁴ Бабич И.Л. Экономическое развитие региона в XIX - начале XX в. // Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С.232.

Кавказская война, и как пишет по этому поводу современный исследователь О.С. Пылков: «На Кавказе важность дорог в политическом и экономическом отношениях совпадала с их военным значением»³³⁵. Отсутствие путей сообщения, «создавало постоянную угрозу дестабилизации российского владычества в регионе»³³⁶.

В связи с этим естественной была и сама необходимость инфраструктурного обустройства занятой русскими части Кавказа, поскольку там отсутствовали материальные элементы организованного для государственной жизнедеятельности пространства. Известный человек, участник войны с горцами генерал Р.А. Фадеев указывал на то, что «надобно было вырубить просеки, связать многие станицы дорогами, обставить эти дороги постами, окончить мосты и переправы»³³⁷. Потому инициаторами дорожного строительства в регионе выступили военные.

К тому же дороги и связанная с ними инфраструктура нужны были не только для быстрой переброски войск или военных грузов, продовольствия к театру военных действий, но и для развития экономики, торговли в новых кавказских губерниях.

Важной частью развития общего дела на Кавказе князь М.С. Воронцов считал развитие путей сообщения гражданского назначения. Он писал по этому поводу в Петербург: «При распространении всякого рода промышленности с умножением народного богатства и с увеличением народонаселения, должны были непременно увеличиваться и новые потребности для внутреннего управления, в особенности устройство способов сообщения»³³⁸.

Чтобы не вступать в противоречие с нуждами военными,

³³⁵ Пылков О.С. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). – Армавир: И.П. Шурыгин, 2011. С.85.

³³⁶ Бабич И.Л. Указ. соч. С.232; Федосеева Л.Д. Развитие путей сообщения на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-380952.html>.

³³⁷ Фадеев Р.А. Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. С.169.

³³⁸ АКАК. Т.Х. С.872.

князь М.С. Воронцов соединил их с гражданскими нуждами, и помимо дорог только военного назначения (рубка просек) начал прокладку дорог двойного назначения, где военные надобности были временными, а экономические (по мере ослабления военного противостояния) постоянными.

В этой связи можно опереться на мнение К.В. Базилевича, который отмечал, что «значимые по движению дороги обычно совпадают с торговой деятельностью. <...> Таковы, например, дороги соединяющие политический центр государства с внутренними областями, а также дороги, идущие к границам. Некоторые дороги прокладываются колонизационным потоком на новые, незаселенные места»³³⁹.

В целом дороги «отражают потребность во взаимной связи и там, где, заключается жизнь и развивается деятельность населения, растет и сеть дорог, прорезая леса, горы, степи и болота, покрывая топкой паутиной новые районы»³⁴⁰.

Кавказские власти действовали на основании Высочайше утвержденных еще в 1833 г. основных правил «об устройстве и содержании дорог в государстве»³⁴¹. Согласно этому закону все дороги империи были разделены на пять классов: 1) дороги главных сообщений, государственные; 2) дороги больших сообщений; 3) дороги обыкновенных почтовых сообщений из губернии в губернию; 4) дороги уездных торговых и почтовых сообщений; 5) дороги сельские и полевые³⁴².

Дороги первых двух классов было указано постепенно превращать в шоссе, «улучшая дороги главных сообщений, государственные, на счет установленного особого сбора по 25 копеек с каждой ревизской души; дороги же больших сообщений положено было устраивать в виде нешироких шоссе, без излишних издержек, но с прочными профилями, на счет земства»³⁴³.

³³⁹ Базилевич К.В. Почта в России в XIX веке. – М., 1927. С.6.

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798-1898 гг.). – СПб., 1898. С.71.

³⁴² Там же. С.71-72.

³⁴³ Там же.

Несмотря на то, что в первой половине XIX века на Кавказе строились большей частью грунтовые дороги военно-стратегического назначения, князь-наместник никогда не упускал из виду, что дороги и мосты также имели решающее значение в развитии торговли, хозяйственного уклада, изменяли общий социально-культурный фон местного существования края.

Однако выполнение поставленной задачи давалось нелегко, а потому наместник часто апеллировал к Петербургу, сообщая об исключительных препятствиях, с которыми приходилось встречаться каждому кавказскому администратору в регионе при постройке дорог.

М.С. Воронцов писал: «В этом отношении мы мало сделали, хотя надо тут же сказать, что затруднения, представлявшиеся здесь вообще по устройству дорог, не могут идти в сравнение с теми, которые имеются внутри России. Здесь беспрестанно надо бороться с природою, не говоря уже о тех значительных суммах, которые должны быть постоянно употребляемы на содержание в приличном виде дорог»³⁴⁴.

Например, основная магистраль, которая связывала Россию с Закавказьем - Военно-Грузинская дорога, требовала «беспрерывного исправления повреждений», причинами которых были «физические перемены здешнего климата <...> снежные с гор обрывы, громады камней за собой влекущие <...> большие разлития рек Терека и Арагвы»³⁴⁵.

Большой и постоянной была проблема нехватки рабочей силы для поддержания дороги в рабочем состоянии. Она сохранялась долгое время. На это обращали внимание ещё барон Г.В. Розен, и генерал Е.А. Головин поднимал этот вопрос перед военным министром А.И. Чернышевым³⁴⁶.

Генерал просил не отвлекать войска для починки дороги, в силу того, что они необходимы для ведения военных

³⁴⁴ АКАК. Т.Х. С.840.

³⁴⁵ АКАК. – Тифлис, 1873. Т.V. С.299-300.

³⁴⁶ Герман Р.Э. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры на Кавказе и в Кавказской (Ставропольской) губернии в конце XVIII- начале 60-х гг. XIX в. //URL: http://budetinteresno.info/kraeved/dorogi_kavkaz.htm.

действий, а сформировать особые военно-рабочие батальоны³⁴⁷.

В Петербурге услышали озабоченность кавказских властей и постепенно, начиная с 1837 г. стали увеличивать количество военно-рабочих рот в крае. Были сформированы военно-рабочие роты №№29,30,31,32,33 и на Военно-Грузинской дороге - №34. В 1840 г. повелено было в Грузинском инженерном округе учредить военно-рабочие роты №№35,36,37,38. В 1842 г. перевели из Бобруйска на Кавказ военно-рабочие роты №№27,28,29³⁴⁸.

В 1843 г. для производства работ, для надзора за сохранностью сооружений, за судоходством, для службы на шоссейных заставах были учреждены взамен мастерских бригад и полицейских команд, военно-рабочие роты, комплектовавшиеся из нижних чинов военного ведомства. Численность таких рот доходила до 52, имевших в своем составе 10 400 человек рядовых и 520 унтер-офицеров по всем округам империи³⁴⁹.

Но и в наместничество князя М.С. Воронцова этот вопрос долго не находил приемлемого решения. Передача ведения дорогами в распоряжение VIII округа Корпуса инженеров путей сообщения не решила имевшихся затруднений, так как это ведомство в Кавказском крае не имело достаточных сил для реализации поставленной перед ним задачи³⁵⁰, и местным властям постоянно приходилось выделять в помощь рабочим и подводки, чтобы подвозить необходимые материалы³⁵¹.

В распоряжении Кавказского наместника в 1845 г. имелось несколько военно-рабочих рот, причисленных к уже имеющимся: в Тифлисе – роты №№37, 38, 39, 40; при Кавказских Минеральных Водах - №22; для укреплений

³⁴⁷ РГВИА. Ф.846. Оп.2. Д.6450. Л.1-2.

³⁴⁸ Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 частях. Изд. 2-е. Ч.19. - СПб.: Тип. «Балашев и К», 1899-1902. С.132-134.

³⁴⁹ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения... С.92.

³⁵⁰ Указ. соч. С.90.

³⁵¹ АКАК. Т.Х. С.840.

Новороссийска, Геленджика и Сухум-Кале были учреждены с причислением к Грузинскому инженерному округу военно-рабочие роты №№19, 20, а затем №№21-27; в Анапе находилась рота №41³⁵².

Наместник сетовал, как и его предместники, на то, что для ремонта дороги «беспрерывно были требуемы большие наряды войск, <...> а иногда даже больше того, что, по военным обстоятельствам, возможно было уделить»³⁵³. С другой стороны, князь-наместник вынужден был считаться с тем, что «если на Кавказе не употреблять солдат <...> то по недостатку вольных мастеровых и рабочих и по значительности денежных пособий, потребных для производства подобных работ, приходилось бы <...> отсрочить на неопределенное время многие работы и в том числе самые важнейшие»³⁵⁴.

Нехватка рабочих, нападения горцев, трудные природные условия (климат, рельеф, камнепады, наводнения) - все это делало строительство Военно-Грузинской дороги необычайно сложным и дорогостоящим делом. Большая часть этой дороги была такой, что требовала постоянного ремонта, особенно после таяния снега и разлива рек, которые не только разрушали само полотно дороги, но смывали мосты, особенно деревянные.

В связи с этим не прекращались попытки найти приемлемый выход из сложной ситуации: было открыто сообщение от Казбека до Пасанаура, по Гудамакарскому ущелью, в обход трудно проходимого перевала через Крестовую гору.

Эта обходная дорога давно была в поле зрения местных начальников. Работы по её устройству были начаты в 1838 г. и к 1845 г. на её устройство успели израсходовать около 1 млн. рублей ассигнациями, но сделано было только 8 верст из 47-ми запланированных. Мосты на всем её протяжении вообще не возводились³⁵⁵.

³⁵² Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 частях. Изд. 2-е. Ч.19. - СПб.: Тип. «Балашев и К», 1899-1902. С.135..

³⁵³ АКАК. Т.Х. С.840.

³⁵⁴ ГАКК. Ф.261. Оп.1. Д.569. Л.11.

³⁵⁵ АКАК. Т.Х. С.858.

Наместник приостановил ведущиеся там работы до выяснения всех связанных с тем обстоятельств. Кроме того, ему стало известно мнение местных обывателей, которые считали, что избранная обходная дорога «не будет иметь предположительных выгод и, подобно старой, подвержена снежным завалам»³⁵⁶.

После обращения М.С. Воронцова к новому начальнику инженерного округа генерал-инженеру Зеге фон Лауренбергу были проведены необходимые исследования. Генерал согласился с мнением наместника о нецелесообразности продолжения работ в данном направлении, предложив свои соображения как продолжить работы, «чтобы можно было открыть полное сообщение не только выючное, но и для легких почтовых повозок, <...> тем более, что это давало возможность не рискуя новыми огромными расходами, узнать действительную опасность от снежных завалов»³⁵⁷.

Генерал Зеге фон Лауренберг приступил к этому делу в 1847 г., «употребив только малую часть назначенных рабочих сил (3 военно-рабочие роты и не более 15 000 руб. асс.), открыл сообщение, на которое <...> обратились торгующие, почты и курьеры. Во все это время новая дорога служила торговле, а почты и курьеры отправлялись по ней в то время, когда на Крестовой горе не было проезда от больших снегов»³⁵⁸.

Между тем ситуация несмотря на все усилия не менялась кардинально, так как «ни старая, ни новая дороги не защищают сообщения Закавказья с Линией и Россией от периодических огромных завалов Казбека»³⁵⁹.

В то же время дороги и сообщения составляли на Кавказе одно из важнейших условий для «нашей здешней власти»³⁶⁰. От недостатка удобных сообщений парализовались все действия правительства, распоряжения не исполнялись, а действия земской полиции оставались мало результативными³⁶¹.

³⁵⁶ Там же.

³⁵⁷ Там же. С.859.

³⁵⁸ Там же.

³⁵⁹ Там же.

³⁶⁰ Эсадзе С. Указ. соч. С.88.

³⁶¹ АКАК. Т.Х. С.840.

Кроме того, сохранялись препятствия для развития торговли и промышленности, что в свою очередь отодвигало население от благополучия и мирных занятий. С проведением удобных дорог во все внутренние части Кавказского края «все издержки, которые будут произведены казною с этой целью, с избытком вознаграждаются развитием промышленных сил края, изобилующего самыми разнообразными источниками богатства, но которые не обрабатываются по недостатку путей сбыта произведений самых ценных. Одно устройство путей сообщения доставит возможность развивать и разминывать разнообразные произведения от моря Черного до Каспийского, оживит промышленность, торговую деятельность и откроет источники богатства <...> разработка которых поставит <...> край на ту степень благосостояния, на которую щедрые дары природы дают ему столь неоспоримое право»³⁶².

Князь М.С. Воронцов приказал привлекать к прокладке дорог не только воинские команды, но местных жителей, особенно в Грузии. Они, первоначально, оставались к тому равнодушными, но «скоро нашли большие выгоды в хорошем сообщении с соседями для сбыта своих произведений и вообще для всех торговых нужд, и тем самым постепенно обращались к мирной жизни и полезным занятиям. Более того, они сделались заинтересованными защитниками сообщений, проходивших по их землям»³⁶³.

Так по просьбе жителей и «по местным соображениям»³⁶⁴ князь-наместник начал строительство прямого сообщения от города Ахалциха в Имеретию на Кутаис, через Абхастуманское ущелье. М.С. Воронцов считал, что «это сообщение принесет большую пользу в торговом особенно отношении»³⁶⁵. Наместником было дано распоряжение об осмотре местности и «изыскании средств к устройству дороги»³⁶⁶.

В первой половине XIX в. основными путями сообщения в Кавказском крае были грунтовые дороги. Грунтовые дороги

³⁶² АКАК. Т.Х. С.56.

³⁶³ Там же.

³⁶⁴ Там же. С.841.

³⁶⁵ Там же.

³⁶⁶ Там же.

подразделялись местными властями на дороги почтовые и проселочные. Как на проселочных дорогах, так и на почтовых трактах отсутствовало твердое покрытие. Проселочные дороги связывали селения и сельскохозяйственные угодья, были необходимы для своевременного проведения работ в сельском хозяйстве, для транспортировки грузов или перевозки пассажиров. Проселочные дороги соединялись с почтовыми трактами, на которых были устроены почтовые станции и постоянные дворы. Почтовые тракты – главные транспортные артерии края, соединяли между собой наиболее важные административные, торговые и промышленные центры, простирались во все стратегически важные направления, способствовали скорейшей доставке войск, если в том возникала где-либо надобность, а также служили каналами передачи и доставки информации между отдельными частями края и центром империи.

Необходимая информация перевозилась от станции к станции при помощи почтовых эстафет. В зависимости от местных условий расстояние между почтовыми станциями, устроенными по всему продолжению того или иного сообщения, составляло от 15 до 32 верст³⁶⁷.

В Кавказском крае почтовая служба стала организовываться сразу же после введения той или иной его части под покровительство и управление российского правительства. В условиях военного противостояния естественными строителями почтового дела были военные власти, так же, как они были строителями в крае любых сообщений вообще.

Для управления почтовым процессом учреждались почтовые конторы с соответствующим штатом служащих. По мере утверждения имперских порядков в крае почтовая служба приближалась по форме своего устройства к общепринятым нормам в российском государстве. Естественным было образовать одну из первых главных почтовых контор в Тифлисе, бывшим центром управления не только Грузией, но всем Кавказским краем.

³⁶⁷ Пылков О.С. Указ. соч. С.108.

Первые почтовые конторы на Кавказе обслуживали только имперские военные и гражданские учреждения, которые для получения или отправки своей корреспонденции присылали своих посыльных в почтовые конторы, так как те, по тем временам, не имели собственного штата почтальонов, а почтовая ганьба осуществлялась казаками от пикета к пикету³⁶⁸.

Использование казаков в качестве «летучих почт» происходило первоначально потому, что почтовые лошади не содержались за счет земской повинности. Когда объемы корреспонденции выросли, в помощь казачьим постам стали выделяться «чапарханы», наряды от местных поселян³⁶⁹.

Перевозка почты производилась на выюках. Вследствие небезопасности движения из-за неустойчивости дорог, периодически затопляемых разливами рек или накрываемых снежными завалами, по некоторым трактам в Грузии отдельные почтовые станции были отданы подрядчикам с торгов.

Почтовые отделения Грузии вошли по указу от 22 октября 1830 г., утвержденному императором Николаем I в VIII почтовый округ общеимперской почтовой системы, предусматривавшей наличие в стране 11 почтовых округов.

Местом пребывания почт - инспектора этого округа был определен город Ставрополь. Тифлисская почтовая контора была возведена в ранг областной конторы со штатом в 12 человек. К середине 40-х гг. XIX в., кроме областной почтовой конторы, были учреждены уездные конторы 1-го класса в Баку, Эривани, Нахичевани, Кутаиси, Редут-кале; конторы 2-го класса в Гори, Душете, Анануре, Телави, Елисаветполе, Кубе, Дербенте. Все уездные почтовые конторы подчинялись областной³⁷⁰.

В Кавказском крае действовали следующие виды почтовой связи:

1) Экстра-почта, которой корреспонденция отправлялась в центр империи регулярно, дважды в неделю по строго определенному маршруту;

³⁶⁸ Гитин В.В. Тифлисская уника //URL: http://www.mirmarok.ru/prim/view_article/152/.

³⁶⁹ Там же.

³⁷⁰ Гитин В.В. Указ. соч.

- 2) Тяжелая почта – тоже в центр два раза в неделю с отделением корреспонденции в другие места империи;
- 3) Легкая почта – по почтовым местам Закавказья и по смежным губерниям;
- 4) Летучая почта – по пограничным гарнизонам;
- 5) Эстафетная почта – за кордон, Владикавказ, по особому наряду с уплатой прогонных денег за почтовые услуги³⁷¹.

До 1834 г. почтовые станции не имели станционных зданий, и «почт - содержатели» вынуждены были размещаться вместе с казачьими постами в хижинах и землянках. На их возведение Петербург в 1834-1835 гг. выделил 80 000 рублей серебром, к которым по именному указу императора в 1837 г. было добавлено еще 50 000 рублей³⁷².

С 40-х гг. в Закавказье казаки освобождались от лежавшей на них обязанности сопровождать почту. Они заменялись почтальонами.

Общее число почтовых станций в Закавказье увеличилось с 90 в 1833 г. до 116 в 1845 г. В них содержалось 1570 лошадей, а их содержание обходилось земскому сбору в 145 828 рублей серебром, а «под своз почт употреблено по всем трактам 7352 лошади»³⁷³.

При князе М.С. Воронцове, европейски образованном человеке, хорошо понимавшем значение почтовой службы для утверждения имперских порядков в Кавказском крае, ситуация в этой сфере стала меняться к лучшему. Он добился от Петербурга, чтобы все управление почтовыми службами края было передано в непосредственное ведение наместнической администрации.

В короткое время своего управления краем М.С. Воронцов увидел, что многие почтовые станции находились в самом плачевном состоянии. После личного осмотра многих почтовых станций М.С. Воронцовым или осмотра их по его

³⁷¹ Там же.

³⁷² Там же.

³⁷³ АКАК. Т.Х. С.839.

распоряжению начальником почтового округа князем А.Г. Чавчавадзе в их работу были внесены существенные изменения.

По местным обстоятельствам кавказские власти вынуждены были изменить одежду и особенно вооружение почтальонов, которые были до того обмундированы «наравне с почтальонами, находящимися внутри России»³⁷⁴. Кроме того, М.С. Воронцов приказал почтовым конторам всячески идти навстречу «делу упорядочения и облегчения населению пользоваться почтовыми услугами»³⁷⁵.

Например, в почтовых правилах того времени объявлялись часы открытия и закрытия почтовых контор, а «от проезжающих лиц, к числу которых надлежит относить не живущих постоянно в городах: окрестных помещиков, крестьян и окольных жителей – письма принимались во всякое неурочное время»³⁷⁶.

Наместником было отдано распоряжение чтобы во всех почтовых конторах и отделениях Закавказского края и Ставропольской губернии «принимаемы были частные простые письма не только во дни отхода почты, но и во все дни недели, за исключением воскресений и табельных праздников»³⁷⁷.

Была изменена работа почтовых контор в районе Кавказских Минеральных Вод. Там почтовые корреспонденции отправлялись только в летние, или так называемые курсовые дни. Волею наместника эта корреспонденция стала отправляться круглый год.

Чтобы ускорить движение корреспонденции между Кутаисской губернией и Керчью, и вообще Крымом, М.С. Воронцов отдал распоряжение принимать почтовые корреспонденции в Редут-кале на военные корабли, осуществлявших крейсерство вдоль восточного побережья Черного моря³⁷⁸.

Требовала наведения порядка и система отдачи почтовых станций в частное содержание откупщикам. Если в

³⁷⁴ Там же.

³⁷⁵ Гитин В.В. Указ. соч.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ АКАК. Т.Х. С.858.

³⁷⁸ Там же.

России почтовое содержание брали в свои руки люди состоятельные, то на Кавказе за это дело брались большей частью люди малообеспеченные: проторговавшиеся купцы, потерпевшие неудачу подрядчики, отставные чиновники, мало знакомые с особенностями почтового дела.

Эти содержатели почт больше думали не о постановке дела на должный уровень, а о «поправлении своих собственных финансовых дел»³⁷⁹. Кроме того, малое число в крае русских ямщиков, недостаток упряжных лошадей и «вообще непривычка здешних жителей, к подобного рода занятиям, затрудняли исправное содержание станций»³⁸⁰.

По распоряжению князя-наместника были внесены изменения в систему проведения торгов при отдаче почтовых станций в откупное содержание. Чтобы снизить издержки содержателей почт и чтобы изменить их отношение к делу, торги стали проводиться «на отдачу почтовых станций на 3, 6, 10 и 12 лет»³⁸¹.

С увеличением почтовой ганьбы, при недостатке лошадей, возрастала цена на содержание почтовых станций. Только по Военно-Грузинской дороге «в один месяц вышло 63 курьерских лошади, не говоря уже о почтах, экстра - почтах и проезжающих»³⁸². По этой причине расходы на содержание почтовых станций сильно выросли и сделались тягостными для земских повинностей.

Если в 1845 г. на эти цели было затрачено 139 280 р. с., то уже в 1848 г. затрачено 287 000 р. с. Причиной роста почтовой ганьбы был постоянный рост почтовых отправлений и рост интенсивности проезжающих по дорогам края. Это можно было проследить по следующим данным:

Простых писем		Казенной корреспонденции	
1845	54 997	1845	130 628
1846	61 534	1847	168 608

³⁷⁹ Гитин В.В. Указ. соч.

³⁸⁰ АКАК. Т.Х. С.858

³⁸¹ Там же.

³⁸² Там же. С.840.

1848	114 289	1848	260 722

В целях исправления малоприятной тенденции князь М.С. Воронцов распорядился ограничить число выдачи курьерских подорожных документов³⁸³.

По мере продвижения русских войск вглубь Кавказа, а равно в связи с экономическим освоением края новопоселенцами, прибывавшими в регион из различных губерний империи, значение путей сообщения постоянно возрастало. Потому дорог, проложенных при императрице Екатерине II и императорах Павле I и Александре I, уже не хватало, да и те требовали значительного ремонта и затрат на свое содержание.

Содержание земляных дорог в хорошем рабочем состоянии требовало постоянного надзора и значительных усилий. Это бремя перекладывали на местные власти, которые за неимением необходимых средств, а часто и по отсутствию должного внимания всей важности дела, оставляли течение дел на самотёк.

Как человек, привыкший лично вникать в различные проблемы, князь М.С. Воронцов не мог пройти мимо одного из важнейших и необходимых предметов для всего Кавказского края – состояния путей сообщения. Он не ленился беспрерывно объезжать обширный край по скверным дорогам и нередко верхом³⁸⁴, чтобы составить мнение об общем состоянии дел и выработать меры по преодолению открывшихся трудностей и разнообразных препятствий.

М.С. Воронцов подчеркивал, что, собрав предварительно многочисленные сведения о местности, он пришёл к выводу, что одно личное обозрение может дать более или менее справедливое понятие о крае, столь мало известном и столь интересном во всех отношениях³⁸⁵.

³⁸³ Там же. С.857-858.

³⁸⁴ Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867 гг.). Ч. 1. 1842-1851 гг. – СПб., 1879. С. 75.

³⁸⁵ АКАК. Т.Х. С.840, 858.

М.С. Воронцов подчеркивал при этом, что настоятельная необходимость и важность наличия хороших путей сообщения требовала одновременно поиска лучших и менее расточительных средств их прокладки, а уже имеющиеся дороги необходимо усовершенствовать для лучшей эксплуатации³⁸⁶.

При содержании и эксплуатации дорог без твердого покрытия необходимо было учитывать природные условия и особенности местности, по которой должна пройти или проходила дорога. В связи с этим для равнинных и степных районов возникала необходимость обсаживать дорогу деревьями, а если грунт был недостаточно твердым, часто поправлять канавы, идущие вдоль дороги. Сами дороги специально старались не поправлять, т.к. разравнивание их натурального грунта лишь увеличивало грязь. Кроме того, в условиях сильно пересеченной местности требовалось устройство большого количества мостов и переправ.

Пути сообщения, как всякое общепольное установление, имели множество назначений в зависимости от предназначенных целей и задач, периода своего существования и т.п. От недостатка удобных сообщений цены на «съестные припасы и прочие сельские произведения непрерывно изменялись, что для торгующих лиц не только было затруднительно, но и невозможно действовать»³⁸⁷, а войскам вовремя прибывать в пункты назначения, где их присутствие было наиболее необходимо. Поэтому сообщения всякого рода, столь важные, где бы то ни было, требовали заботливости в Кавказском крае для нужд в военном и гражданском отношении. Эти нужды были так велики, что «не представлялось возможности их окончательного удовлетворения не только вдруг, но даже в течение довольно продолжительного времени как по условиям, так по недостатку способов и средств»³⁸⁸.

Из-за необходимости одновременно вести военные действия и заботиться о гражданском и хозяйственном развитии Кавказского края, необходимость путей сообщения в крае была

³⁸⁶ РГАДА. Ф.1261. Оп.1. Д.2431. Л.214-215.

³⁸⁷ АКАК. Т.Х. С.840.

³⁸⁸ Там же. С. 858.

особенно чувствительной. Князь М.С. Воронцов своей деятельностью заложил важный задел, который позволил последующим кавказским начальникам довести дело водворения Кавказа в состав Российской империи с меньшими издержками и на более обустроенной базе.

Ремонты горных дорог из-за частой порчи от наводнений и камнепадов требовали больших усилий и сумм и оставляли мало средств и способов для заведения новых сообщений, которые, однако, «были нужны по новым потребностям военным и по умножению народонаселения, торговли и промышленности»³⁸⁹.

Недостаток средств был одной из главнейших причин, тормозивших развитие путей сообщения в регионе. Кроме того, для развития дорожного строительства в каждой губернии необходимо было иметь специалистов из инженерного ведомства.

Имея уже опыт дорожного строительства в Новороссийском крае, князь М.С. Воронцов настаивал перед Санкт - Петербургом на необходимости иметь хотя бы одного штаб-офицера, управляющего всем дорожным строительством в регионе, чтобы весь край не был должен по любому поводу обращаться в Главное управление путей сообщения.

Однако решить данную задачу не удавалось. Существовавшие под эгидой Главного управления путей сообщения специализированные учебные заведения – училище гражданских инженеров и институт Корпуса инженеров путей сообщения (1809 г.), по закону от 1849 г. имели в своем составе слишком малое число воспитанников – 150 – казеннокоштных и 100 – своекоштных³⁹⁰.

Общий взгляд М.С. Воронцова на развитие путей сообщения состоял в том, что «чем более открыто путей сообщения, тем более предоставлялось средств к развитию промышленности и торговли и, следовательно, общественного благоденствия; и ничто так не обогащает край и все состояние,

³⁸⁹ Там же. С. 98.

³⁹⁰ Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения... С.93-94.

как возможность беспрестанных во всякое время года сношений»³⁹¹.

Как уже упоминалось ранее, основными силами, осуществлявшими дорожное строительство в условиях первой половины XIX в. были военные. Наместнику, державшему это дело под своим неусыпным контролем, предоставлялись ведомости-отчеты, содержавшие подробные сведения о количестве работавших за каждую неделю, учитывая погодные условия и характер работ: вырубка леса, корчевания, прокладывание каменных стенок. Работа военных оплачивалась из казны.

Подполковник – инженер Ивакин из Корпуса инженеров путей сообщения обратился с запиской к наместнику, указывая на те трудности, с которыми до сих пор приходилось сталкиваться властям в Кавказском крае для решения множества военных и иных задач в условиях недостатка или отсутствия устроенных дорог³⁹².

При неустроенности дорог сильно сокращались местные возможности для продовольствия и снабжения войск. Из-за множества солончаков и «степных мест», для перехода которых приходилось войскам брать с собой всё необходимое даже воду и горючий материал для приготовления пищи. При движении войск по степным районам Кавказского края необходимы были огромные обозы и обширные «провозные способы». Для этих походов, писал подполковник Ивакин, «наши конюшенные лошади, привычные к сухому корму (фуражу), требуют больших запасов и не могут перенести перемен климата, жажды и таких трудов, как степные лошади, посему малоспособны для азиатских войн»³⁹³.

На южной границе снабжение войск продовольствием и в особенности «перевозочными средствами» требовало всегда продолжительного времени, стоило больших издержек, трудов и забот правительства. Медлительность, происходившая из-за множества препятствий и затруднений, вызывала

³⁹¹ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. - М., 2001. – С. 261; РГАДА. Ф.1261. Оп.1. Д.2431. Л.214-215.

³⁹² АКАК. Т. X. С.175.

³⁹³ Там же.

медлительность в развитии военных действий, что давало возможность неприятелю приготовить сильную оборону либо оторваться от русских войск на безопасное расстояние.

Транспортные средства для армии приходилось доставать на местах обыкновенно у пограничных, «частью подвластных, частью находящихся под нашим влиянием, чуждым нам по вере, языку и происхождению»³⁹⁴ народов, которые в азиатских походах не всегда были надежны.

При малейшей неудаче русские «должны были опасаться отложения и бегства нанятых возчиков к неприятелю, подвергаться опасности быть оставленными среди степей без всяких перевозочных средств и ослаблять себя, выделяя значительные силы для надзора за возчиками»³⁹⁵.

Эти причины «достаточно убеждали в необходимости для успешных действий армии в Азии заводить на южных пределах Российской империи своё военное хозяйство, которое дало бы возможность для ведения в них войны, и таким образом готовиться к борьбе в Азии для защиты российского влияния, торговли и иной выгоды. Главные предметы этого хозяйства должны состоять в разведении верблюдов, степных лошадей и прочего скота; в обучении людей общаться с этими животными, лечить их, знать их свойства»³⁹⁶, писал подполковник Ивакин.

Князь М.С. Воронцов согласился с опытностью подполковника Ивакина и отдал распоряжение о претворении в жизнь, сделанных в записке предложениях. Принятые в этом направлении меры сильно помогли русской армии на Кавказе во время Русско-турецкой войны 1853-1856 гг.

Было начато устройство дороги от Ах-су до города Шемахи на протяжении 25 верст. В ненастное время, особенно весной и осенью, сообщение между этими населенными пунктами почти прекращалось. Дорога делалась непроходимой и представляла собой «сообщение самое дурное и часто затруднительное до такой степени, что в перекладную повозку запрягаются иногда по две пары буйволов, при проходе же

³⁹⁴ Там же

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ Там же.

войск, и в особенности артиллерии, затруднения бывают так велики, что для перехода 25 верстного расстояния употреблялось иногда несколько суток»³⁹⁷.

По предложению военного инженера Славича князь-наместник приказал проложить обходную, довольно удобную дорогу к Шемахе, чтобы больше не вынуждать войска утопать в грязи.

Говоря о дорогах, следует упомянуть как о способах работ по созданию сообщений во всех отношениях, так и о просеках в частности. Эти работы, ежегодно проводились, начиная с генерала Р.К. Фрейтага, а после драматической Даргинской экспедиции лета 1845 г. «продолжились с умножением усердия всех начальников»³⁹⁸.

Эти просеки, проходя через густые леса, служили вместо дорог путями сообщения и чрезвычайно были важными в военном отношении «для содержания в порядке и страхе немирных и полумирных жителей»³⁹⁹, облегчали присутствие войск везде, где нужда того требовала. Рубка лесов и прокладка просек совершались по всем направлениям, занимаемым враждебными русским племенами. С военной точки зрения были важным средством к подготовке окончательного покорения Кавказа.

По распоряжению князя М.С. Воронцова производилась вырубка лесов и открытие дорог в Большой и Малой Чечне, Дагестане, Черномории «в соображении со стратегическими потребностями»⁴⁰⁰.

М.С. Воронцов после даргинского опыта, считал, что непроходимость путей сообщения – одна из главных преград в покорении края, поэтому он делал всё возможное для её устранения⁴⁰¹.

В начале 1850 г. центр военных операций переместился в Чечню, где М.С. Воронцов был особенно настойчив в

³⁹⁷ Там же. С.860.

³⁹⁸ Замечания М.П. Щербинина о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. – СПб., 1872. № 3-4. С. 715.

³⁹⁹ Там же.

⁴⁰⁰ Захарова О.Ю. Указ. Соч. С. 331.

⁴⁰¹ Дергоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М., 2001. С. 213.

применении своей новой системы⁴⁰². По правому берегу реки Асса вырубались леса, чтобы открыть доступ в Галашевское ущелье, служившее горцам опорной базой для набегов на Сунженскую линию, на Военно-Грузинскую дорогу и Кабарду. Русские вытесняли Шамиля с плодородной Чеченской долины на юг и вплотную подошлись к предгорьям Кавказского хребта. Сделанные просеки в чеченских лесах доставили русским владычество и приближали к покорности главную часть Большой Чечни. Проводя вырубку просек в лесах, рабочие команды заготавливали материал для мостов и других нужд⁴⁰³.

М.С. Воронцов не мог не обратить внимания на состояние мостов, находившихся на больших почтовых трактах и на проселочных дорогах, а также не мог не выявлять большой потребности в мостах на реках Куре и Тереке, Сунже, Лабее, Белой и многих других.

Мосты как элементы инфраструктуры путей сообщения в горах Кавказа были стратегически важнейшей её частью. Во время военных действий отсутствие мостов грозило большой опасностью для войск и даже их гибелью. Отсутствие мостов разрывало пространство, дробило его на недоступные и неуправляемые части, делало администрацию бессильной.

Из полученных сведений от уполномоченных лиц и после личных осмотров многих местностей Кавказского края, наместник сделал вывод, что большая часть каменных мостов, построенных еще до прибытия русских на Кавказ, разрушены и, что «не было принято мер к исправлению и поддержанию этих мостов, а некоторые из них, построенные уже русскими из плохих материалов и непрочной работы, в короткое время разрушились или были снесены водой»⁴⁰⁴.

М.С. Воронцов приказал поправить положение и назначил ответственных начальников, которым вменялось проследить за тем, чтобы починка старых мостов и постройка новых были произведены прочно и тщательно, чтобы они не

⁴⁰² Зиссерман А.Л. Указ. Соч. С. 82.

⁴⁰³ АКАК. Т. X. С.17.

⁴⁰⁴ Там же С.889.

требовали скорых и беспрерывных ремонтов⁴⁰⁵. В связи с этим приказано было по большей части строить каменные мосты.

В 1848 г. М.С. Воронцов обратился к князю В.О. Бебутову, чтобы «к этому было преступлено на первый раз на трактах почтовых и проселочных, наиболее имеющих в том нужду». М.С. Воронцов «поручил составить для каждого моста сметы, означить вид моста и его форму с прибавлением мнения о способе самого производства работ»⁴⁰⁶.

Устройство мостов – «главнейший предмет при устройстве сообщения в Кавказском крае, число которых по самой местности, чрезвычайно велико»⁴⁰⁷, а значит столь же велики, могли быть затраты. Из-за запрета расходовать на постройку мостов земские повинности, приходилось изыскивать дополнительные способы получения нужных сумм.

Каждый мост снабжался предмостовыми укреплениями для охраны переправы. Так, например, были устроены мосты через Терек на Военно-Грузинской дороге, через Кубань, близ станиц Тифлисской и Прочного Окопа⁴⁰⁸. Мосты охранялись часовыми, которые проживали и отдыхали в караульных помещениях. При некоторых из них были устроены также больницы⁴⁰⁹.

В 1849 г. были закончены 5 значительных каменных мостов в Шемахинской губернии. Кроме моста в Тифлисе через Куру были составлены проекты и готовились материалы для двух мостов ниже и выше города Гори, чем устранилась опасность переезда через реку Лиахву, на которой устройство моста оказалось невозможным.

При устройстве дороги в Елисаветпольском уезде, от Шамхорского поста, стоящего на Тифлисском почтовом тракте, через русские селения Новогорское, Славянку и Михайловку к Торчайскому ущелью к Чарусанской почтовой станции на Эриванском почтовом тракте на протяжении 100 верст

⁴⁰⁵ Там же. С.17.

⁴⁰⁶ Там же. С. 889.

⁴⁰⁷ Там же.

⁴⁰⁸ ГАКК. Ф.252. Оп.1. Д.2084. Л.1-3.

⁴⁰⁹ Пылков О.С. Указ. соч. С.118.

пришлось возводить 32 деревянных моста через реку Торчай и один мост через реку Акстафу⁴¹⁰.

Возведение каменного большого моста на реке Куре в Тифлисе послужило сближению Тифлиса с Авлабаром и Навтлугом и, в особенности, для сокращения пути перегоняемым в огромных количествах через город стадам на летнее кочевье. Одна частная компания взялась осуществить за свой счет этот проект, добившись у наместника права взимать плату по установленной таксе с проезжающих и проходящих по мосту в течение 25 лет⁴¹¹.

Трудности и опасность прохода и проезда через реку Подкумок близ Георгиевска, особенно при высокой воде, когда быстрым течением подмывались берега и образовывались по дну реки глубокие уступы, вызывали необходимость строить прочный каменный мост, т.к. не было другой переправы для проезжающих и для войск, проходящих в действующий отряд и обратно. Войска бывали часто вынуждены в холодную и ненастную погоду переправляться вброд. Постройка моста производилась на коммерческом праве с полной ответственностью строителя⁴¹².

На северных склонах Кавказа также было выстроено много мостов, отсутствие которых негативно отражалось на действиях войск. Самые важные здесь мосты были выстроены на нижнем Тереке, у станицы Николаевской, и на дороге от станицы Червленной до крепости Грозной, а так же у станицы Шелковской, на дороге в Хасав-юрт, крепость Внезапную и весь Дагестан⁴¹³. Не менее значимый мост был переброшен через Сулак близ Чир-юрта⁴¹⁴.

Войска сильно страдали из-за отсутствия этих мостов и из-за трудных паромных переправ, особенно в плохую погоду при сильных ветрах, когда передвижения войск приходилось прекращать на несколько дней. Иногда задерживались по этим причинам войска, назначенные для экспедиций, а подвозы даже

⁴¹⁰ АКАК. Т. X. С.889.

⁴¹¹ Там же. С. 890.

⁴¹² Там же.

⁴¹³ Там же. С. 890.

⁴¹⁴ РГВИА. Ф.13454. Оп.3. Д.185. Л.1-1об.

хлеба и снарядов не приходили к надлежащему сроку. Российская сторона нуждалась в этих мостах более 20 лет и только к 1851 г. их получила, благодаря знаниям и усердным трудам инженера-полковника Иванова, которого отметил в своем отчете императору князь М.С. Воронцов⁴¹⁵.

Наместник указал начальникам губерний на то, что приведение в исправный вид мостов находящихся в их ведомстве, должно составлять одну из главных их обязанностей. «Устройство мостов, дорог, водопроводных канав – это предметы первостепенной государственной важности, наряду с устройством фабрик, улучшением сельского хозяйства, развитием торговли и проведением необходимых военных операций. Все издержки, которые будут произведены казной с этой целью, с избытком вознаграждаются. Одно устройство путей сообщения дает возможность развивать и обменивать разнообразные произведения от Черного моря до Каспийского, оживит промышленность, торговую деятельность и откроет источники богатства, разработка которых поставит Кавказский край на ту степень благосостояния, на которую щедрые дары природы дают ему столь неоспоримое право»⁴¹⁶.

Главное сообщение края – Военно-Грузинская дорога, соединявшая Кавказ с Россией, была значительно улучшена, а в некоторых местах совершенно переделана. Из выше сказанного уже известно, что большая часть этой дороги требовала постоянного ремонта, особенно после таяния в горах снегов и разлива вод. Кроме того, в зимнее время огромные завалы снега с Казбека перекрывали сообщение в течение нескольких недель.

Для устранения этого затруднения в поддержании связей между внутренней Россией и Закавказским краем надо было иметь в гражданском и, особенно в военном отношении, более одного пути.

С самого приезда наместника на Кавказ (март 1845 г.) он занялся изысканием другой дороги через Осетинские горы, которая, идя от Кабардинской плоскости, могла быть направлена прямо в Картли, не касаясь ни Казбека, ни

⁴¹⁵ АКАК. Т. X. С. 56.

⁴¹⁶ Там же. С. 859.

Кайшаура. С этой целью были командированы инженерные офицеры для осмотра всех проходов через Осетию. Капитан-инженер Коханов составил окончательное предположение и смету работам. Протяженность новой дороги была 137 верст, от селения Цхинвала до станицы Ардон на Кабардинской плоскости. Работы производились силами небольшого числа наемных рабочих из осетин и жителей Горийского уезда подрядившихся за оговоренную заранее плату⁴¹⁷.

Разрабатывалась также дорога через Кавказские горы из Абхазии в Цебельду, Дарьяльское ущелье и потом через хребет у подножия Эльбруса в земли Карачаевцев и на Лабинскую линию.

Важное обстоятельство сопутствовало этому пути – он пролегал через мирные общества и более или менее преданные русским племена. Из-за отсутствия средств у наместника в 1846 г. ему пришлось отказаться от возможности устройства там «провозной» дороги, но он улучшил вьючное сообщение, которое принесло большую пользу в торговом отношении и могло быть полезным для прохода войск с горной артиллерией.

В течение 1846-1848 гг. деятельно производились работы по прокладке Военно-Ахтинской дороги, значительно сокращавшей и облегчавшей сообщение Закавказского края с Дагестаном и Каспийским морем. Работы производились под руководством генерал-майора К.И. Бюрно. К 1849 г. предполагалось открытие вьючного сообщения. На пути пробивались 2 тоннеля через гору Салават. Работам препятствовали условия природы и ведущиеся военные действия. Несмотря на недостаток средств, малое число войск и окрестных жителей, готовых сотрудничать с русскими, генерал Бюрно успешно справился с поставленной задачей.

Хотя начало дороги уже было готово к «повозочному» сообщению, наместник отложил его окончательное устройство на 1-2 года, «находя более выгод иметь до времени вьючное сообщение, потому что уже при вьючной дороге достигались все выгоды прохода войск с вьючным обозом и горной артиллерией, а равно для коммерческих оборотов, сохраняя при

⁴¹⁷ Там же. С. 859-860.

этом многие денежные средства для других неотложных нужд. Войска, идущие на усиление Дагестанского отряда, выигрывали в оба конца около двух месяцев»⁴¹⁸.

Кроме того, что войска получали «чрезвычайно важное сообщение в военном отношении, ибо это сократит путь к Южному Дагестану и Дербенту более чем на 200 верст и вместе с тем оживит сообщение и промышленность между всею западною частью Кавказа и Тифлисом»⁴¹⁹.

По распоряжению наместника в 1848 г. продолжались работы по устройству дороги между Тифлисом и Александрополем в обход гор Безобдала и Акзи-беюка.

В горных районах Северо-Западного Кавказа, а, равно, как и в горах Центрального Кавказа до прихода туда русских дорог почти не существовало не только по причинам естественным – сложности рельефа местности или климата, - но также из-за самого способа существования там местных жителей.

Горцы, озабоченные сохранением своих жилищ и своего мира в неприкосновенности, довольствовались «обрывистыми тропинками через горы и ущелья, по которым можно было пробираться лишь пешком, и которые даже для одиночного всадника представляли значительные трудности»⁴²⁰.

Бездорожье было надёжным способом держать чужаков в неведении относительно существования горских обществ, давало возможность поддерживать замкнутость традиционного существования.

Даже горные долины не только не способствовали связи между отдельными частями горной страны, но напротив, затрудняли их, заставляли дороги «бесконечно кружиться, чередуя крутые спуски и подъемы»⁴²¹.

Чрезвычайно трудной была и сама работа по прокладке дорог. Часто приходилось использовать порох для рыхления грунта или освобождения пути от горных выступов или громадных камней. Не способствовали делу частые перемены

⁴¹⁸ Там же.

⁴¹⁹ Там же. С.841.

⁴²⁰ Берже А.П. Чечня и чеченцы. – Грозный: «Книга», 1991. С.8.

⁴²¹ Пылков О.С. Указ. соч. С.101.

погоды – от проливных дождей до невыносимой жары, изнурявших военных строителей⁴²².

Прокладывать дороги вдоль морского побережья в Черномории было так же трудно, как и в горах. При сильном волнении моря волны смывали целые участки проложенного пути, и приходилось все начинать снова⁴²³.

На Черноморском побережье проводили осушку болот близ Сухум-кале, подготавливая условия для прокладки дороги между Сухумом и Редут-кале. Там «по невозможности употребить для сего военных чинов, по недостатку оных и по вредному климату, было поручено генерал-адъютанту Будбергу вызвать по вольным ценам рабочих из Абхазии, Мингрелии и Имеретии»⁴²⁴.

Значительные работы производились в 1846-1848 гг. и на Военно-Имеретинской дороге. Сообщение это по случаю открытия Кутаисской губернии и увеличившихся связей с Редут-кале, сделалось особенно важным. На этой дороге оканчивали постройку нескольких почтовых станций, «по образцу удобных и красивых станционных домов, существовавших в Земле Войска Донского, с присоединением помещения для казаков»⁴²⁵.

С открытием Кутаисской губернии и учреждения ряда уездных городов, «открывалась нужда во внутренних сообщениях. В 1847-1848 гг., устраивались дороги от Кутаиса до Ахалциха по прямому направлению для избежания большого объезда через Сурам»⁴²⁶. Работы были начаты одновременно с двух сторон – от Кутаиса и от Ахалциха.

Первоначально открывалось выючное сообщение для того, чтобы товары, привозимые морем в Редут-кале, могли быть отправлены кратчайшим путем к Персидской границе. Проложена дорога от Кутаиса в уездный город Они и от города Мирани, расположенного на реке Риони, до уездного города

⁴²² ГАКК. Ф.250. Оп.1. Д.656. Л.59.

⁴²³ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.480. Л.53.

⁴²⁴ АКАК. Т.Х. С.841; ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.480. Лл.86, 334.

⁴²⁵ АКАК. Т.Х. С. 889.

⁴²⁶ Там же.

Озургеты. «Повозочное» сообщение было открыто от Озургет до крепости Св. Николая, соединив Гурию с Черным морем.

В 1850 г. был сделан осмотр местности для прокладки дороги, которая могла бы кратчайшим путем соединить Кавказскую равнину и Кисловодскую линию с Абхазией и Черным морем, через Цебельду и укрепление Марамба. С южной стороны в данном направлении двигался вице-адмирал Л.М. Серебряков, а с северной – генерал-майор князь Эристов. Их отряды сошлись на главном хребте, первый через Цебельду, а второй – с верховий Лабы и Кубани по Марухскому ущелью⁴²⁷.

Сделанная рекогносцировка показала, что намечавшаяся прокладка дороги «может быть полезной, как кратчайший путь для могущих быть военных действий и постоянно для торговых сношений жителей северного поката с Абхазией, Мингрелией и Черным морем»⁴²⁸.

Для вывоза леса из-за хребта Марткоха (на Новороссийском направлении) и «вообще со стратегической целью проложена дорога в этот хребет к ущелью Наберджай»⁴²⁹, по которой к русским стали ездить с торговыми целями шапсуги.

Дорога эта была полезной и в военном отношении, так как предоставляла возможность свободного доступа отрядам с восточного побережья попадать «в разные части непокорных или полупокорных племен и к укреплению Абинскому»⁴³⁰.

С 1846 г. происходило устройство сообщения по Лезгинской линии. Улучшались пути сообщения от Тиокет, центрального пребывания тушино-пшаво-хевсурского окружного начальства с Кахетией, Тифлисом и Военно-Грузинской дорогой.

В 1848 г. была проведена на расстоянии 70 верст удобная «повозочная» дорога от Тиокет к Тифлису. Дорога была разработана большей частью пшавами и тушинами, занятыми защитой своих жилищ от набегов лезгин, и в первый раз

⁴²⁷ Там же. С.888.

⁴²⁸ Там же.

⁴²⁹ Там же. С.889.

⁴³⁰ Там же.

привлечены были к подобной работе за незначительную плату. Но они охотно и с усердием занялись этим делом, видя очевидную для себя пользу. Продолжение работ с 1849-1851 гг. дали возможность Кахетии и всей Лезгинской линии иметь прямое сообщение с Россией через Военно-Грузинскую дорогу, и с Тифлисом, без необходимости делать довольно большой объезд на Сигнах.

К 1851 г. по части дорог весьма много сделано в Дагестане. Князь Аргутинский успел улучшить все сообщения до того, что все войска и резервы в этом обширном и по своему положению столь важном крае, свободно и безостановочно могли передвигаться во все стороны, где нужда требовала. Работы по дорожному устройству были сделаны почти бесплатно жителями Дагестанского общества, Казикумухского и Кюринского ханств и Дербентской губернии⁴³¹.

Скоро последовал военный успех Лезгинского отряда генерал-майора Врангеля, который, по мнению М.С. Воронцова, можно приписать дороге, сделанной в 1851-1852 гг. «через горы, от большой Казикумухской дороги к Лучеку и, особенно, от Лучека до Цахура и верхнего магала Джаро-Белоканской области»⁴³².

Кроме того, в этот же период по распоряжению военного командования Лезгинской линии обрабатываются жителями Табасарани и Кайтага удобопроходимые дороги на все труднейшие места. Этим устранялось не только желание, но и возможность непокорным жителям этих двух провинций возмущаться по собственному произволу или по принуждению неприятельских партий.

В Дагестане наместник, отдавая указания об устройении путей и способов сообщения, всегда имел в виду и опирался на свой предыдущий опыт или европейский опыт, например, французского маршала Виллара времен Людовика XIV, воевавшего в Севенских горах.

Маршалу Виллару после 7 лет серьезной и не всегда удачной войны удалось сломить сопротивление жителей этих

⁴³¹ Там же. С.888.

⁴³² Там же. С. 889.

гор после прокладки дорог по всем направлениям внутри горной области. Дороги позволили малому числу регулярных войск проникнуть во все бывшие ранее неприступные трущобы и разом подавить все сопротивление.

Князь М.С. Воронцов, после последовавших в начале 50-х гг. XIX в. удач в деле покорения дагестанских и других кавказских горских обществ, не скрывая своего удовлетворения, написал об этом в своем отчете императору Николаю I за 1849-1851 гг.⁴³³.

Наместник сообщал императору, что «метода маршала Виллара всегда у него в виду, и он везде старался привести ее в исполнение»⁴³⁴.

Везде, где только нужно и можно, он употреблял «все имевшиеся в его распоряжении средства, чтобы открывать и улучшать сообщения, и тем не только достигать необходимых и важных результатов в военном отношении, но убеждать жителей увидеть выгоды в хорошем сообщении с соседями для сбыта своих произведений и вообще для всех торговых нужд и, тем самым, постепенно обратиться к мирной жизни и к полезным занятиям»⁴³⁵.

Решая первостепенно военные задачи, наместник никогда не выпускал из виду того, что военные нужды скоротечны, и за ними последуют нужды гражданские, хозяйственные. Поэтому устройство разнообразных путей сообщения в Кавказском крае предполагало развитие и административных способов правительственного управления регионом, и хозяйственное процветание, и сближение с хозяйственными и культурными структурами Российской империи.

Торгово-промышленная деятельность на Кавказе требовала надежных средств сообщения. Дальнейшее развитие Черномории и Ставропольской губернии зависело от организации в Черноморско-Азовском регионе регулярных пароходных сообщений. Отсутствие нормальных путей

⁴³³ Там же.

⁴³⁴ Там же.

⁴³⁵ Там же.

сообщения отрывало, и Закавказье от остального торгово-промышленного сообщества России, и обрекало Кавказский край на застой и стагнацию.

Думая вообще об устройстве пароходства на Черном море, М.С. Воронцов писал в Петербург о том, что оно «должно быть распространено как можно более и проникать во все черноморские порты, дабы овладеть наибольшим числом сношений, ибо сие немало способствует к приобретению так называемой поверхности на морях, как в торговом, так и в политическом отношении, на которое Россия по её географическому положению имеет на Черном море все права и способы»⁴³⁶.

В 1849 г. было открыто посредством заказанных в Англии при одобрении императора Николая I двух железных пароходов мощностью по 160 л. с. каждый, регулярное сообщение Одесса-Редут-Кале. Нужная для этого сумма – 400 000 рублей серебром – была занята «из Государственного Заемного банка на 37-ми летних правилах с платежом процентов и погашения займа одной половины - из Одесских городских доходов, а другой – из сумм, ежегодно ассигнуемых на издержки по Закавказскому краю»⁴³⁷. Устройством этого пароходства завершалась цепь всех сообщений по Черноморскому и Азовскому морям.

В этом деле князь М.С. Воронцов много опирался на свой прежний опыт двадцатилетней давности, когда было открыто плавание торговых судов на Черном море, курсировавших вдоль побережья Новороссийского края.

К середине XIX в. уже существовали регулярные пароходные сообщения между всеми портами Черного и Азовского морей, осуществлявшиеся посредством пароходов, которые по своему устройству, прочности, красоте ни в чем не уступали лучшим европейским пароходным судам.

И хотя расходы, употребляемые на некоторые из этих пароходов, не соответствовали доходам, от них получаемым, но наместник надеялся, что со временем издержки будут

⁴³⁶ АКАК. Т. X. С.861.

⁴³⁷ Там же.

покрываться приходом. Князь М.С. Воронцов всячески убеждал правительство и императора в том, что «пароходные сообщения, как и дороги, принадлежат к тем предметам, на которые правительство должно делать пожертвования»⁴³⁸.

Открытие прямого сообщения между Редут-Кале, Одессой и Галацем соединяло Закавказский край с южной Россией и предоставляло возможность отправлять товары из-за границы транзитом по Дунаю, через Одессу и Редут-Кале в Персию.

По мнению князя-наместника, если бы открытием этого сообщения могла появиться возможность иметь на реке Риони небольшой пароход для перевозки пассажиров и буксировки барж с товарами, то этот обширный водной путь был бы приведен к окончательному устройству⁴³⁹.

Эти пароходные сообщения приносили бы великую пользу торговле, промышленности и частным людям; много содействовали благоденствию края и предоставляли довольствия всем классам жителей и теснее привязывали Кавказский край к России, убеждая жителей в благодетельности состояния в составе империи.

Ознакомившись с положением, сложившимся на Черноморской береговой линии, Князь М.С. Воронцов увидел, что укрепления, там расположенные, испытывали много лишений не только по причинам природного свойства (частые лихорадки), не только из-за ведущихся там военных действий против непокорных черкесов, но также «из-за отсутствия дорог и регулярного и устойчивого снабжения их всеми необходимыми жизненными припасами и средствами»⁴⁴⁰.

Разрешением существовавших проблем освоения восточного побережья Черного моря могла стать организация каботажного судоходства между черноморскими, азовскими и дунайскими портами.

Предшественники князя М.С. Воронцова не придавали большого значения морскому фактору при покорении Кавказа, в

⁴³⁸ Там же. С.860.

⁴³⁹ Там же.

⁴⁴⁰ АКАК. Т.Х. С.861.

том числе и его морских побережий. Следствием этого было то, что глубокое и значительное влияние морской мощи на эту важную проблему оставалось незамеченным и не востребованным.

Предшественников князя М.С. Воронцова, однако, могло извинить лишь то обстоятельство, что на Каспии флот едва ли существовал, а Черноморский флот, хотя и был заведен князем Г.А. Потемкиным в конце XVIII века, долго пребывал в запущенном состоянии в продолжение почти всей первой половины XIX века, а о флоте партикулярном даже в правительственных сферах Петербурга не помышляли.

Поэтому, если в данном случае у восточного побережья Черного и Азовского морей и существовало какое-либо партикулярное судоходство, то целиком принадлежало частной инициативе, турецкой негоциации и контрабандистам.

В любом случае М.С. Воронцов выступил первопроходцем в деле решения множества социально-экономических, культурных и военно-политических задач, прибегнув к помощи пассажирского и каботажного судоходства.

Объяснением этому может служить ряд причин как объективного, так и субъективного свойства. К первым можно отнести задачи хозяйственного обустройства сначала Новороссии, а затем Кавказского края, которые были возложены на М.С. Воронцова двумя императорами. Ко вторым – следует отнести всегдашнюю любовь князя к морю и его английское воспитание, в котором море играло заметную и существенную роль.

Поэтому идея создания Черноморского пароходства возникла не вдруг и не на пустом месте – тому виной местный опыт колонизации Черноморского побережья, опыт развития Новороссии и опыт европейский.

В 1835 году по инициативе и настойчивым ходатайствам М.С. Воронцова в Петербург, пароходами «Петр Великий» и «Наследник», начались регулярные пассажирские рейсы по Черному и Азовскому морям.

В 1836 г. на пароходе «Петр Великий» в сопровождении военного корвета «Ифигения» и сам М.С. Воронцов совершил инспекционное плавание вдоль восточного берега Черного

моря. В 1841 г., тогда ещё граф М.С. Воронцов и командующий Черноморским флотом адмирал М.П. Лазарев обратились с просьбой к императору заказать 4 парохота - фрегата в Англии «с тем, чтобы в военное время можно было их обратить на полезное употребление при флоте».⁴⁴¹ Эти суда начали своё плавание в 1843 г. и получили названия – «Одесса», «Крым», «Керчь», «Бессарабия».

Для расширения пароходства необходимо было развивать береговую инфраструктуру и строить новые порты. В 1845 г. открылся порт в Новороссийске, а в 1848 г. на азовском побережье был основан город - порт Ейск. Началось регулярное пароходное сообщение между портами Крыма и Кавказа.

Без закрепления на морском побережье нельзя было думать об успешной колонизации и административно-хозяйственном развитии Кавказского края. Это направление в развитии «русского дела» давало возможность не только упрочить позиции России в Закавказье и в Черномории в целом, не только сблизить их с империей, но существенно уменьшить военные и связанные с ними издержки в данном регионе.

Практика показала, что учреждение одних только крепостей Черноморской линии было недостаточно для успешной колонизации края, а из-за отсутствия между ними какого-либо сухопутного сообщения, невозможно было воспрепятствовать сношениям турок с черкесами. Более того, сами крепости оказались на осадном положении, окруженные воинственным и враждебным к русским населением. Крепости не столько контролировали местность, на которой располагались, сколько обозначали там русское присутствие. Решение занимать десантами пункты по восточному берегу Черного моря «повело за собой устройство береговой линии, стоившее многие миллионы, много десятков тысяч людей, сделавшихся жертвою губительного климата и давших взамен всего этого слишком ничтожные результаты»⁴⁴².

⁴⁴¹ Цит. по: Удовик В.А. Воронцов. – М., 2004. С.194.

⁴⁴² Филипсон Г. Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Выпуск 1. – Ставрополь, 1991. С.487.

Положение можно было поправить, по мнению М.С. Воронцова, только изменением отношения берега с морем. «Первое и очевидное, чем выглядит море с политической и социальной точек зрения, - это большая дорога. Несмотря на все ожидаемые и неожиданные опасности моря, путешествие и передвижение по воде всегда было легче и дешевле, чем по суше»⁴⁴³, а в условиях Черноморья первой половины XIX в. так значительно безопаснее.

Это преимущество транспортирования по воде над перевозками по суше становится ещё более заметным в период, когда дороги были малочисленными и плохого качества, когда войны были частыми, а общество неустроенным. Именно всё это было характерно для восточного побережья Черного моря, где русские крепости прозябали и мучались от неустроенности и отсутствия нормального снабжения.

Данные обстоятельства вызвали необходимость учреждения особой флотилии, независимой от Черноморского флота, у которого было достаточно собственных задач по обеспечению и поддержанию российской мощи на черноморской акватории.

Постепенно эта флотилия, осуществлявшая крейсерство вдоль восточного побережья Черного и Азовского морей, стала насчитывать 6 пароходов и 6 парусных транспортов. Кроме того, для сообщения между крепостями и ближайшего крейсерства в достаточном количестве были заведены азовские баркасы⁴⁴⁴.

М.С. Воронцов писал военному министру князю А.И. Чернышову «об отличной пользе, приносимой азовскими баркасами, о примерной службе азовских казаков и о содействии их к пресечению контрабандных сношений с восточным берегом Черного моря»⁴⁴⁵.

Азовские баркасы служили не только преградой для турецких контрабандных судов, но использовались для сообщения между «нашими фортами на восточном берегу, и в

⁴⁴³ Мэхэн А.Т. Роль морских сил в мировой истории. – М., 2008. С.38.

⁴⁴⁴ АКАК. Т.Х. С.307.

⁴⁴⁵ Там же.

военном отношении для распоряжений местных дистанционных начальников к скорой перевозке из одного места в другое некоторой части войск, как для усиления, где нужно, гарнизона, так и для действий против неприятеля, когда горцы подходят малыми партиями к укреплениям по морскому берегу»⁴⁴⁶.

Эта флотилия летом базировалась в Новороссийске, а зимой находилась в Сухум - кале. Учреждение такой флотилии, состоявшей в распоряжении кавказского начальства, «обошлось казне в 4258503 рубля, а починка и исправление оной с 1835 по 1852 год в 1679509 рублей».⁴⁴⁷ Однако, несмотря на столь большие затраты, приносимая ею польза окупалась сторицей. Благодаря флотилии «наша линия на восточном берегу, можно сказать, воскресла с тех пор, как усилены для неё пароходные средства».⁴⁴⁸

Кавказские власти считали, что пришло время не только развивать собственное судоходство, но, наконец, вытеснить иностранные суда, занимавшиеся каботажом в азовских и черноморских портах, и, тем самым, дать ход национальному русскому каботажу, способствовать не только заведению, но и развитию в этом регионе национальной русской промышленности.

Товары, привозимые на турецких судах – кочермах – в Редут-кале и Сухум-кале, не предназначались для местного потребления: они только подвергались там карантинному очищению, а затем развозились по всему протяжению восточного берега Черного моря.

Кочермы, выдержавшие карантинный срок и проверку в Редуте или в Сухуме (опасались завоза чумы), отправлялись по всем укреплениям Черноморской береговой линии, вплоть до Анапы, для торговли товарами или для перевозки грузов. Турки, в связи с этим, имели возможность шпионить против русских, производить контрабанду или доставлять оружие горцам, воюющим против русской армии. Этому надо было положить конец.

⁴⁴⁶ Там же.

⁴⁴⁷ Верещагин А.В. Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. – СПб., 1885. С.2.

⁴⁴⁸ АКАК. Т.Х. С.307.

Перечисленные обстоятельства стали обоснованием необходимости устройства российского каботажного и всякого иного мореплавания вдоль восточного побережья Черного и Азовского морей. Князь - наместник писал по этому поводу начальнику Черноморской береговой линии барону А.И. Будбергу: «Для приведения этого дела в желаемое положение надобно будет учредить, как скоро возможно, регулярное сообщение, как из Керчи, так и прямо из Одессы в Редут – кале, а впоследствии и в Сухум-кале; поставить внутреннее сообщение от берегов Черного моря до Тифлиса в лучшее против теперешнего, положение»⁴⁴⁹.

Наместник предполагал до осени 1845 г. установить регулярное плавание сначала пароходом «Бессарабия» из Одессы в Редут-кале, а с весны 1846 г. с помощью адмирала М.П. Лазарева устроить все дело на постоянной основе.

Князь Воронцов рассчитывал первоначально привлечь 4 военных парохода, принадлежавших ведомству Кавказского корпуса, два из которых постоянно находились в плавании вдоль Черноморской береговой линии, а два другие парохода оставались в Николаеве для ремонта и исправлений.

Такое положение нельзя было считать удовлетворительным, но с этим приходилось мириться. Причиной такой ситуации было низкое качество русских судов, которые, в отличие от судов английской постройки, находящихся в рабочем состоянии 50 лет, служили в несколько раз меньше. Виной всему был сырой лес, использовавшийся при постройке судов, и замена при строительстве медных болтов железными болтами – все это приводило к тому, что суда быстро гнивали и требовали замены⁴⁵⁰.

В связи с этим вице - адмирал Л.М. Серебряков считал, что для флотилии будет больше пользы, если выписать из Англии пароходную шхуну взамен обыкновенных парусных транспортов, не выходя при этом из существующих бюджетов.

⁴⁴⁹ АКАК. Т.Х. С.644.

⁴⁵⁰ Айрапетов О. Предположение атаки Царьграда. Русские проекты десанта на Босфор первой половины XIX века // Родина.2009. №3. С.60.

Наместник поддерживал линию Л.М. Серебрякова, но считал, что это составит лишь половину дела без того, чтобы не усилить в Керчи адмиралтейство и имевшийся там чугунный завод, на котором производилась починка поврежденных пароходов. Важно было также построить «мортонов эллинг», чтобы избавиться от необходимости беспрестанно посылать для осмотра подводной части и для починки пароходы в Николаев или Севастополь, что влекло кроме огромной потери времени и непомерные расходы.

Много сложностей, между тем, возникало из того, что в плавании находились только два судна. Из этого делалась заготовка каменного угля и из этого же расчета ассигновались средства на содержание только двух пароходов. Поэтому само плавание пароходов по береговой линии совершалось в таком порядке, что один из них, отправляясь из Керчи, должен был заходить во все 16 пунктов, занятых войсками от Анапы до Редут-кале.

В каждом пункте сдавались и принимались казенные конверты, частные письма, посылки, грузы и пассажиры. Кроме почты, принимаемой из керченской почтовой конторы для развоза по всем укреплениям береговой линии, пароход забирал многие казенные грузы, особенно инженерные, а частью и артиллерийские. Пароход брал на борт также разного рода продовольственные запасы, доставлявшиеся из Керчи, как для офицеров, так и для нижних чинов прибрежных гарнизонов. Все маркитанты, торговавшие в укреплениях по контрактам, перевозили свои товары и припасы также на пароходах.

Данными пароходами развозились все чины войск береговой линии, возвращавшиеся после выздоровления и лечения из фанаторийского, феодосийского и других госпиталей, численность которых нередко доходила до 200 человек и более⁴⁵¹.

На пароходах отправлялись из Керчи все офицеры и чиновники, нередко с женами и детьми, следовавшие на береговую линию, а иногда и в Закавказский край, после

⁴⁵¹ АКАК. Т. X. С.646; Филипсон Г. Указ. соч. С.512.

выпуска из корпусов, по определению из отставок, по переводу из разных частей войск и ведомств.

Число пассажиров и грузов, отправлявшихся из Керчи, бывало так велико, что для их перевозки посылались оба парохода одновременно, при том надо следовало иметь в виду, что эти пароходы, будучи военными судами, не были приспособлены ни для перевозки гражданских грузов, ни для перевозки пассажиров. Трюмы их были слишком малы, а кают для пассажиров так и вовсе не было.

Поэтому нижние чины и офицеры, весь груз, как летом, так и зимой, размещались на палубе. Пароходы при этом теряли свои морские качества, а при сильном волнении моря подвергались большой опасности. Пароходы находились в сложном положении из-за неблагоприятных природных условий. От Керченского пролива до турецкой границы не было ни одной надежной гавани, в которой можно было бы укрыться от ветров всех направлений.

В непогоду пароходы заходили в один из портов - Новороссийск, Геленджик или Сухум-кале - и там выжидали удобного времени для продолжения прерванного плавания и захода в те пункты, к которым прежде причалить не было возможности из-за непогоды. Но само нахождение в данных портах не гарантировало безопасности, находившимся там судам, особенно зимой, когда на побережье свирепствовала губительная «бора». Так в 1848 г. находившийся в Геленджикском порту тендер «Струя» затонул под грузом намерзшего на его корпусе льда со всей командой, которая оказалась закупоренной этим льдом во внутренних помещениях⁴⁵².

Берег в свою очередь не был оборудован в навигационном отношении: там нельзя было установить маяки из-за враждебности местного горского населения. Рельеф дна и характер грунта в большинстве районов затруднял якорную стоянку. Налетавший с моря шквал выбрасывал корабли на камни до того, как команда успевала поставить паруса и отойти от берега на безопасное расстояние. По свидетельству генерала

⁴⁵² АКАК. Т. X. С.669.

Г.И. Филипсона, после бури в районе Туапсе, было выброшено на берег несколько русских судов⁴⁵³. Такая же участь грозила и пароходам, которые были не в силах противостоять порывам ветра из-за малой мощности их машин⁴⁵⁴.

По этой причине самое обыкновенное плавание парохода вдоль береговой линии совершалось не менее чем за 14 дней. Но срок такого плавания часто удлинялся из-за различных местных обстоятельств или по необходимости переброски резервов в гарнизоны, на которые горцы совершали нападения.

По возвращении парохода с береговой линии «на нем обыкновенно получают представления частных начальников по разным предметам, нередко требующим самоскорейшего разрешения», а потому следующее затем отплытие парохода из Керчи «бывает, смотря по обстоятельствам, через 4-7 дней»⁴⁵⁵.

Ко всему прочему, ежегодно приходилось командировать пароходы в Таганрог для доставки туда офицеров с конвойными командами, которые доставляли потом на линию рекрутов.

Из всего этого следовало, что согласовать отправление пароходов из Керчи на Черноморскую береговую линию с прибытием пароходов из Одессы, без явных неудобств для береговой линии, не представлялось возможным, пока в постоянном плавании находились только два парохода.

Кроме того, большая часть купцов и вольных промышленников, которые имели свои лавки в Анапе, Новороссийске, Геленджике и других пунктах береговой линии снабжали их товарами «единственно через посредство этих пароходов»⁴⁵⁶.

Однако перевозка частных грузов зависела от количества находящихся на пароходах казенных грузов, а потому часто им либо не находилось места вовсе, либо они составляли лишь малую часть. Что касается частных

⁴⁵³ Филипсон Г. Указ. соч. С.510.

⁴⁵⁴ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб., 2008. С.119 – 120.

⁴⁵⁵ АКАК. Т.Х. С.646.

⁴⁵⁶ Там же.

пассажиров, то при каждом рейсе пароходов их отправлялось до 70 и более человек, большей частью состоявших из разного рода людей: мастеровых, купцов или вольнопромышленников, ехавших для торговли и на заработки в укрепления береговой линии и в Закавказский край⁴⁵⁷.

Люди и частные грузы перевозились бесплатно, так как если бы с них взималась плата, то перевозчикам пришлось бы брать на себя обязательства по сохранности частных грузов и предоставления удобств пассажирам, в то время как данные пароходы – «Могучий» и «Колхида» - не имели для этого ни условий, ни средств⁴⁵⁸.

Отсутствие у правительства достаточного понимания степени необходимости для края скорейшего открытия устойчивого пароходного сообщения, а также невозможность выделения на эти цели достаточных сумм, обрекало становление русского национального каботажного восточного побережья Черного моря на столкновение с множеством трудно разрешимых задач.

Просто запретить иностранцам заниматься каботажными перевозками было нельзя уже в силу того, что из-за этого местные торговцы на береговой линии немедленно бы потеряли возможность доставлять свои товары к местам назначения, так как не имели собственных мореходных лодок, а плававшие вдоль береговой линии два парохода, принадлежавшие военноморскому ведомству, для каботажных перевозок не были приспособлены.

Запрещение иностранным судам плавать между черноморскими и азовскими портами могло воспрепятствовать прибытию, так нужных там разного рода мастеровым и вольнопромышленникам, едущим для заработка в укрепления Черноморской береговой линии и Закавказья.

Таким образом, запрещение турецким кочерам и чектырмам перевозить частные грузы и пассажиров вдоль восточного побережья Черного и Азовского морей могло бы привести к гибели всякой промышленности в этом крае и

⁴⁵⁷ Там же.

⁴⁵⁸ Там же. С.647 - 649.

надолго замедлило бы его общее развитие, негативно повлияло бы на ход всего «русского дела» на Черноморской линии.

Некоторые купцы, причисленные к городам северо-восточного берега Черного моря, не желавшие терпеть потери и опасавшиеся за свою торговлю, на свой страх и риск, «приобрели покупкою турецкие кочермы, и переименовали их в русские каботажные суда, получив на них установленные патенты»⁴⁵⁹.

Но и это начало русского маломерного каботажа на восточном берегу Черного моря встретило с первых же шагов своего развития различные затруднения. Становлению русского каботажа сильно препятствовал недостаток русских шкиперов и русских матросов, отдаленность и малая обустроенность края. Между тем резко увеличить как количество морских судов, так шкиперов и матросов не было никакой возможности: у казны не хватало средств на закупку и содержание новых судов, а люди в России, знающие морское дело, опасались ехать в столь беспокойный регион.

Начальник Черноморской береговой линии вице-адмирал Л.М. Серебряков для разрешения трудностей данного рода предложил наместнику выйти с ходатайством перед Петербургом, «чтобы на судах, принадлежащих жителям портовых городов северо-восточного берега Черного моря, при плавании их по портам Черноморской береговой линии, дозволено было иметь шкипера-иностранца и четверть экипажа из русских подданных, а остальных матросов из иностранцев, с тем, однако ж, чтобы эти иностранные шкипера и матросы были непременно христианского вероисповедания»⁴⁶⁰.

Князь М.С. Воронцов, летом 1847 года обратился к императору Николаю I, объяснив ему всю важность данного дела, и испросил разрешения выписать из Англии новых 4 парохода: 2 деревянных и 2 железных⁴⁶¹.

Наместник просил также императора разрешить заказать в Англии 2 парохода мощностью по 180 л.с. каждый через

⁴⁵⁹ Там же. С.691.

⁴⁶⁰ Там же. С.692.

⁴⁶¹ Там же. С.666.

посредство российского генерального консула в Лондоне капитана 1-го ранга Корнилова. Причитавшиеся для этого средства князь Воронцов просил у министра финансов статс-секретаря Ф.П. Вронченко в виде займа из Государственного Казначейства, который предполагалось возратить «частью из доходов г. Одессы и частью из Закавказских сумм»⁴⁶².

Князь М.С. Воронцов просил министра финансов как можно скорее отправить нужную сумму денег в распоряжение генерального консула в Лондон, так как чем скорее пароходы будут доставлены в Черное море, тем скорее можно будет извлечь из них пользу и выгоду. Кроме того, князь-наместник просил министра Ф.П. Вронченко ускорить принятие решения по проекту о пароходном сообщении из города Одессы в российские и заграничные порты, который был представлен Воронцовым в 1847 г.

Ф.П. Вронченко отвечал князю М.С. Воронцову, что он понимает его обеспокоенность и, «наблюдая за развитием всех сообщений в других европейских государствах и принимая в соображение пожертвования, делаемые менее богатыми России державами, нельзя не убедиться не только в том, что уменьшение нашего пароходства невозможно, но и что усиление его в наших морях не есть дело прихоти, но требуется столько же для достоинства Империи, сколько для благоденствия края и развития всех торговых наших сношений»⁴⁶³.

При этом Ф.П. Вронченко отказал наместнику в содействии по расширению «весьма полезных» черноморских пароходных сообщений. В связи с отсутствием средств в Государственном Казначействе, а также из-за уменьшения государственных доходов по случаю уже произведенных затрат на борьбу с эпидемией холеры, пожарами, засухой и плохим во многих губерниях урожаем, он советовал князю М.С. Воронцову все расходы, связанные с развитием Черноморского пароходства «отнести на местные способы Новороссийского края»⁴⁶⁴.

⁴⁶² Там же. С.668.

⁴⁶³ Там же. С.676.

⁴⁶⁴ Там же. С.677.

Не найдя полного понимания в Петербурге, князь М.С. Воронцов, несколько не разуверившись в пользе начатого проекта, связанного с развитием Черноморского пароходства, продолжил его реализацию, хотя и не в тех масштабах, которые бы предоставила поддержка государственной казны. Он действовал, опираясь на собственную изворотливость в отыскании нужных средств и на поддержку части лиц кавказской администрации, разделявших убеждения Воронцова, а также на частную заинтересованность предприимчивых людей. Только одно открытие порта на Ейской косе предоставило жителям Черномории и всей Ставропольской губернии возможность сбывать «все произведения свои, получая взамен всё необходимое и гораздо выгоднее»⁴⁶⁵.

Суда, приходившие в Ейский порт за рыбой, хлебом, шерстью, салом и другими произведениями сельского хозяйства, в свою очередь привозили железо, дёготь, смолу, лес, вино, бакалею, в которых нуждались Черномория и Ставропольская губерния. Такая взаимная и выгодная мена не могла не возбудить большой и активной деятельности в среде всего работающего люда и тем самым содействовать упрочению благосостояния края.

С открытием порта на Ейской косе увеличивались масштабы местной торговли, что в свою очередь оказало сильное влияние на развитие торговых отношений с горцами, жившими на Правом фланге Кавказской линии. Таким образом, торговля в этом крае имела не только свое прямое назначение, но также использовалась в качестве средства колонизации, продвигая в горскую среду товары и свойства русской цивилизации.

От развития Черноморского пароходства выигрывала Грузия. От берегов Черного моря до Тифлиса улучшались коммуникации, развитие которых способно было сильно изменить к лучшему все состояние существовавшего там хозяйства, а с ним упрочить позиции империи.

Для устройства судоходства по Риони была утверждена особая комиссия из специалистов под председательством

⁴⁶⁵ Там же. С.704.

Кутаисского военного губернатора. Исследования глубин реки показали, что она везде представляет удобный путь для плавания не только употребляемых до сих пор каиков, но и больших судов с грузом.

Работы по устройству судоходства были начаты в 1846 г. К 1849 г. берега Риони на расстоянии более 100 верст были очищены от деревьев и кустарников, очищены берега канала, соединявшего Риони с рекой Циви, а также берега этой реки. Обе реки и канал очистили от корчей, а канал еще и углубили. Рубка лесов по берегам рек принесла пользу, позволив «туземным народам, тянуть каики вверх по течению реки бечевкой и выигрывать тем самым около 2-х дней против того времени, которое требовалось прежде на совершение плавания от Редут-Кале до Мирани»⁴⁶⁶.

К 1851 г. судоходный путь по реке Риони довели до Кутаиса. При очистке берегов неизбежно уничтожались фруктовые деревья и виноградные лозы. Для вознаграждения за них жителей была установлена, по условленности с владельцем Мингрелии, такса, по которой производилась плата за срубленные фруктовые деревья. Для судоходства по Риону были подготовлены 2 баржи и железный плоскодонный пароход⁴⁶⁷. Было также положено начало судоходству и по реке Куре от Каспийского моря до урочища Минчечаура.

Судоходное сообщение было начато и по озеру Гокча (Севан), находящегося в Эриванском уезде. «Затруднение в сношениях местного начальства и земской полиции с разными деревнями, расположенными по берегам озера, указало на необходимость устроить водное сообщение, для чего были выстроены 2 шлюпки. Команды для них состояли из вольных матросов, выписанных из Херсона»⁴⁶⁸.

В 1846 г. было начато организованное властями регулярное военно-почтовое пароходное сообщение по Каспийскому морю. Правительство преследовало цели устроить надежную и быструю переброску войск морским путем в

⁴⁶⁶ Там же. С.861.

⁴⁶⁷ Там же.

⁴⁶⁸ Замечания М.П. Щербинина о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе //Русский архив. СПб. 1872. № 3-4. С. 714.

восточную часть Кавказа, а также провианта для войск Кавказского корпуса.

Пароходы поддерживали постоянное сообщение между Астраханью, Закавказскими портами и Персией. Постепенно росло число невоенных пассажиров и груза. Сообщение чрезвычайно оживило экономическую деятельность в регионе, а отношения с Персией сделались необходимыми.

Экономическое значение Каспийского моря хорошо понимали в России давно, ещё со времен Петра Великого, но устроить регулярное и свободное плавание по его акватории для товарообмена «с изобилующими естественными богатствами»⁴⁶⁹ Прикаспийскими областями удалось более или менее только в наместничество князя М.С. Воронцова.

Между тем благоприятные к тому условия стали складываться уже после подписания между Россией и Персией Туркманчайского мирного договора в 1828 г.

Исследователь Н.П. Гриценко отмечал, что начало свободной навигации русских судов вдоль западного и южного побережий Каспийского моря имело большое значение для местного населения региона и «для дальнейшего развития производительных сил края»⁴⁷⁰.

Со второй половины XVIII века в северной части Каспия ходили плоскодонные деревянные суда – расшивы. Самые большие из них могли вмещать груза до 12 000 пудов⁴⁷¹, которые плавали вдоль побережья к пристаням Шандруковской и Серебряковской, к Александровскому форту и в Гурьев городок⁴⁷².

⁴⁶⁹ Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено - Ингушетии (XIII – начало XX в.). – Грозный, 1983. С.89.

⁴⁷⁰ Там же.

⁴⁷¹ Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию императорского Вольного общества. – СПб.: Императорская типография, 1809. С.27.

⁴⁷² Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. – СПб., 1862. №8. С.177.

Для перевозки товаров по Каспийскому морю с пристаней кавказского берега, закавказского и персидских, употреблялись разного рода парусные и паровые суда: шхуны, бакинки, киржмы, колесные пароходы и винтовые шхуны. Паровые суда, кроме одного, принадлежали обществу «Кавказ и Меркурий»⁴⁷³.

В отчете в Петербург за 1849-1851 гг. Кавказский наместник сообщал, не скрывая своего удовлетворения, о том, что главная выгода от организованного регулярного сообщения «происходит для всех жителей, занимающихся торговлей с Россией в Бакинском, Ленкоранском и Дербентском уездах, равно как и в Шамхальском владении и в самой Персии»⁴⁷⁴.

Для расширения торговых сообщений по Каспийскому морю М.С. Воронцов предлагал министру финансов П.Ф. Броку заказанные на уральских заводах два железных парохода «присоединить <...> в состав Каспийского почтового пароходства для употребления их собственно в торговле»⁴⁷⁵.

Следует заметить, что решение тех или иных важных для дела неотложных задач, требовавших финансовых и иных ресурсов, выходявших за пределы возможностей наместника, вынуждало М.С. Воронцова обращаться в соответствующие министерства. Имперская система администрирования предписывала такие действия всем без исключения.

В этой связи, как отмечает О.Ю. Захарова, «несмотря на высокое положение М.С. Воронцова, его огромные связи, опыт, знания, ему постоянно приходилось защищать собственные проекты в министерствах»⁴⁷⁶.

К тому же будучи тонким и прагматичным политиком, он любое нововведение должным образом и тщательно обдумывал и обосновывал практической необходимостью⁴⁷⁷. Добиваясь реализации предложенного им, князь-наместник использовал существовавший в системе российского администрирования дух иерархичности и беспрекословной

⁴⁷³ Там же. С.176.

⁴⁷⁴ АКАК. Т.Х. С.891.

⁴⁷⁵ АКАК. Т.Х. С.303.

⁴⁷⁶ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.272.

⁴⁷⁷ Там же. С.271.

подчиненности мнению, исходившему из самых высших сфер принятия решений.

Желая достичь нужного результата в запрашиваемом проекте, М.С. Воронцов не преминул сообщить П.Ф. Броку, что он действует в соответствии в высказанной императором мыслью об увеличении пароходного сообщения по Каспийскому морю «для цели чисто коммерческой, которая есть дело чрезвычайно важное и полезное в торговом отношении, как для Астрахани и прибрежных мест р. Волги, так и для портов Закавказских»⁴⁷⁸.

Наместник убеждал министра финансов, что казенное Каспийское пароходство, состоявшее в 1852 г. из 3 военно-почтовых пароходов (после пятилетнего опыта), не будет обузой для казны, несмотря на то, что «хотя расход на содержание их превышает доход, но зато казна вознаграждается другим путем, а именно, таможенными доходами, которые по одной Астраханской таможене от учреждения пароходства удвоились против прежнего, не говоря уже о пользе в торговом отношении. <...> С учреждением ещё двух новых пароходов, собственно для торговых сношений, можно надеяться, что коммерция ещё более оживиться и издержки казны вознаграждаются»⁴⁷⁹.

Это наглядно подтверждалось приводимыми в отчете наместника данными, сведенными в таблицу⁴⁸⁰

До учреждения пароходства		После учреждения пароходства	
1844	25.091 р. 94 $\frac{3}{4}$ к.	1848	42.319 р. 72 $\frac{3}{4}$ к.
1845	20.682 р. 22 $\frac{1}{2}$ к.	1849	39.663 р. 27 $\frac{3}{4}$ к.
1846	23.234 р. 91 к.	1850	48.277 р. 77 $\frac{1}{2}$ к.

Кроме того, открытие каменного угля в 40 верстах от Каякенда, по мнению М.С. Воронцова, «сможет сильно способствовать пароходному предприятию на Каспийском

⁴⁷⁸ АКАК. Т.Х. С.303.

⁴⁷⁹ Там же.

⁴⁸⁰ АКАК. Т.Х. С.891.

море»⁴⁸¹. По сделанному наместником распоряжению, уголь этот, был доставлен в Дербент и испытан на пароходах.

Желая способствовать дальнейшему развитию пароходства на Каспии, князь-наместник, опираясь на мнения профессионалов, например, контр-адмирала Басаргина, барона Мейендорфа и флотского лейтенанта Савинича, указывал на обстоятельства, от которых более или менее зависел успех всего дела.

Во-1-х, из-за того, что действовавшие пароходы были пассажирскими, хотя пассажиров «число бывает весьма небольшое, и большей частью из простого класса людей, занимающих трети места»⁴⁸², пароходы оставались загруженными не полностью, в то время как товары приходилось нагружать на особые баржи и буксировать пароходами.

По этой причине возникали неудобства, особенно при морских волнениях и бурях, которые часто повторялись на Каспийском море. Пароходы должны были отделяться от барж и отходить в ближайший по пути порт, в то время как баржи уже самостоятельно приходили туда же по истечении иногда нескольких дней. Это нарушало график движения пароходов, а торговцы не могли своевременно получать свои товары.

В этой связи наместник предлагал, чтобы «хотя один из двух новых пароходов был сделан грузовым. <...> Мера эта может увеличить и сбор пароходный, и самое отправление товаров»⁴⁸³.

Во-2-х, для бесперебойного совершения пароходных рейсов необходимо иметь механические мастерские для исправления поломок пароходов. Такие мастерские, по мнению наместника, удобнее всего устроить в Астрахани и Баку.

В-3-х, пароходное предприятие есть дело коммерческое, а морское ведомство в Астрахани, «стесненное казенными формальностями в распоряжениях своих, по заготовлению угля и других припасов, равно приему пассажиров и товаров, не

⁴⁸¹ Там же. С.304.

⁴⁸² Там же.

⁴⁸³ Там же.

может достигнуть тех выгод, которых от сего можно бы ожидать»⁴⁸⁴.

Например, морские экипажи и число офицеров назначались по штату военных судов, а не для совершения торговых рейсов. По этой причине пароходные рейсы обходились морскому министерству довольно дорого.

М.С. Воронцов считал, что более полезным было, чтобы «пароходное предприятие по Каспийскому морю вообще было бы устроено, под главным начальством командира таможенного порта и флотилии, на том основании, как в Черноморских и Новороссийских портах, где военные пароходы совершают рейсы под распоряжением особой экспедиции из штаб-офицера морского ведомства, таможенного чиновника и одного негоцианта, действуя на коммерческом праве. <...> Этот способ управления указан опытом в Новороссийском крае и вполне соответствует сущности дела»⁴⁸⁵.

Много препятствовало развитию каспийской навигации отсутствие надежных лоций и «постоянной лоцманской и береговой служб»⁴⁸⁶. Потому плавание было крайне опасным и приводило к частым кораблекрушениям. Долгое время корабли плавали без какого-то правильного расписания.

Для обеспечения безопасного судоходства по Каспийскому морю и оказанию большой услуги развитию коммерции М.С. Воронцов в 1850 г. предложил построить близ Дербента и рядом с Петровским укреплением маяки. Однако из-за бюрократической волокиты и отсутствия свободных статей финансирования предложенного проекта дело затягивалось, хотя имело первостепенное значение.

Тогда наместник обратился за содействием к великому князю Константину Николаевичу, который с 1853 г. вступил в управление Морским министерством и был известен как страстный приверженец развития российского флота.

Как пишет А.П. Шевырёв: «Энергия генерал-адмирала (вел. кн. Константина Николаевича-С.Л.) ломала сложившуюся

⁴⁸⁴ Там же.

⁴⁸⁵ Там же.

⁴⁸⁶ Гриценко Н.П. Указ. соч. С.90.

в течение десятилетий рутину административной работы. Он поднимал сразу десятки вопросов и заваливал своих подчиненных поручениями и запросами»⁴⁸⁷.

Кроме того, князь-наместник просил «для исправления случайных повреждений пакетботных пароходов <...> и пароходов, построенных на Камско - Воткинском заводе для плавания по Каспийскому морю по торговым делам, а также и для упрочения учрежденного пароходства по р. Кура <...> устроить при Бакинском адмиралтействе механическое заведение»⁴⁸⁸.

В Бакинском заливе также предусматривалось строительство пристани, которая бы не зависела от временных изменений уровня моря, а на Апшеронской косе – маяка.

М.С. Воронцов сообщал великому князю Константину Николаевичу, что он принимает все меры для развития плавания по Каспийскому морю. Однако для решения задачи по исправлению описания акватории моря ему требуется «мощное и просвещенное содействие ВИВыс.»⁴⁸⁹, чтобы составить новую карту, поскольку существующая карта полна ошибок и не указывает опасных мест, которых необходимо было избегать кораблям.

По мнению князя-наместника, наличие таких карт могло служить «убеждениями к застрахованию коммерческих судов, как с частным, так и с казенным грузом, отправленным из Астрахани к западным берегам Каспийского моря, в Закавказье и в Персию, и усилению морской торговли»⁴⁹⁰.

Другим обстоятельством, затруднявшим перевозки по Каспийскому морю, была дороговизна и опасность доставки провианта по назначению. По мнению М.С. Воронцова, данное препятствие могло бы устраниться учреждением в Астрахани страховой конторы, которая отвечала бы за целостность судов во время плавания, «или через лучшее положение плавания там

⁴⁸⁷ Шевырёв А.П. Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. С.27.

⁴⁸⁸ АКАК. Т.Х. С.306.

⁴⁸⁹ Там же.

⁴⁹⁰ Там же.

вообще, склонением компаний в Одессе принять на себя страхование судов»⁴⁹¹.

Великий князь быстро и с готовностью отреагировал на обращение к нему М.С. Воронцова. В том же 1853 г. он писал наместнику: «Желая содействовать всеми зависящими от Меня способами к исполнению полезных предначертаний ваших, я предписал: 1) ускорить, сколько возможно, избрание места и составления сметы для предполагаемых построек маяка при Апшеронском полуострове и механической мастерской в Баку; 2) составить предположение для составления новой описи Каспийского моря и карты онога»⁴⁹².

Можно констатировать, что князь М.С. Воронцов на протяжении всего своего управления Кавказским краем, уделял первостепенное внимание учреждению путей сообщения, прокладке дорог, устройству новых и возобновлению старых мостов, открытию судоходных сообщений по Черному, Азовскому и Каспийскому морям.

Эти мероприятия виделись наместнику Кавказа событиями первостепенной государственной важности в деле покорения и умиротворения Кавказского края, создания условий для развития кавказской экономики, приобщения его к жизни в составе Российской империи.

Наместник приложил много трудов и преуспел, заложив прочный фундамент к окончанию многолетней Кавказской войны и хозяйственному процветанию края.

Пути сообщения вместе с сопутствующими инфраструктурными объектами выступали инструментом проникновения русско-европейской цивилизации в замкнутый в своей локальности мир кавказских народов.

Особенностью, имевшей сильное воздействие на развитие коммуникационной системы в Кавказском крае было то обстоятельство, что всему комплексу соответствующих работ сильно содействовала многолетняя Кавказская война, из-за которой первоначально военно-политические нужды главенствовали над нуждами социально-экономическими.

⁴⁹¹ Там же. С.306-307.

⁴⁹² Там же. С.308.

В своих отношениях с высшими инстанциями Российской империи князь М.С. Воронцов стремился доказать и показать, что без достаточного развития путей сообщения отодвигалось на неопределенный срок, как общее покорение Кавказского края, так и возникали трудно преодолимые препятствия для развития торговли и промышленности, а само население отодвигалось от благополучия и мирных занятий.

Успешность деятельности князя М.С. Воронцова зиждилась на том, что вносимые им в жизнь Кавказа инновации сулили новую организацию пространства в рамках регулярной государственности и материальные выгоды практически для всех без исключения народов, конфессий и сословий, там обитавшим.

1.4. Торговля в экономической и социальной политике князя М.С. Воронцова

Приступая к рассмотрению феномена торговли, следует отметить, что в интерпретации российских властей торговля представляла не столько один из видов экономической деятельности, сколько средство изменения условий человеческого существования в пространстве кавказского мира. В связи с этим необходимо определиться с ракурсом понимания самого термина – торговля.

В данном конкретном случае торговля рассматривается как «повторяющаяся последовательность товарообмена», о которой говорит Х. Шрадер⁴⁹³. Это определение было положено в основу двух подходов к анализу и описанию торговой деятельности и её роли, которую она имела или приобрела в Кавказском крае в годы наместничества князя М.С. Воронцова.

С точки зрения экономического подхода к торговле характеризовались и изучались потоки и номенклатура товаров, участвовавших и предлагавшихся разнородными контрагентами в ходе товарообмена, выявлялись те или иные экономические факторы, объемы торговли и направленность её потоков.

⁴⁹³ Шрадер Х. Экономическая антропология/ Пер. с англ. Е.А. Островской. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. С.98.

С точки зрения другого подхода – социально-экономического – основной упор делался на изучение деятелей и типов действий внутри и между конкретными сообществами, располагавшимися в пространстве кавказского мира. Такой подход автором был заимствован у упоминавшегося выше Х. Шрадера⁴⁹⁴.

Вступив в управление Кавказом, князь М.С. Воронцов тотчас же стал искать наиболее действенных способов решения основных задач, поставленных перед ним императором. Весь прежний опыт административной деятельности и европейское воспитание подсказывали ему первостепенный выбор в пользу предоставления широких возможностей для местной кавказской торговли, которая мыслилась в качестве важного средства изменения отношений как между российской стороной и Кавказом в целом, так и в самой кавказской среде.

Император видел в торговле инструмент достижения, прежде всего, политических целей на определенной территории, и об этом просил помнить своего наместника. В то же время он никогда не упускал из вида, что только комплексный подход способен был приблизить успешное завершение всего перечня усилий по превращению Кавказа в часть Российской империи.

Приступив к преобразованию кавказского мира на имперский лад, или подталкивая его на путь, одобряемый империей, М.С. Воронцов, помня об установках, данных ему Николаем Павловичем, в каждой сфере кавказской жизни стремился заложить предпосылки, которые через какое-то время могли бы прорости и заколоситься тучными нивами нового бытия.

Помимо множества всех других средств и усилий, которые планировал или осуществлял князь Воронцов в Кавказском крае, торговле отводилось весьма важное место, в силу того, что мир торговли и связанные с ним социально – культурные, экономические и социально – психологические процессы могли развиваться (как это было в иных частях мира) к «пользам» всех участников кавказских событий и, прежде

⁴⁹⁴ Шрадер Х. Указ. соч. С.98.

всего, к пользам «русского дела», не требуя непосильных издержек для России.

Уже в силу того, что «торговля является одним из самых могущественных факторов исторического процесса»⁴⁹⁵, своеобразным «орудием цивилизации» князь М.С. Воронцов не мог его игнорировать в своей деятельности.

Наместник намеревался дать почувствовать всем жителям Кавказского края, в том числе, и «немирным» на то время горцам, все выгоды товарообмена с Россией, чтобы материальными стимулами и выгодами обретения благосостояния изменить их мироощущение и направить их энергию в созидательное русло, как это понимали в европейско-русской среде.

Торгово-экономические связи России с Кавказом призваны были, в первую очередь, изменить саму систему связей и отношений внутри кавказских обществ, изменить принципы построения и функционирования их общественных структур, сделать их более открытыми для инокультурного (русского) воздействия.

Россия, обладавшая новыми, почти неизвестными среди кавказских этнических обществ знаниями и умениями, стремилась представить их в качестве основного фактора, «способствующего исторически значимым социальным изменениям»⁴⁹⁶.

Наместник поставил одной из своих задач, актуальных на тот исторический период, - демонстрацию кавказским народам имперских новинок, могущих стать для них привлекательным раздражителем, способствовавшим желанию скорейшего становления на путь освоения и присвоения их, чтобы тем самым получить доступ «ко всему, что дают блага цивилизации тем, кто ими обладает»⁴⁹⁷.

Если начальствующие на Кавказе лица и Петербург до прибытия князя М.С. Воронцова в торговле видели

⁴⁹⁵ Дживилегов А.К. История торговли (до XIX в.) //URL: [http:// az. lib. ru /d/ dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya. shtml](http://az.lib.ru/d/dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya.shtml)

⁴⁹⁶ Мак-Нил У. Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Пер. с англ. – 2-е изд. – Киев: Ника-Центр, 2013. С.13.

⁴⁹⁷ Мак-Нил У. Указ. соч. С.14.

исключительно политическое орудие, лишенное почти экономической выгоды, своеобразную дубину принудительной подчиненности местных жителей Кавказского края имперской воле, то князь Воронцов одним из первых стал задумываться об экономической и социальной функции торговли в крае.

В политические цели империи он вплел мощный стимул заинтересованности в росте богатства и получения новой экономической силы для частных интересов, позволявших в экстраординарных условиях многих противоборств на Кавказе изменить социальное положение большому числу людей, чей прежний статус лишал их надежды на социальное возвышение.

Князь Воронцов стал содействовать таким людям в их усилиях частного характера, которые могли реализоваться только в связи и под эгидой политических целей Российской империи. М.С. Воронцов способствовал становлению социального слоя предприимчивых людей, превращавшихся в социальную опору имперских инноваций в Кавказском крае, формировал социальное поле всемерной поддержки дела России на Кавказе.

Если в переселенческой среде этот процесс проходил органично и естественно, то в других социально-культурных средах Кавказа ситуация была иной и могла сталкиваться с противодействием этнокультурной традиционности, которая всегда болезненно относится к попыткам демонстрации или навязывания культурного доминирования кем бы то ни было, видя в том угрозу потери идентичности.

В то же время, растущий численно зажиточный слой торгующих людей и те условия их существования, которые открывались в рамках расширявшихся и углублявшихся связей с Россией (при одновременном ослаблении всех иных влияний среди автохтонных народов Кавказа), вели к явным или постепенно проявлявшимся переменам в горских обществах. В них стали обнаруживаться перспективы, противоположные тем, например, над строительством которых много и долго трудился имам Шамиль, а торговля, сама по себе нейтральная к политическим целям, приобретала взрывоопасную силу в

умелых руках, нанося непоправимые удары по общественным устоям имамата.

Пестуемый князем Воронцовым класс предприимчивых людей становился наглядным примером, демонстрацией и пособием представителям кавказских этносов, который приобретал способность взламывать неприступные крепости традиционалистских устоев, даже такой силы, какой обладали общественные структуры традиционного общежития, их морально-культурная или религиозная императивность. Из многих исследований известно, что морально-нравственный климат и обыкновения в аграрно-традиционных сообществах, те или иных требования религиозных установлений существенно влияют на возможности становления и развития торговли как таковой⁴⁹⁸.

Экологический фактор, своеобразии ландшафтного пространства Кавказа в определенной степени облегчали задачу российской модернизаторской деятельности князя Воронцова или, по крайней мере, предоставляли возможность надеяться на успешность предлагавшихся начинаний.

В силу сложившихся условий обитания и адаптации к кормящим ландшафтам, возможности выживания кавказских этнических обществ в значительной степени «определялись богатством или скудостью ресурсов и экологических условий жизненного пространства»⁴⁹⁹.

Опыт показывал князю-наместнику, что возникновение факторов для развития торговли и вовлечение в неё тех или иных социальных групп напрямую зависит от имевшихся в их распоряжении ресурсов.

Те сообщества, которые не могли полагаться исключительно на результаты крестьянского производства, вынуждались к поиску «пополнения своего пропитания и доходов за счет внешних источников»⁵⁰⁰. Для горских обществ

⁴⁹⁸ Шрадер Х. Указ. соч.; Le Goff J. *Time, Work and Culture in the Middle Ages*. Chicago, 1980; Бродель Ф. *Материальная цивилизация и капитализм. Т.2. Игры обмена* / пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006; Вебер М.: *Избранное: протестантская этика и дух капитализма*. – М.: РОССПЭН, 2006.

⁴⁹⁹ Шрадер Х. Указ. соч. С.111.

⁵⁰⁰ Там же.

это были источники, сложившиеся на основе своеобразных обыкновений, например, набег. В том случае, когда селение располагалось на границе экологических зон, возникали условия для развития торговли. По крайней мере, торговый обмен, как средство пополнения жизненных припасов, для горских обществ оставался в кавказских условиях до конца не реализовавшимся потенциалом, которым князь-наместник решил воспользоваться.

Однако экономика, основанная на европейско-русских механизмах и институтах, требовала рационализации экономических отношений, «подразумевающей поощрение индивидуального стремления к увеличению прибыли и неравенство доходов, возникающее из-за различных индивидуальных результатов»⁵⁰¹. Это было как раз той одной из новаций, которые старался внедрить князь-наместник в социально-экономическую жизнь Кавказа.

Среди этнических обществ более организованные и развитые феодальные структуры Грузии адаптировались к новым условиям быстрее других частей Кавказского края, так как уже до прихода России на Кавказ обладали достаточно развитой и сходной в своих основаниях с Россией государственностью и соответственными экономическими институтами, освящавшимися сходными формами религиозности.

В данном случае Грузия, как уже неоднократно говорилось, для князя М.С. Воронцова была экспериментальной площадкой реализации его идей и усилий, в рамках которой проходили проверку те или иные его установки политико-административного или социально-экономического характера, которые он распространял в иные части Кавказского края.

Реализуя задачи имперского правительства, князь Воронцов пожелал иметь в Тифлисе центр распространения русских мануфактурных изделий за Кавказом и покупки местного сырья и кавказских товаров для последующей отправки их в Москву. Это позволяло российскому капиталу стать прочной ногой в крае, отеснить иностранных конкурентов и привязать край к империи ещё одной прочной

⁵⁰¹ Там же. С.110.

нитью. Для этого князь позвал представителей московского купечества и фабрикантов устроить в столице Кавказского наместничества мануфактурные депо⁵⁰².

Открыв в 1847 г. в Тифлисе два депо русских мануфактурных товаров, князь-наместник заметно изменил и сам характер местной торговли, в которой монопольное положение занимали армянские купцы, диктовавшие свои условия местным потребителям. Пользуясь своим положением, они держали цены на высоком уровне и навязывали покупателям не всегда качественный товар.

Депо же принесли большую пользу не только Тифлису, но и всему Закавказскому краю тем, что «в Тифлисе и по всему краю явилось много хороших вещей и изделий вместо грубых или так называемого брака, обыкновенно привозимых сюда армянами с Нижегородской ярмарки, при том цены уменьшились»⁵⁰³.

Местные купцы учли этот урок и уже в 1848 г. привезли для реализации в Закавказье товары гораздо лучшего качества, выписав их из Москвы или Нижнего Новгорода «на значительные суммы»⁵⁰⁴.

М.С. Воронцов стремился, чтобы учрежденные депо заменили местным купцам поездки в Москву или Нижний Новгород и стали главными поставщиками всей номенклатуры мануфактурных изделий для края, направив внимание местных предприимчивых людей единственно в сторону России.

С этой целью он обращался к московским фабрикантам и купцам, уговаривая их снизить цены на товары, бывшие для края первой необходимостью, что не только бы увеличило их доходы, но «они оказали бы важную услугу здешнему краю удалением соперничества торговли европейцев, оставляя менее причин и нужд для контрабанды»⁵⁰⁵.

Контрабанда была истинным бичом Закавказского края, нанося огромный вред не только всякой официальной торговле, но пагубно влияла на мораль и нравы местных жителей и

⁵⁰² АКАК. Т.Х. С.864.

⁵⁰³ Там же.

⁵⁰⁴ Там же.

⁵⁰⁵ Там же.

чиновников российской администрации. Об этом вынужден был сказать начальник гражданской канцелярии Кавказского наместника С.В. Сафонов императору Николаю Павловичу, будучи на аудиенции с ним в Петербурге 28 сентября 1846 года⁵⁰⁶.

С.В. Сафонов признался, что весь Закавказский край был наполнен контрабандой. Она проникала через границу «вооруженною рукою», и не было никакой возможности её остановить, поскольку этому способствовали, как жители приграничной полосы, так и то обстоятельство, что казаки постов из-за плохого климата большую часть года болели, и случалось, что «там нет ни одного казака на ногах»⁵⁰⁷.

С другой стороны, например, персидское правительство поощряло контрабанду, и был случай, когда «оно дало нашему таможенному чиновнику орден Льва и Солнца за облегчение при пропуске контрабанды»⁵⁰⁸.

В качестве средства борьбы с контрабандой М.С. Воронцов предлагал Петербургу установить режим льготной торговли с таможенным сбором в 5% хотя бы для некоторых категорий иностранных товаров, что сделало бы контрабанду менее выгодной, а местные кавказские власти могли бы контролировать большую часть торговых сделок, что принесло бы казне ощутимую пользу. Кроме того, беспрошлый пропуск некоторых товаров на восточном побережье Черного моря был очень важен и в политическом отношении: «он удаляет стремление к тайному водворению контрабанды и, следовательно, к более или менее вредному для нас сношению с ним»⁵⁰⁹.

Однако император не принял всех доводов С.В. Сафонова и не поддержал предложений М.С. Воронцова в полной мере. Николай Павлович опирался на мнение профильных министерств и московских фабрикантов, которые

⁵⁰⁶ Разговор С.В. Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 года// Архив князей Воронцовых (АКВ). – М.: Университетская типография, 1892. Т.38. С.389.

⁵⁰⁷ Там же.

⁵⁰⁸ Там же.

⁵⁰⁹ АКАК. Т.Х. С.863.

возражали против льготной торговли иностранными товарами за Кавказом, мотивируя тем, что это причинит вред казне и интересам российской промышленности. Николай I напомнил С.В. Сафонову, что он должен блюсти интересы всей России, а не только какой-либо её части⁵¹⁰.

К тому же, у императора были и политические причины противиться данному предложению. Он считал, что такую торговлю нельзя допускать, ибо она будет препятствовать тому, чтобы Кавказ зависел от Севера, России. Предоставлением Закавказскому краю свободной торговли отнималась возможность «заставить жителей оного быть уверенными, что все хорошее получают они не от России, а извне»⁵¹¹. Это само по себе могло бы противодействовать развитию процессов объединения Кавказа с империей.

В то же время необходимо было найти выход из создавшейся ситуации. Император согласился на частичные перемены и в 1847 г. был приведен в действие тариф, утвержденный им для Закавказского края 15 декабря 1846 г.

Этим тарифом были уменьшены пошлины на некоторые товары с целью поощрения их привоза в край. Однако опыт торговли за 1847 г. скоро показал, что, несмотря на уменьшение, пошлины, взимавшиеся на ткани, «ещё так высоки, что в некоторой степени соответствуют запрещению, и привоз европейских товаров не изменился»⁵¹².

Главная польза от нового тарифа, по мнению князя-наместника, состояла в отмене прежних постановлений, которые своим количеством и неясностью «приводили в затруднение не только торгующих, но даже и самых опытных таможенных чиновников»⁵¹³.

Это способствовало тому, что купцы «при точной известности о количестве пошлин, взимаемых с каждого товара»⁵¹⁴, могли с большей уверенностью приниматься за торговые дела.

⁵¹⁰ АКВ. Т.38. С.388.

⁵¹¹ Там же.

⁵¹² АКАК. Т.Х. С.862.

⁵¹³ Там же.

⁵¹⁴ Там же.

По мнению О.Ю. Захаровой: «Заветной мыслью Воронцова было создание в наместничестве условий, способствующих накоплению капиталов частными лицами. Этим он надеялся поощрить частную предприимчивость к разработке местных природных богатств»⁵¹⁵ без существенных затрат казны.

В этом вопросе наместник опирался на местную инициативу, исходившую от местных предпринимателей – Тамамшева, братьев Мирзоевых, Атакуни и других⁵¹⁶.

В целях поощрения купечества и привлечения к торговле мещан Кавказского края в 1846 г. по ходатайству князя-наместника купцам и мещанам, занимавшимся торговлей, была дана льгота в уплате гильдейских сборов и других платежей сроком на 5 лет. По истечении этого срока льгота была продлена еще на 3 года⁵¹⁷.

Для поощрения сельских производителей и сдерживания перекупщиков в городе Гори в 1852 г. князь-наместник предписал начальнику гражданского управления Закавказским краем «учредить еженедельные базары по воскресным дням и ярмарку, ежегодно 10 ноября»⁵¹⁸.

Аналогичное предписание было дано князем М.С. Воронцовым князю Андронику в мае 1853 г. для учреждения еженедельных базаров по воскресеньям и ежегодной ярмарки с 1 октября по 1 ноября в городе Сигнахи⁵¹⁹.

Это привело к оживлению торговли. По церковным праздникам «в торговых местечках собирались со всех уголков страны сотни мелких производителей и торговцев»⁵²⁰. Широкой известностью пользовались Меджврисхевская, Сурамская, Хонская, Сенакская и другие ярмарки. В Гурии, в селе Двабзу

⁵¹⁵ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.334.

⁵¹⁶ Там же.

⁵¹⁷ Кавказские курорты. – Ростов-на-Дону, 1901. С.3-4.

⁵¹⁸ АКАК. Т.Х. С.60.

⁵¹⁹ Там же. С.64.

⁵²⁰ Очерки истории Грузии Т.У. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве. § 3. Торговля / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989 // URL: http://yandex.ru/clck/redirect/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pI3DW99KUdgowt9Xsh9AmfW_e8fw8JjxSfq9kqjcXkMZfN5TwVXWGS09dF4gORw2YnTls_L5LiR.

устроивались еженедельные торги, а в селах Нагомари, Ланчхути, Джумати — ежегодные ярмарки.

В Мегрелии, в селе Мури, на ярмарке собирались жители всех уголков Мегрелии, а также Имеретии и Сванетии. Здесь торговали изделиями из шелка, хлопка и шерсти местного производства, медной, железной, глиняной и деревянной посудой, зерном, кукурузой и гоми, лошадьми, крупным и мелким рогатым скотом и др. Такая же ярмарка устраивалась и в Сенаки, куда приходило торговать население всей Западной Грузии. Здесь, в основном, торговали лошадьми и рогатым скотом. Помимо ярмарки в Сенаки устраивались еженедельные торги. В селениях Марани и Лайлаши существовала постоянная еженедельная торговля местным и чужеземным товаром⁵²¹.

Предметом внутренней торговли в Грузии являлись, в основном, сельскохозяйственные продукты и товары домашнего производства. Как уже отмечалось, начиная с 30-40-х гг. XIX в. почти все отрасли сельского хозяйства - производство зерна, виноделие, животноводство, шелководство, табаководство, плодоводство, овощеводство и др. - имели более или менее товарный характер. Было налажено производство продуктов для рынка.

В 1845 г. на внутренний рынок Грузии было вывезено и продано сельскохозяйственной продукции и товаров домашнего производства на 1763450 рублей⁵²². Сельскохозяйственные продукты и изделия домашнего производства Сигнахского уезда продавались как на месте, так и в Телавском и Тифлисском уездах. Сумма, полученная от продажи продуктов из г. Сигнахи, достигла 491 961 рублей. В Сигнахи было 230 местных и 20 иноземных купцов. Они торговали в основном местными и русскими товарами, их оборотный капитал составлял 400 000 рублей⁵²³.

⁵²¹ Очерки истории Грузии: В 8-ми т. Т.5: Грузия в XIX веке / Ред.: М. Гаприндашвили, О. Жордания. - Тбилиси : Мецниереба : Тип. АН ГССР, 1990//http://nplg.nukri.org/work/Ocherki_istorii_gruzii/Ocherki_istorii_gruzii_V/1.htm.

⁵²² Там же.

⁵²³ Там же

Ситуация стала кардинальным образом меняться и «торговля, считавшаяся прежде среди грузин унизительным занятием (особенно в Западной Грузии), теперь охватывала все более широкий круг представителей крестьянства и дворянства»⁵²⁴. Наряду с армянским купечеством появилось грузинское. Купцы-грузины - Сараджишвили, Зубалашвили, Тавзаришвили, Чедия, так же как армянские купцы - Бозарджянц, Микиртумов, Зимзимов - накапливали большой денежный капитал⁵²⁵.

Местные грузинские дворяне, заключали сделки с иностранными коммерсантами, которые стали частыми гостями в селениях Грузии, особенно после того, как интенсивное дорожное строительство, развернутое М.С. Воронцовым, связало все части Грузии с Тифлисом.

Немаловажную роль в развитии закавказской торговли стало играть торговое пароходство вдоль восточных берегов Черного моря. Так в 1847-1848 гг. установилось постоянное сообщение между Одессой и Кулеви.

В течение второй половины 40-50-х гг. в Кулеви стали систематически заходить торговые пароходы из Лондона, Константинополя, Трапезунда. Укрепились торговые связи с Керчью, Евпаторией, Ростовом-на-Дону, Феодосией и Таганрогом, а вместе с тем постоянно возрастал удельный вес российских товаров в Закавказском крае⁵²⁶.

Так, по сведениям (1846г.) барона Мейендорфа, бывшего председателем московского Мануфактурного Совета, ежегодно в Закавказский край от московских фабрикантов и армянских купцов из России отправлялось: бумажных изделий на сумму 2 390 800 рублей серебром; шерстяных - на 380 000; льняных – на 150 000; металлов – на 90 000; металлических изделий – на 399 000; изделий из фарфора и фаянсовой посуды – на 60 000;

⁵²⁴ Очерки истории Грузии Т.В. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве. § 3. Торговля / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989 //URL: http://yandex.ru/clck/redir/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjgs2pI3DW99KUdgowt9Xsh9AmfW_e8fw8JjxSfq9kqjcXkMZfN5TwVXWGSO9dF4gORw2YnTls_L5LiR.

⁵²⁵ Там же.

⁵²⁶ Там же.

других товаров – на 505 000; сверх того дорогого сукна из Царства Польского – на 50 000; байховых чаев – на 200 000. Всего – на 5 534 600 рублей серебром⁵²⁷.

Торговля с Закавказьем привлекала внимание не только российских купцов, но, в свою очередь, купцы из Тифлиса и других городов и торговых сел Грузии, а так же иных мест Закавказского края стали ездить в Моздок, Кизляр или Астрахань. Частыми гостями они были в Москве и Нижнем Новгороде.

В стимулировании ярмарочной торговли в Закавказском крае князь Воронцов видел условие для значительного развития торгового дела, которое, по его мнению, не находилось на той степени развития, на какой оно могло бы быть, «судя по богатству и разнообразию произведений в крае»⁵²⁸.

Положив начало в Грузии, князь Воронцов продолжал, откликаясь на пожелания местных жителей, учреждать ярмарки по всему Закавказью. Так, им была назначена ярмарка в уездном городе Александрополе на Троицин день, «когда по обыкновению стекались в уезд жители, идущие с разных сторон на кочевье»⁵²⁹. В Ширванском уезде ярмарка была учреждена в многолюдном и торговом месте Сальянах.

Не менее интенсивно развивалась торговля и на Каспийском побережье. Н.П. Гриценко отмечал, что «из всех пристаней Каспийского моря, расположенных вблизи Кизляра, шли товары в этот город, а оттуда расходились по всему Северному Кавказу и даже Закавказью»⁵³⁰.

К середине XIX века торговые связи Кизляра с народами Северного Кавказа и Закавказья становятся более прочными, а вот ранее знаменитая пристань близ города Дербента стала

⁵²⁷ АКАК. Т.Х. С.180.

⁵²⁸ Там же. С.838.

⁵²⁹ Там же.

⁵³⁰ Гриценко Н.П. Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено-Ингушетии (XIII – начало XX в.). – Грозный, 1983. С.94.

утрачивать свое значение по причине отсутствия устроенного рейда⁵³¹.

Рейд был «совершенно открыт и дно моря, в этом месте, так круто понижается, что при свежих ветрах от берега якоря не держат, скользя вниз. При обратных ветрах с моря, хотя якоря могут держать хорошо, так как их тянет на гору, но зато волнение на рейде ходит буруном»⁵³².

В 1848 г. князь М.С. Воронцов, осматривая Дербент и его окрестности, пришел к выводу, что городу необходим порт «для доставления убежища судам, которые, <...> не имея безопасной якорной стоянки, принуждены отправляться в Баку или Петровское укрепление»⁵³³.

По мнению наместника, устройство там, хотя бы небольшого порта, чрезвычайно укрепило бы не только сам город в промышленном и торговом отношении, но сильно поспособствовало промышленной деятельности всего Дагестана⁵³⁴.

Взяв инициативу в свои руки, М.С. Воронцов попросил адмирала М.П. Лазарева прислать в Дербент офицера Корпуса штурманов для проведения необходимых исследований и представления соображений по устройству там порта, «хотя для малых судов, без больших расходов»⁵³⁵. В последствии князь-наместник собирался войти с ходатайством по данному поводу в Морское министерство.

Хотя город Дербент в торговом отношении сильно потерял, но «уезд его и соседство с богатым растительностью уездом Кубинским, ставит его наряду с лучшими в торговом отношении портами»⁵³⁶. Из Дербента вывозилась самая большая часть марены, «какая только везется по Каспийскому морю <...> до 150 000 пудов»⁵³⁷. Как подчеркивал Е. Козубский: «Русская

⁵³¹ Там же. С.95.

⁵³² Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. – СПб., 1862. №9. С.67.

⁵³³ АКАК. Т.Х. С.870-871.

⁵³⁴ Там же.

⁵³⁵ Там же.

⁵³⁶ Петриченко К. Указ. соч. С.68.

⁵³⁷ Там же.

промышленность, ознакомившись с отличными качествами дербентской марены, приняла непосредственное и деятельное участие в размножении ее плантаций и в усилении производительности»⁵³⁸.

Приток денег в производство марены и постоянно растущий спрос привел в 1850 г. к тому, что «разведение марены обратилось в манию, поглотившую все капиталы края», а среди населения появилась поговорка: «Сеять марену, значит сеять золото»⁵³⁹. Эта отрасль хозяйствования вместе с торговлей ее плодами заметно улучшила благосостояние предприимчивых дагестанцев.

В 1850 г. в Дербентский порт заходило 148 судов: из Астрахани – 49 и из Баку и других портов – 99, на которых было привезено товаров на сумму 204 400 рублей. В это же время из Дербента в Астрахань отправилось 102 корабля с товарами на сумму 401 836 рублей⁵⁴⁰.

Значение Дербента как транзитного пункта для российских товаров в горные районы Кавказа не только не уменьшилось, но год от года выросло. С горскими народами «Дербент ведет транзитный торг русскими и персидскими произведениями, из которых русские бумажные ткани входят во всеобщее употребление между горцами, и по низкой цене своей почти совершенно вытесняют из употребления персидские»⁵⁴¹.

Н.П. Гриценко, давая оценку роли развития торговли в Каспийском регионе, писал: «Каспийский торговый флот способствовал проникновению товарно-денежных отношений далеко в горы, где развивался процесс социально-экономической, классовой дифференциации»⁵⁴².

Крупным торговым центром Дагестана в первой половине XIX века была резиденция шамхала Тарки. Большая часть жителей (около 10 000 чел.) вела торговлю с Кизляром⁵⁴³.

⁵³⁸ Козубский Е. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура, 1905. С.226.

⁵³⁹ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. – Махачкала, 2009. С.124.

⁵⁴⁰ Кавказский календарь на 1852 год. – Тифлис, 1851. С.320-321.

⁵⁴¹ Там же. С.326.

⁵⁴² Гриценко Н.П. Указ. соч. С.100.

⁵⁴³ История многовековых взаимоотношений и единения... С.122.

Товарообмен занимал значительное место и в экономической жизни народов Нагорного Дагестана. В каждой семье там были развиты домашние производства, произведения которых использовались не только для удовлетворения собственных нужд, но направлялись на продажу.

Наибольшую склонность к коммерческой деятельности среди дагестанцев выказывали андийцы. Это в свое время отмечал также имам Шамиль⁵⁴⁴. Предметом их торговли были знаменитые на всем Кавказе бурки. В одном только Цудахаре было 38 хозяйств, главным источником процветания которых была торговля⁵⁴⁵.

Наблюдая за деятельностью дагестанских коммерсантов, российское военное командование Левого фланга кордонной линии отмечало, что «торговля и торговый оборот имели <...> ощутимый удельный вес в системе горского хозяйства»⁵⁴⁶. Вся торговля осуществлялась там по крупной коммерческой артерии из Кюры и Нухи в Чечню по Аварскому Койсу.

Чтобы оказать давление на горцев и вынудить их к перемене отношений к российскому присутствию в крае, российские власти предприняли неординарные шаги к этому. Ими были арестованы андалальские купцы, «находившиеся по коммерческим делам в различных торговых центрах Кавказского края»⁵⁴⁷.

Таких купцов было арестовано почти 4 тысячи человек, «из которых, в свою очередь, каждый являлся как бы поверенным от 3-4 человек, вручивших ему свои капиталы»⁵⁴⁸. Российской стороне удалось, в конечном счете, добиться того, чтобы андалальцы стали служить «главными проводниками нашей торговли с горцами»⁵⁴⁹.

⁵⁴⁴ АКАК. Т.ХП. – Тифлис, 1904. С.1447.

⁵⁴⁵ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией... С.125.

⁵⁴⁶ Там же.

⁵⁴⁷ Там же.

⁵⁴⁸ Там же.

⁵⁴⁹ Берже А.П. Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. С.44.

К этому методу российская сторона прибегала неоднократно, не только в 1841 г., но и в период наместничества князя М.С. Воронцова эту практику продолжали использовать, всякий раз угрожая закрыть для горцев торговые пути и прекратить их сношения с находившимися под контролем российской администрации и военных «базарными и хлебными областями»⁵⁵⁰.

Всю первую половину XIX в. все же основными центрами торговых контактов с горцами Северо-Восточного Кавказа оставались меновые дворы, которые использовались в качестве инструмента влияния на местное горское население.

Для поддержания торговых отношений с горцами Дагестана российской стороной использовался Амир-Аджи-Юртовский меновый двор. Только в 1846 г. его посетили с коммерческими целями 2700 человек разных горских народов, горских евреев и армянских купцов⁵⁵¹.

Горские торговые люди посещали и другие меновые дворы, а также города Северного Кавказа. В середине XIX в. ежегодно в торговых операциях разного рода было задействовано до 12 000 горских коммерсантов⁵⁵².

К концу 40-х гг. XIX в. торговую направленность приобретает Темир-Хан-Шура. Несмотря на то, что до завершения противоборства с имаматом этот населенный пункт, прежде всего, оставался военным укреплением. Однако логика развития экономической необходимости брала своё, и военное предназначение Шуры постепенно подчинялось требованиям коммерческим. В связи с этим отмечалось, что жители данного города состояли преимущественно из людей торгового класса⁵⁵³.

⁵⁵⁰ АКАК. Т.I. С.657.

⁵⁵¹ Гаджиев В.Г. Роль России в истории Дагестана. М.: Наука, 1965. С.267.

⁵⁵² История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией... С.135.

⁵⁵³ Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура, 1895. С.28.

Купцы этого города в 1852 г. закупили в Астрахани и в Кизляре соответственно 1000 и 200 пудов железа и 100 пудов чугуна для хозяйственных нужд местных жителей⁵⁵⁴.

Горские жители Дагестана в 40-50-е гг. XIX в. стали посещать торговые места не только с целью участия в торгах, не только для продажи или покупки необходимых им товаров, но также в поисках заработков. В этой связи не только сама торговля, но и само пространство торговых операций притягивало часть горцев (прежде всего наименее обеспеченных), вовлекая их в новый для них мир повседневного существования, предлагая им новые способы получения жизненных благ в рамках мирной хозяйственной деятельности.

Таким образом, мир России, в силу некоторых очевидных или менее очевидных преимуществ, влиял на отдельные группы горского населения, вступавших в контакт с российской стороной, и разрастался в одном направлении – увеличивая социокультурное пространство империи.

Торговля на восточном берегу Черного моря возникла как заграничная торговля. Увеличиваясь с каждым годом, доказывала, что враждебные к российской стороне местные горские народы, начинали понимать выгоды от такой торговли для себя. По мнению М.С. Воронцова: «Меры правительства, клонящиеся к дарованию этому берегу различных в торговых оборотах облегчений, достигнут со временем своей цели, и будут содействовать большему или меньшему усмирению непокорных племен»⁵⁵⁵.

Приобретением стало следующее обстоятельство. До введения тарифных изменений 1847 г. прибрежные жители «имели сношения с заграничными местами почти исключительно через контрабандистов»⁵⁵⁶, отправляясь в Константинополь по своим делам, или на поклонение гробу Мухаммеда, и с ними же возвращались обратно на родину, привозя запас нужных в своем быту товаров и изделий. После введения известных тарифных поправок, «люди эти начали

⁵⁵⁴ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией... С.129.

⁵⁵⁵ Там же. С.863.

⁵⁵⁶ Там же.

отправляться в Турцию с нашими паспортами и возвращаться оттуда через наши порты»⁵⁵⁷.

Это изменение было симптоматичным, и не могло не иметь благоприятных последствий в укреплении связей российской стороны с местными жителями. Косвенным показателем таких изменений могло служить состояние торговли по всем портам Черноморской береговой линии. Если в 1846 г. было привезено через эти порты товаров на 68 000 р. с., а вывезено на 94 000 р. с., то в 1847 г. соответственные цифры привоза выросли до 168 000 р. с., а вывоза - до 133 000 р. с.⁵⁵⁸.

М.С. Воронцов считал, что эта тенденция обязательно приведет к переменам, которые непременно должны водвориться в домашнем и гражданском быту горцев. «По мере приобретения и употребления таких предметов, которые прежде им были неизвестны и которые доставляют им довольство и разные выгоды»⁵⁵⁹.

Бедные экономически и слабо организованные политически горские общества не могли быстро адаптироваться к новым рыночно-капиталистическим отношениям, привносимым Россией. Они долго не вписывались в предложенную схему взаимодействия и, не имея иных аргументов, реагировали «хищничеством».

Кавказскому наместнику для реализации задуманного нужны были не только военно-административные, организационные и иные усилия, но и люди, способные отвечать условию поставленной задачи, те, кто обладал недюжинным коммерческим даром, энергией и умением наладить торговлю повсюду вопреки существовавшим объективным или субъективным препятствиям.

К таким людям в середине 40-х гг. XIX века на Кавказе можно было отнести армян, скоро ставших естественными помощниками наместника во всех его коммерческих начинаниях.

⁵⁵⁷ Там же.

⁵⁵⁸ Там же.

⁵⁵⁹ Там же.

Армяне как никто другой подходили для проведения невоенных, не силовых акций, способных показать стремление России к миролюбию. Армяне не только не боялись горных урочищ, не только не опасались проникать в самые отдаленные, в самые труднодоступные уголки высокогорий Кавказа, но, казалось, сама труднодоступность местности рождала в них соревновательную энергию и задор по преодолению всех препятствий.

Их умение проникать и быть повсюду, было сродни удалству и храбрости кавказских горцев, проявлявшихся в их среде во время набегов. Армянские предприниматели обладали не только выдающимся талантом в коммерческой деятельности, но и способностью глубоко понимать потребности и психологию других людей, совершенно непохожих на них ни традициями, ни обычаями, ни законами своего быта и своей веры.

Армянские предприниматели часто находили верный тон, верные слова и верный способ общения с самыми суровыми горскими народами Кавказа, добивались своей выгоды, не задевая ни этнических, ни религиозных, ни бытовых чувств и правил народов, с которыми имели дело.

Они прекрасно знали местный рынок и его нужды, владели всеми приемами сложных меновых операций, имели в горах давних и надежных торговых партнеров, множество родственников, друзей и кунаков, говорили на языках горцев⁵⁶⁰.

Постепенно, проникаясь пониманием уникальности роли армян в развитии общекавказской торговли, М.С. Воронцов хотел не только получать необходимую ему информацию из первых рук, но стремился использовать армян в качестве агентов Российской империи в горской среде. С другой стороны, наместник предполагал иметь возможность влияния и обретения поддержки в среде армянской диаспоры по всему Кавказскому краю.

В части Кавказского края – в Закубанье – одной из наиболее проблемной для дела России на Кавказе, проживала

⁵⁶⁰ Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839 – 1918 гг.). Армавир, 2002. С.41.

одна из групп местного населения, имевшая наиболее стойкую пророссийскую ориентацию – черкесо-гаи, или горские армяне. Они издавна, ещё в X – XV вв. стали жить среди горцев Северо – Западного Кавказа⁵⁶¹. За многие столетия черкесо-гаи заняли в Закубанье весьма привилегированное положение, близкое к статусу адыгских дворян. Многие горские армяне были атальками детей горской знати, многие из армян были женаты на дочерях адыгских князей и уорков⁵⁶².

Положение горских армян стало меняться к худшему с XVIII века. С проникновением в горскую среду ислама и деятельностью турецких эмиссаров прежние дружеские отношения между горцами и черкесо-гаями резко ухудшились. Поэтому горские армяне были вынуждены прибегнуть к защите христианской России, надеясь сохранить свою веру с помощью России и свою социально – экономическую роль на Кавказе. Армянские купцы составляли наиболее сильную сплоченную группу предпринимательского сословия во всех крепостях и городах Северного Кавказа и Закавказья.

Вопреки утверждениям недоброжелателей⁵⁶³, армяне часто выступали в роли посредников между народами Кавказа и Российской империей, близкие к России по вере, а Кавказу по менталитету. Армянские купцы безопасно проникали в самую глубь враждебного российской стороне населения Кавказа, где встречали радушие и гостеприимство, потому что доставляли вещи, необходимые для домашнего обихода, которых горцы ни от кого, кроме армян, получить тогда не могли.

Привлекать армян на русскую сторону было выгодно, так как, спасая горских армян от религиозных притеснений, Россия приобрела в их лице верных союзников. Многие армяне во время пребывания в горах служили российской стороне в качестве лазутчиков, доставляя пограничному начальству важные сведения о враждебных мероприятиях, готовящихся со стороны горцев.

⁵⁶¹ Там же. С.37.

⁵⁶² Там же. С.38.

⁵⁶³ Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. С.239-240.

М.С. Воронцов, сделавшись Кавказским наместником, скоро убедился «в несомненной к нам верности и даже привязанности всех армян, из которых даже некоторые сословия воинственные, всегда готовые служить против наших неприятелей»⁵⁶⁴.

Поняв и поверив в коммерческий талант армян, он устранил существовавшие для их деятельности препятствия, что принесло ощутимую пользу экономике края. Трудолюбие и деловитость армян содействовали, в том числе, быстрому развитию сельского хозяйства, скотоводству среди местного населения, что вело к более быстрому экономическому освоению вновь присоединяемых земель⁵⁶⁵.

В инструкции генералу Н.А. Реаду князь М.С. Воронцов писал в 1854 году, знакомя его с ситуацией в Кавказском крае, что «армяне нам по всему краю совершенно преданы. Между ними есть некоторые знатные фамилии, несколько веков уже равнявшихся как титулами, так и значениям с первыми грузинскими князьями, которые по воспитанию и по службе сделались русскими и отличными подвигами не только при нас, но еще при грузинских царях приобрели славу и общую доверенность. Вообще же армянские фамилии менее знатных и средний класс занимается торговлей и имеет оную почти всю в руках, ибо грузины, по старинному воинственному духу и по общему их расположению, к ней не способны»⁵⁶⁶.

Наместник сообщал генералу Н.А. Реаду, что среди армян – торговцев были лица, которые заслуживали особого внимания - «почетные граждане Аршакуни и Мириманов, содержащие с выгодой для себя и для правительства огромный рыбный откуп в Сольянах...», а так же «здесьшний голова Свешников (Момджян – С.Л.) и, в особенности, губернский секретарь Иван Мирзоев, человек опытный, усердный и всегда готовый, как можно с меньшею для себя выгодой, быть полезным правительству. Он нам оказал весьма большие услуги,

⁵⁶⁴ АКАК. Т.Х. С.96.

⁵⁶⁵ Ктиторов С.Н. Указ. соч. С.41.

⁵⁶⁶ АКАК. Т.Х. С.97.

как принятием на себя многих дел, для которых не было охотников»⁵⁶⁷.

Кроме того, необходимость этого человека обеспечивались тем, что «Иван Мирзоев не только человек верный и полезный во всех отношениях, он из всех жителей Тифлиса более всех имеет знакомство и кредит в Москве»⁵⁶⁸.

Таким образом, М.С. Воронцов подчеркнул одну особенность армян всех сословий и званий - они берутся (в отличие от других) за любое дело, надеясь в нем преуспеть, не страшась трудностей и не останавливаясь перед ними. В этом состояло преимущество армян, не разделявших занятия на почетные и выгодные или не являющиеся таковыми. Армяне любое дело, даже первоначально кажущееся неблагоприятным, могли обратить таким образом, что оно делалось, в конце концов, почетным и плодоносящим.

Исключительное положение армяне занимали на Кавказе и в продвижении товаров российского производства в горскую среду. Их способности и целеустремленность помогали им сделаться не только агентами военного командования, но и агентами российских компаний, посредством чего товары российских фабрик приобретали новые рынки сбыта. Благодаря армянским купцам торговля между Россией и Кавказом гораздо усилилась в наместничество князя М.С. Воронцова. Он же повсеместно стал им протезировать, открывая широкий простор и возбуждая в них предприимчивость.

Как уже отмечалось ранее, торговля виделась наместнику универсальным инструментом воздействия на социокультурную среду традиционалистского общества, в том числе на общества кавказских горцев. Под давлением правильно организованной торговли не устояла ни одна сколько-нибудь значимая социальная структура. Торговля, словно золотой ключ, открывала ворота самых неприступных крепостей.

М.С. Воронцов в письме к военному министру А.И. Чернышеву писал в мае 1845 г., что «будучи уверен, что торговля есть одна из важнейших и действеннейших мер к

⁵⁶⁷ Там же.

⁵⁶⁸ Там же.

сближению нашему с горцами, к упрочению наших сношений с ними и к положению предела неприязненным действиям».⁵⁶⁹

В то же время, торговля же, как действенное средство воздействия на недружелюбную к России среду на восточном берегу Черного моря, в течение многих лет не только не сделала больших успехов, но, напротив, либо превратилась в эпизод, либо вовсе прекратилась со стороны России. Одновременно она продолжала вестись турецкой стороной, привнося в горскую среду не только турецкие товары, но элементы турецкого и исламского образа мировоззрения.

Ещё с 1833 г. правительство старалось изыскать средства на восстановление торговых сношений с горцами Северо – Западного Кавказа, чтобы получить возможность более широкого влияния на горскую среду помимо исключительно военных средств, до тех пор, не приносявших значительных успехов. И сам характер организации торговли с горцами через посредство меновых дворов, опутанных большим количеством запретительных условий, приводил к тому, что все усилия и старания, как Министерства внутренних дел, так и местного начальства остались безуспешными.

По мнению князя М.С. Воронцова, основными причинами такого развития дел были: во-1-х, ограничения торговли только одной казенной солью, «без всякого участия русских промышленников и других русских произведений, необходимых горцам»; во-2-х, ход торговли часто останавливался карантинными мерами (боялись заноса чумы и холеры – С.Л.), принимаемыми в разное время и без всякой системы; в – 3-х, торговля не могла развиваться в условиях постоянно производившихся военных действий⁵⁷⁰.

Кроме того, горцы привозили исключительно один лес и по определенной таксе выменивали его преимущественно у смотрителей на соль, хлеб в зерне, и отчасти на «лавочные» товары. Кроме леса других произведений своих промыслов они привозили в самом малом количестве, но зато для закупки их и обмена на русские товары ездили в горы армяне и потом в

⁵⁶⁹ АКАК. Т.Х. С.569.

⁵⁷⁰ Там же. С.569.

Кавказской области перепродавали их русским промышленникам с выгодой для себя.

В этой связи нечего было удивляться тому, что если торговля с горцами в регионе с российской стороны и существовала, то она находилась большей частью в руках небольшого числа армян, которые, будучи руководимы собственной выгодой, не всегда содействовали «благой цели правительства»⁵⁷¹.

По этой причине армянская торговля с горцами составляла сильную конкуренцию меновым дворам, так как армянские купцы не только были вхожи в отличие от русских в горскую среду, но и доставляли им товары широкой номенклатуры, способные удовлетворять разнообразные потребности горцев. Меновые дворы не только мало отвечали запросам горской среды, но, оставаясь стационарными и неподвижными, не могли противодействовать торговой активности армян.

Меновые дворы, находившиеся под патронажем военных властей, вряд ли могли пользоваться доверием со стороны горцев, воевавших с армией. А потому, российская торговля с горцами не только не могла распространяться, но и отдаляла туземцев от тесных связей с русскими.

Все укрепления, предназначенные для принятия меновых дворов, были отдалены от жителей пограничной линии вглубь закубанских земель и подвергались опасности нападения со стороны так называемых «хищников». По этой причине «ни один из российских промышленников не согласился искать прибытка в промысле своем с видимым пожертвованием жизнью и потерей состояния»⁵⁷².

Сами же гарнизоны укреплений, воздвигнутых вдоль Черноморского побережья и составлявших Черноморскую кордонную линию, уже по одному их назначению не представляли ни малейшей возможности развитию торговой промышленности и к тесному сближению с горцами.

⁵⁷¹ Там же. С.570.

⁵⁷² Там же. С.570.

Не способствовало развитию торговых связей и то обстоятельство, что по установленным российской стороной правилам, горцы должны были менять товар на товар, так как пропуск за кордонную линию монеты, а равно и золота и серебра в слитках был воспрещен.

Из сказанного становится ясно, что наместник Кавказа, возбуждая вопрос о торговле с горцами восточного берега Черного моря, на первое место ставил не столько экономический результат, но видел в торговле, прежде всего, инструмент социально – политический – цели правительства. Кроме того, торговле отводилась роль конкурента, хотя бы на время, военных мер по умиротворению одной из частей северокавказского региона.

Имея в виду все эти обстоятельства, князь М.С. Воронцов вызвал в Тифлис из Пятигорска статского советника Швецова, который, занимая в течение нескольких лет различные должности в администрации на Кавказе, приобрел большой опыт в делах. Он был знаком с потребностями края и, что немаловажно, с характером и привычками горцев, обитавших по соседству с правым флангом Кавказской линии.

Князь Воронцов поручил ст. с. Швецову «представить свои соображения о возможности и средствах к учреждению меновых дворов на прочном основании и к развитию нашей торговли с горскими племенами»⁵⁷³. Швецов исполнил данное ему поручение и составил записку, наполненную дельными и практическими сведениями о меновой торговле с горцами.

Он предлагал создавать меновые дворы не в отдельных и выгодных только российской стороне пунктах, но устраивать их на всем протяжении Кавказской линии - от Каспийского моря до Черного моря - в количестве 10 дворов, а главное управление меновыми дворами учредить в Пятигорске. Швецов подсчитал, что все это обошлось бы казне немногим более 5000 рублей серебром⁵⁷⁴.

Главные условия для начала торговых отношений с горцами должны были состоять в том, чтобы «сношений этих не

⁵⁷³ Там же. С.570.

⁵⁷⁴ Там же.

облекать ни в какие, хотя бы и менее стеснительные формы, предоставить торгующимся продавать или разменивать товар по вольной цене, кому и где угодно, без всякого посредства чиновников, наравне с нашими поселянами, приезжающими на рынки со своими сельскими произведениями»⁵⁷⁵.

Обязанности чиновников, по точным словам положения Кавказского Комитета, «должны состоять в том, чтобы оградить горцев при производстве торговли от обид и притеснений, и чтобы добросовестными с ними поступками вселить в них полную к нам доверенность»⁵⁷⁶.

Чиновникам меновых дворов предполагалось поручить продавать соль горцам за деньги из казенных запасов по уменьшенной цене. Кроме того, предлагалось разрешить казакам избыток отпускаемой им бесплатной соли, продавать горцам по свободным ценам и не считать это нарушением закона, так как продажа эта производилась всегда, но тайным способом.

Исходя из предложений статского советника Швецова, генерал-адъютант М.С. Воронцов предложил Кавказскому Комитету, «чтобы торговым сношениям наших промышленников с горцами дать свободу, а сами сношения эти производить в назначенных пунктах, и общий надзор за ними поручить особому чиновнику»⁵⁷⁷.

Однако в Петербурге, хотя и согласились с доводами наместника, все же там нашлись те, кто высказал (Министерство финансов и Министерство внутренних дел) опасения, что при изменении существовавшей системы торговли с Кавказом, которая предполагала предоставление свободы торговых отношений с горцами, «может водвориться на Линии контрабанда»⁵⁷⁸.

Потому ответственные чиновники Министерства финансов и Министерства внутренних дел предложили ещё раз исследовать весь комплекс мер, предполагаемых к введению.

⁵⁷⁵ Там же. С.571.

⁵⁷⁶ Там же.

⁵⁷⁷ Там же. С.572.

⁵⁷⁸ Там же.

Наместник поручил чиновникам Уманцеву и Новицкому при обзоре ими Линии собрать подробные сведения о пунктах, где меновые дворы могут быть с пользой для казны открыты, и о порядке, который нужно будет при этом установить.

Собранные этими чиновниками сведения показали, что основания торговых отношений с горцами должны были состоять в том, чтобы «сношений этих не облекать ни в какие, хотя бы и мало стеснительные формы»⁵⁷⁹, и только укрепили его во мнении, которое он высказал прежде в записке, отправленной ранее в Кавказский Комитет.

Император Николай I согласился с мнением Кавказского наместника и 9 февраля 1846 г. утвердил его предложения по реформированию устройства меновой торговли на Кавказской линии.

В связи с этими обстоятельствами наместник направил начальнику Кавказской линии генералу Н.С. Завадовскому осенью 1846 г. предписание, которым разрешал ему «соляные магазины, существующие во Владикавказе, Кизляре, Моздоке, Георгиевске и Ставрополе оставить в прежнем положении, под заведыванием особых смотрителей, долженствующих отчитываться Кавказской Казенной Палате.

Меновые дворы по новому положению открыть при заставе Амир-аджи-юртовской, при заставе станицы Червлённой, при Екатериноградском карантине или при станице Пришибской, при заставе станицы Солдатской, вместо Прохладненской, Известнобродской, в станице Бургустанской, при заставе Баталпашинской, при Прочно-окопской, при заставе Усть-Лабинской, в укреплении Мохошевском и в Темиргоевском»⁵⁸⁰.

Наместник запретил требовать от горцев, как это было прежде, предоставления особых билетов, выдававшихся приставами на получение соли, «предоставить им на волю покупать такое количество, какое каждый из них хочет, лишь бы не перепродавали её другим жителям в самих укреплениях»⁵⁸¹.

⁵⁷⁹ Там же. С.574.

⁵⁸⁰ Там же. С.574.

⁵⁸¹ Там же. С.575.

Главным попечителем меновых сношений с горцами был назначен статский советник Швецов.

Кроме того, князь-наместник заметил, что при организации торговли на меновых дворах «не следует делать оценки произведениям горцев; надо предоставить право торгующим продавать или разменивать товары по вольной цене», а сами правила для меновой торговли не могут быть постоянными, т.к. «время и опыт покажут, что в них совершенно, чего не достает, или что следует отменить вовсе»⁵⁸².

От закубанских черкесов через Невинномысскую карантинную заставу было провезено для мены: овчин - 2303 штук на сумму 690 р. 90 к.; кож воловьих - 583 шт., на сумму 1166 р.; черкесок - 255 шт. на 637 р.; бурок - 365 шт. на 547 р. 50 к.; масла коровьего – 157 пудов на 642 р.; корыт деревянных - 4353 шт. на 1305 р. 90 к.; лопат – 1498 шт. на 224 р. 70 к.; леса делового – 3487 шт. на 10461 р.⁵⁸³.

Наиболее полное представление о развитии меновой торговли с горцами после 1846 г. можно составить, обратившись ведомостям карантинных застав и меновых дворов⁵⁸⁴.

Дальнейшее развитие и укрепление торговых отношений с горцами было выгодно не только российской стороне. Отсутствие свободного доступа к получению соли наносило громадный ущерб хозяйству, а в конечном итоге, жизненным способностям горских обществ.

Горцы восточного побережья Черного моря - абадзехи, шапсуги, натухайцы – были связаны общими интересами меновой торговли и опасались, чтобы из-за военных действий и волнений в горской среде, правительство России не запретило торговых сношений с ними, так как отдавали себе полный отчет в том, что в случае повсеместного прекращения пропуска к ним

⁵⁸² Там же.

⁵⁸³ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.305. Л.54.

⁵⁸⁴ Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов / Выявление, археография и составление Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005.

товаров и запрещения выезда за границу, они придут в самое бедственное положение.

Таким образом, меновая торговля в условиях длившейся Кавказской войны была и продолжала на всем её протяжении оставаться инструментом не столько экономическим, но, прежде всего, политическим, дававшим российской стороне определенные рычаги воздействия на вольные общества горцев.

Надо, однако, отметить, что среди многих военных и гражданских администраторов продолжало сохраняться убеждение в том, что прекращение меновой торговли составляло сильное средство для наказания жителей гор, хотя они соглашались с наместником, что прибегать к данному средству должно в ограниченных масштабах.

Так, например, по мнению начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта А.И. Будберга, это могло быть употребляемо только в виде временной меры, с осторожностью и не на всех пунктах. «Если повсеместно прекратить торговлю, и особенно на продолжительное время, то с нею разрушится единственная связь между нами и народонаселением, для которого тогда не будет уже никаких побудительных причин искать нашего расположения», указывал генерал А.И. Будберг генералу Вагнеру, разрешая разорять селения, которые отзывались на посулы и призывы шамилевских наивов⁵⁸⁵.

Понимали важность меновой торговли для горцев и эмиссары Шамиля, в свою очередь совершенно запрещавшие (Хаджи-Мухаммед) им вести с урусами торговлю. Именно эта важность торговли для горцев и сделалась причиной, по которой шамилевский наив после восьмимесячного отсутствия торговых связей с русскими по его воле навлек на себя всеобщее неудовольствие⁵⁸⁶.

Однако простое допущение торговли не делало горцев покладистее или дружелюбнее к русской стороне. Вступая в торговые сношения с русской стороной большей частью от необходимости и отсутствия альтернативы, горцы продолжали

⁵⁸⁵ АКАК. Т.Х. С.684.

⁵⁸⁶ Там же; Блиев М.М. Указ. соч. С.687.

противиться всякому культурному влиянию и политически плохо «приручались».

Продолжительный опыт взаимоотношений показал наместнику невысокую результативность его усилий добиться контроля в горских обществах Северо-Западного Кавказа. Более того, опыт показывал, что сами горцы, имевшие с русскими частые сношения, в основном заимствовали отнюдь не полезные навыки русских – пьянство и азартные карточные игры. Ремесло их не привлекало, поскольку это было делом солдат и рабов, а торговля – делом армян и евреев⁵⁸⁷, а не воинов, какими себя видели горцы.

Сторонником жесткой системы торговли с горцами был и контр-адмирал Л.М. Серебряков. Он предлагал допускать торговлю продуктами с горцами только в обмен на заключение мира⁵⁸⁸.

Контр-адмирал Серебряков свои действия соизмерял с мнением правительства, которое во главу угла ставило задачу «покорение хищных племен и прекращение их разбоев»⁵⁸⁹. Поэтому всякая меновая торговля представлялась ему как политическое средство для достижения целей правительства, как способ склонения горцев к покорности, а не поиском каких-либо экономических стимулов или выгод. Потому «хороши были все те средства, которые вели к цели»⁵⁹⁰.

Кроме того, на позицию вице-адмирала Серебрякова повлияло и то обстоятельство, что после того, как он в помощь терпящим голод горским жителям открыл близ Новороссийска меновую торговлю на муку, «некоторые из них, обеспечив себя запасами, отправлялись потом к враждебным сборищам»⁵⁹¹.

Постепенно многолетняя опытность научила русских, по словам вице-адмирала Л.М. Серебрякова, «вовсе не дорожить

⁵⁸⁷ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII – XIX вв. – СПб., 2008. С.264.

⁵⁸⁸ Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. С.677.

⁵⁸⁹ АКАК. Т. IX. С.498.

⁵⁹⁰ Блиев М.М. Указ. соч. С.677.

⁵⁹¹ АКАК. Т. IX. С.498.

такими отношениями, какие были у нас с горцами до последнего разрыва (октябрь 1851 г. – С.Л.) с ними»⁵⁹².

Даже для своей собственной пользы они не стремились искать в русском правительстве того, чего добивались с помощью шамилевских наивов: народного благоустройства и спокойствия.

Почти не получили отклика посулы Л.М. Серебрякова убыхам. Он обещал ходатайствовать для них «об уважении их веры и народных обычаев, сколько последние могут согласоваться с покорностью правительству; о дозволении им отправляться для торговых дел в Турцию; об отпуске им соразмерного количества соли; об изъятии из рекрутской повинности и податей и внушить им то, что, вверив судьбу свою попечению могущественного и милостивого монарха, они могут ожидать щедрот от Его Величества всего полезного для своего благосостояния»⁵⁹³.

Из этих стараний адмирала Л.М. Серебрякова мало что получилось, так как, по свидетельству Ф.Ф. Торнау, «врожденная страсть к хищничеству и бедность, побуждающая их к воровству, делают весьма ненадежными обещания, даваемые ими насчет верности и преданности, после каждого наказания»⁵⁹⁴.

Черкесы вообще отличались от других горцев молодечеством на войне и в «хищничестве», что вместе с религиозным фанатизмом были долгое время причиной непокорности и упорства, с которыми они держались против натиска русских. Эти черты их характера не допускали соглашаться на чье-либо покровительство или добровольно согласиться быть в подданстве, хотя бы и всемогущего правителя чужой державы.

Там же, где такое согласие давалось черкесами, то едва ли их можно было считать «откровенно преданными русскому правительству; ни удобства жизни, ни спокойствие, ни подарки, которыми они пользуются, не уничтожили в них скрытого

⁵⁹² АКАК. - Тифлис, 1885. Т.Х. С.688.

⁵⁹³ Там же. С.689.

⁵⁹⁴ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. С.486.

чувства ненависти к русским – разворцам и завоевателям их»⁵⁹⁵.

Немаловажной причиной многих прежних неудач по сближению русских с черкесами считалось пагубное влияние на них со стороны турок. Не имея иных хоть сколько-нибудь мирных способов поддерживать отношения с горцами, кроме торговли, по мнению генерала И.Р. Анрепа, нельзя было прекращать торговли с ними. Поскольку прекращение вредного турецкого влияния на горцев и возможность сближения их с Россией может быть достигнуто только одним торговым соперничеством с турками⁵⁹⁶.

С другой стороны, «российские власти понимали, что экономика горцев, оказавшаяся в состоянии полного развала, была не способна обеспечить нормальный двусторонний торговый баланс, <...> так как горское хозяйствование по определению не отвечало даже скромным требованиям торгового оборота»⁵⁹⁷.

В связи с этим российское правительство и придумало меновую торговлю, поручив военным чиновникам «стремиться к тому, чтобы снабжать горцев нужными им предметами за полцены и платить сколь возможно дороже за их произведения»⁵⁹⁸. Таким способом предполагалось склонить симпатии горских племен к России и отвратить их от турок.

Понятно, что в данном случае не могло вестись речи о какой-либо нормальной негоциации, а потому и решение поставленной задачи поручали не торговым посредникам, а комендантам крепостей.

Важной причиной малого эффекта предложенного способа торговли с горцами на береговой линии Черного моря, а также сохранявшейся конфликтностью между русскими и горными черкесами было то, что русские препятствовали осуществлению работ торговли, имевшей там давние традиции.

Горные черкесы сбывали туркам как собственных родственников и пленных, так и выступали в качестве торговых

⁵⁹⁵ Там же. С.489.

⁵⁹⁶ АКАК. Т. IX. С.660-661.

⁵⁹⁷ Блиев М.М. Указ. соч. С.679.

⁵⁹⁸ АКАК. Т. IX. С.662.

посредников, продавая туркам пленников, привозимых к ним со всех частей Северного Кавказа.

Черкесы жили в горах без перемен, передавая из поколения в поколение одну и ту же матрицу менталитета и культурную форму существования. Поэтому конфликт с Россией оставался неизбывным. Для России решения находились между двумя полюсами: либо отнимать горы и выгонять туземцев на равнины под контроль русских порядков и насильно вмещать их в систему ценностей российской цивилизации, либо вносить в горы кардинальные перемены, способные породить иной и новый менталитет в туземной среде. Первое было легче, хотя и сохраняло конфликт между сторонами перманентным. Второе ни разу не имело опыта.

Многие администраторы и чиновники, так или иначе связанные с кавказскими делами, не принимали психологии горцев, а также укорененности их в собственной традиционной культуре и сводили все множество существовавших кавказских проблем к непониманию горцами собственной пользы и благодетельности для них европейского просвещения и российского государственного устройства⁵⁹⁹.

Российская сторона была несколько обескуражена и раздосадована таким «странным» упорством горцев. Ещё в 1816 году адмирал Н.С. Мордвинов, казалось, нашел верный путь замирения Кавказа и сближения его с Россией. Он считал, что единственным рациональным способом сделать Кавказ органичной частью империи можно, прежде всего, посредством экономической адаптации горцев к «общероссийскому контексту», за которой неизбежно последовала бы адаптация психологическая⁶⁰⁰.

Адмирал Н.С. Мордвинов представил властям записку, в которой писал: «Чтобы покорить народы, кои ближе к дикому, нежели образованному состоянию, должно их приручить к тому, что Россия производит и чем может их всегда снабжать. Должно увеличить число вещей, им потребных, должно возродить в них

⁵⁹⁹ Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. – СПб., 2008. С.188-189.

⁶⁰⁰ Гордин Я.А. Указ. соч. С.189.

новые желания, новые нужды, новые привычки, должно ознакомить их с нашими усладениями, нашими увеселениями и умягчить суровую нравственность их нашим роскошеством, сблизить их к нам понятиями, вкусами, нуждами и требованием от нас домашней утвари, одежды и всяких прихотливых изделий. Тогда не только сдружимся с ними на границах их, но достигнем до ущелий сокровеннейших их гор, куда ядра и штыки наши достигнуть никогда не возмогут и коими только всякую вражду питать возможно»⁶⁰¹.

Этого не удавалось достигнуть, в том числе, из-за собственной российской экономической слабости, не сумевшей потянуть такой проект. Российская империя в XIX веке находилась ещё далеко от того экономического потенциала и структур, которым было по силам завоевание и колонизация Кавказа способами и возможностями преимущественно одной только экономики, как это делала, например, Британия в своих колониях.

Наконец, непреодолимой преградой оставалось то обстоятельство, при котором для горцев принятие предлагаемых Россией условий жизни было равнозначно крушению их мира⁶⁰².

Потому все попытки «водворения» в умах туземцев сознания, что новый гражданский порядок обеспечит их собственное благополучие, не имели почти успеха. «Нельзя сказать, чтобы между черкес не было, как и в каждом другом народе, людей, пользующихся здоровым смыслом и благородными понятиями, но число их незначительно и они мало имеют весу между соотечественниками своими, которые даже об абреках своих, самых отважных по изъятию ими покорности русскому правительству, привыкли говорить: Они были молодцами»⁶⁰³.

⁶⁰¹ Мнение адмирала Н.С. Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия, 1816 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб., 2005. С.266.

⁶⁰² Гордин Я.А. Указ. соч. С.189.

⁶⁰³ Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. С.490.

Князь М.С. Воронцов не хотел мириться с таким ходом вещей. В продолжение своего пребывания на Кавказе направлял свои усилия в назначенной себе обязанности, продолжая совершенствовать способы торговли с горцами, считая её первейшим преобразовательным и цивилизирующим средством. Неудачи, которых избежать не удавалось, князь относил на счет нерадивости исполнителей, на счет чиновничьей глупости, косности и нераспорядительности.

Князь М.С. Воронцов продолжал видеть в торговле один из действенных и практических инструментов в комплексе общей системы покорения Кавказа, которая подготавливала фундамент российского господства в регионе с помощью невоенных мер.

Торговля как инструмент воздействия на основы кавказской туземной цивилизации, в понимании Воронцова, не преследовала результатов быстрых, всеобъемлющих и повсеместных. Но даже в самой неуступчивой и наиболее непримиримой социальной среде, она прodelьвала бреши, в которые просачивались новые влияния, способные дать российской стороне, хотя бы, редкие возможности для перемены умонастроений среди горцев, хотя бы в отдельных головах посеять семена сомнений в необходимости держаться традиционных ценностей и образа жизни.

Наконец, князь М.С. Воронцов рассчитывал на то, что относительная доступность благ, которые предлагала Россия горцам при помощи торговли, будет способствовать их постепенному повороту от удалства, как средства достижения материальных благ и высокого социального статуса, к производительному труду, «открывавшему через произведения их промыслов» новые возможности участия не только в торговом обмене, но в подталкивании к новому способу их существования.

Хотя последнее обстоятельство большей частью находилось в области желаний, нежели отражало реализующуюся действительность, так как в условиях Кавказской войны и господствующего традиционалистского мировоззрения в горах не оставалось возможностей для появления регулярной торгово-промышленной деятельности.

Этому препятствовали существовавшие среди горцев обыкновения, когда товары для обмена в большинстве своем не производились регулярным трудом, а добывались расширением набегов на соседей и на русское пограничье.

Князь М.С. Воронцов обладал несокрушимой верой в благотельные последствия торговых сношений с горцами и не думал даже приостанавливать своих усилий на этом поприще, убеждая Петербург только умножать работу в данном направлении.

На территориях Кавказского края, ставших местом преимущественной и первоначальной колонизации со стороны русского переселенческого населения, торговля играла не менее важную, хотя и иную, роль. Заселение и освоение Предкавказья, ставшего сразу же аграрной окраиной империи, привязывало его рыночными связями с промышленными центрами страны уже в силу того, что предкавказская окраина не могла самостоятельно удовлетворять самый широкий спрос на промышленные изделия, необходимые для жизни вообще и данном регионе в частности. В свою очередь, империя получала возможность удовлетворять свои потребности в продовольствии без больших издержек для казны.

А.В. Фадеев отмечал, что первоначально «скот являлся главным товаром, поступавшим во внутренние губернии империи из предкавказских степей»⁶⁰⁴, а также на нужды Кавказской армии.

На протяжении первой половины XIX века оптовая торговля крупнорогатым скотом была главной в деятельности ставропольских купцов. Гурты скота (по 250 голов каждый) направлялись из Ставрополя по Черкасскому тракту на север, и, перейдя на Донской тракт, следовали напрямик до Москвы, покрывая расстояние в 1500 км за 60 суток⁶⁰⁵.

Из Кавказской области ежегодно направлялось в центр империи до 20 000 голов крупнорогатого скота и овец, около

⁶⁰⁴ Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. С.195.

⁶⁰⁵ Фадеев А.В. Указ. соч. С.195.

1000 лошадей⁶⁰⁶. Ставропольские скотопромышленники торговали на мясных рынках Москвы и Петербурга⁶⁰⁷.

Некоторые из ставропольских купцов (купец 1-й гильдии Игнатий Волобуев) за доставку продовольствия и фуража для действующей армии были отмечены императором Николаем I награждением золотой медалью⁶⁰⁸.

Отмечая важность Предкавказья для империи, сенатор Д. Мертваго после инспекционной поездки на Кавказ, высказался однозначно о полезности этого края. Сенатор писал: «Полагая, что отдаленные губернии должны быть признаваемы средством для силы, богатства и пользы Империи, следует взирать на Кавказскую губернию, как на путь к дальнейшим государственным видам. В настоящее же время она есть хутор России, где плодятся и взращиваются лошади, быки и овцы для потребности её»⁶⁰⁹.

В 1849 г. казаками и крестьянами Предкавказья было продано скототорговцам 25000 голов крупнорогатого скота на сумму 250 000 рублей серебром и до 30 000 овец на сумму в 40 000 рублей серебром⁶¹⁰.

Крупнорогатый скот и овцы для России закупались на ярмарках живого скота в Ставрополе или в селах, располагавшихся вдоль Черкасского тракта. Лошадей закупали на специальных конских ярмарках, которые устраивались в том же Ставрополе, два раза в год, в Моздоке – две и ещё 5 – в крупных селах⁶¹¹.

Помимо скота и продуктов животноводства (шерсть, кожи) в Москву и другие города Центральных промышленных губерний поставлялись виноградный спирт, водку, вина

⁶⁰⁶ ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.586. Л.10-11. Ведомость о прогоне гуртов из Кавказской губернии за 1816-1817 гг.

⁶⁰⁷ Очерки истории Ставропольского края. Т.1. С.172.

⁶⁰⁸ Там же.

⁶⁰⁹ АКАК. – Тифлис, 1875. Т.VI. Ч.II. Рассуждение о Кавказской губернии. С.578.

⁶¹⁰ Фадеев А.В. Указ. соч. С.197.

⁶¹¹ ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.604. Л.11-12. Сведения о коннозаводстве и ярмарках в г. Ставрополе и округе.

кахетинских и кизлярских сортов, табак, шелк, различные растительные красители (марена).

В середине XIX века государственные крестьяне Предкавказья ежегодно продавали кожевенного сырья на сумму в 40 000 рублей серебром и на 62 000 рублей овечьей шерсти (62 000 пудов)⁶¹².

В 40-50-е гг. XIX столетия, по мере развития торгового земледелия, Предкавказье все более выступало в роли области, производящей товарные хлеба. Часть товарного хлеба скупали интендантские службы Отдельного Кавказского корпуса, а оставшаяся часть хлеба поступала на вольный рынок.

Например, в 1849 г. из 380 000 четвертей, предложенных рынку крестьянами и казаками Ставропольской губернии, 120 000 было закуплено для войск⁶¹³. Кроме подрядчиков и комиссионеров интендантского ведомства армии, постоянными покупателями хлеба у предкавказских крестьян и казаков были кочевые ногайцы и закубанские горские народы.

От этого продажные цены на хлеб постоянно росли, что делало хлебопроизводство прибыльным занятием. Это утверждение можно подкрепить данными ведомостей о торговых ценах. Цена одной четверти ржаной муки в Ставрополе в 1848 равнялась 3 р. 95 к.; пшеничной муки - 6 р. 70 к.; в 1856 г. – соответственно - 4 р. 63 к. и 7 р. 05 к.; в Кизляре в 1856 г. - 4 р. и 6 рублей⁶¹⁴.

Долгое время, в силу того, что северокавказские хлебопроизводители были слишком удалены от губерний промышленного центра России, и отсутствовала развитая сеть коммуникаций, посредством которой можно было бы доставлять зерно к потребителям, производство товарного хлеба в Предкавказье сдерживалось.

Однако стараниями князя М.С. Воронцова дело сдвинулось к пользе многих людей в 1848 г., когда был основан на Азовской косе город и порт Ейск. Этот порт был единственным портом на Азовском море. В то же время

⁶¹² Фадеев А.В. Указ. соч. С.198.

⁶¹³ Там же. С.199.

⁶¹⁴ РГИА. Ф.1268. Оп.3. Д.275. Л.55; Там же. Оп.9. Д.101. Л.457.

ближайшие, располагавшиеся на восточном берегу Черного моря все другие порты – Геленджик, Анапа, Новороссийск – «находились в зоне военных действий и не являлись коммерческими гаванями»⁶¹⁵.

Ейский порт был удобным и безопасным местом для захода каботажных судов. Погрузка и выгрузка там могли производиться «во всякую погоду и при всех ветрах, без затруднения»⁶¹⁶.

В Ейске поселялись люди с капиталами и хорошей репутацией по сельским и торговым делам. Потому, по мнению наместника Кавказа, «все Черноморие, равно как и значительная часть Ставропольской губернии не только легко и безопасно будут выпускать через Ейск свои произведения, но по причине такого выгодного сбыта будут производить больше прежнего»⁶¹⁷.

Значение Ейска быстро осознали многие предприимчивые люди, и к наместнику стали обращаться депутации из Таганрога, Ростова и Нахичевани-на-Дону, видя там для себя «новые способы по приобретению и сбыту многих продуктов»⁶¹⁸.

Торговля играла основную роль в экономической жизни городов Предкавказья. В Ставрополь и Георгиевск из Москвы поступали ткани, серебряные и золотые изделия, из Тулы – разнообразные металлические изделия, скобяные и москательные товары; из Луганска – кожаные изделия. Бакалею везли из Ростова и Таганрога. Много промышленных товаров закупалось на Нижегородской ярмарке⁶¹⁹.

В 1849 г. Ставрополе концентрировалась большая часть купеческих капиталов губернии, и устраивались самые крупные ежегодные ярмарки. Всего же ярмарок в губернии собиралось до 40 в год⁶²⁰.

⁶¹⁵ Фадеев А.В. Указ. соч. С.201.

⁶¹⁶ АКАК. Т.Х. С.710.

⁶¹⁷ Там же. С.711.

⁶¹⁸ Там же.

⁶¹⁹ ГАСК. Ф.101. Оп.1. Д.1831. Л.29-33.

⁶²⁰ РГВИА. Ф.232. Оп.1. Д.28. Л.47-48.

Развитие торговли и промышленности приводило к тому, что города Предкавказья постепенно утрачивали свое первоначальное назначение – быть крепостями, и превращались в торгово-промышленные центры с большим числом торгово-промышленного предприимчивого населения.

Ярмарочная торговля Предкавказья способствовала развитию внутренних региональных связей и одновременно постепенно связывала местные рынки с общеимперской торгово-промышленной системой.

Значение ярмарочной торговли для края ежегодно росло. Именно посредством этого вида торговли жители Предкавказья могли получать необходимые им промышленные товары, предъявляя ежегодно возрастающий платежеспособный спрос.

Откликаясь на растущую экономическую активность местного населения, администрация Кавказского наместника не только не препятствовала, но охотно содействовала этому, создавая правовые и организационные предпосылки развитию торгово-промышленной деятельности.

Благодаря сочувствию предприимчивым людям и стремясь предоставить новые возможности для реализации частной инициативы, а также исходя из объективного хода дел, кавказские власти ежегодно увеличивали количество проводимых ярмарок в крае.

Например, на Ставрополье ярмарочная торговля показывала завидную динамику. В 1846 г. там состоялось 20 ярмарок, на которых было продано товаров на 915 619 р. с.; в 1848 г. состоялась 21 ярмарка с оборотом в 1 241 670 р. с.; в 1853 г. ярмарок проводилось 25 с оборотом в 1 219 996 р. с.⁶²¹.

Ярмарки дифференцировались не только по месторасположению – в селах, казачьих станицах или городах, - но также по привозимому и продаваемому ассортименту товарной массы. Они формировались, исходя из запросов и возможностей субъектов товарно-денежных отношений.

На сельских и казачьих ярмарках торговали преимущественно товарами, необходимыми и имевшими спрос

⁶²¹ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.887. Л.27; Там же. Оп.3. Д.275. Л.19; Там же. Оп.8. Д.184. Л.5. Отчеты ставропольского губернатора с 1846 по 1853 гг.

в крестьянской и казачьей среде – скотом, продуктами, шерстью, кожами, изделиями из кожи, железом, разнообразными сельскохозяйственными орудиями, конской сбруей или воловьей упряжью⁶²².

Промышленные изделия местного и привозного происхождения, бакалея и колониальные товары представлены были на городских ярмарках. Многочисленные оптовики и мелкие торговцы предлагали покупателям табак, чай, сахар в головах, бумажные и шелковые ткани, посуду, обувь, одежду, мыло и иные предметы туалета, бижутерию и многое другое⁶²³.

В указанном направлении развивался экономический процесс и на Кубани. С её территории в центральные губернии направлялось до 2000 лошадей и до 30 000 голов крупнорогатого скота и столько же овец⁶²⁴. Здесь же проводилось до 20 ярмарок с общим оборотом, например, в 1849 г. – 639 382 р. с.⁶²⁵

Большую роль в торговле с конца 40-х гг. стали играть порты, располагавшиеся на восточном берегу Черного моря и на Азовском море. Торговые операции в Новороссийском порту начались с 1845 г., а в Геленджике - в 1847 г.⁶²⁶.

Через эти порты из Ставропольской губернии и из области Черноморского казачьего войска, из прилегающих к морю волостей Ростовского уезда в Ростов-на-Дону и в Таганрог поступало до 300 000 четвертей хлеба и более 180 000 пудов шерсти⁶²⁷.

Крестьяне, казаки и жители городов Предкавказья втягивались в рыночные связи, продавая свою продукцию и покупая значительное количество промышленных товаров. Потому поток промышленных товаров из центральных губерний России на северокавказских ярмарках имел тенденцию к росту.

Хозяйственная и торговая активность жителей Предкавказья находила свою реализацию не только на ярмарках,

⁶²² Фадеев А.В. Указ. соч. С.207; РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.839. Л.20.

⁶²³ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.887. Л.28.

⁶²⁴ РГИА. Ф.416. Оп.5. Д.5. Л.359.

⁶²⁵ Фадеев А.В. Указ. соч. С.208.

⁶²⁶ ГАКК. Ф.638. Оп.1. Д.235. Л.38.

⁶²⁷ АКАК. Т.Х. С.704.

но и способствовала расширению еженедельного базарного торгова, происходившего во всех городах, крупных селах или станицах края⁶²⁸. Многие базары скоро сделались круглогодичными.

Обычно базары работали 2-3 раза в неделю, а в некоторых местах стали ежедневными (станция Усть-Лабинская). На городских и станичных рынках местные купцы реализовывали товары, оставшиеся у них после ярмарочной торговли, «удовлетворяя потребности жителей в течение целого года»⁶²⁹.

Активное внимание к торговле со стороны князя М.С. Воронцова основывалось также и на том основании, о котором ещё в 1835 г. писал генерал-лейтенант И.А. Вельяминов министру финансов графу Е.Ф. Канкрину⁶³⁰.

По мнению генерала Вельяминова, торговля была естественным средством накопления необходимых капиталов, которых объективно не хватало Кавказской области для становления местного мануфактурного производства, в силу того, что всякое мануфактурное заведение требует капитала более или менее значительного.

Имеющий большие капиталы, считал генерал, может довольствоваться умеренным процентом прибыли, в то время как тот, у кого такого капитала мало, хочет удвоить его в короткое время и сверх того, удовлетворить все свои потребности жизни «насчет прибытков, получаемых от торгова». Потому купец, одаренный большой деятельностью, даже при самых скромных и умеренных способностях нередко достигает поставленной цели⁶³¹.

Однако в силу того, что капиталы местных купцов долгое время не могли достигнуть той величины, «чтобы они имели возможности получать на них значительные проценты, произведя обыкновенную торговлю различными товарами.

⁶²⁸ Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). – М.: Изд. Надыршин А.Г., 2012.

⁶²⁹ ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.1494. Л.19.

⁶³⁰ АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. С.817-819.

⁶³¹ Там же. С.817.

Поэтому нельзя ожидать, чтобы кто-нибудь из них захотел, хотя часть своего капитала отвратить на мануфактурное заведение, которое может дать только умеренные проценты, особливо в первые годы»⁶³².

В связи с данным обстоятельством, которое почти не изменило своей сущности до прихода в Кавказский край наместником М.С. Воронцова, оставалось наиболее доступным средством поправить положение дел и ускорить в крае введение промышленности – «обратить на эту землю внимание капиталистов, торгующих в столицах и во внутренних губерниях»⁶³³.

Этой стороне роли, которую играла торговля в крае, как уже говорилось ранее, князь-наместник стал уделять первостепенное внимание, зная опыт своих наиболее успешных и знающих кавказские реалии предшественников.

Все, кто посещал города Предкавказья, отмечали заметный рост коммерческой деятельности в конце 40-50-х гг. XIX века. Всякий человек «с приездом в Ставрополь, Пятигорск, Кисловодск, Владикавказ, Грозную и проч. – видит города, оживленные торговлей и русскую жизнь там. <...> Промышленность Москвы стремиться на Восток, мирные горцы снабжаются ею, и этим мирным путем делаются покорнее правительству»⁶³⁴. Как считал С.А. Чекменев, уже само появление и развитие городов Предкавказья было признаком развития экономики осваиваемого края⁶³⁵.

Купечество предкавказских городов значительно выросло и окрепло к 50-м гг. XIX века, занимаясь скупкой произведений местной промышленности и сельского хозяйства для последующей их продажи на ярмарках края или во внутренних губерниях империи.

Важную торгово-экономическую роль в Кавказском крае играли дороги, которых за время наместничества князя М.С. Воронцова значительно прибавилось. Дороги и обеспечение

⁶³² Там же.

⁶³³ Там же. С.819.

⁶³⁴ АКАК. – Тифлис, 1888. Т.ХI. С.450.

⁶³⁵ Чекменев С.А. Указ. соч. С.260; Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1981.

безопасного проезда по ним не только способствовали самому процессу передвижения большого количества товаров и купцов или вообще проезжающих по различным надобностям частных или чиновных лиц, но также развитию придорожной местной торговли, получившей распространение почти на всех постах, пикетах, почтовых станциях и у крепостей.

Например, на Военно-Грузинской дороге торговцами из армян или местных туземных народов продавались изделия из войлока, башлыки, бурки, горское сукно, шубы из шкур, выделанные кожи, ремни, сыр и другие продукты горского хозяйства⁶³⁶.

О.С. Пылков отмечает, что усиление движения по данной дороге способствовало появлению на ней лавок, предлагавших проезжающим съестные, питейные и всякие другие товары по умеренным ценам. Ярким свидетельством такого процесса были духаны и лавки, располагавшиеся возле Дарьяльского укрепления, в которых продавались кахетинское вино, балыки, икра, чуреки, лаваша⁶³⁷.

Придорожные торговые заведения могли предлагать также «фураж отличной доброты», а также произведения, пользовавшиеся спросом у окрестного горского населения – соль, ситцы, холст и многое другое⁶³⁸.

Прежде, до развития торговли вдоль путей сообщения, трудности, которые испытывали проезжие чиновники и военные команды из-за отсутствия налаженного продовольственного снабжения, были неподъемны для казны. Показательной была ситуация на той же Военно-Грузинской дороге, где организационные неурядицы усугублялись, особенно в зимнее время, снежными завалами, надолго прерывавшими само движение.

Чтобы изменить ситуацию к лучшему еще генерал А.П. Ермолов разрешил местным жителям (Григорий Априлов с товарищами) в местечках Казбек и Коби завести лавки с

⁶³⁶ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.24798. Л.1.

⁶³⁷ Пылков О.С. Указ. соч. С.109.

⁶³⁸ АКАК. – Тифлис, 1878. Т.VII. С.353.

разными товарами и «продавать оные по умеренным и безобидным для себя ценам»⁶³⁹.

Затем по приглашению управляющего горскими народами подполковника Кананова «заведены были подобные лавки и на тех же условиях в Кайшауре, Квишети и Пасанауре»⁶⁴⁰.

Эту линию продолжал генерал-лейтенант И.А. Вельяминов, приняв в соображение, что «чем более будет торговцев на Военно-Грузинской дороге, тем менее проезжие будут нуждаться в потребных им припасах и более доставать оных за дешевлешую цену»⁶⁴¹.

Предпринятые первые шаги в развитии придорожной торговли увенчались зримым успехом и «возбудили» всеобщее соревнование, что привело к тому, что между Тифлисом и Екатериноградом на каждой станции или каждом посту «явились лавки»⁶⁴².

Однако в этом общепользном деле не все складывалось гладко. Не обошлось без затруднений, которые возникали из-за действий местного военного начальства, определявшего условия деятельности для торгующих людей. Главной целью им виделось «только спокойствие и довольство проезжающих»; способов же соединения частных выгод с пользой казны не предоставлялось. Результатом было то, что «лавки опустели, проезжающие стали встречать почти во всем недостаток, и торговля с коренными жителями обратилась опять в прежнее ничтожество»⁶⁴³.

Князь М.С. Воронцов не мог оставаться без участия в данном деле. Его распоряжениями были разрешены противоречия между частными интересами и интересами казны, путем введения приемлемых для местных торговцев пошлин. Лавок было разрешено по дорогам открывать столько, сколько местные нужды требовали, и «вести торг съестными припасами, напитками, фуражом и другими горским народам нужными

⁶³⁹ Там же. С.352.

⁶⁴⁰ Там же.

⁶⁴¹ Там же.

⁶⁴² Там же.

⁶⁴³ Там же. С.353.

товарами» с запретом только торговать порохом, пулями, свинцом и селитрой⁶⁴⁴.

По мнению надворного советника Чиляева, выгода от такой торговли состояла в том, что горские народы, имея возможность по месту жительства сбывать свои изделия или скот, и не предпринимать более тягостного для них пути в Тифлис «для самых мелочных закупок, редко превышающих 3-х рублей, охотно станут заниматься хозяйством и внутренней промышленностью, исправнее платить государственные подати и чаще будут обращаться к торговле, которая по мере того будет иметь полезное влияние на самые их нравы»⁶⁴⁵.

Надо подчеркнуть и то обстоятельство, что, несмотря на ведение военных действий в тех или иных частях Кавказа, само движение войск по кавказским дорогам также служило стимулом развитию местной торговли и не только для русского населения, но для селений мирных горцев⁶⁴⁶.

Здесь можно отметить, что вместе с военными усилиями торговля становилась одним из методов колонизационных усилий России в Кавказском крае.

Хотя ранее указывалось на трудности и разнообразные причины, которые долгое время тормозили развитие как самой торговли между русскими и горцами, так и многие препятствия, стоявшие на путях кардинального преобразования самого горского хозяйства (особенно в северо-западной части Кавказа), постепенно ход событий, требования здравого смысла и, наконец, упорство князя М.С. Воронцова приводили к тому, что положение вещей, хотя и медленно и в небольших масштабах, избирательно, стало приобретать необходимую российской стороне тенденцию.

Торговля постепенно стимулировала развитие горской хозяйственной жизни, способствовала некоторым организационным изменениям и переменам в структуре и масштабах местного производства, росту его рентабельности в

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Там же.

⁶⁴⁶ ГАСК. Ф.444. Оп.1. Д.825. Л.3-5; ГАСК. Ф.87. Оп.1. Д.537. Л.3; Пылков О.С. Указ. соч. С.110-111.

связи с необходимостью предъявлять рынку потребительский продукт, имевший востребованный спрос.

Так в 1848 г. только через Невинномысскую карантинную заставу от горцев было вывезено товаров на общую сумму в 13 144 руб. 55 коп.⁶⁴⁷.

Приобретая в этой деятельности сноровку и получая возможность постоянно увеличивать свой доход посредством торговли, часть горских предприимчивых людей, «не удовлетворяясь тем, что они могли приобрести от русских солдат и казаков на сатовках»⁶⁴⁸, стали просить российские власти дать им возможность принимать участие в ярмарках и базарах «для торгового промысла»⁶⁴⁹.

Князь М.С. Воронцов способствовал такому настрою горских «купеческих людей», а потому их можно было часто видеть на ярмарках и базарах в городах Ставрополе, Георгиевске, Пятигорске, Екатеринодаре, Моздоке, Кизляре, Владикавказе, Тифлисе и других местах⁶⁵⁰.

Так на Покровскую ярмарку в Екатеринодаре в 1845 г. приезжало по данным генерала Г.А. Рашпиля свыше 1100 закубанских черкесов, которые привезли различного товара на сумму в 2550 р. с., а вывезли с собой товаров с ярмарки на 2500 р. с.⁶⁵¹.

В 1846 г. черкесами на екатеринодарские ярмарки было привезено товаров на сумму 13 842 р. с., а вывезено в горы товаров на сумму 12 779 р. с.⁶⁵².

Для умножения торговли с горцами по Кавказской линии был разрешен беспошлинный пропуск к мирным горцам железа и стали и беспошлинный привоз иностранной и

⁶⁴⁷ РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.203. Л.98; Фадеев А.В. Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Наука, 1957. С.219.

⁶⁴⁸ Фадеев А.В. Указ. соч. С.215-216.

⁶⁴⁹ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.248. Л.16.

⁶⁵⁰ Фадеев А.В. Указ. соч. С.216.

⁶⁵¹ РГИА. Ф.1268. Оп.1. Д.782. Л.65.

⁶⁵² РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.963. Л.24.

крымской соли ко всем портам восточного берега Черного моря⁶⁵³.

Как отмечал А.В. Фадеев, большое место в номенклатуре горских товаров занимали продукты животноводства и произведения кустарных промыслов⁶⁵⁴. Кроме того, часто горцы привозили мед, воск, садовые плоды⁶⁵⁵.

Постепенно в торговлю с русскими вовлекались не только горские владельцы, но и крестьяне. По мнению А.В. Фадеева, «продукты местного крестьянского хозяйства и домашнего производства пользовались большим спросом со стороны русских новоселов»⁶⁵⁶. В свою очередь, русские фабричные текстильные изделия были дешевы, а потому доступны горским крестьянам.

В связи с этим, следует согласиться с мнением А.В. Фадеева о том, что торговые связи между русскими и горцами «гораздо более отвечали интересам широких масс горского крестьянства»⁶⁵⁷, чем меновая торговля с турками, которая большей частью была привилегией горской знати.

В то же время не следует переоценивать отмеченной тенденции. Свободному и всестороннему развитию торгово-экономических отношений между горским населением и российскими предприимчивыми людьми по-прежнему препятствовало вооруженное противостояние вдоль границ Кавказской кордонной линии и соперничество между Имаматом и Россией.

Малые успехи в деле покорения горских обществ на Северо-Западном Кавказе, истощавшие терпение Петербурга, привели к тому, что в 1850 г. была «по политическим видам воспрещена меновая торговля с горскими народами»⁶⁵⁸, а с 1854 года прекратились совсем торговые связи с закубанскими

⁶⁵³ Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Т.1-3. Ч.1. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К*, 1859. С.253.

⁶⁵⁴ Фадеев А.В. Указ. соч. С.218.

⁶⁵⁵ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.305. Л.47, 50.

⁶⁵⁶ Фадеев А.В. Указ. соч. С.221.

⁶⁵⁷ Там же.

⁶⁵⁸ ГАКК. Ф.249. Оп.1. Д.2294. Л.242.

черкесами, жившими в Черномории, из-за начавшейся войны с Османской империей.

Особую роль играла приграничная торговля в Закавказье с сопредельными странами - Османской Турцией и Персией. При помощи торговых связей здесь пытались решать разнообразные задачи, в том числе, имперской внешней политики. Во-1-х, торговля была средством к обеспечению продовольствием и всеми иными предметами жизнесуществования воинских контингентов российской армии; во-2-х, противостоять контрабанде; в-3-х, способствовать упрочению связей с кавказскими горцами; в-4-х, укреплять основания политического влияния России на восточном берегу Черного моря и в южной части Каспия⁶⁵⁹.

В своем письме в Тегеран князь М.С. Воронцов в 1845 г. убеждал шаха, что все, в том числе и торговые связи со стороны российских властей, направлены на то, «чтобы дружественными сношениями нашими по делам обоюдных подданных двух великих государств более и более упрочить узы, столь тесно соединяющие великих обладателей оных»⁶⁶⁰.

Для распространения и поощрения торговли с Персией был учрежден транзит, по которому европейские товары могли беспошлинно доставляться из Редут-кале и Сухум-кале в Персию через Тифлис и Нахичевань и персидских товаров из Баку в указанные два черноморских порта⁶⁶¹.

По особой росписи было разрешено провозить через сухопутную границу в Закавказский край европейские и колониальные товары из Персии и Турции, в том числе «бумажные, льняные, шелковые и шерстяные изделия с платежом уменьшенной пошлины по Кавказскому тарифу 1846

⁶⁵⁹ Шкунов В.Н. История внешней торговли Российской империи с государствами Востока в XVIII – XIX вв. в исследованиях и документах. В 5 т. Т.1. – Самара: Поволжский филиал ИРИ РАН, 2008. С.26.

⁶⁶⁰ АКАК. Т.Х. С.718.

⁶⁶¹ Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Т.1-3. Ч.1. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К*, 1859. С.253.

г.»⁶⁶² (на 20%, 50% и более по сравнению с Европейским тарифом 1842 г.)⁶⁶³.

В 1850 г. было разрешено вывозить из России в Персию бочки в разобранном виде «для привоза оттуда деревянного масла»⁶⁶⁴. В 1852 г. был разрешен транзит всех азиатских товаров в Европу через все таможи, находившиеся на сухопутной границе с Персией⁶⁶⁵.

Сообразуясь с данными обстоятельствами, торговля на приграничных территориях с сопредельными государствами, помимо закрепления экономических связей выступала фактором, укреплявшим российские южные пределы.

Подводя итоги, следует констатировать, что торговля, прежде всего для российской стороны, выступала средством воздействия на мир Кавказа и его системы взаимоотношений, действовавшей как внутри кавказских обществ, так и вовне. Посредством торговли российские власти надеялись подготовить кавказский мир к восприятию инокультурных феноменов, привнесившихся туда Россией.

Используя торговлю, как инструмент воздействия на основы кавказской цивилизационной парадигмы, князь М.С. Воронцов не преследовал быстрых и всеобъемлющих результатов, но в то же время, надеялся на её способность пробивать бреши для культурного проникновения даже в самой непримиримой к русским части горского этнического мира.

Князь М.С. Воронцов видел в торговле не только преимущественно орудие политического давления, каким её видели в Петербурге, сколько важным средством сближения с кавказским миром, в основе которого лежали экономические условия получения материального благосостояния всем без исключения субъектам торговых отношений.

⁶⁶² Там же. С.254-255.

⁶⁶³ Там же. С.253.

⁶⁶⁴ Там же. С.254.

⁶⁶⁵ Роспись движения товаров в Персию и через азиатскую границу с Турцией см. Семенов А. Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVIII столетия по 1858 год. Т.1-3. Ч.3. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К*, 1859. С.170-178.

В разных частях Кавказского края торговля решала различные задачи и исполняла различные роли, исходя из местных обстоятельств, социально-культурных оснований, политической ситуации и требований высших имперских властей.

Центром приложения усилий князя Воронцова по-прежнему оставалась Грузия, ставшая своеобразной экспериментальной площадкой, на которой князем-наместником испытывались и вырабатывались способы влияния на кавказский мир.

Торговля и связанные с нею материальные выгоды и социальные последствия приводили к тому, что в этнических кавказских обществах переменяли к ней отношение: из занятия, считавшегося унижительным, она превращалась в занятие престижное, хотя бы для части жителей Кавказа, притом наиболее преуспевающей.

Не только сама торговля, но и пространство торговых операций притягивали часть горских жителей, вовлекая их в новый мир повседневного существования, в результате чего представители горских этнических миров приобретали ранее неизвестные им предметы и знания, доставлявшие им довольство и различные выгоды материального и нематериального свойства.

Сильно способствовали развитию торговли, а вместе с тем и укреплению российского влияния, развивавшиеся в крае пути сообщения. В связи с этим в глубину гор проникали товарно-денежные отношения и переменяли там социальную ситуацию, отнимая у приверженцев имамата, как это было, например, в Дагестане, козыри противодействия российскому влиянию.

Более того, стимулами к приобретению благосостояния за пределами существовавшей традиционной структуры через посредство участия в торговле, князь М.С. Воронцов помогал большому числу людей изменить свое социальное положение, особенно тем, чей прежний социальный статус лишал их надежды на социальное возвышение. В системе же имперской структуры такой социальный рост был возможен, что

превращало таких людей в социальную опору Российской империи в Кавказском крае.

ГЛАВА 2. ЭТНИЧЕСКИЕ, КОНФЕССИОНАЛЬНЫЕ И ДРУГИЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ В КАВКАЗСКОМ КРАЕ В 40-50 ГОДЫ XIX ВЕКА

2.1. Приоритеты в переселенческой политике князя М.С. Воронцова и проблемы колонизации Кавказа

Со времени присоединения Грузии, завоевания Финляндии и включения в состав империи польских земель, качественно изменилась политика России, а также весь спектр задач, встававших перед российским государством с расширением его территории. Новизна проблематики состояла в том, что «в состав империи вошли территории с собственными длительными традициями государственного существования и населенными народами с развитой национальной культурой»⁶⁶⁶.

Очень скоро встала проблема определения способов скрепления всех составных частей империи в единое целое. С конца XVIII века и в течение почти всего XIX столетия, когда территория Российской империи увеличилась значительно, эта проблема была наиболее острой в ряду многих других, характерных для растущего государства.

На Кавказе, в силу того, что Россия вынуждена была начать «постоянную войну против кавказских горцев вследствие занятия Грузии, с первыми находившимися под рукой средствами, не имея самых необходимых сведений о Кавказе, а потому никакого плана и никакой системы действий заранее составить не могли»⁶⁶⁷.

Сложность задачи осознавалась властями постепенно, на стадии практической реализации тех или иных правительственных проектов на новых территориях. Практика выявила необходимость выработки разнообразных подходов для каждой территории, так как все попытки придания

⁶⁶⁶ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX век) // Вопросы истории. – 1995. №9. С.132.

⁶⁶⁷ Романовский Д. Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, прочитанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – М.: ГПИБР, 2004. С.26.

универсальности, даже подкреплявшиеся силовыми аргументами, оказались малоуспешными.

Каждый регион требовал изучения и учета многих параметров, определявшихся этно-конфессиональными, этно-культурными, этно-политическими и иными факторами, а также стадией цивилизационного развития, на которой находились народы, по воле имперских властей становившимися их подданными.

Данная констатация обоснования задач и действий по сближению подчинявшихся территорий с империей характерна и для Кавказа.

Сложность усилий в Кавказском крае по сближению с Россией умножалась, как категорическим требованием внедрять «в местную гражданскую жизнь монархических начал империи»⁶⁶⁸ среди народов, таких начал не имевших, так и потому, что сам процесс сближения реализовывался в ситуации длительного вооруженного противостояния, сначала со стороны Оттоманской Порты и Персии, потом – кавказских мюридов.

Многолетние усилия правительства по достижению провозглашенной цели долго не могли вступить в фазу успешного завершения. Печальные результаты ревизии состояния Закавказья и Северного Кавказа военным министром А.И. Чернышевым и статс-секретарем М.П. Позеном в 1842 г. стали определяющим фактором для принятия императором Николаем I решительных мер организационного характера, с помощью которых особому чиновнику (наместнику), поручалось «разрубить гордиев узел кавказских проблем»⁶⁶⁹.

Выбранный для реализации этой миссии князь М.С. Воронцов изменил вектор российской политики в Кавказском крае: проводя неизбежную русификацию, старался избегать репрессивных методов управления, действуя с большой осторожностью и осмотрительностью⁶⁷⁰.

⁶⁶⁸ Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал, светлейший князь М.С. Воронцов. – М., 2001. С.325.

⁶⁶⁹ Там же. С.155.

⁶⁷⁰ Лисицина Г.Г. «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005. С.224.

М.С. Воронцов обосновывал свои действия перед императором тем, что «...всякое нововведение, изменяющее вековые обычаи, чрезвычайно трудно к введению везде, но особенно в здешнем крае <...> Насильственные меры не только не принесут добра, но могут иметь очень дурные последствия»⁶⁷¹.

Добиваясь конечной цели сementировать Кавказ с Россией, М.С. Воронцов столкнулся с дефицитом средств и ресурсов для такого сementирования. Разобравшись в ситуации, он увидел, что все надежды, все начинания, все указания Петербурга не могут быть претворены в жизнь, не могут быть приведены в действие по причине отсутствия в регионе социального фундамента, на который могло бы опереться строящееся здание русской государственности в данном крае. Под социальным фундаментом, подразумевали, прежде всего, русское славянское население.

Несмотря на успехи русского оружия, отбившего все поползновения врагов России в крае, до 1830 г. в Закавказье, например, совсем не было русских поселений⁶⁷².

Русская армия вынуждена была находиться на территориях, либо совсем мало заселенных, либо заселенных народами, враждебными к ней. Армию окружали люди, отличавшиеся культурными и нравственными традициями и правилами настолько, что русскому человеку трудно было признавать и принимать их за своих, жить, не сторожась и не опасаясь каких-либо выпадов или неприятностей с их стороны⁶⁷³.

В связи с этим военное командование неоднократно обращалось в Петербург с просьбами об ускорении русской колонизации Кавказа. Военные надеялись не только создать необходимое им социально-культурное пространство, но средство и базу безопасного и постоянного снабжения войск провиантом и фуражом, решить бытовые нужды солдатской

⁶⁷¹ Эсадзе С.С. Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913. С.42.

⁶⁷² АКАК. Т.Х. С.119.

⁶⁷³ Там же.

массы, размещая войска на основе постоянной повинности в русских населенных пунктах.

Кроме того, с насыщением Кавказа русским населением решалась проблема рекрутских наборов, а также комплектования военных гарнизонов местными уроженцами, привычными к кавказскому климату и условиям жизни, что должно было заметно снизить смертность среди нижних чинов, чего не могли обеспечить рекруты, прибывавшие из России⁶⁷⁴.

Уже по этим причинам необходимо было иметь в крае население, близкое как по духу и быту русским военным людям, так и по привычным и естественным каждодневным правилам существования, способным быть им помощниками в колонизаторских усилиях.

Нельзя сказать, чтобы, как высшие власти, так и предшественники князя М.С. Воронцова – кавказские администраторы, не понимали существовавшей тут проблемы. Сложность зиждилась не в сущностной стороне данного вопроса, а в механизме его реализации. Власти были ограничены в возможностях изыскивать людские потоки, которые можно было бы безболезненно направить на заселение кавказских территорий.

Существовавшее в первой половине XIX в. социальное устройство Российской империи не позволяло властям, несмотря на их абсолютистский характер, поступать своевольно, не согласуясь с интересами дворянской массы. По этой причине государство могло черпать необходимые людские ресурсы только в подведомственных казне крестьянских массах, а заодно призывать охотников из иных сословий или колонистов-иностранцев.

На протяжении всего предреформенного периода, как отмечала Л.В. Куприянова, в переселенческой политике правительства прослеживались две тенденции, вынуждавшие его к осторожности. Во-1-х, «это стремление к дальнейшему освоению края, связанное с дальнейшими завоеваниями на

⁶⁷⁴ Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. С.38.

Кавказе», а во-2-х, «...это боязнь массового ухода помещичьих и казенных крестьян из внутренних районов страны»⁶⁷⁵.

Опасения правительства не были беспочвенными. Властям были известны настроения, существовавшие в крестьянской среде. Многочисленные свидетельства современников подтверждали возникавшие на этой почве трудности.

По свидетельству М.П. Щербинина, помощника М.С. Воронцова по части гражданского управления Кавказским краем в период его наместничества, который в 1848 г. наблюдал в Курской губернии, где находилось его имение, беспорядки среди крестьян, стремившихся на Кавказ «как в землю обетованную»⁶⁷⁶.

Подстрекаемые распространявшимися слухами о том, что правительство приглашает помещичьих крестьян к переселению на Кавказ с безвозмездным дарованием земли, денежных пособий и освобождением от всяческих податей и повинностей, крестьяне толпами с семьями и пожитками пускались в путь, не желая слышать чьих - бы то ни было увещаний⁶⁷⁷.

Прибегать к осторожности властей вынуждало не только опасение взорвать общее устройство и основы социально-экономической жизни в стране, но и тем обстоятельством, что в условиях войны открывать возможности для широкого переселения на Кавказ было преждевременно из-за невозможности обеспечения безопасности и необходимых условий жизни переселенцам.

В тот момент правительство откладывало широкое и свободное переселение на Кавказ до времени, когда «хлебопашцам доставится безопасность и спокойствие», когда «без убытков казне и помещикам и казенные крестьяне, мало по малу, станут переносить жительства свои в сию привольную страну»⁶⁷⁸.

⁶⁷⁵ Куприянова Л.В. Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М., 1981. С.131.

⁶⁷⁶ Щербинин М.П. Воспоминания. – М., 1876. С.25

⁶⁷⁷ Там же.

⁶⁷⁸ Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. – СПб., 1869. С.255-256.

К тому же, заселение отдельных территорий Кавказского края имело свою специфику. Если Закавказье заселялось в условиях относительно мирных, то Предкавказье до середины 60-х гг. XIX в. заселялось в условиях Кавказской войны, и было подчинено задачам завоевательной политики.

Поскольку помещичье-крепостническая колонизация не получила широкого развития, освоение этой территории производилось силами казаков и отставных солдат⁶⁷⁹. Тем более, что обстоятельства колонизации края долгое время требовали не просто и не столько хозяйственного, но, одновременно, военного механизмов, для которых казачество было лучше всего приспособлено. Политические и военные власти использовали казачество в качестве действенного средства ускорить покорение горцев⁶⁸⁰.

Князь М.С. Воронцов первоначально не мог поменять этой тенденции. К предыдущим волнам казачьего переселенческого потока, например, на Кубань, он присоединил свои усилия, и в 1848 г. способствовал переселению в данный район 14 347 человек⁶⁸¹.

Аналогичным способом росла численность и линейного казачества, но происходило это за счет переселения на Кордонную линию донских и волжских казаков. К 1853 г. общая численность линейцев при князе Воронцове доходила до 264 242 человек обою пола⁶⁸².

Однако недостаточная социально-экономическая эффективность военно-казачьей колонизации в силу особенностей её приоритетной функциональности вынуждала власти искать переселенцев с иной мотивацией и качественными признаками.

⁶⁷⁹ Наш край. Документы и материалы. 1777-1917 гг. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1977. С.16.

⁶⁸⁰ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6288. Л.7-25; АКАК. – Тифлис, 1881. Т.VIII. С.631-635. Отношение военного министра графа А.И. Чернышева к командиру Отдельного Кавказского корпуса ген. - от инф. барону Г.В. Розену, №305, 4 апреля 1834 г. с изложением Высочайшего повеления относительно плана действий на Кавказе.

⁶⁸¹ Известия Общества любителей истории Кубанской области. Вып.IV. – Екатеринодар, 1909. С.79.

⁶⁸² РГИА. Ф. 1268. Оп.8. Д.184. Лл.54-55.

Источником были контингенты государственных крестьян центральных губерний России, которые испытывали растущее бремя казенных повинностей и денежных платежей в казну в условиях нарастающего малоземелья⁶⁸³.

Уже упоминавшиеся настроения, захватывавшие все большее число крестьян, о которых свидетельствовал М.П. Щербинин⁶⁸⁴, приводили к тому, что крестьяне в массовом порядке стали подавать властям прошения с просьбами о переселении, в том числе, в Предкавказье⁶⁸⁵.

Переселения и колонизация русских крестьян, как явление без относительно порождаемых причин, не представляли, по мнению видного русского исследователя А.А. Кауфмана, чего-то в мире исключительного, «специфически русской особенности». Они находились в русле общечеловеческих процессов и также «играли первостепенно важную роль не только в экономической, но и в культурной и политической истории»⁶⁸⁶ колонизуемого края.

Отличались они от аналогичных переселений, происходивших, например, из стран Западной Европы тем, что колонизационное движение западноевропейцев «имеет характер эмиграции, <...> а в России переселения были издревле и остаются до сих пор явлением внутреннего народного быта, имеющим значение простого перехода из одних мест жительства в другие»⁶⁸⁷.

Переселенцы из Европы направлялись часто в чужие государства либо в отдаленные колонии, «слабо связанные с метрополией и неизбежно стремящиеся порвать эту связь окончательно»⁶⁸⁸.

По мнению другого исследователя – Ф.Г. Тёрнера: «Россия обладает в своих азиатских владениях свободными

⁶⁸³ Фадеев А.В. Указ. соч. С.52.

⁶⁸⁴ Щербинин М.П. Указ. соч. С.25.

⁶⁸⁵ ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.89. Л.6; ГАСК. Ф.55. Д.402. Л.7.

⁶⁸⁶ Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Изд. 2-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. С.3-4.

⁶⁸⁷ Там же. С.5.

⁶⁸⁸ Там же.

землями, на которые могут изливаться избытки сельского населения, не только не разрывая связи со своим отечеством, но служа, напротив того, большему сплочению этих дальних стран с Россиею»⁶⁸⁹.

В свою очередь А.А. Кауфман добавлял, что «русское переселение – последний акт того процесса колонизации русской государственной территории, который составляет такую существенную черту всей внутренней истории нашего отечества»⁶⁹⁰.

В силу тяжести встававших перед людьми проблем, прежде всего, социально-экономического характера на местах постоянного их проживания, они вынуждены были искать приемлемых для себя решений. Наиболее приемлемым казалось переселение на окраинные земли, в которых не знали аграрной перенаселенности и удушающего административного надзора.

Желание переменить обстоятельства своей жизни к лучшему, заражали многих людей нетерпением. При этом ни государство, ни массы крестьянского населения не умели производить свои действия согласованно, а традиционная управленческая волокита, существовавшая неизбежно в российских государственных структурах, приводила к тому, что многие отправлялись на новые места жизни самовольно, продавая свое имущество за бесценок.

На Ставрополье устремлялись крестьяне из Курской и Орловской губерний. Следом за ними пришли выходцы из Владимирской, Вологодской, Воронежской, Екатеринославской, Казанской, Киевской, Полтавской, Саратовской, Тамбовской, Тульской и Харьковской губерний⁶⁹¹.

Мало контролируемый приезд на Кавказ приводил к тому, что «погодного учета об определенных и непричисленных Казенною палатою разного звания людей, а в особенности

⁶⁸⁹ Цит. по: Кауфман А.А. Указ. соч. С.5.

⁶⁹⁰ Там же.

⁶⁹¹ Невская Т.А., Чекменев С.А. Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. – Минеральные Воды: Изд-во «Кавказская здравница», 1994. С.12.

переселенных из внутренних губерний, сделать было совершенно не можно»⁶⁹².

М.С. Воронцов в 1847 г. на упреки Петербурга отвечал, что он неоднократно делал распоряжения «к остановлению побегов крестьян на Кавказ», но «по особым обстоятельствам края, военному положению и соседству неприязненных нам горцев, распоряжения эти не всегда сопровождаются успешным исполнением»⁶⁹³.

На самом деле со стороны кавказских властей в этом вопросе проявлялось немало лукавства. Они были заинтересованной стороной, поскольку остро нуждались в насыщении Кавказа русским элементом, на который можно было бы опереться в реализации задач колонизации, а потому не слишком строго и ревностно искали беглецов. Всего к 1853 г. в Предкавказье прибыло государственных крестьян 172 502 человека⁶⁹⁴.

С другой стороны, долгое время, не чувствуя поощрения от высших властей, Кавказская казенная палата и чиновники местной администрации мало интересовались судьбой разместившихся новоселов в крае. И те, кто решался перебираться на кавказские земли, или оставались здесь после службы, попадали в невыносимые условия. В качестве примера можно было бы сослаться на ситуацию, бывшую на Ставрополье.

Переселенцы, прибывавшие в Ставропольскую губернию из внутренних районов России, подвергались весьма часто различным заболеваниям, «происходящих от ощутительной перемены климата, от продолжительной дороги и дурного в ней содержания, от тесного в первое время помещения»⁶⁹⁵.

Смертность населения была весьма высокой. С.А. Чекменев, ссылаясь на документы и воспоминания очевидцев, представил прискорбную картину тогдашнего положения

⁶⁹² ГАСК. Ф. 79. Оп.1. Д.351. Л.251.

⁶⁹³ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.683. Л.11.

⁶⁹⁴ Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. – СПб., 1851.С.177.

⁶⁹⁵ АКАК. Т. X. С.223.

переселенцев. «Во время поголовных болезней из 10 заболевших умирало 5 человек»⁶⁹⁶.

Немало людей лишалось жизни из-за эпидемий, и особенно, холеры, свирепствовавшей на Северном Кавказе в 1832, 1847, 1848 гг. Цинга и лихорадка, как отмечал И.Д. Попко, долгое время оставались каждодневным явлением, «если не истребляют, то заметно прореживают народонаселение»⁶⁹⁷.

И даже там, где на начальной стадии болезней среди крестьян, местным начальством делались попытки «преподанию заболевшим медицинского пособия», но свойство крестьянских жилищ и невозможность отделить больных от здоровых препятствовали «успеху врачебных средств» и распространяли болезни, иногда самые незначительные⁶⁹⁸. К тому же не хватало медицинского персонала.

Власти пытались переломить ход неблагоприятного развития, уповая на нехитрые средства, которые были под рукой. Например, приостанавливали выдачу разрешений на переселение до стабилизации ситуации, до затухания эпидемий.

Князь М.С. Воронцов поручил управляющему Ставропольской палатой государственных имуществ «изыскать все способы к устройству лечебниц для государственных крестьян и помочь несчастным людям перенести испытание с наименьшими потерями для них»⁶⁹⁹. А так как казна слишком мало выделала на эти нужды средств, возникали новые трудности, мешавшие быстро исправлять положение. Поэтому князь М.С. Воронцов по собственной инициативе прибегал к нестандартным решениям – призывал к делу частную инициативу.

Исходя из настроений наместника, статский советник Лазарев уговорил ставропольского купца первой гильдии Деревенщикова построить в с. Медвежьем лечебницу для казенных крестьян на 24 кровати с двумя флигелями и баней,

⁶⁹⁶ Чекменев С.А. Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). – Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. С.58.

⁶⁹⁷ Цит. по: Чекменев С.А. Указ. соч. С.58.

⁶⁹⁸ Там же.

⁶⁹⁹ Там же. С.224.

снабдить эту лечебницу приличной мебелью, постельным бельем столовой и кухонной посудой. За что был награжден золотой медалью с ношением ее на шее на Анненской ленте⁷⁰⁰.

Однако убыль населения по-прежнему была большой. Ситуация осложнялась всплеском военного противоборства и ростом военных потерь в 20-40-х гг. Потому требовались срочные меры по заселению края русскими. Имперские власти продолжали призывать к переселению все новые контингенты казачьего населения (часто принудительно), не останавливая их потока, несмотря на упомянутые издержки и потери в людском составе. Правительственными распоряжениями предписывалось существовавшим в то время казачьим войскам выделять потребные контингенты переселенцев для размещения их на отдельных участках Кавказской линии⁷⁰¹.

Нехватку собственно казачьего населения также компенсировали путем переселения выходцев из других сословий, например, из государственных крестьян, часть которых зачисляли в казаки, особенно тех, кто поселялся вблизи кордонных линий.

В степном Предкавказье новоселы из числа государственных крестьян заселяли преимущественно районы Ставропольской возвышенности между реками Кумой и Егорлыкком. Эти места обладали наилучшими с точки зрения земледельцев условиями, что само по себе привлекало переселенцев.

Кроме того, через Ставропольскую губернию проходила дорога, связывавшая Россию с Кавказом – Черкасский тракт, вдоль которого располагалась почти вся торговая жизнь Предкавказья.

Хотя до реформы 1861 г. переселенческого движения, как «явления народной жизни» в стране еще не существовало, «русской колонизацией связано восстановление в предкавказских степях городской жизни, угасшей еще в глухие времена

⁷⁰⁰ Там же.

⁷⁰¹ РГВИА. Ф.14257. Оп.1. Д.24. Л.87; Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. – Краснодар, 1996. С.183-186.

средневековья»⁷⁰². На период наместничества князя М.С. Воронцова приходится основание в 1848 г. города Ейска⁷⁰³.

Возрождение городской жизни невозможно было без притока новых поселенцев, из которых формировались первые обитатели городов. В городе было позволено селиться всем сословиям без исключения⁷⁰⁴.

Для привлечения желающих сделаться горожанами, власти предоставили льготу – освободили таких поселенцев от платежа податей сроком на 15 лет. Желавшим строить дома или заводить дачи близ города Ейска, отводились бесплатно для этого земли в течение 10 лет⁷⁰⁵. Единственным условием, которого требовали неукоснительно – «самые же строения должны производиться не иначе, как по плану города, который предварительно должен быть составлен местным начальством и утвержден наместником Кавказским»⁷⁰⁶.

Кроме того, если казаки или другие лица Черноморского войска, хотели произвести постройки на территории города Ейска, им разрешалось использовать на эти цели средства из войсковых сумм, «по общим войсковым правилам»⁷⁰⁷.

Прибывшим в город Ейск из внутренних губерний людям разного звания (по срочным паспортам или билетам), в случае окончания сроков, разрешалось получать от местного начальства отсрочки до 6 месяцев, «во внимание к большим затруднениям, с которыми сопряжена выписка новых видов для лиц, принадлежащих к классу сельских обывателей и вообще к подобным сословиям»⁷⁰⁸.

Вторым до 1848 г. крупнейшим и фактически единственным русским городом на Кубани оставался Екатеринодар. В то время город насчитывал до 7 598 человек постоянных жителей. Темпы роста горожан были крайне низкими в силу действовавшего тогда правила, по которому

⁷⁰² Фадеев А.В. Указ. соч. С.63.

⁷⁰³ АКАК. Т. X. С.710.

⁷⁰⁴ Там же. С.705.

⁷⁰⁵ Там же.

⁷⁰⁶ Там же.

⁷⁰⁷ Там же. С.706.

⁷⁰⁸ Там же. С.710.

представителям неказачьего сословия было запрещено селиться на постоянной основе в пределах казачьих земель⁷⁰⁹.

В особых условиях проходило заселение Северо-Восточного берега Черного моря, имевшего важное значение для безопасности Кавказа. Существовало несколько проектов (Н.Н. Раевского и А.И. Будберга), бывших начальников Черноморской береговой линии, для закрепления этой территории за российским государством. Оба проекта не были реализованы по разным причинам. Проект Н.Н. Раевского, предлагавшего превратить укрепления Черноморской береговой линии в торговые пункты и организовать при них русские поселения, которые, производя постоянный торговый обмен с черкесами, содействовали бы развитию мирных контактов между русскими и горцами, поставили бы горцев в экономическую зависимость от России и сделали бы ненужными военные действия⁷¹⁰.

Генералу Н.Н. Раевскому удалось из-за дефицита отпущенного ему времени и больших организационных и правовых затруднений лишь положить начало задуманному. При его содействии было переселено до 1520 человек русских и устроены для них слободки при укреплениях⁷¹¹.

Генерал-адъютант А.И. Будберг по представленному правительству проекту, предлагал переселить на Черноморское побережье всех азовских казаков и образовать из них Закубанское казачье войско по образцу войска Черноморского.

⁷⁰⁹ РГВИА. Ф.14257. Оп.2. Д.357. Л.12; Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. Ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. С.182.

⁷¹⁰ Записка начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Н.Н. Раевского «О торговле с горцами и переселении на Восточный берег» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005. С.358-375; Архив Раевских. – СПб., 1910. Т.3. С.353-381.

⁷¹¹ Бурькина А.В. Заселение Северо-Восточного берега Черного моря в 30-40-е гг. XIX в. в проектах Н.Н. Раевского, А.И. Будберга, М.С. Воронцова // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы докладов IV Международного конгресса 21-24 сентября 2004 г. – Пятигорск, 2004. С.21-22.

Проект генерала А.И. Будберга не был реализован по причине отказа азовских казаков переселяться за Кубань⁷¹².

Заселение Черноморского побережья русскими поселенцами началось в 1832 г. но из-за многочисленных преград первые станицы появляются только в 1837 г., которые приходилось постоянно охранять от выпадов местных горцев. Например, станица Николаевская охранялась ротой солдат, имевших на вооружении 9 орудий. До середины XIX в. русское население Черноморской береговой линии было сосредоточено главным образом в Анапе и близлежащих станицах и составляло 5412 человек⁷¹³.

Князь М.С. Воронцов имел свое видение обустройства данной территории. Он стремился превратить военные укрепления, разбросанные на Черноморской линии, в культурно-экономические центры взаимодействия между русскими колонистами и туземцами Кавказа. 15 декабря 1846 г. было учреждено гражданское управление в городах Анапе, Новороссийске и Сухум-кале, а станицы Закубанского поселения получили прочное основание. Положение от 15 декабря 1846 г. было издано и функционировало первоначально на временной основе, в виде трехлетнего опыта, а в 1849 г. получило окончательное утверждение в Петербурге⁷¹⁴.

Такого рода мероприятия способствовали постепенным успехам переселенческого дела и обещали, как верил князь М.С. Воронцов, «богатую будущность народонаселению»⁷¹⁵.

Для стимулирования притока русского населения в Закубанье также использовались льготы правительства для поселений. В сословие закубанских поселян стали зачислять «разного рода и звания людей, как имеющих письменные виды, так и без всяких о звании доказательств»⁷¹⁶.

Это последнее обстоятельство нарушало, существовавшие законы, но местные кавказские власти (временное правление

⁷¹² Там же. С.24.

⁷¹³ Очерки истории Кубани с древнейших времен до 1920 г. – Краснодар, 1996. С.187.

⁷¹⁴ АКАК. Т.Х. С.876.

⁷¹⁵ Там же.

⁷¹⁶ Там же. С.652.

Анапы) не делали надлежащих запросов об исключении этих людей из расклада податей по местам их прежнего жительства, и тем самым избегали огласки и каких-либо последствий.

Укрывать самовольцев удавалось не только из-за отсутствия огласки об их переселении, но и потому, что эти люди (большой частью мужского пола) приезжали на новые места без своих семейств, которые оставались до времени на прежнем жительство, и тем самым покрывали сам факт бегства.

Когда закубанские новопоселенцы устраивали свои новые жилища и обзаводились хозяйством, они обращались во временное правление Анапы с прошениями «о вытребовании жен их и детей»⁷¹⁷ с прежних мест проживания.

Анапское правление, понимая незаконность данных действий, всегда становилось на сторону обращающихся с прошениями, т.к. считало, что «соединение закубанцев с семействами может упрочить их оседлость, усилить промыслы и тем самым улучшить быт поселян»⁷¹⁸.

Обыкновенно на такие прошения приходил отказ от казенных палат, поскольку зачисленные за Кубанью люди считались в «неизвестной отлучке»⁷¹⁹, а потому не были исключены из окладных росписей по местам своего первоначального проживания. На них и их домочадцев начислялись всякого рода недоимки, до уплаты которых о соединении семейств не могло быть речи.

Князь М.С. Воронцов, проводя свою линию по скорейшему насыщению Кавказского края славянским населением, использовал все доступные ему рычаги воздействия на власти Петербурга, чтобы помочь закубанским поселянам вытребовать их семьи на Кавказ.

Князь-наместник просил военного министра князя А.И. Чернышева разрешить в виде исключения и, сообразуясь с настоятельными потребностями в людях за Кубанью, соединиться этим семействам без уплаты недоимок. М.С. Воронцов при этом ссылался на прецедент – ходатайство

⁷¹⁷ Там же.

⁷¹⁸ Там же.

⁷¹⁹ Там же. С.653.

бывшего начальника Кавказской области генерал-адъютанта А.П. Граббе, на которое в 1842 г. последовало Высочайшее разрешение⁷²⁰. Просьба наместника была уважена.

Но улучшению условий развития Закубанской местности сильно препятствовал «непокорный дух соседних племен»⁷²¹, продолжавших сопротивляться русскому проникновению в край.

Наместник, помня волю императора о «расширении предела между Кубанью, Новороссийском и Геленджиком, который должен чисто считаться нашим», настойчиво подготавливал «способы» прочно утвердиться России на данной территории⁷²². В 1847-1849 гг. в Черномории было размещено 9 тысяч новых казачьих семей⁷²³.

Как отмечал С.А. Чекменев, казачество использовалось имперскими властями «не только военной силой в борьбе против беспокойных горцев во время длительной Кавказской войны, но и надежным колонизационным материалом в освоении предкавказских земель»⁷²⁴.

Рост казачества к тому же сокращал расходы государства, как на военные нужды, так и вообще на все иные колонизационные мероприятия.

Размещение казачьих семей в Черномории, определение мест их поселения находилось в руках военных властей. Непосредственные организаторы переселенческого процесса в Черноморию⁷²⁵ старались устроить дело так, чтобы новоселы прибывали в районы поселения до жатвы яровых хлебов, чтобы иметь возможность запастись продовольствием и возвести необходимые хозяйственные и жилые постройки до начала зимних холодов.

⁷²⁰ Там же.

⁷²¹ Там же. С.876.

⁷²² Там же.

⁷²³ Чекменев С.А. Указ. соч. С.59.

⁷²⁴ Там же. С.61.

⁷²⁵ Гранкин Ю.Ю. Из истории колонизации Северо-Западного Кавказа в 40-50-е гг. XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа - III. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск 26-28 ноября 2010 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С.71.

Прежний опыт позволял определять минимально необходимую помощь переселявшимся семьям со стороны государства, без которой большинство переселенцев не могли обойтись. Средства выделялись на «путевое пособие для найма проводников, подвод и для продовольствия в пути; то количество хлеба, какое причиталось им на месте в запасных сельских магазинах; сложение всех личных недоимок по податям, сельским повинностям и хлебному сбору; трехгодичную льготу от всех повинностей и службы, кроме защиты своих станиц»⁷²⁶.

Образованные для целей организации переселения в Черноморию временные комитеты – главный и два окружные – обязывались отводить места для возведения домов новоселами, учитывать их имущество и предоставлять им медицинскую помощь и др.⁷²⁷.

В то же время, из-за преимущественно военно-казачьей колонизации Черноморского побережья и общего дефицита христианского населения в крае, сдерживалось его социально-экономическое преобразование и культурное обновление. По этой причине наместник, хотя и осторожно, начал прибегать к практике стимулирования всех иных, в том числе, европейских колонистов для поселения в Черноморском крае.

В заселении участвовали немцы из Бессарабской, Таврической и Екатеринославской губерний. Наместник надеялся на то, что их опыт будет служить примером рациональной хозяйственной деятельности Черноморских казаков. В 1852 г. в Ейском уезде была основана колония Михельсталь. Под колонию выделялось около 1000 десятин земли, а сами колонисты освобождались от податей и повинностей. Им гарантировалась свобода вероисповедания⁷²⁸.

Организация переселения немецких колонистов в Закубанье была сопряжена со множеством препятствий и очень затратной по многим обстоятельствам. Разрешая переселение,

⁷²⁶ Щербина Ф.А. История Кубанского Казачьего Войска. В 2-х т. Т.2: История войны казаков с закубанскими горцами. – Екатеринодар, 1913. С.68-69.

⁷²⁷ Гранкин Ю.Ю. Указ. соч. С.71-72.

⁷²⁸ Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900. С.42; История Кубани с древнейших времен... С.182.

русские власти и наместник, прежде всего, стремились избежать финансовых затрат, могущих сделаться дополнительным бременем для казны.

Переселение разрешалось только из-за большой нужды в гражданском христианском населении для края, а также после того, как колонисты могли предоставить властям доверителей, которые брали на себя обязательства по финансовой стороне дела.

Из-за этих условий не была удовлетворена просьба иностранцев Францеля и Глагова с сотоварищи в числе 100 душ поселиться в окрестностях Анапы. «Это представлялось неудобным, как по недостатку в настоящее время свободной земли при станицах Закубанского поселения, так и потому, что просители и доверители их принадлежат к ремесленному классу, и не нашли бы в Закубанском поселении занятий, которые бы давали бы им средства к существованию»⁷²⁹.

Но, помня о необходимости скорейшего заселения Северо-Восточного берега Черного моря, наместник обратился в Петербург с предложением разрешить означенным иностранцам поселиться в портовых городах Новороссийске и Анапе, так как они «люди мастеровые и принесли бы в том крае пользу <...> Если означенным иностранцам будет дозволено такое переселение, то вице-адмирал Л.М. Серебряков полагает возможным назначить казенное судно для перевозки переселенцев из Одессы в Анапу и Новороссийск, а по прибытии на место выдать заимообразно из сумм акцизного сбора на Северо-Восточном берегу Черного моря от 200 до 300 руб. сер., рассрочив плату этого долга примерно на 6 лет»⁷³⁰.

Задачи имперских властей в Кавказском крае, определяли сущность их отношений с немецкими колонистами. Они состояли не только и не столько в создании условий для успеха немецкой колонизации как таковой, но, прежде всего, для привлечения колонистов к реализации планов правительства по развитию местного хозяйства, промышленности и торговли⁷³¹.

⁷²⁹ АКАК. Т.Х. С.117.

⁷³⁰ Там же.

⁷³¹ Чернова-Дёке Т.Н. Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818-1917 гг.). – М.: МСНК, 2008. С.56.

В немецких колонистах видели своеобразный локомотив правильного хозяйственного и социально-культурного освоения края в необходимом и задуманном властями направлении.

В Предкавказье большая часть немецких колонистов попадала из Поволжья. К 1849 г. общее количество иностранных колонистов в данной части Кавказского края насчитывалось 2 424 человека обоого пола, которых разместили в разных местах Ставропольского и Пятигорского уездов⁷³².

В Кабарде наместник продолжал линию, начатую еще генералом А.П. Ермоловым – укреплял казачьи станицы, располагавшиеся по рекам Кубань и Малка. Казаки не только охраняли свои станицы, но и несли службу во многих укреплениях на Кавказской линии, принимали участие в военных экспедициях против горцев⁷³³.

Кроме того, станицы Пришибская, Котляревская и Александровская образовывали укрепленную линию вдоль Терека и Военно-Грузинской дороги, разделяли Большую и Малую Кабарду, а потому имели чрезвычайно важное военно-стратегическое местоположение.

Всего в Кабарде располагались 7 казачьих станиц. И хотя в наместничество князя М.С. Воронцова новых станиц там не устраивалось, но численность населения имевшихся постоянно росла.

В станицы Владикавказского полка в 1845-1849 гг. переселили казаков из старых терских и кубанских станиц. Также поступили с переселенцами из Полтавской, Харьковской, Черниговской губерний, которых перед тем перевели в казачье сословие⁷³⁴.

Здесь так же, как и во многих других частях Кавказа, условия переселения были суровыми по разным, уже упоминавшимся причинам с небольшими вариациями, связанными с конкретными местами расположения.

⁷³² Военно-статистическое обозрение Ставропольской губернии. – СПб., 1851. С.177.

⁷³³ Тхамокова И.Х. Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. С.27.

⁷³⁴ Там же. С.31; РГВИА. Ф.1058. Оп.1. Д.453. Л.28-29.

Колонизация Кабарды также сопровождалась высокой смертностью переселенцев. Это подтверждается рапортом от 8 декабря 1848 г. о положении дел в Екатериноградском военном госпитале, который приводит в своей монографии И.Х. Тхамокова⁷³⁵.

Рапорт свидетельствовал, о том, что в госпиталь поступило большое количество переселенцев с южных губерний России, которые, не зная условий кавказской жизни, вышли с прежних мест проживания осенью и находились в пути до трех и более месяцев. Изнуренные долгим пешим переходом, они сделались жертвами множества болезней и непривычного для них климата. Не успели на новых местах устроить себе должных помещений или хозяйственных заведений, которые могли бы облегчить их положение. «В госпиталь многие поступили в безнадёжном состоянии»⁷³⁶.

Несмотря на высокую смертность, поток переселенцев на Кавказ не прекращался, поскольку причины, которые заставляли их сниматься с прежних мест, оставались неизменными долгие годы.

Динамику роста пришлого населения можно проследить по следующим цифрам: за период с 1845 по 1851 гг. в станицах, располагавшихся в Кабарде, численность казачьего населения увеличилась, по подсчетам И.Х. Тхамоковой, на 42% и достигла 10 000 человек⁷³⁷.

Здесь следует отметить одну особенность, которая постоянно оказывала влияние на колебание численности населения в казачьих станицах – их служба и подчиненность государственным интересам. По военно-стратегическим или всяким другим обстоятельствам, часть казачьего населения переводилась в другие места проживания.

Так с 1853 г. и в последующие несколько лет из станицы Прохладной, по желанию и по жребию, было переселено 16 семейств на Лабу и 15 семейств – на Сунжу⁷³⁸.

⁷³⁵ Тхамокова И.Х. Указ. соч. С.32.

⁷³⁶ Цит. по: Тхамокова И.Х. Указ. соч. С.32; РГВИА. Ф.13454. Оп.5. Д.594. Л.2.

⁷³⁷ Тхамокова И.Х. Указ. соч. С.33.

⁷³⁸ Там же. С.34.

Часть казаков из станиц, расположенных на Тереке и Малке, как и во всех других местах, время от времени переводились во вновь создаваемые станицы на новых кордонных линиях, образуемых в западной или восточной части Северного Кавказа, туда, где мирный процесс не стал доминирующим.

Медленно заселялись русским элементом те территории, где этому процессу, долгое время, оказывали активное сопротивление мюриды. По мере их вытеснения в горы, русские поселенцы стали продвигаться и туда, так как без них удержать под русским контролем завоеванные территории силами одной армии было невозможно.

Для 40-50-х гг. XIX в. такой территорией была Прикаспийская область, относившаяся русскими властями в административном отношении к Закавказскому краю. Сюда также выселяли раскольников, начиная с 1830 г.

Складывавшиеся условия заставляли имперские власти посылать туда, прежде всего, людей военных – казаков земли Войска Донского, содержащими духоборческую секту. Сюда же по суду высылали молокан, субботников и скопцов, а также других, признанных особо вредными ересями⁷³⁹.

Часть молокан поселили в урочище Базар-чай, но вследствие непривычно сурового для них климата, их в скорости переселили в с. Кара-булак, а с 1842 г. они перешли на оседлое жительство в с. Борисы⁷⁴⁰. К 1845 г. в Талышском уезде было водворено 3161 человек раскольников, в Шекинском уезде – 141 чел., в Ширванском уезде – 3458 чел.⁷⁴¹.

Устроенные на данных территориях сектанты были хуже, нежели в других местах. Природно-климатические условия края плохо переносились переселенцами, кроме того, существенным препятствием было малоземелье.

Во всех селениях раскольников дома большей частью строились из рубленного леса по образцу сел и деревень внутренних губерний России. А так как часто в местах нового

⁷³⁹ АКАК. Т.Х. С.281.

⁷⁴⁰ Там же. С.284.

⁷⁴¹ Там же. С.285.

проживания необходимого для домостроительства леса не было, его приходилось завозить из отдаленных мест. Поэтому в ряде селений раскольникам приходилось поселяться в землянках или мазанках, что противоречило их обычаям, и использовались они только в виде временных пребываний.

Укорененность сектантов в Прикаспийской области была значительно слабее по причине действий самих имперских властей, которые постановили, что «отданным в военную службу раскольникам, если не обратятся они к православию, не давать ни временных отпусков, ни отставки. А тех из казаков-духоборцев, кто обратятся к православию, то возвращать их из Закавказских провинций в Войско и зачислять по-прежнему в казачье званье. И только тех, кто по возвращении, снова вернется к вредным ересям, снова высылать в Закавказские провинции безвозвратно»⁷⁴².

Малое количество русских в Прикаспийской области пытались компенсировать водворением туда людей более привычных, как по климату, так и способных существовать в азиатских порядках, при этом оставаясь верными России. Общий недостаток не только русского элемента на Кавказе, но и христиан как таковых (поскольку только на их поддержку могли рассчитывать российские власти в крае) вынуждал российское руководство продвигать на завоеванные территории все и любые социальные силы христианского вероисповедания.

Например, персидские армяне хорошо подходили для данной миссии. Их размещали в местностях вокруг Дербента, наделяя 30 десятинной пропорцией земли на душу, и освобождали от рекрутской повинности. Им также разрешали «составлять из себя особое общество и иметь свой особый суд»⁷⁴³.

Стремясь расширить социально-экономические основы и упрочить свои позиции в Северо-Восточной части Кавказа, российские власти способствовали переселению, кроме армян, грузинским переселенцам и евреям, занимавшимся торговлей, сельским хозяйством, шелководством и различными ремеслами.

⁷⁴² Там же. С.282.

⁷⁴³ Там же. С.711.

Им предоставлялись многочисленные льготы. Армяне и грузины быстро сделались самыми многочисленными этническими группами сначала в Кизляре, а затем в Моздоке. Образовывались армянские и грузинские поселения также вблизи казачьих станиц⁷⁴⁴.

Уже упоминавшиеся армяне сумели убедить Россию не только в своей лояльности, но и преданности, за что получили «благоволение» со стороны императора Николая Павловича⁷⁴⁵.

Император разрешил им расселяться не только в Прикаспийской области или в Притеречье, но в целом по всему Предкавказью и вообще повсюду, где они могли способствовать обустройству края по русским проектам.

Особый тип переселений, начатый еще в 20-30-х гг. XIX века и который осуществлялся М.С. Воронцовым в Кавказском крае в 40-50-е гг. был связан с переселением горских обществ с гор на равнины. Успехи России в Закавказье потребовали от Петербурга кардинальных решений, касавшихся, в первую очередь, народов Центрального Кавказа - осетин, чеченцев и ингушей. Перед российским правительством встала задача демографической «разгрузки» густонаселенных районов Главного Кавказского хребта⁷⁴⁶.

Поскольку здесь пролегли основные коммуникации, связывавшие Россию с Закавказьем, без решения данной задачи нельзя было избежать перманентных конфликтов, возникавших из-за постоянных набегов горцев на русские транспорты и воинские отряды, которые были слишком привлекательными и провоцирующими объектами для горской удали и возможности поправить свое материальное положение. Кроме того, с гор приходили отряды «хищников», нападавших на поселян, живших на равнинах.

По замыслу имперских властей это должно было вырвать горцев из их вековой традиционной замкнутости, лишить их

⁷⁴⁴ История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Институт истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2009. С. 132.

⁷⁴⁵ Там же.

⁷⁴⁶ Блиев М.М., Бзаров Р.С. История Осетии с древнейших времен до конца XIX века. - М., 2005. С.236.

возможности организовывать в горах враждебные русским «трущобы», предоставить возможность кавказским властям контролировать горцев, вовлечь их в новые для них условия существования, улучшить их хозяйственный и культурный быт.

Далеко не всегда русские власти принуждали горцев выходить с гор на равнины, напротив того, сами горцы инициировали это переселение. С приходом русских в горы Северного Кавказа эти инициативы получили возможность реализоваться без возникновения межэтнического противостояния за те или иные территории. Россия в этом случае выступала как посредник и гарант происходивших территориальных изменений.

В частности, с 20-х гг. XIX века осетины явились инициаторами выхода с гор и активного освоения предгорных районов - Владикавказской равнины. Часть осетин расселялась в Моздоке и вдоль российской кордонной линии. Переселение было добровольным. Оно отвечало жизненным интересам горцев, готовым к освоению плодородных, но запущенных земель предгорной равнины.

Для переселенцев с гор отводились участки земли и проводились необходимые землеустроительные работы. До прихода русских на Северный Кавказ, до их приближения к Главному Кавказскому хребту, осетины или ингуши не имели возможности свободно выселяться с гор по той причине, что эти территории издавна контролировались кабардинскими князьями по праву сильнейшего. После сокрушения их мощи А.П. Ермоловым, Россия заняла место кабардинских князей и по все тому же праву сильнейшего объявила все пустопорожние земли принадлежащими казне, а потому приобрела право распоряжаться ими и поселять на них всех по своему желанию.

Переселение горцев на равнины носило массовый характер и шло высокими темпами. Официальные российские власти всячески содействовали успеху переселения. Семейства горцев получали денежные ссуды, лесоматериал для постройки домов и других надводных сооружений⁷⁴⁷.

⁷⁴⁷ Там же. С.236.

Переселение горцев-осетин осуществлялось по заранее составленному плану, согласно которому, на предгорные равнины переселялись осетины, жившие на Северных склонах Кавказского хребта: Тагауровскому обществу отводились земли между Терекком и Майрамадагом, Куртатинскому обществу – земли между Майрамадагом и Ардоном, Алагирскому обществу – земли Ардонскокурское междуречья. Земли, предоставленные Дигорскому обществу, были разделены между феодальными фамилиями и располагались в западных районах Осетии по бассейнам рек Дурдур, Урух, Урсдон⁷⁴⁸.

Для успеха переселения князь М.С. Воронцов привлекал, по возможности, авторитетных людей среди горцев, имевших с русскими налаженные контакты⁷⁴⁹. Еще до массового переселения северных осетин правобережье Терека было отдано во владение Дударовым – влиятельным тагаурским феодалам, контролировавшим проходы по Военно-Грузинской дороге.

С переселением осетин на равнину российское военное командование ожидало усиления безопасности вдоль всей протяженности Военно-Грузинской дороги. Военные надеялись, что осетины, будучи, большей частью, немусульманами, а также, получив возможность значительно улучшить свою жизнь на предгорных землях, в благодарность России, сделаются ее верными союзниками. Кроме того, спустившись с гор, осетинские общества не перестали быть воинственными, не утратили способности давать отпор любому незваному противнику, а потому надежды на улучшение обстановки вдоль Военно-Грузинской дороги не были безосновательными.

Составляя проект переселения осетин на Владикавказскую равнину, российские власти учитывали большую их заинтересованность в этом и желали использовать их в своих целях⁷⁵⁰. Переселение осетин на равнину разряжало обстановку в горной полосе, где проходили пути военного

⁷⁴⁸ Там же. С.237.

⁷⁴⁹ Дадашева И.А. Стратегия хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа в период правления императора Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. С.14-15.

⁷⁵⁰ Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII – XX вв.). - Орджоникидзе, 1980. С.84.

назначения. Кроме того, российские власти видели в заселении предгорной равнины «мирными горцами», к которым они относили и осетин, «надежное средство укрепления позиций правительства <...> Поселение осетинских аулов между двумя хребтами было чрезвычайно важно в общем политическом и военном отношениях для укрепления всего края»⁷⁵¹.

В обращении к осетинам российские власти мотивировали свои действия тем, что «сие требует собственная ваша польза и вы, строго соблюдая порядок, найдете ваше благосостояние и благоволение Российского правительства, пекущегося о благе вашем»⁷⁵². Кроме того, военное командование считало, что, переселив горцев на равнину, их гораздо легче подчинить и контролировать, что было бы затруднительно делать, если бы горцы продолжали оставаться в «их крепких местах»⁷⁵³.

Военное командование обещало, что «выселяющиеся из гор осетины равномерно должны быть, как подданные российские, ограждены от всяких утеснений со стороны прочих народов под защитою нашею <...> не будут платить за землю кабардинцам»⁷⁵⁴.

Начали возникать осетинские селения на берегах Гезельдона, Ардона, Фиагдона, Суадага, Урсдона, Терека. Эти поселения основывались близ русских военных укреплений - Владикавказского, Ардонского, Архонского, Верхне-Джупатского. Такое тесное соседство с русскими было характерно лишь для осетинских переселенцев. Объяснение этому надо искать не только в том, что Предкавказская равнина оставалась весьма беспокойным местом, но и открытостью осетин, их склонностью к хозяйственному и культурному сотрудничеству, доверию к русским, которое опиралось, в том числе, и на их конфессиональную близость.

Далеко не все в горах Кавказа приветствовали переселение осетин на равнину. Российские власти вторглись в отношения и межэтнические обыкновения, которые

⁷⁵¹ Там же. С.84.

⁷⁵² АКАК. - Тифлис, 1876. Т.VI. Ч.2. С.686.

⁷⁵³ Там же. С.362.

⁷⁵⁴ Цит. по: Берозов Б.П. Указ. соч. С.88.

существовали в этой части Кавказа продолжительное время. Россия вольно или невольно своими действиями в пользу осетин породила острое недоброжелательство к ним со стороны кабардинских князей, считавших, что их исконные права на данные земли и зависимое от них состояние осетин, попорченными.

С началом массового переселения осетин на предгорную равнину участились набеги на осетинские поселения со стороны кабардинских владельцев, которые таким образом пытались вернуть ситуацию в прежнее состояние.

Кроме того, осетинские поселения стали подвергаться набегам со стороны ингушей, хотя у них не было тех оснований и причин, которыми оперировали кабардинские князья. Для ингушей осетинские переселенцы были добычей, объектом грабежей.

На темпы миграции горцев на равнину оказывала влияние Кавказская война. Русские власти отмечали, что набеги на осетин, переселившихся на равнину, представляли значительную опасность, содержащую в себе угрожающий и устрашающий потенциал, способный заставить их отказаться от переселения с гор, где они были в большей безопасности, чем на равнине.

Кроме того, существовала и более сложная, глубинная сторона, содержащаяся в переселенческом процессе и влиявшая на весь его ход и которую российская администрация игнорировала по различным основаниям. Речь шла о том, что переселение с гор на равнину не могло не иметь своих естественных пределов, за которыми начиналось «разрушение веками складывавшейся организации осетинского общества»⁷⁵⁵.

Переселение в новую географическую среду обитания и отказ от привычных условий быта, наряду с благом, таил в себе опасность потери внутренней социально-традиционной целостности, что само по себе угрожало осетинскому обществу сползанием в социально-культурную депрессию. Военные власти, однако, не принимали этого обстоятельства во внимание. Военно-политические задачи в конце 30 – середине

⁷⁵⁵ Там же. С.238.

40-х гг. толкали имперские власти все чаще прибегать к нажиму на горцев, заменив добровольность в их действиях на обязанность.

В результате подобной политики российского военного командования переселение жителей горных районов на равнину стало приобретать форму наказания, которое возможно охарактеризовать как депортацию локального масштаба. Выселялись с гор не только отдельные осетинские села, но депортировались целые районы – горный бассейн реки Терек, по которому пролегал большой отрезок Военно-Грузинской дороги.

Насильственно выселенные с гор люди на новом месте не успевали в короткие сроки (особенно если это было осенью) воздвигнуть какие-либо постройки для жилищ. Поэтому зимовать приходилось в наспех вырытых землянках и шалашах, отчего распространялись болезни и люди в большом количестве умирали. Особенно высокой была смертность среди детей⁷⁵⁶.

Жителей осетинских гор «призывали» поселиться «на опасных для прорыва непокорных горцев местах»⁷⁵⁷, обещая, что, тем, кто согласится, будут даны навечно те земли, на которых поселятся охотники.

Правительство приглашало неоднократно осетин к выселению с гор на плоскость, а именно, к Кабардинским горам, в те места, куда приходят «хищники», с объявлением, что земля останется за теми, кто первый изъявит желание к выселению с гор и займет означенные места⁷⁵⁸.

В целом, по мнению ряда авторов⁷⁵⁹, переселение осетин на равнинные земли имело для них большое значение. Оно помогло им избежать хозяйственной и демографической

⁷⁵⁶ Яковлев Н.Ф. Ингуши. - М. - Л., 1925. С.100 - 101.

⁷⁵⁷ ЦГА РСФСР - А.. Ф.290. Оп.1. Д.109. Л.20.

⁷⁵⁸ ЦГА РСФСР - А.. Ф.290. Оп.1. Д.109. Л.20.

⁷⁵⁹ Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Внутренние миграции на Северном Кавказе как продолжение переселенческой политики российских властей в первой половине XIX века // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Вып.12 / Под общ. ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С.89.

стагнации. На некоторое время значительно улучшилось материальное благосостояние и хозяйственно-экономическое положение всех слоев осетинских обществ и тех, кто переселился, и тех, кто остался в горах. Обеим группам осетин открылись новые возможности для развития. Те, кто оказался на равнине, переходили от специализированного скотоводческого хозяйства к многоотраслевому хозяйству, в том числе осваивали прогрессивные формы земледельческой культуры. Те, кто оставались в горах, получили новые возможности для развития в связи с высвободившимися пашнями и пастбищами. Подобные меры стимулировали их экономическое, политическое, социально-культурное развитие.

Зимой 1845 г. российские военные власти, активизировав открытие Чечни при помощи рубки просек в Гойтинском и Гехинском лесах, одновременно стали переселять местное чеченское население ближе к Тереку и Сунже, которые контролировались русскими войсками. За короткое время генералы Р.К. Фрейтаг и П.П. Нестеров расселили 3 000 чеченских семей в окрестностях российских укреплений - Воздвиженского, Назрановского, Нестеровского, Ачхойского и крепости Грозной⁷⁶⁰.

В 1846 г. старшина аула Натхой-Кежу, находившегося в Малой Чечне, с четырьмя семействами того же аула перешли в пределы, подконтрольные русским. Для этого военному командованию пришлось послать часть войск для прикрытия переселенцев, поскольку остальные жители аула активно противились этому. Вышедшие к русским вынуждены были оставить все своё достояние и налегке уходить от преследователей⁷⁶¹.

Вообще в течение лета 1846 г. командованию войск не раз приходилось высылать прикрытие для семейств, обращавшихся с просьбами о переселении в русские пределы. Например, по убедительно просьбе трех старшин аула Ачхой

⁷⁶⁰ АКАК. Т.Х. С.474; Блиев М.М. Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. С.526; История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2-х т. Т.1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С.561.

⁷⁶¹ ЦГА РСО-А. Ф.104. Оп.1. Д.2. Л.15.

посылалось прикрытие в составе двух батальонов с частью кавалерии при двух орудиях. Таким же образом переселились три семьи из аула Орали и аула Шаудан-Шари⁷⁶². Всего в течение июля 1846 г. к русским в укрепление при реке Фортанге переселилось взрослых мужчин - 29, женщин - 22, детей старше 12 лет - 14 чел., детей младше 12 лет - 15 чел.⁷⁶³.

Из данных примеров видно, что переселение в горской среде не было легким делом и требовало немало сил и подготовки. Само переселение части мирного чеченского населения часто имело вид войсковой операции из-за не менее частого противодействия со стороны непримиримой части горских обществ по отношению к своим соплеменникам.

Был крайне раздражен таким ходом событий имам Шамиль. В августе 1846 г. лазутчики доносили русскому командованию, что от имама приходила «партия в числе 1000 добродетельных всадников под начальством наиба Атабея, сожгла аул Шаудан-Шари и принудила переселиться в разные места жителей»⁷⁶⁴.

Кроме того, возникали трудности по содержанию «выбежавших к русским чеченцев»⁷⁶⁵. Они обращались с просьбами к коменданту укрепления на Фортанге, «чтобы вместо назначенного им к отпуску провианта, по непривычке их к ржаной муке, была производима или пшеничная мука в натуре или деньгами во что обходится им к отпуску провиант»⁷⁶⁶.

Главкомандующий генерал-адъютант М.С. Воронцов разрешил «отпустить заимообразно из продовольственных сумм Чеченского отряда 85 рублей 50 коп. серебром, считая на каждую душу по 1 рублю и 14 коп. серебром, а на детей менее 12 лет половину, по 57 коп. серебром»⁷⁶⁷. К октябрю 1846 г. выбежавших с гор к русским чеченцев в район укрепления на реке Фортанге было уже 88 душ обоого пола⁷⁶⁸.

⁷⁶² Там же. Л.15 об. - 16.

⁷⁶³ Там же. Д.3. Л.2.

⁷⁶⁴ Там же. Д.2. Л.32.

⁷⁶⁵ Там же. Д.3. Л.10.

⁷⁶⁶ Там же. Л.10-15.

⁷⁶⁷ Там же. Л.16.

⁷⁶⁸ Там же. Л.25-25 об.

Для ускорения дела переселения горцев под покровительство русских войск прибегали к различным средствам: посылали воззвания с условиями переселения или отдельных чеченских старшин (Каур Булгучев), которые склоняли своих соплеменников переселяться к русским⁷⁶⁹.

Часть чеченских обществ, после атаки войск генерала Н.П. Слепцова в 1850 г. на Шалинскую поляну, высказали желание переселяться под прикрытие русских, образовав новые мирные аулы⁷⁷⁰.

Более 150 семей населили пространство около Закан-юрта и Казах-кичу и образовали «более 400 человек вооруженного народонаселения из ново-покорных, готовых противиться всем неприязненным покушениям Шамиля»⁷⁷¹.

Для облегчения положения ново-покорных и скорейшей перевозки их имущества по распоряжению Н.П. Слепцова были задействованы горские милиции, находившиеся в составе его отряда.

Генерал Слепцов отмечал в своем рапорте главному командованию, что переселявшимся семьям много содействовали старшина Сабудула Османов «всеми имевшимися у него перевозочными средствами»⁷⁷², вместе с казах-кичинскими старшинами Боташем Булгучевым, Алико Цуговым и ачхоевским старшиной Эльтемиром Уцыговым.

Кроме того, инженер-поручик Подымов с высланной командой «сколь возможно успешно расчистил дорогу для ароб, загроможденную на всем пути к Закан-юрту заваленным лесом»⁷⁷³.

В октябре 1853 г. в долину, простиравшуюся между Черными горами и главным хребтом от Аргуна до Военно-Грузинской дороги, были вытеснены непокорные аулы, в погоне за которыми были прорублены просеки. Вместе с военными действиями эти работы привели к тому, что часть Шалажского

⁷⁶⁹ Там же. Л.20-21.

⁷⁷⁰ АКАК. Т.Х. С.509-510.

⁷⁷¹ Там же. С.510.

⁷⁷² Там же.

⁷⁷³ Там же.

общества, самого враждебного русским в Малой Чечне, переселилось в пределы, подконтрольные русским⁷⁷⁴.

По распоряжению князя М.С. Воронцова «для безопасного водворения этих выходцев, так и других, которые при благоприятных обстоятельствах не замедлят последовать их примеру»⁷⁷⁵, были проведены земляные работы по укреплению большого аула на урочище Старый Ачхой и на реке Нетхой.

Миграции различных других групп горских народов по территории Северного Кавказа часто вызывались несогласием их элиты с теми условиями и порядком жизни, которые им навязывали российские власти. Отдельные группы горцев уходили в труднодоступные для русских войск районы во главе со своими владетельными князьями, которые для сохранения своей власти над поданными им людьми, уводили свои аулы в горы⁷⁷⁶.

Что касается ситуации за Кавказом, то наместник действовал согласно положениям Кавказского Комитета, который полагал, что «водворение в Закавказье русских крестьян чрезвычайно полезно, как в политическом отношении, содействуя к упрочению там русского владычества и к слиянию края с империей, так особенно в промышленном отношении, усиливая, по возможности, промышленную деятельность края и распространяя разные, почти неизвестные прежде там отрасли сельского хозяйства»⁷⁷⁷.

Однако, несмотря на такое благорасположение Петербурга к русской колонизации Закавказья, сам процесс испытывал много затруднений и развивался крайне неудовлетворительно. Отдаленность и опасности дороги служили почти непреодолимым препятствием для добровольных переселенцев. Поэтому Закавказский край так медленно заполнялся русским элементом, что крайне сдерживало закрепление успехов русского оружия в регионе и на длительное время удерживало

⁷⁷⁴ Там же. С.336.

⁷⁷⁵ Там же.

⁷⁷⁶ Кипкеева З.Б. Абазины Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII - XIX вв. - Ставрополь, 2005. С.95 - 96.

⁷⁷⁷ АКАК. Т.Х. С.119.

ситуацию неустойчивой, угрожая рецидивами попыток отторжения этих территорий из-под русского владычества.

Без участия и организаторской деятельности государства в деле скорейшего привлечения русских поселенцев за Кавказ не могло быть и речи. Частная инициатива имела здесь мало шансов.

Памятуя об особенностях устройства социально-политической системы в Российской империи в первой половине XIX в., правительство и кавказские власти почти не имели маневра, чтобы разыскать и вызвать из России многие тысячи людей для переселения за Кавказ. Но выход отчасти был найден. Тому поспособствовала религиозная политика властей, которая позволила изымать из внутренних губерний России часть населения, не покушаясь на существовавшие устои.

Речь идет о раскольниках. С 30-х гг. XIX в. идеи раскола стали быстро распространяться во многих селениях Тамбовской и Саратовской губерний. Полиция и духовенство безуспешно домогались удержать заблуждавшихся в лоне православной церкви.

«Замолоканившие» крестьяне упорствовали, и власти, светские и духовные, скоро окончательно убедились, что «отщепенцы» все более и более утверждают в «лжеучевии и с пути сего сойти не желают»⁷⁷⁸. Их объявили раскольниками «вредных ересей» и в административном порядке стали ссылать за Кавказ.

По мнению высших властей и Кавказского Комитета, переселение раскольников в Закавказский край помимо насыщения его русским элементом вместе с которым в крае, «хотя в небольшом виде открылась промышленность <...> явились извозчики, плотники, каменщики и другие мастеровые, устранилось затруднение в приискании на станции ямщиков <...> представляет еще и другую выгоду тем, что лишает их способов действовать к распространению раскола между православным населением внутренних губерний»⁷⁷⁹.

⁷⁷⁸ Н.Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. – 1878. №10. С.379.

⁷⁷⁹ АКАК. Т.Х. С.120.

С 1830 по 1845 гг. было переселено за Кавказ «раскольников различных сект, преимущественно молокан и субботников, до 10 тыс. человек»⁷⁸⁰. Их разместили на возвышенной плоскости Гокчанского озера (о. Севан).

Места для поселений были большей частью выбраны самими переселенцами. Благодатная почва и климат Закавказья могли удовлетворять различным склонностям новопоселенцев. Там были места, где климат подобен климату средней полосы России. Где суровая зима длится 4-5 месяцев.

Сектанты избрали для своих поселений именно и исключительно эти места, а потому «без всякой ломки и почти без уступок прежде заведенным порядкам, перенесли на Кавказ почти все свои прежние домашние и хозяйственные обычаи»⁷⁸¹.

Они не пожелали занять те низменности, на которых успешно произрастали хлопок и рис. «Они отказались от выгод и приятностей разведения винограда <...> ради посевов ячменя, проса, льну, конопли и гречихи»⁷⁸². Сектанты рассудили, что хотя виноград и рис действительно хорошие и достойные их внимания вещи, но вино пить им запрещалось, и потому разведение винограда уже не представляло для них больших выгод.

По прошествии многих лет сектанты продолжали «довольствоваться говядиной с гречневой кашей и не вошли во вкус ни баранины, ни плова, ни всяких трав, составляющих самую суть пищи туземца. Словом, в отношении своего хозяйственного быта, сектант-переселенец почти никаких изменений не сделал и, переменяв только место действия, да окружающую обстановку, да перестал созерцать колокольню родной церкви и слышать окрест одну русскую речь, принялся сразу за ту же работу и те же тягости, которые нес там, откуда пришел»⁷⁸³.

Новопоселенцев окружала сплошная масса армяно-татарского населения. И спустя 30 лет после завоевания края

⁷⁸⁰ Там же. С.119.

⁷⁸¹ Н.Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. – 1878. №10. С.380.

⁷⁸² Там же.

⁷⁸³ Там же.

(1828 г.) он пребывал в том же невежестве, как и прежде. Весь строй азиатской домашней и общественной жизни «не потерпел от руки завоевателей (русских - С.Л.) ни малейших изменений»⁷⁸⁴.

Об обрусении края не было и речи. Закавказский край под властью России жил, бесспорно, более спокойно и более обеспеченно, но прежней жизнью и ни о каком сближении с центром в культурном или экономическом отношении не помышлял.

Кроме того, кавказские власти обязаны были следить за тем, чтобы «последователей вредных ересей из людей казенного ведомства» поселять в местах, находившихся в отдалении от семей православных. Это правило не распространялось при поселении раскольников среди армян и грузин или поблизости от колонистов евангелического или реформатского исповеданий.

Государственный Совет постановил «отдавать, буде годным, в солдаты, обращая на службу в Кавказский корпус, а при неспособности к оной, равно как и женщин, отсылать для водворения в Закавказские провинции»⁷⁸⁵.

В период наместничества князя М.С. Воронцова на Кавказ из внутренних губерний переселилось по 1 января 1852 года: молокан – 2272 семьи, духоборов – 704 семьи, субботников – 407 семей, старообрядцев – 85 семей, скопцов – 192 семьи. Всего – 3660 семей⁷⁸⁶. Все эти люди разместились в 45 селениях.

Князь М.С. Воронцов понимал, что молокане, как и другие сектанты, не имели ничего общего ни с внешней, ни с внутренней политикой, и никаких политических причин к появлению антиправительственных наклонностей не имели. Все они - коренные русские люди, «со всеми хорошими и дурными качествами славянина, все это народ, искренно считавший Россию старше всех царств, а Русского Царя не только сильнее, но и старше всех царей»⁷⁸⁷.

⁷⁸⁴ Там же. С.381.

⁷⁸⁵ Там же.

⁷⁸⁶ Там же. С.892.

⁷⁸⁷ Н.Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. – 1878. №11. С.55.

Поэтому их не только не было нужды опасаться, но напротив, они могли способствовать скорейшему укреплению русской жизни и государственных порядков в столь отдаленных от центра территориях.

В 40-50-е гг. XIX в. позиции русских поселенцев оставались недостаточно обеспеченными ни организационными, ни финансовыми ресурсами и не имели достаточных оснований для безопасного проживания. По этой причине наместник вынужден был «изыскивать способы», чтобы устроить поселенцев и обеспечить им защиту.

Для предупреждения разбоев, грабежей и воровства, которым беспрестанно подвергались духоборы от по соседству живших с ними татар, князем Воронцовым было приказано «учредить от местечка Алхан-кала до армянского сел. Шестоны постоянные обывательские пикеты из жителей татарских деревень с ответственностью как содержащих караул, так и обществ тех деревень, из которых будут для этого назначать людей, за всякое воровство и грабежи в дистанции пикета случившиеся»⁷⁸⁸.

Еще было приказано завести вооруженную стражу внутри деревень духоборских, как и у всех русских переселенцев, для собственной их пользы и для уменьшения «хищничества и разбоев»⁷⁸⁹. Денежные издержки для такой стражи были небольшие – только на покупку необходимого оружия. Жалованье людям не платили, так как «люди к тому назначаются временно и по наряду: в многолюдных деревнях – по 10 человек, в малолюдных – по 5 человек»⁷⁹⁰.

В целом закавказским сектантам постепенно были созданы достаточно благоприятные условия существования. Не было местностей, в которых они проживали, «где бы на душу не приходилось менее 5 десятин земли. И это в богатейшем климате, при самых выгодных условиях производства, повсюду

⁷⁸⁸ АКАК. Т.Х. С.123.

⁷⁸⁹ Там же.

⁷⁹⁰ Там же. С.124.

выгодном сбыте, слабой конкуренции или чаще совершенном ее отсутствии»⁷⁹¹.

Везде им было предоставлено самоуправление в их внутренней жизни. И хотя они нигде не заявляли о своем довольстве и радости от переселения, или, что они довольны своей новой обстановкой, но им (хотя в специфической форме) была предоставлена возможность жить по правилам своей веры, а потому они нигде не проявляли каких-либо признаков общего недовольства.

И хотя весь этот люд и назывался ссыльно-поселенцами, но кавказские власти очень надеялись на русских сектантов, поскольку особого выбора у них не было, и смотрели на них, «как на зачатки, как на ядро обрусения, этой отдаленной окраины», как на рассадников русского элемента в крае⁷⁹².

Часть переселений, которые осуществил князь М.С. Воронцов, вынуждалась обстоятельствами русско-турецких отношений начала 50-х гг. XIX века. По случаю разрыва отношений с Портой и угрозы, исходившей со стороны турок, на Черноморской линии в октябре 1853 г. четвертая часть кордона была перенесена на южную сторону Каракубанского острова. На Лабе были устроены две новые станицы⁷⁹³.

Если оценивать общие результаты переселенческой политики российских властей в течение 40-50-х гг. XIX в., то надо сказать, что она не имела впечатляющей эффективности. Не делая подготовительной адаптации общества для колонизации Кавказа, власти многократно увеличивали издержки, связанные с колонизационным процессом – материальные, людские, нравственные и психологические. К тому же российские власти были ограничены в своих возможностях из-за фундаментальных основ, существовавших тогда крепостнических отношений. Однако, отдавая справедливость деятельности имперских властей, можно говорить о том, что в рассматриваемый период продолжался, хотя и медленно, поступательный процесс насыщения

⁷⁹¹ Н.Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. – 1878. №11. С.56.

⁷⁹² Там же.

⁷⁹³ АКАК. Т.Х. С.336.

Кавказского края российским элементом, все прочнее связывавшим край с империей.

Если же обсуждать вопрос о том, достаточно ли было призвано в регион русских переселенцев, чтобы русская государственность прочно стала там на свои основания, то следовало бы признать, что в крае к 50-м гг. XIX в. существовала минимальная достаточность людских ресурсов и их укорененности в кавказской жизни, чтобы приступить к построению основных имперских гражданских структур и государственных институтов.

Справедливость такой оценки зиждется на тех основаниях и обстоятельствах, которые позволили России, не только завоевать Кавказ, но и приступить к его культурно-хозяйственному и нравственному переустройству во второй половине XIX века.

2.2. Развитие конфессиональных отношений в системе мер князя-наместника

Российская империя, как многонародное государство, имела многообразную систему вероисповеданий. В первой половине XIX в. наблюдалось юридическое неравенство между отдельными конфессиями, что воплощалось в их иерархической соподчиненности государственным структурам.

Государство активно вмешивалось в жизнь религиозных конфессий, приспособлявая их функционирование к своим нуждам, контролируя не только право на осуществление конфессиональной деятельности на своей территории, но и право подданных на вероисповедальное самоопределение⁷⁹⁴.

Конфессиональная структура российского общества формировалась в условиях постоянного роста имперского пространства и вовлечения в него новых этнических контингентов, располагавшихся на её окраинах.

⁷⁹⁴ Кулиев Фарман Муруват оглы. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв. Автореф дисс. ... докт. ист. наук. – Владикавказ, 2013. С.32-33.

Вместе с преобразованием управления и экономических отношений в Кавказском крае «правительство начало целую серию религиозных реформ, игравших порой не менее важную роль при определении отношений северокавказского фронта с имперскими центрами в Тифлисе и Петербурге»⁷⁹⁵.

Большинство государственных мероприятий в организации религиозной жизни общества направлялись, прежде всего, на унификацию и централизацию в устройстве «религиозных общин мусульман и новообращенных христиан»⁷⁹⁶.

Стремясь упрочить свой контроль над деятельностью мусульманских подданных империи, государство, в то же время, старалось избегать конфронтации с ними.

Следует согласиться с мнением И.Л. Бабич, В.О. Бобровниковым и Л.Т. Соловьевой, которые считают, что имперское правительство сильно изменило статус местных неправославных религиозных элит, а переустройство мусульманской организации региона и православное миссионерство составляли две оси правительственное религиозной политики⁷⁹⁷.

Кавказ, долгие годы изнуряемый противоборством и ненавистью в ходе Кавказской войны, нуждался в нравственном обновлении, без которого трудно было надеяться переменить отношения между народами, населявшими Кавказский край, а также ввести отношения между русскими и кавказскими горцами в русло мирного и созидательного сосуществования.

Много содействовал этому князь М.С. Воронцов. Будучи приверженцем православия, князь при этом не разделял религии на правильные или ложные. Опыт истории и опыт собственной жизни внушил ему понимание того, что противопоставление одних религий другим ведет к враждебности между народами. В то же время, он не мог не позаботиться в первую очередь о распространении и укреплении на Кавказе православной веры.

⁷⁹⁵ Бабич И.Л., Бобровников В.О., Соловьева Л.Т. Ислам и православное миссионерство в эпоху реформ и контрреформ// Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С.250-251.

⁷⁹⁶ Там же. С.251.

⁷⁹⁷ Там же.

Власти в православии видели фундамент, на который могла опираться империя в своих действиях и планах в крае. Русская колонизация Кавказа открыла новый период в истории распространения христианства на этой обширной территории. Успехи колонизации позволяли восстанавливать и расширять пространство православия на земле Кавказа, что способствовало делу упрочения мира в этом регионе.

Развитие гражданской и религиозной истории, например, правобережья Кубани и Ставрополя после заселения их казаками и крестьянами осуществлялось в тесном взаимодействии. Русской православной церкви (РПЦ) предназначалась роль нравственного воспитателя народных масс, прибывавших в данный край из различных уголков империи.

Переселенцы в новом пространстве своего существования должны были самоопределиться, найти опору своему дальнейшему существованию, укрепить моральные силы и уметь противостоять многочисленным невзгодам, которые были сопряжены как с самим процессом переселения, как с непривычными природно-климатическими условиями жизни, так и социально-политической обстановкой, определявшейся эксцессами многолетней войны, не затухавшей в регионе.

В то же время «синкретическая природа» русского православия много способствовало тому, что «через церковную организацию проходило становление многих отраслей светской культуры»⁷⁹⁸.

Однако имперские власти, в первую очередь видели в церкви первостепенного помощника внедрения в крае идеологических основ российской государственности и монархизма.

Находясь под контролем имперских властей, РПЦ вынуждена была ставить вопросы имперской идеологии и имперского мировоззрения, не разделяя их с вопросами вероисповедальными.

⁷⁹⁸ Очерки истории Кубани с древнейших времен по 1920 г. / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Советская Кубань, 1996. С.308.

Данной сфере деятельности РПЦ не всегда сопутствовал успех. Долгое время (всю первую половину XIX века) препятствовали этому малочисленность и малограмотность православного духовенства. Войсковой протоирей К.В. Россинский писал, что среди духовных лиц в крае ему часто приходилось встречать «не только молодых, но и самых престарелых, не имеющих символа веры и даже молитвы»⁷⁹⁹.

Как свидетельствовал Ф.А. Щербина, весьма продолжительное время с конца XVIII века «духовенство не сформировалось еще окончательно и продолжало пополняться новыми членами. Открывались новые приходы, строились храмы, а самое пополнение духовенства производилось сначала на счет ухода из служилого состава войска грамотных казаков, а впоследствии и представителями из собственной духовной среды, детьми духовенства»⁸⁰⁰.

Эти люди ничем не выделялись из основной массы окружающего их населения, имели тот же семейный уклад, те же обычаи, те же нравы и взаимоотношения господствовали в среде духовенства.

С точки зрения Ф.А. Щербины: «Это было своего рода органическое сродство, но, как всякому сродству, ему не чужды были и те отрицательные свойства, которыми изобилвала среда того времени, пропитанная грубыми нравами, своекорыстными побуждениями и низким уровнем духовного развития»⁸⁰¹.

Постепенно менялись духовные учреждения, складывался «уже чиновный мир в среде духовенства»⁸⁰², вылившись в форму служебной субординации. По своему составу церковный клир разделялся на две инстанции: на высшую - священнослужителей и низшую - церковнослужителей. К первой относились священники и дьяконы, ко второй – дьячки и пономари. Высшая духовная власть сосредоточивалась в руках владыки и его исполнительного органа – консистории. К 40-м

⁷⁹⁹ ГАКК. Ф.690. Оп.1. Д.11. Л.1-3.

⁸⁰⁰ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т. II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение). – Екатеринодар, б/и., 1913. С.769.

⁸⁰¹ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.769.

⁸⁰² Там же. С.770.

гг. XIX в. Черноморское духовенство подчинялось епископу Кавказскому и Екатеринодарскому⁸⁰³.

Светские власти не всегда относились с должным уважением и предупредительностью «к своим духовным отцам и наставникам. Почетному званию духовенства они противопоставляли свой чиновничий гонор. <...> Не только позволяли себе мешаться во внутренние дела духовенства, но допускали произвол и насилие. В обыденной жизни, поэтому, между духовенством и людьми влиятельными всегда происходили на такой подкладке распри и пререкания, оканчивавшиеся зачастую не в пользу духовенства»⁸⁰⁴.

В годы наместничества князя М.С. Воронцова отношения между духовенством и военно-гражданской администрацией не слишком поменялись в своих основаниях, но приобрели форму большей деликатности, а сам князь задавал новый тон, всегда публично подчеркивая свое уважение духовным пастырям, стремился поддерживать с церковными людьми дружественные и партнерские связи.

Назначение возглавить Кавказскую епархию епископа Иеремии стало периодом «сильного возбуждения церковной жизни на Северном Кавказе»⁸⁰⁵. Ставрополь, как епархиальный центр, стали украшать новыми храмами. Были воздвигнуты Казанский кафедральный собор (1847 г.), Варваринская церковь (1849 г.) на деньги купца Ф.Г. Стасенкова, Георгиевская церковь (1850 г.) на деньги купца П. Лебедева. В 1849 г. была открыта Марие-Магдалинская женская обитель в Черномории, а близ Ставрополя – Иоанно-Мариинская женская обитель⁸⁰⁶.

Все перечисленные мероприятия мотивировались энергией епископа Иеремии при самом активном участии князя-наместника, без которого многие из этих начинаний не смогли бы дойти до стадии реализации.

С июля 1845 г. центром управления православным священством на Кавказе стал Тифлис. Православное

⁸⁰³ Там же. С.771.

⁸⁰⁴ Там же. С.771-772.

⁸⁰⁵ Наш край. Сборник документов. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1977. С.38.

⁸⁰⁶ Церковь и общество: 160 лет совместного служения на юге России. – Ставрополь, 2004. С.152.

духовенство линейных казачьих станиц было отделено от Кавказской епархии и передано в управление обер-священнику Отдельного Кавказского корпуса Лаврентию Михайловскому. Обер-священник и всё православное духовенство были подчинены наместнику Кавказа⁸⁰⁷.

Особую роль на Кавказе играло военное духовенство, которое было неотделимо от каждодневных военных будней армии. По свидетельствам многочисленных очевидцев и участников кавказских событий того времени «в русской армии всякое военное предприятие начинается с благословения церкви»⁸⁰⁸. Войска, выстроенные колоннами, составляли квадрат, в центре которого располагался служивший молебствие церковный причт. Военнослужащие во время молебна обнажали головы. По окончании богослужения, полковые священники обходили расступавшиеся перед ними ряды войск и окропляли их святой водой, начиная со старших командиров и кончая последним рядовым. Церемония заканчивалась барабанным боем⁸⁰⁹.

Во время сражения обер-священник находился в назначенном дежурным генералом месте и наблюдал, чтобы священники были на местах для молебствий, «для ободрения православных воинов гласом веры и благословения церкви и для доставления раненым и умирающим утешения веры и Св. Причастия». Обер-священник также наблюдал, чтобы «отделённые от полков священники в госпиталях отправляли свои обязанности исправно»⁸¹⁰.

⁸⁰⁷ Знаменский П. В. История Русской Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. С.370-371; Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе // <http://rusk.ru/st.php?idar=47648>.

⁸⁰⁸ Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / Составление текстов Г.Г. Лисициной. Комментарии, указатели Б.П. Милюдова. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. С.237-238.

⁸⁰⁹ Там же.

⁸¹⁰ Львов П. Памятная книжка о правах и обязанностях армейского духовенства, составленная из указов Св. Правительствующего Синода, устава духовных консисторий, предписаний Главных Священников и сводов гражданских и военных постановлений. – Свеаборг, 1889. С. 4-14.

Св. Синод обязывал обер-священника избирать благочинных, духовников, церковных старост и «приискивать кандидатов на священнические места»⁸¹¹. Обер-священник получал право назначать и увольнять священно и церковнослужителей военного ведомства без особого разрешения св. Синода.

Благочинным менялось в обязанности, во-1-х, «рассматривать проповеди священников, и при рецензии подтверждать, чтоб они, проповедуя слово Божие пред военными людьми, излагали и объясняли обязанности воина-христианина, отвращали их от пороков»; во-2-х, «наведываться о поведении каждого подведомственного ему священника и церковника»⁸¹².

Св. Синод разослал «указы епархиальным преосвященным с предписанием - немедленно отправлять в полки по требованию военного начальства священников и иеромонахов, испытанных в честном и добропорядочном поведении»⁸¹³.

Полковые священники обязаны были: «обходиться с нижними воинскими чинами в духе кротости и внушать им, чтобы они имели христианскую любовь к Богу и ближним, уважение к Верховной Монархической власти; раскрывать важность присяги, гибельные последствия клятвопреступников в земной жизни и неизбежный суд по смерти»⁸¹⁴.

Обязанности и права главного священника Кавказской Армии были сравнимы с обязанностями и правами Главного священника Армии и Флотов, но на меньшей территории⁸¹⁵.

Как пишет Е. Копарев: «Основной задачей религиозно-нравственного воспитания, осуществляемого военным пастырством Кавказа, являлось развитие у воинов Кавказской армии патриотизма как важнейшей духовно-нравственной и

⁸¹¹ Невзоров Н. Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. – СПб., 1875. С.40.

⁸¹² Львов П. Указ. соч. С.4-14.

⁸¹³ Невзоров Н. Указ. соч. С.21.

⁸¹⁴ Львов П. Указ. соч. С. 4-14.

⁸¹⁵ Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе // <http://rusk.ru/st.php?idar=47648>.

социальной ценности, формирования у них профессионально значимых качеств, верности своему гражданскому и воинскому долгу в условиях мирного и военного времени, высокой ответственности и дисциплины»⁸¹⁶.

Военные священники обязаны были «ограждать воинских чинов от вредных учений, искоренять в них суеверия, исправлять нравственные их недостатки, увещевать, по поручению полкового командира, порочных нижних чинов, предотвращать отступления от православной церкви и, вообще, заботиться об утверждении воинских чинов в вере и благочестии.

Военные священники, по долгу своего звания, обязаны вести свою жизнь так, чтобы воинские чины видели в них назидательный для себя пример веры, благочестия, исполнения обязанностей службы, доброй семейной жизни и правильных отношений к ближним, начальствующим и подчиненным»⁸¹⁷.

Материальное содержание полковых священников определялось указом императора Николая I от 6 декабря 1829 г., по которому должность полкового священника приравнивалась к чину капитана⁸¹⁸. Обер-священник пользовался содержанием и другими материальными привилегиями генерал-майора⁸¹⁹.

Православное военное духовенство, направившееся по распоряжению епархиального начальства в казачьи станицы, в течение первых шести лет получало «два пая (60 десятин), дьякону – полтора пая (45 десятин), дьячку (церковнослужителю) – один пай (30 десятин). Переданные им во время службы земельные участки переходили в их потомственное пользование»⁸²⁰.

Князю М.С. Воронцову на протяжении всей его административной и военной деятельности приходилось

⁸¹⁶ Там же.

⁸¹⁷ Голов В. Г. Прохождение службы по военному ведомству / Кн. VII Свода военных постановлений 1869 г. изд. 1907 г. – Петроград, 1917. С. 7-9.

⁸¹⁸ Церковь и армия //Журнал Московской Патриархии. – 1999. №8 //http://krotov.info/libt_min/ot/kov.htm.

⁸¹⁹ Невзоров Н. Указ. соч. С.36.

⁸²⁰ Северный Кавказ в составе Российской Империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С. 109.

постоянно искать и находить решения многотрудных задач этнических и конфессиональных отношений⁸²¹. Это объяснялось культурными особенностями жизни постепенно вводимых в состав российской империи новых кавказских территорий.

Понимая всю важность и фундаментальность вероисповедных вопросов, на основаниях которых строились почти все существующие виды жизнедеятельности народов, М.С. Воронцов не мог не учитывать этой стороны взаимодействия между людьми. По этой причине конфессиональные мотивы искусно вплетались в механизмы реализации планов наместника, создавали тот или иной фон и основания, способствуя достижению позитивных результатов предпринимаемых усилий.

Князь М.С. Воронцов также понимал, что поддержка религиозных деятелей сильно содействует осуществлению любого дела, позволяет разрешить многосложные задачи в ситуациях наибольшего благоприятствования.

Полиэтнический и поликонфессиональный Кавказ требовал особых подходов и тщательности в подготовке и проведении административной деятельности и не прощал ошибок или нерадивости. Нельзя было забывать того обстоятельства, что конфессиональность в кавказских условиях теснейшим образом соединялась с этничностью, а потому здесь остро реагировали на любые проявления, как неуважительного высокомерия, так и дружественной доверительности при обращении к мерам, так или иначе затрагивавшим религиозные чувства местных жителей.

При этом нельзя было сомневаться в том, что М.С. Воронцов оставался прагматичным и трезвым политиком, который за всеми действиями имел целью благо отечества и укрепление российских позиций в Кавказском крае.

Наместник поддерживал, например, дружеские отношения с патриархом всех армян (католикосом) Нерсесом V Аштаракци, с которым познакомился ещё в 1803 г. во время

⁸²¹ Захарова О.Ю. Генерал – фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. Рыцарь Российской империи. – М., 2001. С.218.

своего первого пребывания на Кавказе, когда молодой Воронцов начинал службу под руководством князя П.Д. Цицианова⁸²².

Снова они встретились в 1827 г., когда М.С. Воронцов был уже наместником Новороссии, а Нерсес Аштаракецки служил епархиальным начальником Армянской Апостольской церкви в Бессарабской области и часто приезжал к Воронцову в Одессу.

На Соборе 1843 г. армяне избрали Нерсеса Аштаракецки католикосом, а М.С. Воронцова император Николай Павлович назначил в 1844 г. своим наместником на Кавказ. Они снова возобновили свои дружественные отношения и часто встречались в Тифлисе.

Российские власти еще со времен императора Петра Алексеевича начали использовать армян в качестве социальной основы для проведения своей ближневосточной политики. С переходом под власть России Эчмиадзинского монастыря – местопребывания католикоса всех армян – возможности российской стороны манипулировать армянами в своих интересах многократно увеличились.

Имперские власти не только подтвердили право эчмиадзинскому патриарху представлять весь армянский народ, но и избираться также «всем Гайканским народом»⁸²³. Однако не все было столь однозначным и благостным. Император Николай I, предоставив большую автономию Армянской Апостольской церкви на территории Восточной Армении, не желал выпускать процесс избрания католикоса из своих рук. Потому установилась практика признания и утверждения католикоса в Петербурге. Деятели ААЦ вынуждены были тщательно согласовывать кандидатуры, выдвигаемые для участия в выборах, чтобы те впоследствии не вызвали отторжения в столице Российской империи.

Кроме того, механизм выборов был таковым, что выдвигать претендентов в предстоятели ААЦ могли только российские армяне. Большая часть зарубежных армян,

⁸²² Там же. С.352.

⁸²³ Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. -1995. №9. С.132.

проживавших за пределами Российской империи, была искусственно лишена возможности каким-либо образом повлиять на избрания католикоса всех армян. Это могло подорвать авторитет католикоса и поставить его в сильную зависимость от воли российских верховных властей.

Как пишет по этому поводу В.С. Дякин: «Только крайняя заинтересованность российской дипломатии в создании максимального внешнего авторитета католикоса помогла Армянской церкви устоять перед давлением светской власти и приобрести значительный вес внутри страны»⁸²⁴.

Более того, осмотрительная политика умудренного жизненным опытом Нерсеса V Аштаракеци имела самое полезное влияние на устройство ААЦ и приведения её дел в порядок. Российские власти считали полезной его инициативу об открытии в Эчмиадзине духовной армянской семинарии.

Это учреждение имело выгодные последствия, как «собственно для армянского духовенства, так и в политическом отношении, ибо нет сомнения, что в то время армяне из Константинополя, Индии и других мест Востока будут присылать в Эчмиадзин для образования своих детей»⁸²⁵, что позволяло укрепить не только армянскому народу, но давало России инструмент опосредованного влияния в восточных странах через армянских духовных пастырей.

Для М.С. Воронцова католикос Нерсес V Аштаракеци был очень важным собеседником не только как авторитетный духовный пастырь экономически активного кавказского народа, но и как глубокий знаток Кавказа вообще. Наместник рассчитывал с доброжелательной помощью католикоса привести в исполнение многие свои экономические планы путем привлечения к их реализации армянских предприимчивых людей.

Армяне легко откликались на обращения к ним наместника и, будучи христианским народом, с готовностью брались за решение и разнородных политических задач в пользу

⁸²⁴ Там же.

⁸²⁵ АКАК. Т.Х. С.856.

и для славы российской. Князь Воронцов не сомневался в верности, и даже привязанности всех армян к России⁸²⁶.

Католикос Нерсес V Аштаракецки немало способствовал со своей стороны «русскому делу» по всему Кавказскому краю, где его авторитетность встречала отклик и готовность действовать к общему благу.

В Грузии князю М.С. Воронцову пришлось искать выход из довольно деликатной ситуации, которая возникла в результате действий российских властей в отношении Грузинской Православной церкви (ГПЦ). Управление ГПЦ в начале XIX в. значительно отличалось от управления РПЦ: Мцхетский Католикосат в Восточной Грузии и Абхазский Католикосат в Западной Грузии возглавляли католикосы-патриархи, имевшие неограниченные права в решении церковно-хозяйственных вопросов и значительное влияние на реализацию государственной политики.

Часто католикосами избирались представители царской династии Багратиони, а сами католикосаты были экономически независимыми единицами: помимо церковного имущества и ценностей они владели пахотными землями и пастбищами, лесами, мельницами, местами рыбной ловли, свечными заводами⁸²⁷.

Российская государственная политика в Грузии была направлена на упразднение грузинской церковной независимости и полное подчинение ГПЦ Святейшему Синоду РПЦ, но поскольку одновременно упразднить грузинские епархии было невозможно, было решено постепенно соединять их с соседними епархиями после смерти или ухода на покой правившего архиерея.

Одной из главных задач церковного переустройства в Грузии также стала секуляризация церковного имущества и коммутация церковных налогов, что официально мотивировалось стремлением освободить духовенство от

⁸²⁶ Там же. С.896.

⁸²⁷ Грузинский экзархат РПЦ // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т. XIII. С.321-351.

«тяжелой ноши» управления хозяйством, поскольку это «отвлекает его от основных обязанностей»⁸²⁸.

Власти Российской империи, где РПЦ со времен императора Петра I стала частью государственной структуры и управлялась подчинявшимся императору св. Синодом, а с 1764 г. не имела собственности и населенной крестьянами земли, не могли сохранять в Грузии патриаршее управление ГПЦ и церковное устройство, отличное от российского.

После четырнадцати веков самостоятельного существования ГПЦ этой самостоятельности была лишена при переходе Грузии под покровительство Российской империи. ГПЦ перешла в ведение Священного Синода. Глава ГПЦ - католикос потерял свое звание. Вместо этого традиционного для грузин устройства был учрежден Грузинский экзархат, а глава ГПЦ стал зваться экзархом, которого назначали из Петербурга, а не избирали сами грузины.

После введения экзархата в 1811 г. и осуществления политики постепенных преобразований св. Синодом был назначен первым экзархом пророссийски ориентированный Варлаам (Эристави). После архиепископа Варлаама на пост грузинских экзархов назначались уже только русские по происхождению архиереи⁸²⁹. Это вызвало сильную напряженность вокруг ГПЦ. Ситуация еще более обострилась, когда экзарх Феофилакт (Русанов) в 1817 г. распорядился кроме воскресных, праздничных и высокаторжественных дней в Сионском соборе совершать службы на церковнославянском языке по вторникам, пятницам и субботам, а в остальные три дня – на грузинском языке⁸³⁰. Впоследствии грузинский язык был почти полностью вытеснен из тифлиссских храмов.

Грузинское общество пришло в смятение, так как никогда ранее «ни персияне, огнепоклонники и мусульмане, ни арабы, ни монголы-язычники, ни турки не делали того, что

⁸²⁸ Там же.

⁸²⁹ Казаков С.В. Грузинский гамбит // Загадки и легенды русской истории. – Ростов – на – Дону: Феникс, 2007. С.215-217.

⁸³⁰ Цит. по: Казаков С.В. Указ. соч. С.215-217.

сделало русское правительство и его экзарх с христианской православной церковью в Грузии»⁸³¹.

Начались волнения среди населения, во главе которых было немало священнослужителей. Применяв самые разнообразные средства политики кнута и пряника, имперским властям удалось восстановить порядок, хотя неудовольствие и чувство страха, которые охватили грузинское общество, до конца не были преодолены.

Потому князь М.С. Воронцов искал способов и путей, чтобы сгладить негативный осадок, оставшийся среди грузин от действий российских властей предыдущего периода и наладить конструктивное сотрудничество с местным православным церковным сообществом. Хотя М.С. Воронцов не мог отменить всех прежних распоряжений и перемен, произошедших с Грузинской церковью, поскольку был частью имперской государственной машины, но постарался убрать наиболее одиозные проявления великодержавия в данной сфере.

Помощником князя-наместника стал архиепископ Исидор (Никольский), который сменил 12 ноября 1843 г. экзарха Евгения (Баженова). В экзархе Исидоре, возглавившем ГПЦ, наместник видел ревностного поборника православия в Закавказье. Экзарх Грузии, управляя обширнейшей и самой трудной, по местным обстоятельствам, епархией, деятельно и усердно занимался устройством своей паствы. При нем политика Грузинского экзархата, следовавшая «либеральному» курсу, привносимому князем М.С. Воронцовым, была плодотворной и отличалась миролюбием.

На средства, получаемые от секуляризации церковных земель, с подачи князя-наместника экзархом Исидором были постепенно восстановлены Мцхетский, Алавердский, Кватахевский и Марткопский монастыри, что, хотя не вполне исправило ситуацию, но несколько успокоило грузин. Внимание экзарха Исидора было обращено также на Осетию, Сванетию и Цебельду, где христианство пришло в некоторый упадок⁸³².

⁸³¹ Джавахишвили И. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. – СПб., 1906. С.21-22.

⁸³² АКАК. Т.Х. С.898.

В Закавказье ощущалась большая нехватка в христианских храмах, несмотря на принимавшиеся усилия, после Высочайшего постановления 1839 г., повелевшего возобновить 6 церквей в Ахалцихском уезде. Повсюду были развалины бывших церквей. Бедность жителей и недостаток иных местных возможностей, а так же недостаток необходимых сумм и невозможность отнести расходы на счет казны, останавливали успешный ход работ и препятствовали функционированию недостроенных храмов. А потому возобновление старых и постройка новых православных церквей продолжалась по мере имевшихся возможностей на местах.

Кавказские власти вместе с экзархом Исидором составили предложения по постройке церквей в Шемахе, Дербенте и Нахичевани. С этими предложениями они обратились в св. Синод, где получили одобрение своим планам.

В течение 1849 г. обновились или были заново возведены храмы не только в упоминавшейся Шемахе, Дербенте и Нахичевани, но и в Кутаиси и Баку. В Кутаиси деятельное участие в постройке храмов принимал губернатор князь Г. Гагарин. В качестве примера можно привести Сионский кафедральный собор, который при восстановлении был расписан Гагариным в византийском стиле. В Самурзакани было решено учредить церковные приходы для поддержания «ослабевающего там христианства»⁸³³ и подчинить их Осетинской духовной комиссии.

Несмотря на то, что капитал, находившийся в распоряжении наместника, был невелик и предназначался для общего устройства края, М.С. Воронцов выделил 1000 рублей серебром для исправления Джуманского собора в Гурии, а также отпустил некоторую сумму на постройку временной церкви в Нахичевани. Не все шло гладко. Предложенная ранее постройка 4 церквей в горной Тушетии, остановилась «за

⁸³³ Эсадзе С.С. Историческая записка об управлении Кавказом. – Тифлис, 1907. Т.1. С.124.

отказом министра финансов ассигновать на это средства из Государственного казначейства»⁸³⁴.

Министр финансов Ф.П. Вронченко предложил отнести эти издержки на счет средств, выделяемых на содержание Кавказских Минеральных Вод. Наместник согласился с такой мерой, посчитав, что врачевание человеческого духа более важной задачей, нежели врачевание тела, и распорядился отчислять из указанного источника от 8 до 10 тысяч рублей серебром ежегодно⁸³⁵.

Пристального внимания требовали те районы Кавказа, в которых проживали народы, прежде бывшие христианами, но силою и притеснениями «совратились в магометанство». Кавказские власти с помощью экзарха Исидора возвращали их в лоно православной веры, а для ограждения присоединившихся к православию паств от гонений прежних магометанских единоверцев приняты были самые деятельные меры.

Деятельность экзарха Исидора положительно оценивалась князем М.С. Воронцовым. Князь-наместник характеризовал экзарха как «отличного и редкого пастыря Церкви», ревностью которого «поддерживаются и возобновляются древние храмы и созидаются новые»⁸³⁶. Наместник ходатайствовал перед св. Синодом о награждении экзарха.

В 1851 г. среди некоторых групп балкарцев и чегемцев появилось желание перейти в православную веру их предков. Бывший начальник Центра Кавказской линии генерал-майор Эрстов в этом им содействовал. Несколько почетных лиц из названных народов приезжали креститься в присутствии наместника в Кисловодск и Тифлис.

В этом же году около 1200 человек ингелойцев Джаро-Белоканского округа добровольно приняли православие. Дело совершилось без ожидаемого российскими властями сопротивления, со стороны соседних народов, которых сильно опасались. Для ингелойцев, принявших православие, построили

⁸³⁴ АКАК. Т.Х. С.857.

⁸³⁵ Там же.

⁸³⁶ Там же. С.239-240.

3 скромные церкви, и экзархом назначены благонравные священники, знавшие грузинский и татарский языки. Одновременно российские власти позаботились о том, чтобы оградить присоединившихся к православной пастве ингелойцев от гонений прежних магометанских их единоверцев. На этом поприще особенно выделялся своим благоразумием начальник Джаро-Белоканского округа генерал-майор князь Орбелиани⁸³⁷.

По приказу князя М.С. Воронцова генерал-майор Н.Д. Эрстов, бывший начальником центра Кавказской кордонной линии, содействовал им в этом «мерами благоразумия», избегая всего, что могло бы возбудить ненависть в соседних народах и подозрение насчёт сильного прозелитизма со стороны русских⁸³⁸.

Генерал А.П. Грамотин продолжил меры Н.Д. Эрстова. Он наделил вокрещаемых особыми свободными землями. От этих мер, по расчётам российских властей, «ещё менее произойдёт столкновений с магометанами, а князья тех племён успокоены тем, что присоединяющимся к христианству не только не даруется каких – либо прав или преимуществ над другими, но не устанавливается никакой разницы между ними и этими неофитами в повинностях, где они существуют»⁸³⁹.

Что касалось ингелойцев, то «как они составляют особое многочисленное племя и как обращение их в христианство – мера особой важности – наместник предоставил на первое время льготу в платеже повинностей личных и денежных, равно как и от земельного сбора»⁸⁴⁰. Наместник оставил и прежнего над ними начальника – пристава Елисуевского участка.

Занимавший эту должность поручик Хаджи-Ага-бек, мусульманин и родственник Даниель-беку, всегда оставался верным русским и отличался усердной службой и отменной храбростью, которые он выказал в случае с Хаджи-Муратом, когда первым с сыном своим и нукерами прискакал к месту, где Хаджи-Мурат был обнаружен после побега. Сын его, корнет

⁸³⁷ Там же. С.899.

⁸³⁸ Там же. С.898.

⁸³⁹ Там же. С.899.

⁸⁴⁰ Там же.

Ахмед-хан, с людьми своими, пренебрегая отчаянное сопротивление Хаджи-Мурата, бросился на него в шашки.

Хаджи-Ага, продолжая управлять жителями своего участка, не только ни в чем не мешал окрестившимся ингелойцам, но сам просил себе в помощь особого офицера из христиан, для поддержания отношений с ними, чтобы не было кривотолков и сомнений в его беспристрастности⁸⁴¹.

Среди осетин, в особенности Владикавказского округа, где большая часть дворян и старшин следовали закону Пророка, российские власти помогали утверждению христианства двумя способами:

1) отделением, где это было возможно, христианских старшин от магометанских; 2) назначением по выбору экзарха верных и способных священников, знающих местные языки.

Среди осетин Владикавказского округа упадок христианства стал особенно заметен со времени распространения на Кавказе мюридизма.

После совещания с экзархом Исидором в 1848 г. наместник командировал к осетинам штаб - ротмистра В.С. Толстого и благочинного А. Колиева, которым было поручено объехать все селения Владикавказского и Дигорского округов, постараться предотвратить переход осетин-христиан в мусульманство⁸⁴².

Посланцам князя-наместника предстояло объяснить осетинам от имени наместника, что российское правительство, «как они видят на опыте, не мешало и не будет мешать мухаммеданам в отправлении обрядов их религии; веротерпимость свято соблюдена, и верование их обеспечено»⁸⁴³, но, не препятствуя мусульманам свободно отправлять обряды их вероисповедания, строго запрещает, «по законам нашей Империи и по духу христианской религии, обращение из христианства в мухаммеданство, и что родившийся в христианстве или единожды получивший крещение, не может обратиться в мусульманство»⁸⁴⁴.

⁸⁴¹ Там же.

⁸⁴² РГИА. Ф.1268. Оп. 3. Д. 46. Л.1-1 об.

⁸⁴³ АКАК. Т.Х. С.229.

⁸⁴⁴ АКАК. Т.Х. С.229.

Поставленная задача была выполнена, и В.С. Толстой в 1849 г. был награжден орденом Св. Анны второй степени⁸⁴⁵. Кроме того, для обоснования правоты своих действий и общих усилий всех властей по укреплению позиций православия, В.С. Толстой собрал документальные подтверждения по истории становления христианства в Осетии. Им был составлен перечень всех древних храмов, часовен и священных мест Тагаурского, Фарсалакского, Куртатинского, Аллагирского и Дигорского ущелий⁸⁴⁶.

Всем местным начальникам было приказано строго следить за исполнением предписанного закона, и, «что всякий, который обратится из христианства в мухаммеданство, будет немедленно отправлен в арестантские роты»⁸⁴⁷. Считалось, что эта мера окажет сильное влияние на осетин. Штаб ротмистр Толстой должен был объявить осетинам, что такому наказанию подвергнутся так же те из них, кто будет обращать в мусульманство своих детей⁸⁴⁸.

В тех селениях, где большинство населения состояло из мусульман, и только небольшая часть его были христианами, и где старшины всегда мусульмане, так как они принадлежали к лучшим и дворянским фамилиям, чтобы избавить христиан от подчиненности мусульманам, распоряжением генерал-майора П.П. Нестерова и полковника Беклемишева в таких селениях избирались также старшины из христиан⁸⁴⁹.

Князь М.С. Воронцов распорядился, «не трогая прямых магометан в здешнем крае, мы должны, сколько возможно, стараться – и в духе христианства, и в политических видах – ободрять и просвещать племена полухристианские, у которых обычаи и вера, хотя не имели ничего положительного, однако, показывают, что в прежние времена у них существовало христианство»⁸⁵⁰.

⁸⁴⁵ РГИА. Ф.1268. Оп. 3. Д. 46. Л.43.

⁸⁴⁶ РГИА. Ф.1268. Оп. 3. Д. 46. Л.43.

⁸⁴⁷ АКАК. Т.Х. С.229.

⁸⁴⁸ Там же.

⁸⁴⁹ Там же.

⁸⁵⁰ Там же.

Этим должна была озаботиться Кавказская и Черноморская епархия, которая начала действовать с 1 января 1843 г.⁸⁵¹. Первым епископом Кавказским и Черноморским стал, ранее, викарий Киевской митрополии епископ Чигиринский Иеремия (Соловьев).

Свое обоснование учреждения новой епархии в крае изложил св. Синоду начальник Кавказской области генерал-лейтенант В.И. Гурко. Он писал, что Кавказская особая епархия должна быть учреждена с той целью, «чтобы через улучшение духовенства и возвышение благолепия Церкви наиболее утвердить там Православие и содействовать восстановлению оною между самими горцами, где Вера христианская некогда существовала»⁸⁵².

Общая ситуация и положение укоренения христианства среди горцев была далека от благодушия. По словам Иеремии в кавказских горах «Церковь не только не знаменитая, но и облепленная мраком языческим и магометанским»⁸⁵³. Предстояла большая миссионерская и подвижническая работа.

В регионе необходимы были не только образованные священники, способные к христианской проповеди, но и знатоки горских языков, местных религиозных верований, обычаев и других особенностей жизни местного населения, которое предстояло обратить в христианство.

Таких людей могла бы дать Кавказу своя семинария, которую, по предложению епископа Иеремии, можно было бы открыть в Ставрополе⁸⁵⁴. Реализация этого проекта стала возможной благодаря участию и заинтересованности князя М.С. Воронцова. Он много содействовал тому, чтобы решение св. Синода об открытии в Ставрополе Кавказской семинарии было Высочайше утверждено 20 июля 1846 г.

⁸⁵¹ Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собрание 2. Т. XVII. Отделение первое. - СПб., 1843. С. 767. № 15861.

⁸⁵² Мельник В. Ставропольской духовной семинарии 160 лет // Православная Осетия, 2006, № 5 (61). С. 1-3.

⁸⁵³ РГИА. Ф. 1661. Оп. 1. Д. 1100. Л. 3-5. Письма Иеремии епископа Кавказского к К.С. Сербиновичу.

⁸⁵⁴ Там же.

В семинарии стали получать духовное образование выходцы из местных горских народов - грузины, осетины, абхазы - посредством которых планировалось распространять православие в горах Кавказа.

В 1846 г. М.С. Воронцову был также представлен проект введения христианской веры на Кавказе, автором которого был чиновник Военного министерства А.А. Бегичев⁸⁵⁵.

Автор проекта считал, что на Кавказе необходимо учредить миссионерское общество, члены которого должны постепенно входить в доверие к горским народам, и участвовать с ними в совершении обрядов. Располагая их к себе дружеской беседой, расспрашивая об обрядах и прочих остатках христианства, объяснять значение таковых, указывать на то, что предки их, «к которым они сохраняют столь глубокое уважение, прежде исповедовали христианскую веру», подтверждая свои слова древними развалинами церквей. Это заставит горцев задуматься, «и вследствие этой думы, весьма вероятно, может возродиться искреннее желание снова принять веру отцов своих»⁸⁵⁶.

Для поощрения жителей Владикавказского округа отдавать своих детей обучаться в духовные заведения начальник округа с ведома князя-наместника установил правило, по которому всех родителей, чьи дети направлялись в духовные училища, освобождали от общественных повинностей.

Кроме того, 15 сентября 1848 г. был издан приказ по Владикавказскому округу с приложением списка, в котором объявлялась благодарность всем родителям-осетинам, согласившимся отправить своих детей в различные духовные училища России⁸⁵⁷.

⁸⁵⁵ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.92. Л.32-38 об. «Проект о введении христианской веры на Кавказе между горскими народами» чиновника Комиссариатского департамента Военного министерства А.А. Бегичева с сопроводительным письмом его кн. М.С. Воронцову 30 сентября 1846 г.

⁸⁵⁶ Там же. Л.37.

⁸⁵⁷ Материалы по истории Осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. - Орджоникидзе, 1942. Т.П. С.250.

Действуя осторожно, но твёрдо, наместник вместе с религиозными христианскими пастырями продвигал православную веру в горскую среду. По его мнению, главным залогом успешной деятельности в этой сфере было определение хороших священников из туземцев, выучеников и воспитанников Тифлисской семинарии или Ставропольской семинарии. В некоторых местах они действовали как постоянные священники, а в других - в качестве миссионеров.

Воспитанники Ставропольской семинарии готовились к занятию священнослужительских мест при церквях Кавказского линейного и Черноморского казачьих войск и Кавказской области. На содержание штата духовной семинарии отпускалось ежегодно по 13430 рублей серебром⁸⁵⁸. В семинарии велось преподавание, помимо специальных духовных наук, местных языков, в том числе – осетинского и татарского (турецкого).

После постановления об учреждении в Абхазии христианской миссии 18 июля 1846 года, местоположением для неё был назначен Пицундский храм, действие которого надо было возобновить после долгих лет заброшенности. Место это было выбрано князем-наместником после консультаций с экзархом Грузии. Однако миссия не могла немедленно приступить к своей деятельности, поскольку необходимо было провести восстановительные работы в Пицундском храме, на которые предполагалось затратить не менее двух лет. Кроме того, надо было подобрать людей, способных к предназначенному поприщу.

Миссия должна была состоять из архимандрита, трех иеромонахов, двух иеродиаконов, двух причетников и одного переводчика – все из русских. Не зная края, языка, местных обычаев, они скоро оказались в самом затруднительном положении. Поэтому князь М.С. Воронцов делал все возможное, чтобы заручиться поддержкой абхазского владетеля князя М. Ширвашидзе, надеясь в его лице приобрести миссии сильного покровителя⁸⁵⁹.

⁸⁵⁸ АКАК. Т.Х. С.226.

⁸⁵⁹ Там же. С.225.

Наместник также предостерегал миссионеров от денежной благотворительности в связи с характером и наклонностями туземцев, которые одолевали прежних христианских миссионеров просьбами, выказывая желание принять христианство, а потом, по прошествии определённого времени, отказывались от христианства, чтобы снова прийти за милостыней в качестве новых прозелитов. Это уже не раз случалось не только в Абхазии, но и в расположенной рядом с нею Цебельде и Сванетии⁸⁶⁰.

По мнению наместника, следовало уповать не на скорые, но поверхностные решения, каковой была христианская милостыня. На выделенные для миссионерской деятельности денежные суммы «следует учредить на первый раз одно духовное училище для образования детей абхазов и других соседствующих с ними народов. Это медленная, но верная мера, которая принесёт плоды, которых нельзя достичь пожертвованиями даже значительных сумм»⁸⁶¹.

В Петербурге и св. Синоде согласились с рекомендациями князя М.С. Воронцова. В состав миссии было решено пригласить мингрельского епископа Антония. Кроме того, включить туда игумена Германа, состоявшего духовником при владетеле Абхазии князе Ширвашидзе, с содержанием в 700 рублей жалования, 3 пайка муки и крупы⁸⁶².

Решено было подчинить миссию экзарху Грузии, а при начальнике миссии в Пицунде «учредить училище для образования детей абхазцев и соседних племен на счет суммы, которая предназначалась для раздачи христианской милостыни»⁸⁶³.

После шести лет постоянного пребывания на Кавказе наместник удостоверился на опыте, что во всём, что касалось миссионерства и распространения христианства в Кавказском крае, нужна большая осторожность как насчёт местностей, где можно было ожидать успехов от такой деятельности, так и

⁸⁶⁰ Там же. С.226.

⁸⁶¹ Там же.

⁸⁶² Там же. С.227.

⁸⁶³ Там же.

особенно в отношении лиц, которые будут избраны для этого дела.

Миссионеров предпочтительнее избирать только из среды туземцев, так как кроме знания языков у них, несомненно, найдутся и другие условия быть более успешными в своей миссии, чем у русских. К туземцам уже потому будет больше доверия среди горцев, что они родились и с детства воспитывались Кавказом, привыкли к местной жизни, обычаям, пище и климату. Всё это для русского было чуждо⁸⁶⁴.

Князь М.С. Воронцов считал, что дело распространения веры посредством миссионеров важно и благотворно скажется в будущем не только по долгу христианскому, но и по политическим причинам. Поэтому нельзя было рисковать потерей успехов на этом поприще из-за половинчатых, а тем более, ошибочных мер; нельзя было упустить тех возможностей, которые открывались для усиления социальной поддержки «русского дела» на Кавказе. В связи с этим, наместник ходатайствовал перед Синодом о том, чтобы экзарху Грузии было позволено самому выбирать людей для миссионерского служения.

Миссионерской деятельностью активно занимались священнослужители, находившиеся в полках и в крепостях, расположенных на восточном побережье Черного моря⁸⁶⁵. В то же время распространение православия среди прибрежных горцев встречало немало затруднений. В разных частях восточного побережья были общества, «верования которых должно причислить к язычеству, хотя они не поклоняются идолам»⁸⁶⁶, часть местных горцев были приверженцами ислама, который стал распространяться там с конца XVII века.

Исламскую религиозную пропаганду вели турки. Стремясь подчинить власти султана жителей данного края, ещё в 1826 г. из Анапы, бывшей в ту пору турецким форпостом на Черноморском побережье, были посланы в горы 24 эфендия, из которых к 1840-м годам оставалось в живых 8 или 10 человек.

⁸⁶⁴ Там же. 230-231.

⁸⁶⁵ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.963. Л.13.

⁸⁶⁶ АКАК. Т.Х. С.233.

Впоследствии к ним постоянно прибавлялись муллы, прибывавшие из Кабарды и Дагестана, и, наконец, Хаджи-Мухаммед, Сулейман-эфенди, Мухаммед-Амин внесли в эту часть Кавказа учение мюридизма.

Анапский комендант Хасан-паша «не щадил ни трудов, ни издержек и даже два раза прибегал к вооруженной силе для обращения жителей исламизму»⁸⁶⁷.

Хотя турки первоначально не достигли успеха в своем миссионерстве, были встречены со стороны горцев жестким отпором, вынужденные отступить «в совершенном расстройстве, доходившем до бегства»⁸⁶⁸, исламизм постепенно распространялся и входил в жизнь горских обществ.

Вице-адмирал Л.М. Серебряков объяснял это тем, что успехам исламизма способствовали «частые торговые сношения жителей с турками, связи и родство с ними по бракам их с черкешенками, которые ежегодно вывозились в значительном числе на продажу в Турцию, а более всего мюридизм, соединивший религию с понятием о противодействии владычеству нашему на Кавказе»⁸⁶⁹.

Большую роль в распространении исламизма играло то обстоятельство, что приверженцами этого верования сделались уздени и другие, влиятельные среди горцев люди. Они способствовали тому, что вера эта «сделалась как бы отличительным признаком высшего сословия и порядочных людей», а «от слияния религии с политикою произошло то, что имя мусульманина стало уже решительным выражением политического образа мыслей и независимости горцев от русского правительства <...> и священном долге вести непримиримую войну с христианами»⁸⁷⁰.

С другой стороны, и на это уповали христианские миссионеры, каждая вновь распространявшаяся среди черкесов вера не проникала «во всю массу народонаселения и, заменяя

⁸⁶⁷ АКАК. Т.Х. С.234

⁸⁶⁸ Там же.

⁸⁶⁹ Там же.

⁸⁷⁰ Там же.

старую, смешивалась с её остатками, образуя смешанные религии»⁸⁷¹.

Л.М. Серебряков отмечал, что хотя населявшие береговой край черкесы и убыхи называли себя мусульманами, они были мало знакомы с догматами этой веры, многие не исполняли её обрядов и придерживались прежних верований⁸⁷².

От язычества среди горцев оставались поклонения священным рощам, жертвоприношения и некоторые праздники, а от христианства - отдельные признаки, свидетельствовавшие, что христианская вера была некогда среди них господствующей.

Далее Л.М. Серебряков свидетельствовал, что во многих местах стояли кресты, редко каменные, а большей частью деревянные, сколоченные из досок, составлявшие предмет почитания жителей. Деревянные кресты всегда возобновлялись новыми, когда приходили в ветхость, а остатки прежних крестов сохранялись. Кресты эти устанавливались в священных рощах, «до которых с незапамятных времен не касался топор жителей, и в которых срубить дерево считается святотатством. Поклонение крестам происходит в виде богослужения, напоминающего обряды св. Причастия»⁸⁷³.

Христианство, пришедшее в горскую среду из Византии и Грузии, несмотря на длительность своего влияния, не сумело прочно укрепиться среди горских народов. Как пишет А.В. Аксентьев, «несмотря на то, что они (горцы – С.Л.) в течение многих столетий были знакомы с ним, оно не превратилось в господствующую религию»⁸⁷⁴.

Причина неудачного укоренения христианства в горской среде заключалась в том, что христианство как «религия развитого классового общества»⁸⁷⁵, вероучение и социальные принципы которого были мало приспособлены к патриархально-родовым отношениям, определявшим весь строй жизни горских обществ.

⁸⁷¹ Там же.

⁸⁷² АКАК. Т.Х. С.234.

⁸⁷³ Там же.

⁸⁷⁴ Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. С.23.

⁸⁷⁵ Там же.

Среди горских народов «святые греческой церкви во главе с Георгием под разными названиями наполняли ряды пантеона <...> божеств и народных героев. Однако старые воззрения от этого мало изменились, приняв лишь внешнюю христианскую окраску»⁸⁷⁶.

Как далее отмечает А.В. Авксентьев, даже в селениях, где были христианские храмы и священники, христианство прижилось главным образом в обрядовости. Кроме того, служба велась на непонятном и чужом для горцев языке, а потому местное население не могло понять сущности христианского вероучения⁸⁷⁷.

Вследствие того, до принятия ислама абазины, адыги, карачаево-балкарцы, ингуши, чеченцы в подавляющем большинстве оставались сторонниками древних местных культов⁸⁷⁸.

Несмотря на то, что наместник предостерегал миссионеров от активной благотворительности при вокрещении горцев, опыт тех, кто трудился на этом поприще (отец Федор Иванович Коссин, диакон Иоаким Брынзин)⁸⁷⁹, требовал вознаграждать религиозных неопитов денежным пособием.

Поскольку «горские люди, переходящие под покровительство русское и принимающие крещение, не зная, во-первых, языка и трудолюбия европейского человека, начнут встречать, доколе не свыкнутся с обычаем и языком, затруднения в снискании себе пропитания и вовлекаться от того в прежний навык хищничества»⁸⁸⁰, пособие просто необходимо для тех горцев, которые желали принять православие⁸⁸¹.

В каждом из 17 укреплений, составлявшем на Черноморском побережье к началу 40-х гг. XIX в. береговую

⁸⁷⁶ Очерки истории Адыгеи. – Майкоп, 1957. С.118.

⁸⁷⁷ Авксентьев А.В. Указ. соч. С.24.

⁸⁷⁸ Там же.

⁸⁷⁹ Матвеев О.В. «С крестом в руках между рядами солдат...». Из истории духовной жизни в укреплениях Черноморской береговой линии (30-50-е годы XIX века) // Кавказский сборник. Т.5 (37)/ Под ред. В.В. Дегоева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. С. 102-103.

⁸⁸⁰ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.963. Л.67.

⁸⁸¹ Матвеев О.В. Указ. соч. С.103.

кордонную линию, императорским указом было объявлено «все крепости и укрепления <...>, в коих находится не менее двух рот, снабдить церквами и священниками с причтом»⁸⁸². Кроме того, император приказал назначить в черноморские береговые укрепления иеромонахов «для исполнения христианских треб»⁸⁸³.

В 1846 г. в Новороссийске была возведена каменная церковь, которая заменила первую, турлучной постройки. Предполагались также постройки каменных церквей в фортах Вельяминовском и Лазаревском, но из-за неудобства и тесноты или из-за начавшейся Крымской войны, возведение их было отложено⁸⁸⁴.

Всем кавказским начальникам, находившимся в его подчинении, наместник напоминал о том, что для лучшего управления краем «кроме чести и славы оружия, лежит на них священный долг споспешествовать духовенству в святом деле его. Русское оружие, проникнув в недра Кавказа и водрузив вместе с победоносным знаменем животворящий крест в местах пустынных и горных вертепах, посреди враждебного народонаселения открыло путь для поборников христовой веры»⁸⁸⁵.

В то же время, князь М.С. Воронцов последовательно отстаивал принцип веротерпимости в кавказских условиях, где большая часть народов исповедовала ислам. Среди кавказских мусульман быстро распространился слух о том, как уважительно относился Воронцов к мусульманской вере крымских татар, будучи главным начальником в Новороссии⁸⁸⁶.

Таким же благожелательным, по крайней мере, наружно было отношение его и к мусульманам Кавказа. Объясняя свою позицию, М.С. Воронцов писал императору Николаю Павловичу: «То как мусульмане мыслят и относятся к нам,

⁸⁸² ПСЗРИ. Собр.2. Т.13 (1838). - СПб., 1839. Ст.11213.

⁸⁸³ ПСЗРИ. Собр.2. Т.15 (1840). – СПб., 1841. Ст.13463; ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.48. Л.19 об.

⁸⁸⁴ ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.815. Л.119 об.

⁸⁸⁵ АКАК. Т.Х. С.233.

⁸⁸⁶ Удовик В.А., Кацик В.О. Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. – СПб., 2000. С.169.

зависит от нашего отношения к их вере не меньше, чем от событий в Дагестане»⁸⁸⁷.

Наместник добился важного решения вопроса о способе привлечения мусульман, живших в Закавказском крае или пришедших туда из-за границы, на сторону русских. В марте 1848 г. председатель Кавказского Комитета сообщил М.С. Воронцову, что на основании его представлений в Петербург, император повелел, чтобы мусульман, «кои воспримут св. крещение, причислять к сельским обществам»⁸⁸⁸, имеющим в своем распоряжении избыточное количество земли, с наделением новокрещенных соответствующими участками.

Кроме того, император распорядился всех бывших «мухаммедан», принявших св. крещение, а также всех их детей, которые последуют примеру своих родителей, «освобождать на всю жизнь от платежа в казну личной, подушной или подымной подати»⁸⁸⁹.

Этим лицам предоставлялась еще и льгота от всех прочих податей и повинностей на 6 лет, а «при самом водворении их на казенных землях, выдавать им из казны на обзаведение, на каждое отдельное лицо от 15 до 30 р. с., а на все семейство 30 р. с.»⁸⁹⁰.

Помещикам Закавказского края император разрешал принимать крестившихся бывших «мухаммедан» на свои земли и, устраивая их хозяйства, заключать сделки об условиях держания ими помещичьей земли и о мере повинностей, предупредив, что крестившиеся выходцы сохраняли право на все дарованные им льготы.

Чтобы избежать любых недоразумений и обид в данном вопросе, Петербург предписывал местным кавказским властям, чтобы «мухаммеданам, при выходе из-за границы в Закавказский край, изъявившим желание принять св. крещение, объявлять в ближайшем уездном управлении правила», на

⁸⁸⁷ Цит. по: Удовик В.А., Кацик В.О. Указ. соч. С.169.

⁸⁸⁸ Там же. С.24.

⁸⁸⁹ АКАК. Т.Х. С.24.

⁸⁹⁰ Там же.

основании которых они могли после принятия св. крещения оставаться в России⁸⁹¹.

В то же время М.С. Воронцов также предостерегал от непродуманного и пагубного для русских рвення. Отвечая на просьбу епископа Кавказской епархии Иеремии запретить строительства новых мечетей в аулах, он указал на то, что это имело бы не только неприятные, но гибельные последствия.

Такие действия противоречили высочайшему требованию не допускать придания противостоянию с горцами религиозного характера. Император Николай Павлович ставил задачу «придать войне с Шамилем светскость, убрав её религиозный оттенок»⁸⁹². От кавказских начальников требовалось тщание и дипломатичность, оказание уважения «к муллам, мечетям и к вере, чтобы разрушить и уничтожить и тень мысли, что мы точно ведем духовную войну»⁸⁹³.

Следуя предначертаниям императора и добиваясь расположения местных горских обществ, князь М.С. Воронцов распорядился возвести вблизи укрепления Воздвиженского в чеченском ауле Чухкери мечеть⁸⁹⁴.

Однако скоро выяснилось, что горцы не захотели не только посещать эту мечеть, но в гневе сожгли её, поскольку по незнанию или небрежению исполнители данного распоряжения, возводившие мечеть, побелили её щетками, сделанными из свиной щетины.

Открываясь ошибка была учтена, и возведение мечетей русскими продолжалось, но делались новые ошибки. Возводились прочные здания с окнами и полами, что противоречило прежнему архитектурному исламскому стилю. Старые мечети, «выстроенные отцами и дедами», предпочитались «новым казенным, хотя бы они белились и не щетинными щетками»⁸⁹⁵.

⁸⁹¹ Там же.

⁸⁹² Блиев М.М. Указ. соч. С.432.

⁸⁹³ РГВИА. Ф.846. Д.6482. Л.46; ДГСВК. С.394.

⁸⁹⁴ К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. (продолжение) // Кавказский сборник. – СПб., 1886. Т.Х. С.452.

⁸⁹⁵ Августинович Н. По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и

Хотя усилия наместника в мечетском строительстве продолжались и на это растрчивались немалые суммы, ситуация мало менялась к лучшему. Несмотря на такую наглядную пропаганду веротерпимости со стороны русских, бывшую доказательством того, что они покровительствуют мусульманам, все перетолковывалось муллами, «которым суеверный и невежественный народ верит слепо»⁸⁹⁶.

Несмотря ни на что, князь-наместник не терял надежды переломить развитие обстоятельств к своей выгоде. Чтобы способствовать росту симпатий к русским среди горцев князь М.С. Воронцов не жалел времени и сил. И результат был получен. Тесное и продолжительное общение с чеченскими старшинами в укреплении Воздвиженском, привело к переселению части семейств, в том числе весьма влиятельных, как, например, Маза, дяди наиба Дубы, под покровительство русских. Наместник считал, что «пример коих сильно действует и на прочих чеченцев, жаждущих, можно сказать, вообще избавиться от ига Шамиля»⁸⁹⁷.

Мусульманское духовенство в то время представляло серьезную политическую силу. Только в Чечне в 1837 г. было 310 мечетей, в Кабарде -113, а в Дагестане к концу 50-х гг. XIX века 1628 мечетей и 4500 человек мусульманского духовенства⁸⁹⁸.

Потому игнорировать или настраивать против себя этот активный слой населения кавказских гор было большой глупостью, и было тем опаснее, что горцы «еще не совсем верят нашей веротерпимости»⁸⁹⁹.

В Петербурге хорошо понимали, в том числе, политическое значение мусульманского духовенства и старались привлекать его к сотрудничеству с имперскими властями. Начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии граф А.Х. Бенкендорф ещё в 1836 г.

реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.597.

⁸⁹⁶ Августинович Н. Указ. соч. С.597.

⁸⁹⁷ АКАК. Т.Х. С.484.

⁸⁹⁸ Авксентьев А.В. Указ. соч. С.58.

⁸⁹⁹ Августинович Н. Указ. соч. С.600.

писал, обращаясь к подчиненным его ведомству кавказским чиновникам: «Класс эфендиев на Кавказе есть именно тот, от привлечения которого произойти может польза, если не большая, то не меньшая приобретаемой силой оружия»⁹⁰⁰.

Для привлечения на свою сторону служителей исламского культа имперские власти прибегали к разного рода ухищрениям. За содействие русским «мухаммеданам» предоставлялись льготы, их награждали подарками, земельными участками, назначали большое жалование.

А.В. Авксентьев сообщает об известных случаях служения «царскому правительству» в Чечне мулл Абдул-Кадыра, Юсуп-Кади, Аббаса, Мустафы, Эльмурзы, Шемил-Хаджи⁹⁰¹.

Князь М.С. Воронцов не упускал случая привлечь мусульманских духовных лиц к решению разнообразных задач, направленных на укрепление позиций России в Кавказском крае. Его заинтересованность в том была обусловлена ролью исламской доктрины, бывшей идейным знаменем, вокруг которого проходила мобилизация антирусских сил в ходе Кавказской войны.

Князь Воронцов использовал внутренний раскол в среде мусульман, чтобы ослаблять влияние имама на горский мир. Многие наблюдатели той поры, по мнению В.В. Дегоева, «касясь главных движущих сил Кавказской войны», указывали на религиозный фанатизм, воплощавшийся в мюридизме, ставшим «краеугольным камнем государственной политики Шамиля»⁹⁰².

Имам, по определению англичанина Дж.М. Макки, сумел «превратить войну сект в войну против общего врага - неверных русских, ненависть к которым стала синонимом любви к Аллаху и веры в Пророка»⁹⁰³.

⁹⁰⁰ Хоретлев А.О. Влияние России на просвещение в Адыгее. – Майкоп, 1957. С.42.

⁹⁰¹ Авксентьев А.В. Указ. соч. С.60.

⁹⁰² Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: «Русская панорама», 2001. С.185.

⁹⁰³ Цит. по: Дегоев В.В. Указ. соч. С.185.

Отмечая роль религии в имамате Шамиля, В.В. Дегоев указывает, на то, что «религиозная пропаганда в имамате носила целенаправленный характер. Проповедовался не ислам вообще, а лишь то в нем, что годилось для использования в сугубо практических интересах»⁹⁰⁴.

Именно такой подход имама Шамиля к исламскому вероучительству предоставлял князю М.С. Воронцову шанс использовать против него знатоков ислама, не принимавших вульгаризации учения Пророка. Здесь не следует думать, что наместник был сам знатоком ислама или был кровно озабочен сохранением чистоты этого вероучения. Он был таким же политическим прагматиком, каким был имам Шамиль. Разница между этими деятелями в данном вопросе состояла в том, что имам использовал ислам для мобилизации горских народов на борьбу с русскими, а князь Воронцов пытался использовать постулаты ислама для дискредитации имама.

Получив сведения, что Саид Араканский – известный ученый и богослов, учитель Гази-Магомед – выступил против вооруженной борьбы горцев с русскими, доказывая, что сначала Гази-Магомед, а потом Шамиль неверно истолковывали тарикат и шариат, наместник приказал войти с ним в контакт и всячески, что будет в силах, содействовать данному богослову⁹⁰⁵.

Поощряя и отмечая полезную для русских деятельность Муллы - Али Халафат - Оглы, находившегося среди непримиримых горцев, который, «когда лезгины, живущие на правом фланге Лезгинской линии, взволновались с появлением бывшего Елисуйского султана <...> был весьма полезен генералу Бюрно и <...> много содействовал к усмирению жителей и изгнанию возмутителя»⁹⁰⁶, князь М.С. Воронцов предпринял усилия, чтобы «исходатайствовать высочайшее утверждение сделанному назначению – награде золотой медалью с надписью «за усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте Мулле - Али»⁹⁰⁷.

⁹⁰⁴ Дегоев В.В. Указ соч. С.183.

⁹⁰⁵ ДГСВК. С.724.

⁹⁰⁶ РГИА. Ф.1268. Оп.2. 1847 г. Д.628. Л.1-1 об.

⁹⁰⁷ Там же; Народно - освободительная борьба Дагестана и Чечни...С.381-382.

Помимо того, «наиболее ученые горцы, пользовавшиеся хорошо репутацией, не оставались без хлеба. Правительство обеспечило их, дав им должности с хорошим жалованием»⁹⁰⁸. Примером здесь мог служить крымский муфтий Кади Эскер⁹⁰⁹, действия которого по реализации задания наместника были одобрены императором⁹¹⁰.

Когда в 1846 г. один из главнейших поборников имама Шамиля Сулейман-Эфенди перешел к русским, то «вследствие ходатайства наместника Кавказского по высочайшему <...> императорского величества повелению назначено производить пенсию из Государственного казначейства по 1825 рублей серебром в год. Вместе с тем с 1847 года дозволено Сулейману-Эфенди отправиться в Мекку на поклонение гробу Магомета»⁹¹¹.

Князь-наместник командировал чиновника своей Дипломатической канцелярии Н.В. Ханыкова, знавшего в совершенстве восточные языки, для проверки имевшихся сведений и сбора новых данных о положении дел в мусульманских провинциях Кавказского края. М.С. Воронцов просил своего посланника «собрать обстоятельные статистические сведения о положении мусульманского духовенства, о состоянии управления им в соседних мусульманских государствах, о средствах обеспечить содержание духовенства и о средствах узаконить существование шариатских судов»⁹¹².

На основании собранных Н.В. Ханыковым сведений планировалось составить проект о положении мусульманского духовенства, в котором бы определялся и регулировался статус

⁹⁰⁸ Абдулла Омаров. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1869. Вып.2. С.61.

⁹⁰⁹ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л.6-7об.; Народно- освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. С.341.

⁹¹⁰ РГВИА. Ф.846. Оп.16. Д.6582. Л.6-7 об.

⁹¹¹ РГИА. Ф.1268. Оп.2. Д.53А. Л.16.

⁹¹² Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. – М.: Наука, 1977. С.49.

исламского духовенства, права и обязанности религиозных деятелей, их взаимоотношения с властями⁹¹³.

Надеясь на успешный исход задуманного, князь-наместник обратился к военному губернатору Тифлисской губернии, прося его всячески содействовать миссии Н.В. Ханыкова. М.С. Воронцов ратовал за то, чтобы были приняты все меры, «дабы облегчить Ханыкову разъезды и помочь ему в сближении с значительнейшими лицами мусульманского духовенства, дворянства и купечества»⁹¹⁴, чтобы все подведомственные военному губернатору уездные начальники старательно выполняли циркулярное указание, а кроме того, «не отказывать и в личных сообщениях и советах господину Ханыкову», которые могут быть для него «лучшим дополнением выданных ему здесь инструкций»⁹¹⁵.

Н.В. Ханыкову предстояло опросить мусульманских духовных деятелей, «что они считают необходимым и полезным для упрочения их благосостояния, единственного ручательства их преданности правительству»⁹¹⁶.

Посланец князя-наместника провел в разъездах по всему Закавказскому краю восемь месяцев к ряду. Попутно он побывал в Персии, для сбора там сравнительных данных и составил особую записку о состоянии местного духовного управления.

Н.В. Ханыков исполнил с большим тщанием порученное ему дело. По возвращении в Тифлис, он представил управляющему канцелярии Кавказского наместника «Записку о предполагаемом устройстве мусульманского духовенства за Кавказом»⁹¹⁷.

На основе представленной «Записки» Н.В. Ханыков подготовил проект «Положения», в котором предполагалось разделить суннитское и шиитское мусульманское население на духовные округа, не зависящие от деления на губернии, при

⁹¹³ Там же. С.48.

⁹¹⁴ Там же. С.49.

⁹¹⁵ Там же.

⁹¹⁶ Там же. С.50.

⁹¹⁷ Там же. С.48.

этом суннитские округа должны были подчиняться муфтиям, а шиитские – муджтехидам.

В каждом округе предполагалось создать духовные суды трех разрядов: окружные, уездные и магальные (квартильные). Этим судам предполагалось дать право разбирательства некоторых видов гражданских дел, вытекавших из особенностей мусульманского быта⁹¹⁸.

Н.В. Ханыков рекомендовал «признать гласно и официально свободу отправления мусульманской религии за Кавказом и в пределах империи с тем, чтобы отнять возможность недоброжелательствующим нам людям распространять вредные для нас мнения, что мы хотим искоренить ислаимзм»⁹¹⁹.

Российским властям предстояло увязать и гармонизировать внутреннее управление служителями мусульманского культа с общим имперским управлением.

Князь М.С. Воронцов в своем отчете в Петербург⁹²⁰ вместе с тем предупреждал о необходимости соблюдать в данном вопросе особую осторожность, ибо мусульманское духовенство «в малейшем каком-либо ограничении его прав видит намерение правительства стеснить мухаммеданскую веру, а это может подать повод к распространению столь вредного для нас фанатизма (мюридизма – С.Л.)»⁹²¹.

Именно такой настрой исламских проповедников сильно влиял на способы и возможности сближения русских с горцами. Делу этому в немалой степени вредило и то, что несколько поколений горцев прожило в ненависти к русским, и которая «до сих пор еще настолько велика, что все благодетельные меры правительства для достижения предложенной цели приносят пользу хотя и верно, но медленно»⁹²².

⁹¹⁸ Там же. С.50.

⁹¹⁹ Цит. по: Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Указ. соч. С.51.

⁹²⁰ АКАК. Т.Х. С.856-857.

⁹²¹ Там же. С.857.

⁹²² Августинович Н. По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С.590.

Н. Августинович отмечал, что именно муллы стараются поддерживать в горах ненависть к русским, внушая, «что Книга Книг, без всяких обиняков к числу нечистых предметов причисляет <...> всякий предмет, к которому прикасаются русские. <...> Повредить русским, хотя бы самым вероломным образом, считают они добрым делом; зарезать хотя бы сонного – религиозным подвигом»⁹²³.

Действенной мерой противостоять распространению мюридизма и возможностью привлечь на сторону правительства мусульманских духовных лиц было, по замыслу наместника, учреждение «школ Омарова и Алиева учения»⁹²⁴.

Этим, по мнению М.С. Воронцова, закладывались начала, в результате которых, можно было надеяться, со временем приобрести хорошо образованных мулл, знавших русский язык и обязанных своим воспитанием правительству. Князь Воронцов считал, что они будут расположены к русским и постараются быть, по возможности, полезными интересам империи в крае⁹²⁵. В 1849 г. было создано 8 духовных училищ, учеников которых готовили «внушать горцам доверие к русским»⁹²⁶.

Кроме того, в Тифлисе наместник поддерживал постоянные контакты с назначенным туда муджтехидом, как главным лицом мусульман шиитского исповедания, что и было началом важного дела, требовавшего большой осторожности.

В то же время наместник вынужден был незамедлительно реагировать на появление в мусульманских провинциях Кавказа вышедших из Персии и Турции шейхов, проповедовавших учения, враждебные России.

Петербург внимательно следил за развитием этой ситуации. Военный министр князь А.И. Чернышев сообщал князю М.С. Воронцову волю императора, который собственноручно начертил на докладе министра: «Я полагал бы совершенно запретить въезд в пределы наши всяким лицам

⁹²³ Августинович Н. Указ. соч. С.591.

⁹²⁴ АКАК. Т.Х. С.857.

⁹²⁵ Там же.

⁹²⁶ Авксентьев А.В. Указ. соч. С.62.

духовного звания, кто бы они ни были, даже нашим подданным, ежели они приняли духовное звание за границую»⁹²⁷.

Это указание переменяло отношение князя-наместника к муджтехиду Мирзе-Мамеду, который до этого времени получал по высочайшему повелению с 1843 г. из Тифлисской казенной палаты пенсией в 3000 червонцев ежегодно до самой своей смерти, наступившей в 1852 г.

Муджтехид при жизни несколько раз обращался с просьбами к князю М.С. Воронцову об увеличении пенсией, но «просьбы сии оставляемы были его сиятельством без внимания»⁹²⁸.

Затем уже сын муджтехиды Хаджи-Ага просил наместника выдавать ему пенсию, как он выдавался его отцу, дабы не допустить упреков, что «российское правительство забывает заслуги, ему сделанные, и дабы доказать персиянам, что награда за заслуги отца переходит и к детям»⁹²⁹. Просьба эта также была оставлена без ответа.

В январе 1849 г. князь М.С. Воронцов рассмотрел проект «Положения», составленный Н.В. Ханьковым вместе со своими ближайшими помощниками – С.В. Сафоновым, В.О. Бебутовым, М.З. Аргутинским. К апрелю того же года проект был доработан и состоял из 6 глав: 1) об отправлении обрядов ислама; 2) о правах и обязанностях шиитского духовенства; 3) об управлении им; 4) о должностных лицах этого духовенства и порядке их избрания; 5) о поступлении в духовное сословие; 6) о законных способах содержания должностных лиц этого сословия⁹³⁰.

Проект «Положения» был представлен на рассмотрение в Совет Главного управления Закавказским краем. После этого князь-наместник в сопровождении Н.В. Ханькова отправился в поездку по Закавказскому краю, во время которой встречался с влиятельными представителями мусульман.

В Нухе, Елисаветполе, Шуше и Шемахе местному мусульманскому духовенству предоставили возможность

⁹²⁷ АКАК. Т.Х. С.245.

⁹²⁸ АКАК. Т.Х. С.245.

⁹²⁹ Там же.

⁹³⁰ Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Указ. соч. С.52.

ознакомиться с подготовленным проектом, переведенным на татарский (тюркский) язык с тем, «что если они найдут что-либо несоответствующее их пользам, то чтобы они могли лично ходатайствовать об изменении того»⁹³¹.

В середине 1849 г. разработанный Н.В. Ханьковым проект рассматривался в Петербурге в Кавказском комитете. Члены комитета, среди которых были Д.Н. Блудов, министр внутренних дел Л.А. Перовский и министр юстиции В.Н. Панин не предъявили принципиальных критических замечаний, но проект не был введен в действие. Проект содержал слишком много идей, которым опыта еще не было в имперской административной практике. Потому в Петербурге, в конечном счете, решили отложить реализацию проекта Н.В. Ханькова, о котором ратовал Кавказский наместник, даже в виде опыта сроком на 3 года, если шиитское духовенство, о котором преимущественно шла речь в проекте письменно не сообщит свое мнение⁹³².

Пожеланий от местных закавказских мусульман по поводу предъявленного им проекта высказано не было.

Задачей, требовавшей скорейшего разрешения, неожиданно сделалось противостояние всё того же епископа Иеремии с терскими казаками, который воспротивился большой, с его точки зрения, численности старообрядцев среди казаков. Иеремия запретил старообрядческие богослужения, прием беглых попов и ремонт молитвенных домов, а также принял и другие меры против раскольников «вредных ересей»⁹³³.

Преследуемые епархиальным начальством казаки (Гребенское войско, Кизлярский и Моздокский полки) искали защиту у светских властей и одновременно упорствовали в своей вере. Наместник полагал, что борьба за свою веру отнимала у казаков много сил и мешала исправно нести службу. Оставаясь прагматиком во всём и понимая цену спокойствия и

⁹³¹ Цит. по: Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф. Указ. соч. С.52.

⁹³² Там же. С.53-54.

⁹³³ Великая Н.Н. Взаимоотношения светских и духовных властей со старообрядцами терского левого бережья в XVIII – XIX вв. // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 2001. Вып. № 6. Часть 1. С.67.

доверия казаков к властям, князь М.С. Воронцов принял их сторону в споре с епархиальным начальством. Он воспользовался предоставленными ему правами и обратился за помощью к императору, расположив его в пользу казаков. Он утвердил императора во мнении, что в условиях военных действий раздражать и притеснять казаков, чьи боевые заслуги и верность государю были неоспоримы, стало бы непростительной ошибкой и глупой недальновидностью.

По предложению наместника, чтобы прекратить спор между казаками и епископом Иеремией в 1845 г. православное духовенство линейных станиц было отделено от Кавказской епархии и подчинено обер-священнику Кавказского отдельного корпуса, находящегося в Тифлисе⁹³⁴.

Окончательно данный вопрос был урегулирован в 1850 г., когда последовало высочайшее распоряжение именовать раскольниками только «вредных» сектантов – духоборов, иконоборцев, иудействующих, - остальных именовать староверами и не преследовать⁹³⁵.

Вопрос о раскольниках-сектантах имел широкое измерение: они выселялись на окраинные территории империи, также и в Закавказье, где до 1831 г. не было русских поселений вовсе.

Прежде, чем продолжать разговор о религиозных сектантах, следует прояснить вопрос об этимологии самого слова «секта», поскольку вокруг него накопилось много недоразумений, которые мешают непредвзятому пониманию данного явления.

Известный знаток сектантства А.И. Клибанов разъяснял, что секта – это русская калька с латинского слова *secta*, которое означает сообщество, учение, направление. Семантике этого слова был придан отрицательный знак в кругах Русской Православной церкви, которая стремилась к тому, чтобы под сектантами понимались отбросы церковной истории, а сами сектанты третировались как изгои, религиозные партии⁹³⁶.

⁹³⁴ Великая Н.Н. Указ. соч. С.68.

⁹³⁵ Там же. С.68.

⁹³⁶ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. С.4.

В России в XIX веке сектантство продолжало шириться и умножаться. Специалисты насчитали несколько сектантских направлений, против которых РПЦ и власти оказывались бессильными, несмотря на все их старания. К раскольникам относились беспоповцы, рационалистические и мистические секты. Беспоповцы подразделялись на группы: поморскую или даниловскую, федосеевскую, филипповскую, спасовскую, странническую (бегуны) и немолящихся. Рационалистические секты были представлены духоборцами, молоканами, субботниками, штундистами, баптистами. К мистическим сектам относили хлыстов, скопцов, скакунов, прыгунов. Все эти группы раскола довольно близко и тесно переплетались между собой⁹³⁷.

Долгое время раскольников-сектантов в России преследовали, применяя к ним самый широкий набор насильственных мер. Сама пропаганда раскольничьего учения наказывалась смертью или ссылкой на каторгу. Раскольникам было запрещено занимать общественные должности⁹³⁸. Однако раскол не только не ослабевал, но, наоборот, разросся, пустил корни повсюду, обхватил большую часть России. Как отмечал А.С. Пругавин: «Гонения послужили службу мехов, которые раздули искры в огонь, в страшное пламя, и это пламя охватило половину России»⁹³⁹.

Сходного мнения с А.С. Пругавиным придерживался также известный в России знаток раскола П.И. Мельников-Печерский, который отмечал, что все меры правительства против раскола в течение 200 лет не только не увенчались каким-либо успехом, но число раскольников постоянно только умножалось⁹⁴⁰.

А.С. Пругавин определял сущность раскола, который, по его мнению, представлял собой «целый религиозно-бытовой культ, выработанный и созданный процессом русской народной

⁹³⁷ Пругавин А.С. Раскол и сектантство в русской народной жизни. – М., 1905. С.76.

⁹³⁸ Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С. - Петербург). – СПб., 1898. Т. XXVI. С.286.

⁹³⁹ Пругавин А.С. Указ. соч. С.89.

⁹⁴⁰ Там же. С.60.

жизни. В нем самым поразительным образом перемешиваются идеи и стремления чисто бытового, социального склада и характера»⁹⁴¹.

Церковно-миссионерская концепция РПЦ считала сектантство «каким-то чуждым наростом иностранного происхождения», ибо «истинно русский человек не может быть сектантом»⁹⁴². И далее - «В течение стольких веков эти секты не успели сродниться с русским народом, доселе представляются они большинству его чуждым, несообразным с обычной русской жизнью явлением»⁹⁴³.

РПЦ выдавала желаемое за действительное и тем самым вводила в заблуждение общественное мнение. В обществе широко бытовало представление, что все, например, так называемые рационалистические секты вроде молоканства, духоборчества и штунды, занесены извне, с Запада, что они «совершенно чужды чисто народному русскому духу. Эти секты или ереси, возникнув под влиянием немецких протестантских колоний, не имеют ничего общего с русским расколом»⁹⁴⁴.

Мнение о западном происхождении молоканства и духоборчества нигде не было подтверждено фактами. Более того, «молоканство стало появляться в губерниях, где никогда не было немецких колонистов. <...> Штунда возникла на почве прежнего молокано - духоборчества, поэтому она и отличается совершенно таким же характером, каким отличались молокано - духоборческие секты»⁹⁴⁵.

Возникновение молоканства относится к 60-м гг. XVIII века. Основателем секты был крестьянин Тамбовской губернии Семен Матвеевич Уклеин, который первоначально был сектантом-духоборцем, но затем отделился от этой секты и основал новую, имевшую, между тем, много общего с учением духоборцев. Название молоканства было дано секте тамбовской

⁹⁴¹ Пругавин А.С. Указ. соч. С.9.

⁹⁴² Мельников-Печерский П.И. О расколе. // <http://molokans.ru/?p=99>.

⁹⁴³ Мельников-Печерский П.И. Письма о расколе. Письмо пятое http://centerdialog.ukrsekta.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1184-2011-08-13-09-44-14&catid=29&Itemid=55.htm.

⁹⁴⁴ Пругавин А.С. Указ. соч. С.77.

⁹⁴⁵ Там же. С.78.

консистерией в связи с тем, что сектанты в пост потребляли молоко⁹⁴⁶.

Распространялась эта секта чрезвычайно быстро. Это отмечали все современники-наблюдатели, как русские, так и иностранцы. Часто достаточно было того, чтобы в больших селах появилась одна молоканская семья, чтобы через несколько лет секта охватывала половину селения⁹⁴⁷.

Духовенство РПЦ совершенно не способно было дать нравственный отпор «энергичным проповедникам нового вероучения» и все его действия ограничивались «обращением к помощи полицейских воздействий, что ещё больше подняло его авторитет в глазах народа»⁹⁴⁸.

Молокане, как и духоборцы, относились к категории так называемых «духовных христиан». Исследователи отмечали, что «их трудолюбие, быт, терпение, чистота нравов привлекали внимание многих людей»⁹⁴⁹.

История и судьба сторонников этих двух сект схожа во всем. Сходны генетические и духовные истоки их вероучения, но суть основ его различна, что стало причиной неприязни между ними.

Учение духоборцев в изложении И.Я. Семенова, утверждает три духовных начала – память, разум и волю, которые они называют Богом - отцом, Богом - сыном и Богом - духом, т.е. отец - память, сын - ум, Дух святой - воля. Бог один в этой тройке⁹⁵⁰.

Отношение духоборцев к Богу разъяснял их руководитель П.В. Веригин: «Бог есть жизнь, и присутствует во

⁹⁴⁶ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. С.68.

⁹⁴⁷ Пругавин А.С. Указ. соч. С.64-65; Donald Mackenzie Wallace. Russia, its History and Conditions to 1877. Luigi Villari. Russia - Russia of Today. Boston and Tokyo, J.V. Millet, 1910.

⁹⁴⁸ Пругавин А.С. Указ. соч. С.66.

⁹⁴⁹ Семенов И.Я. История закавказских молокан и духоборов. – Ереван: Авторское издание, 2001. С.6.

⁹⁵⁰ Там же.

всем существующем. <...> Бог <...> есть любовь, с помощью которой держится все существующее»⁹⁵¹.

Для духоборцев главным источником веры было «Откровение», тогда как для молокан таким источником веры была Библия. Знание Библии среди них служило важнейшим свидетельством религиозного совершенства верующего⁹⁵².

Представители этих направлений сектантства стремились к реализации идеи «царства Божия» на земле, предполагавшего, в том числе, равенство и общность имущества. Хотя, следует заметить, что эгалитаристские настроения среди молокан пользовались меньшей популярностью, чем в среде духоборцев. Как отмечает в этой связи И.Я. Семенов, молоканство, в отличие от духоборства, широко распространялось не только среди крестьян, но и среди купечества и мещанства⁹⁵³.

Молокане и духоборцы стремились перекроить жизнь так, чтобы «уничтожить неправду, сплотить всех людей в единую братскую семью, и тем самым утвердить «род на земле» <...> чтобы изобрести простую веру, без всякого обмана»⁹⁵⁴.

Как писал в связи с этим А.И. Клибанов, «религию духоборы и молокане пытались истолковывать рационалистически. <...> «Духовные христиане» пытались перевести религиозные понятия на язык человеческих понятий и чувств, на язык человеческой морали»⁹⁵⁵.

Секты молокан и духоборцев имели активный характер, не мирились с недружелюбной для них действительностью, пытались воздействовать на неё таким образом, чтобы иметь возможность возродить «Божью правду»⁹⁵⁶.

⁹⁵¹ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. С.123; Он же. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. С.68.

⁹⁵² Семенов И.Я. Указ. соч. С.7.

⁹⁵³ Семенов И.Я. Указ. соч. С.7.

⁹⁵⁴ Там же. С.8.

⁹⁵⁵ Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. С.68.

⁹⁵⁶ Семенов И.Я. Указ. соч. С.8.

Одной из основных причин, дававшей повод властям преследовать молокан и относить их к вредным вероисповеданиям, был отказ сектантов молиться за царя и его семью, присягать государю. Свой отказ молокане мотивировали тем, что признавали царем только Царя Небесного. При этом они оставались лояльными подданными империи, не проявляли склонности к неповиновению действующим властям⁹⁵⁷.

Молокане не отвергали существовавших властей, следуя заветам апостола Павла, покорялись им, как скоро они существуют, но не признавали превосходным все то, что исходило от властей, «если собственный наш рассудок не убеждает нас в превосходстве этого»⁹⁵⁸.

Духоборцы же были настроены по отношению к властям менее почтительно. Они признавали монархическое правление «особенно противным своему образу мыслей»⁹⁵⁹.

Кроме того, молокане и духоборцы считали войну делом самым богопротивным, укрывали дезертиров и всяких убежавших от преследования властей, предоставляли им приют в своих общинах.

Опасаясь их вредного влияния на православную паству, правительство Александра I по настоятельной просьбе иерархов РПЦ выдворило молокан и духоборцев в южные новоприобретенные губернии России. Этим сектантам разрешили селиться в Таврии вместе и создавать свои колонии, а также беспрепятственно отправлять свой религиозный культ⁹⁶⁰.

В Таврической губернии русские сектанты были помещены среди живших там со времен Г.А. Потемкина немецких колонистов, от которых молокане и духоборцы переняли способность разумно вести хозяйство и добротню обрабатывать землю.

⁹⁵⁷ Самарина О.И. Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность. Дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004. С.56-57.

⁹⁵⁸ Пругавин А.С. Указ. соч. С.36.

⁹⁵⁹ Там же. С.37.

⁹⁶⁰ Там же. С.20.

Перемены, которые в этой связи произошли в среде раскольников-сектантов, отмечал П.И. Мельников-Печерский, который писал, что «из бесполезных для общества и государства тунеядных отшельников и пустынников превратились они в домовитых, оборотистых и богатых торговцев, фабрикантов и ремесленников, придавших новые свежие силы развитию государственного богатства. <...> Фабричная и торговая деятельность, за которую принялись дотоле утесняемые за свободу совести люди, стала развиваться с очевидным для всех, даже и для упорнейших противников раскола, успехом»⁹⁶¹.

Продолжавшееся между тем своеволие со стороны местных чиновных и духовных властей вынудила лидеров молоканских и духоборческих общин в 1805 году обратиться за содействием к высшим имперским властям. Как ни странно, но они получили поддержку со стороны статс-секретаря М.М. Сперанского и министра внутренних дел В.П. Кочубея⁹⁶².

С подачи этих сановников император Александр Павлович издал 22 июля 1805 г. Манифест, в котором объявлялась милость молоканам и духоборцам. Также было специальное указание военным и гражданским губернаторам принимать меры по наказанию тех, кто будет преследовать членов этих сект, а епархиям, архиереям и приходским священникам предписывалось, чтобы отнюдь в молоканские дома со своими требами не входили⁹⁶³.

Начатая Александром I политика в отношении сектантов не нашла, однако, продолжения у его преемника. В правление императора Николая I гонения на сектантов возобновились с новой силой. Был принят указ, по которому молоканам было запрещено выдавать паспорта и отлучаться от мест, к которым они были приписаны, что затрудняло им занятие торговлей или

⁹⁶¹ Цит. по: Кузмичев А., Керров В. Старообрядчество – источник российского капитализма // Экономика и жизнь. – 2008. №52 (9266); Мельников-Печерский П.И. Письма о расколе. Письмо второе // http://centerdialog.ukrsekta.info/index.php?option=com_content&view=article&id=1184-2011-08-13-09-44-14&catid=29&Itemid=55.htm

⁹⁶² Семенов И.Я. Указ. соч. С.19.

⁹⁶³ Там же.

прирабатывать батрачеством⁹⁶⁴. Молоканам запрещалось нанимать за себя рекрутов из православных, а взятых на военную службу молокан отправляли на Кавказ, в действующую против горцев армию⁹⁶⁵.

Указом от 20 октября 1830 г. молоканам было запрещено расселяться в южных провинциях Российской империи, куда многие из них стремились, но разрешалось селиться в Закавказье. По решению Кавказского комитета для расселения молоканам и духоборцам отводились земли в пограничных с Турцией и Персией губерниях: Тифлисской, Эриванской, Елисаветпольской и Шемахинской.

Первое духоборское поселение за Кавказом появилось в Карабахской провинции в 1831 г. и состояло из бывших донских казаков – Кизил-Кишлак. В 1832 г. появилось и первое поселение молокан в Нахичеванской губернии – Базарчай⁹⁶⁶.

Переселению в Закавказье также содействовали ожидания «конца света», которые распространялись в крестьянской среде. Сбежавший из сибирской ссылки в Бессарабию тамбовский молоканин Лукьян Соколов объявил наступление «конца света» в 1836 году. Он призывал переселяться к горе Арарат, чтобы там, среди избранных, «воздвигнуть Новый Иерусалим и основать тысячелетнее царство, где будет рай, молочные и медовые реки»⁹⁶⁷. Массы крестьян уверовали в мечту о «вечном царствии свободы, справедливости и изобилия», потому тысяч их двинулись на Кавказ⁹⁶⁸.

В то же время наиболее активно образование гражданских поселений русских сектантов за Кавказом приходится на начало 40-х гг. XIX века. Как отмечал В.Д. Бонч-Бруевич: «Огромными обозами шли они с торжеством и весельем, пением псалмов и других духовных песен»⁹⁶⁹. К 1845 года в крае были поселены раскольники разных сект,

⁹⁶⁴ Там же.

⁹⁶⁵ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т. XIII. Отд. 1. № 11184.

⁹⁶⁶ Там же. С. 24.

⁹⁶⁷ Семенов И. Я. Указ. соч. С. 22.

⁹⁶⁸ Там же.

⁹⁶⁹ Бонч-Бруевич В. Д. Избранные сочинения. – М., 1959. Т. 1. С. 295.

преимущественно молокане, духоборцы и субботники, числом до 10000 душ⁹⁷⁰, а всего к концу правления императора Николая I раскольников-сектантов в России насчитывалось не менее 1 млн. человек⁹⁷¹.

Кавказский комитет, со своей стороны, поддерживал меры по водворению в Закавказье русских крестьян, считая их чрезвычайно полезными, как в политическом отношении, что содействовало упрочению там русского владычества и слиянию края с империей, так, особенно, в промышленном отношении, усиливая экономическое развитие края.

Переселение в Закавказский край раскольников, по мнению Кавказского комитета, представляло ещё и другую выгоду тем, что «лишала их способов распространять свои ереси между православного населения внутренних губерний»⁹⁷².

Наместнику только предписали из Петербурга проследить за тем, чтобы поселявшиеся в Закавказье раскольники не располагались вблизи православных из русских, но не запрещали размещать их среди существовавших в том крае христианских исповеданий грузин и армян, а равно и среди колонистов евангелического и реформаторского исповеданий.

В то же время, жившим в кавказских провинциях молоканам разрешили отправлять богослужение по их обрядам, но «без публичного оказательства в соблазне православных»⁹⁷³. Постепенно им начинают выдавать паспорта для поездок внутри империи, молокане получили право заниматься торговлей и промышленностью⁹⁷⁴.

К середине 40-х гг. XIX века из 34 русских селений за Кавказом 30 селений находилось на территории современного Азербайджана. По сведениям корреспондента газеты «Кавказ» на 1 января 1849 г. за Кавказом проживало 3259 семей или

⁹⁷⁰ АКАК. Т.Х. С.119.

⁹⁷¹ Бонч-Бруевич В.Д. Указ. соч. С.295.

⁹⁷² АКАК. Т.Х. С.120.

⁹⁷³ Варадинов Н. История Министерства внутренних дел. Т.8.- СПб., 1863. С.433.

⁹⁷⁴ ПСЗРИ. Собрание 2-е. Т.XVI. Отд.2. №12090; Самарина О.И. Указ. соч. С.30; АКАК. Т.Х. С.124.

19351 человек русских, что составляло 68,3% всех проживавших в Российской империи молокан и духоборов⁹⁷⁵.

При наместничестве князя М.С. Воронцова на смену ограничительной политике в отношении молокан приходит поощрительная политика, так как наместнику необходимы были люди, способствовавшие успехам в освоении Закавказского края.

Было решено на присоединенных пограничных территориях создавать русские поселения, «жители которых бы с оружием в руках, защищая свое имущество, помогали в освоении края»⁹⁷⁶.

Кроме того, это давало возможность сократить численность содержащихся там оккупационных войск и снизить огромные расходы, связанные с содержанием армейских частей, «доведя присутствие армии до размеров обычных военных гарнизонов. Военную оккупацию края надо было заменять полным и мирным владением этих территорий»⁹⁷⁷.

По удостоверению Кавказского наместника, с тех пор, как начали селиться в Закавказье русские крестьяне, «открылась в этом крае, хотя не в большом виде, промышленность, с которою не были там знакомы, явились извозчики, занимающиеся перевозкою разной клади, плотники, каменщики и другие мастеровые, устранилось затруднение в приискании на станции ямщиков»⁹⁷⁸.

Если верить В.В. Керрову, который подчеркивает протестантский рационализм, господствовавший в молоканском и духоборческом общинном быте, то становится понятной та симпатия, которой проникся к ним М.С. Воронцов, участвуя в решении различных вопросов при расселении сектантов на территории Закавказского края⁹⁷⁹.

Эти общины обладали свойством, которое не могло не заинтересовать князя-наместника: «независимо от территорий,

⁹⁷⁵ Сведения приводятся из Самарина О.И. Указ соч. С.48-49.

⁹⁷⁶ Семенов И.Я. Указ. соч. С.23.

⁹⁷⁷ Там же.

⁹⁷⁸ Там же. С.120.

⁹⁷⁹ Керров В.В. Старообрядческие предприниматели // <http://www.hist.msu.ru/labs/Ecohist/OB5/kerrov.htm>.

на которых селились сектанты, они нередко оказывались впереди и в выращивании урожаев, и в оснащении земледелия техникой, и в культуре животноводства»⁹⁸⁰.

Религиозные общины русских сектантов одновременно являлись и хозяйственными организациями, каждая из них в большей или меньшей степени. Деятельность каждого члена общины, «прилежание и благоразумие каждого отдельного верующего находились под контролем религиозной общины, стимулировались и корректировались ею»⁹⁸¹.

Подобно кальвинистам или лютеранам, молокане и духоборцы «объявили деловые успехи критерием нравственного образа жизни человека и даже знаменем его предызбранности к «вечному спасению», осудив как грех празднотворение и тунеядство»⁹⁸².

Среди сектантов зажиточность стала возводиться в ранг добродетели, что сильно стимулировало трудолюбие и бережливость, а моральные максимы, запрещающие зариться на чужое, не красть, не ссориться с окружающими и помогать ближнему не только укрепляли сами религиозные общины, но привлекали большое внимание их местных соседей.

В Закавказье стремились попасть не только ссыльные сектанты, но и добровольцы. Это весьма устраивало администрацию Кавказского наместника, который стремился создавать им благоприятные условия, наделяя значительными по размерам землями и освобождая на определенный срок от уплаты налогов в казну.

Как отмечает И.Я. Семенов, трудолюбие и добросовестность помогли сектантам быстро встать на ноги и обзавестись крепкими хозяйствами. За короткий период они сосредоточили в своих руках перевозку грузов по трассе Джульфа – Эривань – Тифлис, обслуживали внешнюю торговлю между Россией, Персией, Турцией в пределах Эриванской, Елисаветпольской губерний, Карской областью и другими частями Закавказского края. Они наладили и многодневные

⁹⁸⁰ Семенов И.Я. Указ. соч. С.5.

⁹⁸¹ Там же. С.6.

⁹⁸² Там же.

дальние рейсы до Владикавказа⁹⁸³. Закавказские молокане не ограничивались только ролью перевозчиков чужих грузов. Часто они закупали большие партии разнообразных товаров, а потом адресно поставляли их мелкооптовым торговцам.

К радости кавказской администрации трудолюбие и разумное хозяйствование не могло не сказаться на экономике регионов проживания молокан и духоборцев. Тот же И.Я. Семенов отмечал, что в одном только Лорийском районе спустя 20 лет пребывания там сектантов в их селах действовало несколько десятков сыроделен, где вырабатывалось около 10 000 пудов сыра и от 1000 до 2000 пудов сливочного масла⁹⁸⁴.

Трудолюбие, предприимчивость и трезвый образ жизни позволили сектантам обзавестись добротными домами, хорошо питаться и одеваться, «их поселения выгодно отличались от поселений коренных жителей чистотой и благоустроенностью»⁹⁸⁵.

Кавказский наместник и местное начальство, «видя громадную пользу, приносимую трудолюбивым и трезвым населением, смотрело сквозь пальцы на тот факт, что у молокан установились тайные сношения с прежней родиной, откуда потянулись к ним беглецы»⁹⁸⁶.

Успехи хозяйственного и культурного освоения края, его преобразования на российский лад были главнее религиозных разногласий. Кроме того, сектанты, сохранявшие верность своему молоканскому вероисповедальному толку, «отличались корректностью и исполняли беспрекословно все правительственные распоряжения и требования»⁹⁸⁷, оставались единственными русскими в этом крае, с помощью которых только и можно было надеяться укоренить имперский дух и порядки среди пространств и населения, долгое время остававшихся враждебными России.

⁹⁸³ Семенов И.Я. Указ. соч. С.26.

⁹⁸⁴ Там же. С.27.

⁹⁸⁵ Там же. С.33.

⁹⁸⁶ Там же. С.26.

⁹⁸⁷ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. С.166.

Большую помощь и покровительство молоканам оказывал сам Кавказский наместник князь Михаил Семенович, в честь которого и членов его семьи в благодарность за содействие и «ласковость» молокане назвали свои селения – Воронцовка, Елизаветинка, Еленовка.

Более того, покровительство князя-наместника способствовало тому, что Воронцовка, располагавшаяся в Борчалинском уезде Тифлисской губернии, очень скоро после своего основания в 1846 г., сделалась религиозным центром молоканства в Закавказье⁹⁸⁸.

Князь-наместник совершенно не обращал внимания на их религиозные противоречия с РПЦ, хотя сам был православным. Наместник был, прежде всего, рационально мыслящим администратором, который увидел в молоканах знакомый ему по его европейскому прошлому человеческий материал, способный не только понять, но и содействовать его преобразовательным планам.

В этом были основания симпатии к молоканам со стороны Кавказского наместника. Он содействовал тому, чтобы жители с. Воронцовка, испытывавшие недостаток земли, смогли в 1847 г. арендовать у князя Макария Орбелиани 5 250 десятин земли⁹⁸⁹.

Эти земли стали фундаментом экономического процветания насельников с. Воронцовки, которые в последующие годы выкупили всю арендованную ими землю и приобрели сверх того еще 2000 десятин полевой земли и 1000 десятин леса⁹⁹⁰. Воронцовские молокане также стали пионерами в Тифлисской губернии по организации и ведению хозяйства по фермерскому типу.

С этой точки зрения молокане играли в крае ту роль, которую российские власти рассчитывали получить от немецких колонистов – хозяйственных культуртрегеров, преобразующих социально-экономическое пространство на основаниях русско-европейского модерна.

⁹⁸⁸Семенов И.Я. Указ. соч. С.32.

⁹⁸⁹Клибанов А.И. Указ. соч. С.160.

⁹⁹⁰ Там же.

Социально-экономического эффекта от немецких колонистов за Кавказом в той мере, на которую рассчитывали имперские власти, добиться не удалось, хотя пребывание там немецких колонистов не было бесполезным. Они сыграли весьма важную политико-экономическую роль: возделывали ранее не культивируемые земли и заселили пространства, которые не достались враждебным России народам, а кроме того, способствовали расширению границ христианского вероисповедания.

Управление лютеранским духовенством было сосредоточено в Тифлисе в Церковном совете, учрежденном из почтенных лиц этого вероисповедания, а в немецких колониях избрали особого обер-пастора, которые осуществляли свои действия на основании общего устава лютеранских церквей в империи. Для лучшего надзора за лютеранами с 1848 г. было признано прекратить вызов иностранных проповедников в эти колонии и заменить все должности «русскоподданными»⁹⁹¹.

В целом религиозный вопрос в деятельности кавказской администрации в 40-50 е гг. XIX века занимал одно из первостепенных мест. Он заключался не только в том, чтобы стоять на стороне единственно православной веры; или в том, чтобы избегать каких – либо ненужных столкновений с представителями и приверженцами иных вероисповеданий; или в том, чтобы показать, что российские власти не собираются препятствовать их обычаям и правам, но, прежде всего в том, чтобы способствовать укреплению позиций и множить число приверженцев России в Кавказском крае.

Кроме того, власти надеялись, что распространение и возобновление христианства среди горских народов, приведет к нравственному обновлению и исправлению способов их жизни. Российские власти стремились оказать духовное воздействие на умы и души ещё колеблющихся в вопросах веры горцев с тем, чтобы оживить в них христианские добродетели и христианский образ мысли, и тем самым, добиться понимания сути и духа русского мира, сблизить их с Россией.

⁹⁹¹ АКАК. Т.Х. С.900.

2.3. Кавказский наместник в системе этнических и социальных процессов в крае

Князь М.С. Воронцов, облеченный властью царского наместника, в течение 10 лет заботился о достойном исполнении возложенного на него императором предначертания. Его усилия распространялись на многие сферы кавказской жизни, которые могли контролироваться имперскими властями, и были направлены, в том числе, на то, чтобы ослабить и изжить рознь, существовавшую между русскими и горскими народами. Он стремился укоренить в умах разнородных и разноплеменных обитателей Кавказского края веру в то, что все они суть «дети одной общей матери России, принявшей их под свою сень»⁹⁹², приучить их к тому, что только новый порядок и законность могут обеспечить их собственное благосостояние.

Князь М.С. Воронцов, осуществляя предначертанное ему императором Николаем I, покровительствовал местному многонациональному населению (прежде всего за Кавказом), стремился адаптировать к новым условиям их традиции, обычаи, сложившиеся порядки, обогатив их имперскими смыслами⁹⁹³.

М.С. Воронцову не было свойственно пассивное созерцание действительности или создание теоретических программ её улучшения. Он стремился активно участвовать в устройстве и организации жизни⁹⁹⁴.

Ему предстояло переформулировать сложившиеся основы социального пространства, застывшего в своей локальности, вывести его из вековой замкнутости, преобразовав в открытую структуру, способную воспринимать инновации без предубеждения и враждебности. Им создавались условия, которые должны были способствовать тому, чтобы «обычаи и традиции сменила власть закона и порядка»⁹⁹⁵, чтобы имперская

⁹⁹² Замечания М.П. Щербинина о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. - 1872. №3. С.708.

⁹⁹³ Манько А.В. Выдающиеся деятели XIX века. – М., 2003. С.89.

⁹⁹⁴ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.365.

⁹⁹⁵ Чжунг Сечжин. Идеология и характер исламского государства на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2013. №9. С.78.

социально-культурная структура стала естественным основанием существования кавказского мира. Но для этого нужно было культивировать взаимопонимание, терпимость, взаимовыгоду в отношениях между империей и Кавказом.

М.С. Воронцов понимал, что «многоликий, формировавшийся веками этнический и культурный мир Кавказа не способен в принципе стать абсолютно русским», но «его можно превратить в неотъемлемую часть Российской империи»⁹⁹⁶, хотя это потребует много трудов и времени.

Там, где речь шла об изменениях самого образа жизни и цели её у кавказских народов, князь М.С. Воронцов столкнулся с обстоятельствами, которые впитывались Кавказом с глубокой древности из различных восточных по своей природе источников.

Потому предстояла труднейшая работа по внедрению в головы людей иного мировидения, в котором человек и власть приобретали новую сущность, новое назначение, отличное от восточных и традиционных, о которых предупреждал в личных беседах давний приятель М.С. Воронцова генерал А.П. Ермолов⁹⁹⁷.

Речь, прежде всего, шла о том, что Кавказ как часть Востока, впитал в себя от османов и персов все виды деспотизма и отсутствие твердых законов. Здесь свыклись с отсутствием безопасности для каждого и всех, а также отсутствию неприкосновенности частной собственности. Кроме того, у жителей Кавказа, как и на всем Востоке, отсутствовало стремление к общему благу и общественной пользе.

Предстояла долгая работа, способная внушить кавказским народам новые для них общественные стремления, научить их видеть в качестве своей родины не только горы или аулы, но всю Россию. Предстояло внести в понятие их чести не столько удальство, сколько служение императору и научить представлять империю. Предстояло ввести кавказские элиты на

⁹⁹⁶ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. С.326..

⁹⁹⁷ Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2011; Гордин Я.А. Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. С.117-118.

равных в состав имперской элиты и обязать их сословной корпоративностью, которая замыкалась бы на императоре Всероссийском. Предстояло преобразовывать не только жизнь и быт, но сам строй мыслей и чувств. Предстояло предъявить новые духовные ориентиры и образцы для подражания, выявить новые святыни и ценности, дорогие всем и каждому жителю Российской империи. Предстояло вырастить людей (элиты), которые бы приняли имперский патриотизм, заменив им приверженность к прежнему и естественному для них местному патриотизму, противоречившему основам имперского устройства.

Князь М.С. Воронцов понимал огромность и сложность задачи, стоящей перед ним, но он верил в возможность перемен, расширял, сколько возможно, преобразовательную и воспитательную деятельность во имя доверия императора Николая Павловича, своих амбиций и блага Отечества, уповая на Бога, чтобы способствовал его миссии.

Само внедрение имперских порядков на Кавказе воспринималось в Петербурге, который во всем покровительствовал князю-наместнику, как необходимое средство сближения местных народов с Россией, а имперская идея служила консолидирующим фактором в многонародной среде⁹⁹⁸.

Одновременно князь М.С. Воронцов внимательно следил за тем, чтобы прибывавшие в Кавказский край из России люди не теряли каким-либо образом своего статуса и прав, которыми их наделяли имперские законы, а сами законы не теряли своей однозначной императивности на кавказской земле.

Так, в 1847 г. князь-наместник уведомлял министра юстиции графа В.Н. Панина о выявленном нарушении законности, состоявшем в том, что по всей Кавказской линии и в Черномории стали появляться крепостные люди – мужчины, женщины и дети – купленные в России местными кавказскими чиновниками и офицерами для личной им службы. Большинство покупателей не имели земли, пригодной для обработки, тогда

⁹⁹⁸ Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. – СПб., 1888. Т.6. С.449.

как наличие земли было легальным основанием для сделок такого рода. По этой причине эти крепостные люди должны, в соответствии с законом от 1833 г., поскольку были проданы и куплены «беззаконно», получить полную свободу, но не получили её⁹⁹⁹.

Князь М.С. Воронцов просил министра юстиции разобраться с этим вопиющим нарушением законности, поскольку непринятие мер в данном вопросе повлекло бы за собой усугубление ситуации, придало пагубному явлению массовый характер.

Кроме того, наместник высказал недоумение в связи с существовавшим тогда правилом, по которому, несмотря на то, что «как скоро правительство признало человека незаконно проданным, не считать его вольным, а возвратить прежнему господину, тому, который продал его незаконно». Из-за этого ничего нельзя сделать против данного «ужасного злоупотребления, оно будет постоянно увеличиваться в наших странах»¹⁰⁰⁰.

М.С. Воронцов также сообщал графу В.Н. Панину, что по его, наместника, инициативе «в обоих краях, управлению моему вверенных, несколько сот человек уже получили таким образом свободу, и в каждом из этих случаев продавец или покупатель были жестоко наказаны»¹⁰⁰¹.

Князя-наместника возмущало то, что после объявления таких сделок незаконными, проданных людей отправляли, «как преступников, по пересылке настоящим преступникам – тем, которые их продали»¹⁰⁰².

Это обстоятельство, по мнению наместника, уничтожало все, что правительство ранее сделало полезного в отношении крепостных людей, и «ставит помещиков наравне с владельцами негров Южной Америки и поощряет в наших южных губерниях до неимоверной степени продажу людей, как рабочего скота»¹⁰⁰³.

⁹⁹⁹ АКАК. Т.Х. С.14.

¹⁰⁰⁰ Там же.

¹⁰⁰¹ Там же.

¹⁰⁰² АКАК. Т.Х. С.14.

¹⁰⁰³ Там же.

В феврале 1848 г. Кавказский комитет постановил, согласившись с мнением министра юстиции, высказанного в ответ на отношение Кавказского наместника, что закон от 1833 года о приобретении крепостных людей не иначе, как с землею, должно распространить по Закавказскому краю. Сделать это на будущее, и не применять за прошедшее время к лицам, приобретающим крепостных людей «в противность указа 1833 года»¹⁰⁰⁴. Всех лиц, которые приобретали крепостных в нарушение означенного закона, освободить от всякой ответственности.

Крепостным людям, которые были куплены с нарушением закона, предоставлялась свобода от крепостной зависимости с тем, однако, условием, чтобы их приобретателям была выплачена компенсация из казны. Соответствующие суммы предстояло взыскивать с присутственных мест за Кавказом, которые были обязаны действовать на основании общих законов империи, «но позволили совершать крепостные акты в противность закона 1833 года»¹⁰⁰⁵.

Такое решение совершенно согласовывалось с духом социальной политики, проводимой высшими государственными властями, ставившими приоритетными права помещиков. Министр юстиции граф В.Н. Панин, являлся примерным воплощением такого подхода.

По мнению К.П. Победоносцева, со второй четверти XIX века «живое отношение его (правительства – С.Л.) к народу вовсе прерывается, и первое как будто становится для последнего чем-то чуждым и враждебным, потому что повсюду чувствует он на себе только гнетущую, обирающую руку власти»¹⁰⁰⁶.

В связи с этим действия князя М.С. Воронцова в какой-то степени шли вразрез с официальной линией. Однако надо отметить, такие действия не были фрондой, а определялись

¹⁰⁰⁴ Там же. С.21.

¹⁰⁰⁵ Там же.

¹⁰⁰⁶ Победоносцев К.Н. Граф В.Н. Панин. Министр юстиции // Голоса из России. – Лондон, 1859. Кн.7 //URL :http://dugward.ru/library/pobedonoscev/pobedonoscev_graf_v_n_pandin.html

исключительно прагматическим подходом к ситуации. Князя М.С. Воронцова вообще трудно было бы заподозрить в необдуманности или поспешности в каком-либо деле. Любая поспешность не согласовывалась с самим духом совершенно рационалистической природы князя.

В данном случае он выступал с позиций практического реформатора, которому предстояло внедрять в кавказский мир основания имперской структуры. Вносимые инновации не могли нести в себе изъяны, способные дискредитировать саму идею благодати имперской модернизации.

Рассматривая данную ситуацию с крепостными людьми, оказавшимися за Кавказом в нарушение существовавшего закона, князь-наместник понимал, что эти люди, скоро лишались средств к существованию, так как их новые владельцы не могли обеспечить их таковыми в должной мере, и вынуждены были прибегать к неблагоприятным действиям. Это бросало тень не только на самих нарушителей предписываемых и внедряемых в местное общество порядков, это подрывало основания доверия со стороны жителей Кавказа к необходимости и справедливости привносимых нововведений.

Основной площадкой приложения усилий князя-наместника оставалась Грузия, бывшая тем центром, в политическом и этно-социальном пространстве которого производились и опробовались предлагавшиеся Кавказу инновации.

В то же время, в Закавказском крае реализовывались не просто адаптационные меры, которые могли подстроить местную структуру к структуре империи, но там создавалась сама имперская структура на кавказском материале.

Князь М.С. Воронцов был озабочен тем, чтобы из местной сословной основы вылепить социальную основу имперского содержания, при помощи которой российская имперская государственность и социум приобрели бы в крае законченную форму и правовое обоснование.

Сложность ситуации состояла в том, что, по мнению З.Д. Авалова: «Грузины – народ, состоявший из дворян, духовенства и крестьян – всех одинаково поработанных всяческой рутинной – так привык к формам и явлениям жизни, не изменявшимся

веками, этот консервативный народ не мог предвидеть какая коренная и всесторонняя ломка его ожидает. <...> Народ во всех отношениях иррегулярный, они не могли сразу сжиться со строгостями такого полицейского государства, каким была Россия»¹⁰⁰⁷.

Неудивительно, что грузины «почувствовали себя на первых порах очень жутко, когда очутились лицом к лицу с государственностью иного масштаба»¹⁰⁰⁸ и устройства, чем все, с чем они свыклись.

В этой связи прояснение и определение параметров социальной структуры местного общества виделось как важнейшая проблема и важнейшая переменная составляющая обновляющегося общественного здания. Элементы старой Грузии разрушались постепенно: «сначала пало царство и царь, затем самостоятельная церковь, наконец, медленно, но, всё ускоряясь, шло распадение старых сословий, старых форм хозяйствования, старых суеверий, нравов, обычаев»¹⁰⁰⁹.

По ходатайству князя-наместника для разбора ситуации, сложившейся вокруг княжеских и дворянских родов в связи со всеми пертурбациями, произошедшими за Кавказом с 1801 г., в Петербурге в марте 1846 г. согласились с необходимостью создания особых временных комиссий в Тифлисе и Кутаисе. Эти комиссии должны были внести ясность и порядок в утверждение известных лиц в княжеском и дворянском достоинстве¹⁰¹⁰.

М.С. Воронцов считал, что решение этого вопроса будет благом не только для самих представителей грузинской элиты и избавит местные княжеские и дворянские фамилии от шаткого положения, в котором они оказались из-за неподтверждения их прав в ситуации слома прежней социально-политической структуры и медленного утверждения структуры имперской, но

¹⁰⁰⁷ Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России / Комментарии Г.А. Анакидзе и Б.П. Миловидова. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2009. С.143.

¹⁰⁰⁸ Там же.

¹⁰⁰⁹ Там же. С.144-145.

¹⁰¹⁰ АКАК. Т.Х. С.851.

станет большим содействием скорейшей работе имперских порядков в крае¹⁰¹¹.

По мнению князя-наместника, «это дело по важности своей и по последствиям сильно будет содействовать слиянию Закавказья с Россией и останется на вечные времена памятником благополучного царствования» императора Николая I¹⁰¹².

При том, что князь-наместник выказывал явную заинтересованность в данном вопросе и даже нетерпение, когда торопил князя А.И. Чернышева, как главу Кавказского Комитета, содействовать этому делу и протезировать его перед императором, сам ход разбирательства не отходил от принципов добросовестности. Оберегая сословную чистоту, наместник не мог допустить попадания в ряды дворянства, самозванных аристократов.

Доказательством этому могло служить то, что названные комиссии отказали «из числа отыскивающих права на княжеское и дворянское достоинство <...> по Тифлисской губернии 677, а по Кутаисской губернии 668 фамилиям»¹⁰¹³.

В Гори также была учреждена комиссия для разбора споров, возникавших между князьями и княжескими дворянами, освобожденными от их зависимости.

Предшественникам М.С. Воронцова также приходилось заниматься этим вопросом, но их усилия не увенчались успехом. Споры между князьями и дворянами продолжались: одни предъявляли завышенные претензии и права, другие претендовали на полную свободу от бывших обязательств. Созданные ранее 13 третейских судов, которые должны были окончательно покончить с распрями, не достигли цели.

Князь М.С. Воронцов был более удачлив. Учрежденная им особая временная комиссия в Гори (1846 г.) действовала с завидным успехом и через два года окончила половину спорных дел между тяжущимися сторонами по поводу окончательного определения прав на имения.

¹⁰¹¹ Там же. С.49-50.

¹⁰¹² Там же. С.851.

¹⁰¹³ Там же. С.49-50.

Князь-наместник был доволен, поскольку окончание этого многосложного дела ставило на прочный фундамент права собственности и владения «многих из почтеннейших здешних княжеских и дворянских фамилий»¹⁰¹⁴.

М.С. Воронцов нашел действенный инструмент решения сложной задачи подтверждения прав состояния и поземельного владения княжеских и дворянских родов. Местные проблемы поручалось разрешать местным авторитетным людям, тем самым, снимая с российской стороны обвинения в предпочтениях и несправедливостях.

Для придания порядка в управлении местными грузинскими дворянами, подтверждения статуса каждого из претендентов на дворянское звание в 1846 г. были проведены выборы среди дворянства, после того, как были составлены правила, «сообразовавшиеся с уставом о службе, изложенными в своде законов Российской Империи», но с некоторыми изменениями, «оказавшимися необходимыми по местным обстоятельствам»¹⁰¹⁵.

Опыт применения данных правил и полученные результаты оказались настолько удовлетворительными, что позволили провести выборы быстро и без всяких эксцессов.

По предложению князя-наместника, например, «имеретинцы, соединенные одною мощною державою суть ровные дети одного отца»¹⁰¹⁶, избрали губернским предводителем князя Левана Гуриели. То же происходило во всех других частях грузинских земель.

Учрежденным дворянским собраниям по просьбе Кавказского наместника предоставили право выдавать свидетельства на княжеские и дворянские достоинства, подготовленные упраздненными к 1850 г. временными комиссиями. Эти свидетельства обладали правоспособностью дворянских грамот.

Кутаисскому губернскому дворянскому собранию поручалось также провести разграничение имущественных прав

¹⁰¹⁴ АКАК. Т.Х. С.853.

¹⁰¹⁵ Там же.

¹⁰¹⁶ Там же.

между имеретинскими и гурийскими тавадами и принадлежавшими им азнаурами. Для преодоления часто возникавших несогласий наместник собирал совещания депутатов от сторон, участвовавших в данном процессе, склонял их к поиску компромиссов.

Из-за множества местных особенностей наместник не мог немедленно приступить к изменению коренных обычаев края, сложившихся в отношениях между помещиками и зависимыми от них людьми. Ситуация усугублялась и связывала руки наместнику тем, что внутри самой России повинности крестьян в отношении к помещикам «еще совершенно не определены и меняются, исходя из местных обстоятельств»¹⁰¹⁷.

Князь М.С. Воронцов не обладал полномочиями предвосхищать направления развития социальной политики российского государства, которые оставались прерогативой монархической власти. В связи с этим наместник считал, что лучше до времени оставить вопрос о крепостном праве в Закавказском крае в прежнем состоянии, но не упускать возможности и удобного случая для проведения перемен. Определенным шагом могло быть распространение на Закавказье общих постановлений о крепостном праве, бытовавших в России¹⁰¹⁸.

В то же время князь-наместник не препятствовал Кутаисскому губернатору генералу К.Я. Белявскому на его личных совещаниях с имеретинскими и гурийскими помещиками узнать их образ мыслей на этот счет. Князь М.С. Воронцов считал, что делу можно было бы придать ускорение, после получения письменных соображений местных помещиков и отзывов на их счет со стороны крестьян, «которые легко можно было бы узнать посредством частных контактов с ними и объявления им точки зрения их помещиков»¹⁰¹⁹.

В этом случае российские власти более просят существовавшие обстоятельства и те положения, которые вызывали затруднения. По мнению князя-наместника, действуя

¹⁰¹⁷ Там же. С.25.

¹⁰¹⁸ Там же.

¹⁰¹⁹ Там же.

таким образом, можно постепенно достичь предполагаемой цели, не нарушая «коренных обычаев края и не возбуждая правительственными мерами ропота и негодования»¹⁰²⁰.

Это было важно для общего спокойствия края и его будущности в составе Российской империи, поскольку затягивание неопределенности в данном вопросе подавало «повод, с одной стороны, крестьянам уклоняться от исполнения разных повинностей, а с другой, помещикам – изыскивать предлоги к притеснению подвластных, иногда и к насильственному отнятию их имущества»¹⁰²¹.

Из-за этого происходили с обеих сторон жалобы, ссоры и тяжбы, ставившие местное кавказское начальство в сложное положение, так как в силу отсутствия окончательной ясности вопроса о крепостном праве в России, трудно было находить пути приемлемых решений в данной ее части.

Данный вопрос был запутанным и трудным к исполнению, хотя правительство обратило на него внимание ещё в 1826 г. Несмотря на то, что все прежние главные кавказские начальники занимались им, но окончательного решения добиться до 1848 г. не удавалось.

Князь М.С. Воронцов предпочитал выстраивать имперскую по своей сути социальную структуру не только на фундаменте местного формата (другого у него по определению быть не могло), но и руками местных общественных сил. К этому его вынуждали обстоятельства и наличные ресурсы.

Во-1-х, под рукой у наместника не было достаточного количества имперских чиновников, хорошо разбиравшихся в хитросплетении вековых сословных, правовых, поземельных и иных традиционных отношений, бытовавших в Грузии.

Во-2-х, формируя и выделяя избранную часть местного сообщества, выказавшую свою лояльность империи, наместник подготавливал силы не только готовые к сотрудничеству, но и способные стать проводниками российского модернизма в ареале местного социально-культурного пространства.

¹⁰²⁰ Там же.

¹⁰²¹ Там же.

Князь М.С. Воронцов способствовал, будучи уполномоченным представителем имперского центра, как подтверждению высокого статуса грузинской аристократии, который ею был в определенной степени утрачен, так и предложил местным аристократическим фамилиям сделаться частью имперской аристократии, приобрести новую силу на службе российской монархии.

Вместе с новым общественным состоянием откликнувшиеся на обольщения князя-наместника местные дворянско-княжеские сословия приобретали возможность решения многих и многолетних собственных неурядиц, а также разрешить существовавшие в туземной среде конфликты интересов в свою пользу.

До определенной степени М.С. Воронцову помощником сделалось социально-политическое состояние и степень организационного развития, в котором находились грузинские царства. Здесь, например, как и в России господствовали крепостнические отношения между дворянством и крестьянами. Эти отношения освящались древностью и опирались на прочные основания. С другой стороны, крепостнические права местных дворян имели свойство дикости нравов. Права князей были неограниченными и часто касались самой жизни крестьян.

Многие крестьянские семьи с древних времен были обязаны ходить на войну вместе со своими господами, другие – присматривали за господскими лошадьми. В горных частях края – крестьяне обязывались доставлять в дом помещика в известное время года рыбу, приносить общеобязательные взносы, каждый в согласии с собственным достатком, когда в господском доме была свадьба, рождение детей, похороны и др.

Князья весьма часто применяли насилие и наезжали «вооруженною рукою для взыскания того, что они считали им должным»¹⁰²². Поборы эти при таких обстоятельствах производились с излишком.

С приходом России за Кавказ такие права и обычаи были немедленно уничтожены. На что немедленно отреагировали крестьяне. Они увидели в перемене правил умаление прав их

¹⁰²² АКАК. Т.Х. С.878-879.

бывших господ и перестали считать себя обязанными исполнять в их пользу «более или иначе того, чем повинны были их предки»¹⁰²³.

Среди помещичьих крестьян усиливалось стремление «к отысканию вольности»¹⁰²⁴. Этому в какой-то мере способствовали требования имперских властей, пытавшихся внести ясность и восстановить работоспособность местной крепостнической системы.

В 1849 г. вводилось правило предъявлять крестьянами доказательства свободного состояния их предков, а также право подачи исков о получении свободы из-за отсутствия документов, подтверждающих права помещиков¹⁰²⁵.

Создавшиеся обстоятельства значительно усложняли задачу князя-наместника. Поэтому определение законного уровня повинностей в разных местах за Кавказом было делом нелегким и требовало крайней осмотрительности, чтобы не раздуть существующих разногласий.

Князь М.С. Воронцов предлагал Николаю I отложить данный вопрос на 2 года, до межевания земель. Он считал, что через несколько лет ситуация переменится, станет удобнее браться за дело, «когда нравы и обычаи более и более сблизятся с российскими»¹⁰²⁶.

В 1850 г. было найдено решение по сложнейшему вопросу – отношениям грузинских князей Мачабели с осетинами, которых семейство Мачабели считало себе подчиненными, а те отказывались признавать такую подчиненность.

Осетинские крестьяне открыто сопротивлялись притязаниям Мачабели в 7 ущельях Осетии. Имперские власти вынуждены были не один раз подавлять крестьянское сопротивление с помощью войск.

Не удавалось решить этот вопрос и в судебном порядке. Горные осетины не подчинялись и не исполняли предписаний судебных инстанций, не подкрепленных военной силой.

¹⁰²³ Там же. С.879.

¹⁰²⁴ Там же.

¹⁰²⁵ Там же. С.880.

¹⁰²⁶ АКАК. Т.Х. С.880.

Полумерой было по указу Правительствующего Сената изъятие непокорных осетин из владений князей Мачабели. Проблема казалась неразрешимой, поскольку имперские власти не отказывали княжеской фамилии в её праве на владение землями, населенными осетинами, которые, в свою очередь, считали эти земли по праву давности своими, а себя свободными.

Князь М.С. Воронцов предложил компромисс. Он просил императора Николая I назначить потомственную пенсию князьям Мачабели в размере 6000 р. с. взамен отчужденных от их зависимости осетин, которых перевести в казенное ведомство, а право владения землей оставить за Мачабели¹⁰²⁷.

Земельный вопрос за Кавказом оставался многолетней проблемой для имперских властей, поскольку был связан и включал в себя не только экономическую составляющую, но определял сословное состояние местных жителей и их жизненные виды на будущее в отношениях с российским государством.

В первое время пребывания учреждений русского правительства за Кавказом, начиная с 1801 г., сопровождалось и вынуждалось, по необходимости, захватом большого количества частных земель, отводившихся под полковые штабы, казачьи посты и другие военно-административные и хозяйственные нужды. Фактическим владельцем этих земельных участков сделалось военное ведомство.

До 1848 г. прежние частные владельцы земельных участков, конфискованных под правительственные нужды, оставались без компенсации. В то же время сама ценность этих участков была столь значительной, что у местных кавказских властей не было наличных средств для «справедливого вознаграждения владельцев»¹⁰²⁸.

Долгое время имперские учреждения (палаты государственных имуществ), придерживаясь российских законоположений и слепо следуя им, способствовали росту конфликтности и недовольству за Кавказом. Чиновники этих

¹⁰²⁷ Там же. С.879.

¹⁰²⁸ Там же. С.31.

учреждений, формально, исходя из буквы законов, стремились «уничтожить почти всю частную собственность в здешнем крае»¹⁰²⁹.

Более того, увлекаясь мыслью об увеличении казенной собственности, палаты госимуществ стали покушаться на права частных владельцев «совершенно ничтожных по ценности и размерам мелочных угодий»¹⁰³⁰, которые отнимались у владельцев в административном или судебном порядке.

Эти действия вызвали социальные потрясения за Кавказом, привели к всеобщему ропоту местных жителей и сильно умаляли достоинство имперских властей, которым повсеместно отказывали в доверии.

Земельные споры, разбиравшиеся в судебном порядке, всегда выигрывала казна, поскольку её права «преследовались деятельно и сильно ограждались законом»¹⁰³¹. В то время, как права частных лиц оставались без внимания.

Князь М.С. Воронцов был одним из немногих высших государственных чиновников, выступавших за гармонизацию отношений и прав правительства и частных лиц. По его распоряжению были приведены в порядок дела, связанные с использованием казенными лесами в Эриванском, Александропольском и Нахичеванском уездах.

Им были прекращены процессы и возвращены частным лицам мелкие владения, состоявшие из какой-нибудь сакли, именовавшейся в документах домом, или из нескольких деревьев, называвшихся садом, или из нескольких квадратных сажень земли, именовавшихся пахотными или сенокосными землями¹⁰³².

Это мелочное и ничтожное имущество продавалось с публичных торгов на глазах бедных жителей, у которых они были отняты и «которые, не постигая, чтобы правительство могло серьёзно приобретать несколько десятков рублей, разоряя

¹⁰²⁹ Там же.

¹⁰³⁰ Там же.

¹⁰³¹ Там же. С.32.

¹⁰³² Там же. С.34-35.

семейства, лишая их последнего достоинства, справедливо видели в этом притеснительные действия»¹⁰³³.

Наместник понимал, какой вред причинялся «русскому делу» от такого рода попечительства государственными интересами. Несправедливость, возведенная в ранг государственной политики, разрушала те еще немногие социальные основания, которые удалось с большим напряжением сил возвести на местной кавказской почве.

Наместник считал, что «эти действия нанесли стыд правительству в глазах соседей, персиян и турок, которые указывают на них, как на ясное доказательство угнетения русского правительства»¹⁰³⁴.

Князь М.С. Воронцов повел дело так, чтобы навсегда устранить столь пагубные проявления пренебрежения частными интересами, которые на кавказской почве трактовались неизбежно и одновременно как этническое и социальное пренебрежение.

Посредством военных губернаторов он собрал полные сведения о землях, каждой закавказской губернии. Соблюдая интересы казны, им одновременно были пресечены пагубные «усердия», которые вели к тому, что отбирались без всякого права разные участки, принадлежавшие частным лицам, или заводились без всяких доказательств ничтожные споры с местными помещиками¹⁰³⁵.

В то же время наместник употребил много усилий для приобретения в казну действительно ценного имущества, позволявшего государственным структурам контролировать ход местной хозяйственной и социально-политической жизни.

К таким приобретениям следовало отнести Бакинские нефтяные и соляные промыслы, Сальянские и другие рыбные заводы, Кульцинские и Нахичеванские месторождения каменной соли, обширные земли в Дербентской губернии и дубовые леса в Имеретии¹⁰³⁶.

¹⁰³³ Там же. С.35.

¹⁰³⁴ Там же.

¹⁰³⁵ Там же. С.36.

¹⁰³⁶ Там же.

Все эти приобретения были сделаны в согласии с существовавшим законоположением и учетом интересов, как государства, так и частных лиц. После этого споров и тяжёбных жалоб по вопросам о нарушении владельческих прав не наблюдалось.

Претворяя в жизнь принцип: интересы России и интересы Кавказа едины, князь-наместник проявлял осторожную настойчивость в реализации социально-политических предприятий, стремясь так устроить дело, чтобы сохранять основания традиционным в кавказской среде статусам и правам, и в то же время, чтобы традиционность работала в новой ипостаси и служила фундаментальным основам общей государственности.

Он хорошо понимал, что пока жители Кавказа видели, как те, кто решил связать свою судьбу с Россией, вели жизнь не лучше тех, кто продолжал противостоять империи, до тех пор многие будут противиться до последней крайности. В этой связи социально-экономические успехи тех, кто решил довериться империи, не меньше русской храбрости и оружия могли ускорить окончательное покорение гор и сделать его прочным.

Армяне были среди тех, кто сознательно выбрал сторону России. На протяжении многих десятилетий они просили российские власти о покровительстве и защите, добивались разрешения поселиться в пределы империи из сопредельных стран – Османской Порты и Персии.

Российские имперские власти не только не препятствовали этому стремлению армян, но, отчасти, даже инициировали его, как это было, например, во время правления императрицы Екатерины II, которая благоволила их переселению в Новороссию. Желая иметь на южных рубежах империи твердые основания, российские власти содействовали переселению в данный регион различным христианским народам, в том числе армянам.

Император Павел I, несмотря на то, что был противником многих начинаний своей венценосной матери, в армянском вопросе проявлял с ней солидарность, и продолжал им покровительствовать. Следует подчеркнуть, что

последующие российские императоры Александр и Николай Павловичи не изменяли этого отношения к армянам.

В какой-то степени и в данной связи имперская политика на южных окраинных территориях страны, можно сказать, была отчасти проармянской, во всяком случае, армяне-переселенцы всегда находили понимание и благорасположение с российской стороны. Создавая пояс лояльного России населения вдоль южной границы, имперские власти поощряли иммиграцию армян так, «что русские владения на Кавказе становятся центром их собирания»¹⁰³⁷.

Этой же линии придерживался князь М.С. Воронцов, хорошо знавший не только волю императора Николая I, но армян, имея давние с ними связи в лице католикоса Нерсеса V Аштаракети и многими армянскими предприимчивыми людьми.

Наместник Кавказа высоко ценил деловые качества армянских предприимчивых людей, чьи способности были ему необходимы в деле хозяйственного обустройства Кавказского края.

А потому, когда неожиданно возникли обстоятельства, ущемлявшие права армян, дарованные им высшими властями, князь Воронцов незамедлительно предпринимал необходимые шаги, в рамках своих компетенций, для исправления возникавших затруднений.

В 1799 г. по указу Павла I армянам-переселенцам из Персии были предоставлены особые льготы. Они были «уволены от податей и служб, какого бы они звания ни были на 10 лет»¹⁰³⁸. Потом должны были платить в казну: купечество с капиталов – 1% с рубля; мещане и цеховые – по 2 рубля со двора, а поселяне – по 5 копеек с десятины навсегда¹⁰³⁹.

Император Павел освобождал армян навечно от отдачи в рекруты, платежа рекрутских денег и от постоя. Велел наделить их 30-ти десятинною пропорцией земли на душу. Им

¹⁰³⁷ Панарин С.А. Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказо-Закавказском регионе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. С.38.

¹⁰³⁸ АКАК. Т.Х. С. 707.

¹⁰³⁹ Там же.

дозволялось заводить фабрики и заводы, основать город, иметь свой суд. Права эти были дарованы потомственно¹⁰⁴⁰.

Однако в последующие годы сложные обстоятельства и события кавказских войн вынудили кавказское начальство отойти от предписаний императорских указов в отношении потомков армян-первопоселенцев. В 1833 г. они, против своей воли, были обращены в линейные казаки и находились в таком состоянии до 1836 г.

Несмотря на возвращение армян с 1837 г. в прежнее их состояние возникли недоразумения уже с их имущественными правами. Устроенные обществом армян, по указанию начальства, на местах их первоначального проживания в Кизлярском уезде тутовые и виноградные сады, оказались теперь в границах казачьих земель, назначенных для пограничной линии. Поэтому армянам приказано было их продать, чтобы возместить убытки и получить средства для переселения в Старые Мажары для основания города Святого Креста, так как оставаться на казачьих землях армяне теперь не могли.

Но продать эти сады, по решению Кавказского комитета, можно было только казакам, которые не торопились этого делать, так как знали, что по истечении 4-х лет, если данные сады не будут проданы, отойдут к ним бесплатно¹⁰⁴¹.

Так как данная проблема не имела положительного развития в пользу армян до 1845 г., представители армянского общества вынуждены были обратиться за помощью к Кавказскому наместнику.

Разобравшись в существе дела М.С. Воронцов, исходя из буквы и смысла прежних императорских указов, направил ходатайство в Петербург о том, чтобы 1) «все вообще податные и рекрутские недоимки, накопившиеся на армянах города Св. Креста, с них сложить и впредь не взыскивать»; 2) «вместо теперешней подушной подати и рекрутских денег взимать в течение 20 лет ту подворную подать в казну, которую платят армяне городов Карасубазара, Старого Крыма, Григориополя,

¹⁰⁴⁰ Там же.

¹⁰⁴¹ Там же. С.708.

Нахичевани, Кизляра, на основании мнения Государственного Совета от 25 ноября 1846 г. и Высочайшего указа от 2 сентября 1846 г.»; 3) «Принадлежащие армянам, переселившимся в заштатный город Св. Креста, сады на прежнем месте жительства, на землях казачьего ведомства, оставить в их пользовании до продажи бессрочно»¹⁰⁴².

В мае 1848 г. князь М.С. Воронцов просил императора предоставить проживающим в Ставропольской губернии, в Пятигорском уезде, близ упраздненного города Св. Креста армянам, выходцам из Персии, те же самые права и преимущества, «кои дарованы кизлярским армянам»¹⁰⁴³.

Ходатайство Кавказского наместника в пользу армян Ставропольской губернии не было оставлено без внимания и получило полное удовлетворение. В 1849 г. император Николай Павлович «в ознаменование своего особого благоволения к армянам»¹⁰⁴⁴ восстановил им все испрашиваемые ими права и приказал позволить армянам заштатного города Св. Креста «составить из себя особое общество и иметь на основании ст. 457 Полного Свода Учреждения об управлении инородцами свой суд»¹⁰⁴⁵.

Немалое значение для укоренения Кавказа в составе Российской империи имела сословная политика российских властей в крае. Император Николай Павлович желал, чтобы представлявшая его волю кавказская администрация всеми возможными мерами «сливала» Кавказ с Россией, чтобы жители края знали и чувствовали, что «они получают свою жизнь и свое благосостояние наравне с другими частями обширного Царства Русского, от одного светила»¹⁰⁴⁶.

Потому по вступлении в управление Кавказом князь М.С. Воронцов скоро «нашел одно важное дело о порядке утверждения в княжеском и дворянском достоинстве»¹⁰⁴⁷ представителей соответствующих сословий. Князья и дворяне

¹⁰⁴² Там же.

¹⁰⁴³ Там же.

¹⁰⁴⁴ АКАК. Т.Х. С.708.

¹⁰⁴⁵ Там же.

¹⁰⁴⁶ Цит. по: Выскочков Л.В. Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. С.292.

¹⁰⁴⁷ АКАК. Т.Х. С.852.

(среди армян - мелики) не могли до утверждения в Петербурге воспользоваться принадлежащими им правами, особенно при поступлении на российскую службу.

Решение данного дела в пользу закавказских дворян по своей важности и последствиям, по мнению Кавказского наместника, «сильно будет содействовать слиянию Закавказья с Россией»¹⁰⁴⁸.

В декабре 1846 г. были успокоены сословия ханов, беков и меликов. Многочисленные лица, принадлежавшие к этим сословиям, «увидели утвержденные на твердых основаниях их участи и обеспечение навсегда содержания их с семьями»¹⁰⁴⁹.

В 1848 г. императором было окончательно утверждено положение о взаимных отношениях поселян с беками и меликами из армян, проживавшими в Александропольском, Эриванском, Нахичеванском уездах Тифлисской губернии и в Ахалцихском уезде Кутаисской губернии. Был разрешен вопрос об отношениях куртинских племен с их старшинами¹⁰⁵⁰.

В данной категории лиц российские власти хотели иметь авторитетный и уважаемый слой местной элиты, способный возглавить свои народы и способствовать утверждению в крае крепких оснований «русского дела».

Образованные временные комиссии в Тифлисе и Шемахе составили списки агаларов, рассмотрели права их на владение землями и наделили землями тех, кто их лишился в трех бывших татарских дистанциях – Борчалинской, Казахской и Шамшадильской¹⁰⁵¹.

Многие способы, которые удалось реализовать князю М.С. Воронцову в продвижении поставленных перед ним императором Николаем I задач, задействовались им на протяжении почти десятилетнего управления Кавказским краем. Князь не останавливался перед многими трудностями, прибегал к нестандартным решениям, которые по его опытности способствовали достижению искомой цели.

¹⁰⁴⁸ Там же.

¹⁰⁴⁹ Там же. С.853.

¹⁰⁵⁰ Там же.

¹⁰⁵¹ Там же.

Те из жителей края, которые под покровительством российских властей обретали успешность жизненного пути, могли сделаться увлекательным примером для тех, кто оставался до времени среди недоброжелателей России или относился к российским усилиям в Кавказском крае с недоверием и подозрительностью.

Правительство империи получало из среды тех, кто сотрудничал с российской стороной дополнительные когорты людей, способных придать «русскому делу» на Кавказе новое звучание и прочность. Постепенно усиление престижности позиций армян в крае не могло не волновать другие народы, на примере армян увидевших благотворные последствия нахождения под российским покровительством.

Князь-наместник обращался с отношением в Военное министерство с просьбой о восстановлении прав маафов и конных нукеров Закавказского края. В 1847 г. наместником были представлены проекты положений о конных нукерах, охранявших кордонную линию по границам с Персией и о сословии маафов.

Кавказский наместник в своих предложениях ссылался на волю императора, высказанную им ещё в 1844 г., чтобы каждому сословию в Закавказском крае сохранить прежние права и преимущества с одной лишь поправкой – подтверждать такие права только тем, кто выкажет лояльность имперским властям¹⁰⁵².

Действуя с соблюдением необходимыми в таком деле предосторожностями, наместник предлагал ввести переходный период в 2 года, после чего, если опыт докажет состоятельность представленных проектов, перевести их в разряд постоянных узаконений¹⁰⁵³.

В то же время, положение дел на этом поприще не было однозначным и благобно радужным. Князь-наместник пожинал не только плоды успеха, но и неудачи, как это было в вопросе о беках и агаларах Карабагской и Ширванской провинций и их взаимоотношениях с жившими на их землях поселянами.

¹⁰⁵² АКАК. Т.Х. С.853.

¹⁰⁵³ Там же.

Этот сложный вопрос впервые поднимался еще генералом Н.Ф. Ртищевым в 1813 г., но получил разрешение только в 1846 г. после настойчивого и усиленного ходатайства Михаила Семеновича перед Высшими властями Петербурга.

Наместник сообщал императору о неустройстве дел и положения высшего мусульманского сословия беков и агаларов, от чего «эти важные интересы края дурно поняты и требуют перемен»¹⁰⁵⁴.

Князь М.С. Воронцов писал, что поручил генералу П.А. Ладинскому, в опыте, знаниях и выказанному усердию которого не приходилось сомневаться, заняться этим предметом и определить средства «привести это дело к желаемому концу»¹⁰⁵⁵.

Составленные генералом Ладинским предположения были переданы на обсуждение в Совет главного управления Закавказским краем, и после полного там одобрения наместник утвердил проект, перед отправкой его на суд императора.

В проекте проводились три основные правовые идеи. Во-1-х, прокламировалась необходимость возвращения конфискованных у закавказских владельцев земель, поскольку это приносило большой вред «русскому делу» в регионе; во-2-х, объявлялось, что отношения беков и агаларов с крестьянами, проживавшими на владельческой земле, не могут строиться на крепостническом состоянии и ограничиваются определением обоюдовыгодных повинностей; в-3-х, высказывалась надежда, что привязанность беков и агаларов к земле, даст им постоянное занятие и «тем отнимется у них охота и возможность заниматься ремеслами, несвойственными их состоянию и противными общему спокойствию»¹⁰⁵⁶.

Наместник уведомлял императора, что в связи с задуманными переменами могли отыскаться недовольные, но таковых предполагали небольшое число, а польза превысит все издержки. Что же касалось беков и агаларов, то, по мнению

¹⁰⁵⁴ Там же. С.11.

¹⁰⁵⁵ Там же.

¹⁰⁵⁶ Там же. С.11-12.

наместника, новое положение «даст им новую жизнь и возбудит в них новое усердие к Русскому правительству»¹⁰⁵⁷.

Кроме того, М.С. Воронцов просил императора предоставить владельцам из ханских фамилий право в принадлежащих им селениях избирать самим старшин, а с нукеров, находившихся в услужении ханских фамилий и проживавших в их домах, не взимать податей в казну на протяжении жизни владельцев.

М.С. Воронцов предполагал, что этим имперские власти покажут народу свое предпочтение, которым ханские фамилии пользуются у правительства, а ханским фамилиям покажут, что «правительство имеет к ним особое уважение, а вместе с тем еще более обяжет их благодарностью и привлечет их на нашу сторону»¹⁰⁵⁸.

Вопрос разрешился благополучно, но, как скоро оказалось, «не в пользу, а в явный ущерб всех его расчетов»¹⁰⁵⁹. Князь-наместник предполагал «выговоренными» привилегиями в пользу агаларов и беков образовать из них «нечто вроде мусульманской аристократии»¹⁰⁶⁰, которая могла бы служить России «верным оплотом против враждебных затей»¹⁰⁶¹ со стороны персов и турок.

Получилось, вследствие ошибочного понимания, как сути проблемы, так и самого места в мусульманском обществе названных беков и агаларов, нечто противоположное задуманному. Образовалось сословие, ничтожное по своему влиянию среди местных закавказских мусульман, которое своими притеснениями и другими проявлениями предосудительных действий, не только не оправдали возлагавшихся на них надежд, но сделались нестерпимыми для населения, которое обратило свое негодование против империи, видя в ней пособника их действиям и положению.

Сложившееся от этого положение дел нельзя было быстро поправить, поскольку своей настойчивостью в данном

¹⁰⁵⁷ Там же. С.12.

¹⁰⁵⁸ Там же.

¹⁰⁵⁹ Там же. Введение. С.VI.

¹⁰⁶⁰ Там же.

¹⁰⁶¹ Там же.

вопросе наместник ввел в заблуждение императора всероссийского, которому нельзя было просто сказать, что вышла ошибка и попросить перерешить запутавшуюся ситуацию.

И хотя был найден виновник произошедшего - генерал-лейтенант П.А. Ладинский, бывший в ту пору начальником гражданского управления Закавказским краем и на совести которого лежало непростительное легкомыслие, из-за чего наместник в извращенном виде получил представление об пресловутых агаларах и беках, положение дел оставалось напряженным и не нашло должного решения до самого окончания пребывания князя М.С. Воронцова на Кавказе.

Князь-наместник был большой прагматик и рационалист, ставивший интересы дела выше всех иных мотивов. В отличие от большинства представителей российского дворянства и особенно аристократии, которые презирали и гнушались общения с представителями разного рода предприимчивых людей, как правило, не имевших высокородного происхождения, М.С. Воронцов не только не избегал общения с такими людьми, но получал от этого истинное удовольствие. Это хорошо чувствовали местные кавказские предпринимательские сословия.

Это же отмечал и современник-наблюдатель, писавший, что «в стране, которая дотоле не знала почти значения гражданской деятельности, закипела жизнь, дремавшие силы были вызваны наружу; всякий почувствовал потребность если не делать, то хотя заявить о чем-нибудь полезном; и так как князь был чрезвычайно любезен и внимателен, то предложения и проекты посыпались со всех сторон»¹⁰⁶².

Такой подход к выстраиванию отношений с местными жителями определялся не только государственными выгодами, но и тем, что князь-наместник был сам успешный предприниматель¹⁰⁶³. В данном случае его связи со всякого рода

¹⁰⁶² Зиссерман А.Л. 25 лет на Кавказе (1842-1867 гг.). – СПб., 1879. Ч.1. (1842-1851 гг.). С.74.

¹⁰⁶³ См. АКВ. Кн.38. С.315-348.

предприимчивыми людьми были сродни обмену идеями среди членов одной социальной корпорации.

Частыми разъездами по всем направлениям обширного Кавказа наместник давал населению возможность лично заявлять свои желания и жалобы, тут же делались им соответствующие распоряжения, оказывалась помощь или поощрялись полезные предприятия¹⁰⁶⁴.

В Грузии были обрадованы приезду М.С. Воронцова на Кавказ, поскольку очень быстро поняли, что тот с удовольствием покровительствовал всяким предприятиям, и в его лице всякая предприимчивость находила поддержку.

Например, грузинские князья (Челокаевы) были очарованы наместником после разговора о близком для них предмете – виноделии, в котором он знал толк, как владелец знаменитых крымских виноградников¹⁰⁶⁵.

Способствуя и даже понуждая развитие экономической жизни в Кавказском крае, князь-наместник погружался в хозяйственные проблемы отдельных отраслей хозяйства, выявляя людей, способных направить ход событий в нужное русло¹⁰⁶⁶.

Без такого заинтересованного со стороны наместника участия и непосредственного взаимодействия с теми, кто в той или иной мере определял функционирование хозяйственного механизма края, нельзя было надеяться на перемены в пользу России.

В то же время кроме замечательной распорядительности, такта и умения распутывать самые сложные или острые социальные проблемы, немало в действиях князя-наместника было такого, что заставляет избегать оценивать его деятельность однозначно.

Воспитанный в Англии, где у него были родственные связи с лордами и где ему привили правила корпоративности, князь потворствовал либо снисходительно прощал шалунов-

¹⁰⁶⁴ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.73.

¹⁰⁶⁵ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.81-82.

¹⁰⁶⁶ Баталин Ф.А. Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. – СПб., 1861. Часть I. С.37; Лазарян С.С. Становление предпринимательства в регионе КМВ. 1780-1917 гг. – Пятигорск: Изд-во Спецпечать, 2003. С.60-61.

аристократов, совершавших многочисленные проказы, которые должны были наносить вред репутации не только самих проказников, но всему российскому представительству на Кавказе.

Как свидетельствовал М. Краснов, Ставрополь, как центр управления войск Правого фланга кордонной линии, был переполнен «искателями приключений и военных отличий»¹⁰⁶⁷, среди которых были графы, князья и вообще представители многих громких в России фамилий.

Эти люди создавали определенную напряженность в обществе и одновременно пагубно влияли на его нравственность. Не нуждаясь в деньгах, большинство из них в Ставрополе, а в летнюю пору в Пятигорске, «предавалось разгулу и дебоширству, помешать которым боялись местные власти»¹⁰⁶⁸.

М.Я. Ольшевский рассказывал, что «много денег тратилось на прихоти и фантазии сынков и племянников наших аристократов. <...> Каждый из приезжающих аристократов создавал себе по нескольку азиатских туалетов. <...> А сколько раскупалось ковров, канаусу, бурсы, гулиш-мамы и других материй, нужных и ненужных, а единственно потому только, что они были азиатские»¹⁰⁶⁹.

Останавливаясь в почтовых станциях, отпрыски аристократических фамилий всю ночь могли вести крупную картежную игру, сопровождая все громкими криками и неумеренными возлияниями. В местных гостиницах при появлении этих людей начинались «музыка, пение, говор, стукотня бильярдных шаров, хлопанье пробок из шампанских бутылок, чоканье бокалами и крики «ура!»»¹⁰⁷⁰. Так бывало не в одном только Ставрополе, Пятигорске, Георгиевске, Моздоке или Владикавказе, но и в Тифлисе.

¹⁰⁶⁷ Краснов М. Просветители Кавказа. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. С.56.

¹⁰⁶⁸ Там же. С.57.

¹⁰⁶⁹ Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. С.23.

¹⁰⁷⁰ Там же. С.24.

Много шуму наделала история с чиновником, шедшим по мосту через Куру на службу и встретившего там подгулявшую кампанию конвойных офицеров, которые потребовали от него садиться и пить с ними. Чиновник отказался от приглашения, и тут же был бит нагайками. Все жалобы пострадавшего были оставлены без последствий¹⁰⁷¹.

В Ставрополе по вечерам в городском саду князя и графы, пробуя силу, «вывёртывали фонарные столбы и катались по клубу при собравшейся публике колесом»¹⁰⁷², а то, бывало, «в минуты вакхического увлечения, перебьют посуду и зеркала и переломают мебель»¹⁰⁷³.

Такой образ действий быстро нашел отклик в туземной среде, для которой экстраординарность и экстравагантность в поведении власть имущих и знатных особ была давней естественностью. Потому, по свидетельству А.Л. Зиссермана, «в Тифлисе встречались дардыманды (забубенные кутилы, ведущие разгульную жизнь), главою которых был князь Арчил Багратион-Мухранский»¹⁰⁷⁴.

М.С. Воронцов покровительствовал русской и местной родовитой знати, несмотря на устраиваемые ею проказы. Как опытный администратор и политик он понимал всю меру отрицательных последствий от их баловства, но как прагматик и ловкий человек, оставлял проказников без наказания, поскольку знал влияние их семейств в Петербурге или в местной среде. Кроме того, царящие тогда не только в кавказской окраине, но и в самом центре империи нравы, не видели в том чего-то чрезвычайного. Такие поступки не красили, но на то они и молодые господа, чтобы в их годы веселиться.

Для князя М.С. Воронцова было характерным демонстративное покровительство местным кавказским аристократам. Он всячески способствовал возвышению представителей аристократических фамилий, в том числе мусульманским, хотя не в такой степени как грузинским или армянским. Князь-наместник окружал себя адъютантами,

¹⁰⁷¹ Краснов М. Указ. соч. С.57.

¹⁰⁷² Там же.

¹⁰⁷³ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.24.

¹⁰⁷⁴ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.13.

чиновниками для особых поручений и «разными состоящими при нем из туземных князей»¹⁰⁷⁵.

Очень скоро все эти люди – генералы и штаб-офицеры – получили весьма видные назначения, как по военному, так и по гражданскому ведомству в кавказской администрации¹⁰⁷⁶.

Русская часть общества, особенно в Тифлисе и в военных служебных слоях, по свидетельству того же А.Л. Зиссермана, была не совсем довольна таким ходом дел и «в своих порицаниях и суждениях невольно приняла оппозиционный характер»¹⁰⁷⁷.

Хулители князя М.С. Воронцова ошибались, когда приписывали ему простое желание понравиться и приобрести популярность в туземной среде, «создать себе при жизни памятник»¹⁰⁷⁸, как тогда говорили.

Уязвленное самолюбие и амбиции не позволили им понять истинные побуждения и прагматичность игры князя-наместника, который проводил в жизнь принцип преобладания аристократизма на новой, весьма удобной в этом отношении почве. При значительном влиянии местной аристократии за Кавказом на туземное население князь М.С. Воронцов стремился привязать к России «высшие сословия края, а через них скрепить с нею теснее и весь край»¹⁰⁷⁹.

Мусульманская аристократия, с усилением её значения и влияния, способна была принести имперским интересам даже большую пользу, чем местная христианская аристократия, особенно в предгорных областях, «служба противовесом усиливавшемуся преобладанию фанатического духовенства»¹⁰⁸⁰.

Негативной стороной в образе действий князя-наместника было не само стремление привлекать на имперскую службу туземную аристократию и заменить ею приезжих русских чиновников, мало понимавших интересы края, но та исключительность, которую он демонстрировал в пользу

¹⁰⁷⁵ Там же. С.116.

¹⁰⁷⁶ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.116.

¹⁰⁷⁷ Там же. С.117.

¹⁰⁷⁸ Там же. С.118.

¹⁰⁷⁹ Там же.

¹⁰⁸⁰ Там же.

местных аристократов: «им все, хотя бы и не вполне законное, справедливое и в ущерб другим. Для служащих князей полнейшее внимание, широкая благосклонность, а для русских чиновников и даже туземцев не из князей, за весьма редким исключением, нечто вроде холодно-презрительного равнодушия»¹⁰⁸¹.

В то же время судьба и биография самого А.Л. Зиссермана могла служить опровержением установившегося мнения об образе действий и отношений князя М.С. Воронцова к выходцам не из аристократической среды. Начав службу за Кавказом в 1842 г. в 18 лет и выказав большую расторопность, распорядительность в делах и в быстром освоении местных языков и нравов, А.Л. Зиссерман попал в поле зрения наместника. По ходатайству князя-наместника перед Петербургом А.Л. Зиссермана перевели из гражданских чиновников в военные офицеры, что было большой редкостью. В 1848 г. он был назначен елисуйским приставом на правый фланг Лезгинской линии.

Проведению активной социальной политики князем-наместником среди горцев Северного Кавказа сильно препятствовала ситуация вооруженного противостояния, подрывавшая доверительность в отношениях между сторонами.

Устойчивую нерасположенность к русским сохраняли горские общества, находившиеся в восточных пределах нагорного пространства, примыкавшего к Дагестану. Здесь проживало до 40% чеченцев и 17% ингушей¹⁰⁸².

По подсчетам В.А. Матвеева «общая цифра неприязненного русским населения» в горах Северного Кавказа в массе всех проживавших там туземных обществ, скорее всего, превышала предел в 50-60%¹⁰⁸³.

Несмотря на это, князь М.С. Воронцов не упускал случая стараться изменить соотношение сил и настроений в горской среде в пользу России. Путем избирательного подхода и

¹⁰⁸¹ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.118.

¹⁰⁸² РГВИА. Ф.400. Оп.1. Д.1993. Л.63 об.

¹⁰⁸³ Матвеев В.А. Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. С.142.

тщательно продуманных действий он пытался найти социальные слои, чьи сословные интересы могли быть привязаны к имперской структуре, в рамках которой получали неоспоримую силу и легитимность.

Социальная политика Кавказского наместника в отношении горского мира была направлена на поддержание высокого общественного статуса местной горской знати, но при этом ограничивалась их политическая самостоятельность. Северокавказским владетельным слоям взамен предоставлялась возможность участия в системе имперской политической структуры, в которой им предлагалось определенное место при определенных условиях. Князь М.С. Воронцов рассчитывал, что таким образом ему удастся найти опору имперским интересам среди горцев.

Сам ход событий, например, на Северо-Западном Кавказе, где «горцы в особенности были заняты спорами между высшими сословиями и простым народом»¹⁰⁸⁴, много способствовал стараниям князя-наместника. Чем больше было разногласий между сторонами, чем больше усиливалась неприязнь к горскому дворянству в народной среде, тем больше горские дворянские сословия искали поддержки у российских властей.

Князь М.С. Воронцов считал, что социальные несогласия в горской среде будут более полезными, чем вредными для интересов России уже потому, что «народ без дворян не может совершить важных против нас предприятий по неимению среди себя храбрых, опытных и влиятельных предводителей, которые принадлежат все к высшему сословию»¹⁰⁸⁵.

Наконец князь-наместник в полной мере воспользовался последствиями социальной ситуации, складывавшейся в Закубанье с приходом туда Мухаммеда Амина, который, по мнению А.Л. Зиссермана, стремился стать там «вторым

¹⁰⁸⁴ Движение горцев Северо-Восточного Кавказа в 20-50-е гг. XIX века. Сборник документов (ДГСВК). – Махачкала: Дагестанское книжное изд-во, 1959. С.546.

¹⁰⁸⁵ Там же.

Шамилем и с такою же сильною властью на жизнь и смерть ослушников его воле»¹⁰⁸⁶.

Так, по приказу этого горского вождя был убит махочевский князь Магомет Богарсуко вместе с несколькими черкесами, подозревавшимися в связях с русскими¹⁰⁸⁷, а, кроме того, показательной мерой устрашения стало ограбление в одном из полупокорных аулов 30 семейств в наказание за прием перешедшего на сторону русских бесленеевского князя¹⁰⁸⁸.

Среди абадзехов почти полностью была истреблена или изгнана знать, а земли и другое имущество князей и дворян поделили между бедняками, которых к тому же освободили от прежних повинностей и платежей в пользу аристократии¹⁰⁸⁹.

Изощренным средством привязывать горцев к русским в руках наместника стали поездки жителей кавказских провинций в столицу империи. Князь М.С. Воронцов в видах усиления социального статуса и укрепления положения отдельных представителей местных горских фамилий, которые связывали свою судьбу с империей, посылал их в Петербург для представления императору. Так в 1846 г. туда был отправлен Дукай-Кадий Ауховский, выказавший отличную храбрость и преданность русским во время Даргинского похода в деле при Анди¹⁰⁹⁰.

Император Николай I «удостоил его постоянного благоволения, и вся царская фамилия была к нему очень милостива»¹⁰⁹¹. Дукай-Кадий стал свидетелем величия российского императорского двора, блистательного великолепия и «необыкновенного стечения людей разных наций». Это «приметным образом его изумляло и <...> оставило в нем навсегда сильное впечатление»¹⁰⁹². Он присутствовал на

¹⁰⁸⁶ Зиссерман А.Л. Указ соч. С.91.

¹⁰⁸⁷ Анучин Дм. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.41.

¹⁰⁸⁸ Зиссерман А.Л. Указ соч. С.97.

¹⁰⁸⁹ Хавжоко Шаукат Муфти. Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. С.185.

¹⁰⁹⁰ Письма Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. - 1890. №2. С.190.

¹⁰⁹¹ Там же.

¹⁰⁹² Там же.

параде гвардии в Красном селе, был поражен блистательным видом гвардейской кавалерии.

Через посредство таких людей как Дукай-Кадий князь М.С. Воронцов надеялся внушить горским дворянам ту мысль, что они суть часть российского имперского общества, и одновременно продемонстрировать благоволение к ним императора, мощь империи и ее институтов, а также благостность, которую горцы приобретали от принадлежности к имперской элите.

Посылались в имперскую столицу представители и от черкесских обществ, в частности, по совету состоявшего на русской службе Султана Казы-Гирея в Петербург в 1846 г. отправлялась депутация от абадзехов, чтобы рассеять сомнения «противу русского правительства»¹⁰⁹³.

Горская знать также как и закавказская, пополняла ряды Российской армии офицерами, хотя не столь широко. Исключение здесь составляли осетины. Им всегда оказывалось доверие со стороны военного и политического руководства империи, а личная доблесть и верность присяге помогали им занимать видное место в корпусе российского офицерства¹⁰⁹⁴. Доказательством тому была биография уже упомянутого Муссы Кундухова.

Много русскому делу содействовал в период наместничества М.С. Воронцова кабардинец Хату Анзоров, назначенный императором Николаем Павловичем по представлению наместника командовать Кавказско-Горским полуэскадром (с 1845-1855 гг.), в котором несли службу представители разных горских народов¹⁰⁹⁵.

Черкесский князь Султан Казы-Гирей не только прославился своей храбростью и распорядительностью в составе русских войск, где он принимал участие в укреплении Кавказской кордонной линии и был офицером, но и тем, что российские власти доверяли ему командовать отдельными

¹⁰⁹³ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.88. Л.1.

¹⁰⁹⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С.156.

¹⁰⁹⁵ Рясная Ю.О. Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе Российского государства в первой половине XIX века. – Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Пятигорск, 2010. С.143.

воинскими подразделениями (6-й бригадой Кавказского линейного казачьего войска и др.) и начальствовать на Лабинской (в 1846 г.), а затем и Лезгинской линиях¹⁰⁹⁶.

Султан Казы-Гирей отдавал должное прогрессивной роли России в истории народов Кавказа и высказывал опасение по поводу тех, кто ориентировался на Турцию. Он содействовал тому, чтобы под прочной защитой России превратить Кавказ в цивилизованный край, будучи уверенным в том, что «Кавказ не может иметь, по положению своему, другого просветителя и более могущественного защитника»¹⁰⁹⁷.

Восприняв цивилизационные ценности русского мира, Султан Казы-Гирей не только сделался верным слугою русского монарха, но женился на казачке Людмиле Лучкиной и принял христианское крещение¹⁰⁹⁸.

В связи с этим, можно сослаться на работы современных российских исследователей, которые отмечают ту роль, которую отдельные представители горской знати добровольно взяли исполнить, чтобы содействовать благам жизни своих народов. Так, Ю.О. Рясная считает, что «определенная часть представителей горской элиты, видела в Российской империи не только военного покровителя, но Учителя, через посредство которого можно было сделать попытку приблизить свои народы к передовым европейским социально-культурным и политико-экономическим ценностям и практикам. К ним пришло понимание того, что их этнические общества, опутанные многовековыми предрассудками и презрением к просвещению, не имели каких-либо социально-политических перспектив без модернизации всего строя общественной жизни»¹⁰⁹⁹.

Реализуя свои намерения в отношении местных жителей Кавказа, князь-наместник не препятствовал функционированию сложившимся обычкновениям кавказских горских народов, пока сам не мог предложить им равноценную замену, будь то касалось явлений политико-правовой или социально-культурной сферы жизнедеятельности местных обществ.

¹⁰⁹⁶ Там же.

¹⁰⁹⁷ РГИА. Ф.932. Оп.1. Д.88. Л.2 об.

¹⁰⁹⁸ Рясная Ю.О. Указ. соч. С.144.

¹⁰⁹⁹ Рясная Ю.О. Указ. соч. С.156.

Однако это не означало, что князь М.С. Воронцов мирился со сложившейся ситуацией и оставлял все на самотек. Он постепенно подготавливал условия для внедрения имперских правил в административно-политическую, экономическую и социально-культурную сферы существования кавказских народов.

Князь-наместник в то же время не отягощал кавказцев непривычными для них формами социального бытия, не вынуждал их участвовать в том, что противоречило их миропониманию и предыдущему (до встречи с Россией) опыту.

Князь-наместник иногда даже восстанавливал и допускал до времени существование таких форм горского бытия, которые противоречили имперскому праву. Это делалось не потому, что он заискивал перед горцами, не имел иных способов или потому, что он не знал имперских законов. Он сохранял прежние обыкновения, ненавязчиво склоняя события развиваться так, чтобы ситуация вызревала настолько, когда сами местные жители гор делали выбор в пользу предлагавшегося империей способа жизни. Он демонстрировал выгоду новых подходов к решению тех или иных задач повседневности.

Будучи человеком практическим и прагматиком настолько, что его действия простирались до границ цинизма, князь-наместник отчасти восстанавливал горские обыкновения там, где его предшественники от имени государственных властей наложили запрет, если это способно было остудить страсти, успокоить и повернуть дело к выгоде для обеих сторон.

Так, когда в 1845 г. офицер – осетин Мусса Кундухов в людном месте Владикавказа застрелил чеченского старшину Бехо, убившего 15 лет до этого трех родственников Кундухова, М.С. Воронцов по совету генерала П.П. Нестерова постановил, что «это дело для спокойствия края необходимо предать народному обычаю»¹¹⁰⁰.

¹¹⁰⁰ Цит. по: Лапин В.В. Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. С.156.

Князь-наместник допускал временное существование работорговли, хотя уже при генерале А.П. Ермолове самих продавцов вешали¹¹⁰¹.

С точки зрения М.С. Воронцова, которую отмечает В.В. Дегоев, «Россия, запретив работорговлю, допустила ошибку, обусловленную непониманием особенностей и значения этого традиционного кавказского института»¹¹⁰², который в то же время немало отличался от классического рабовладения, известного в истории.

Бедность, традиция и спрос со стороны турок были причинами существования торговли людьми среди черкесов. При этом они не видели в том ничего предосудительного или вредного, так как не причиняли «своим пленникам обоюдого пола через продажу ни малейшего зла»¹¹⁰³ и передавали их в руки единоверцев.

Проданные туркам мальчики нередко делались в Турции знатными людьми, а черкешенки почти всегда первенствовали в гаремах богатых турок, которые заботились о них, так как жены-черкешенки были среди них предметом престижа.

Ф.Ф. Торнау отмечал, что торговля людьми была для черкесов почти необходимостью, «а для турецких купцов составляла источник самого скорого обогащения»¹¹⁰⁴.

Запретив работорговлю, Россия обрекала черкесов на дополнительные трудности и лишения, что не могло не вызвать в них нового к русским возмущения.

Действия М.С. Воронцова и его наружное непротивление существованию института особенной, «домашней» работорговли в черкесской среде, принесло ему популярность в части черкесского общества, и было политически эффективно, хотя противоречило идеям европейского гуманизма.

¹¹⁰¹ Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах. - М.: Изд-во «Правда», 1971. Т.2. С.121; АКАК. Тифлис, 1875. Т.VI. Ч.2. С.9.

¹¹⁰² Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. - М.: «Русская панорама», 2001. С.182.

¹¹⁰³ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкесию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. - Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С.231.

¹¹⁰⁴ Там же.

Однако не стоит торопиться бросать камни в князя-наместника, так как его изощренная прагматичность поворачивала ситуацию таким образом, что торговля людьми при отсутствии прямого запрета от русских (хотя как можно было запретить то, что были бессильны не допустить) постепенно, начиная с 1846 г., если совершенно не прекратилась, то значительно уменьшилась.

Укрепления Черноморской береговой линии и крейсерство русского флота вдоль Черноморского побережья, меры наместника против контрабандистов отбили у турок охоту на такую опасную торговлю, а без спроса постепенно угасало и предложение.

В то же время такой подход в отношении черкесской традиционности имел далеко идущие политические последствия: была в значительной степени уменьшена актуальность культурного противостояния между российской стороной и горцами и этим обуславливались «провалы эмиссаров Шамиля в Черкесии»¹¹⁰⁵.

М.С. Воронцов постоянно покровительствовал «туземному населению», старался «хранить по возможности его обычаи, исторические предания и порядки», поскольку понимал, что они составляют гордость всякого народа, его силу и святость. Эта его склонность не находила отклика у многих русских чиновников, но «имела свою хорошую сторону в политическом отношении»¹¹⁰⁶.

Князь М.С. Воронцов продолжал вести дело таким образом, чтобы у горцев не возникало чувства подневольности или действия под давлением. Михаил Семенович старался исключить саму возможность бесцеремонности или грубости при взаимодействии с народными обычаями и традициями, как бы сильно они не отличались от того, к чему была привержена империя¹¹⁰⁷.

¹¹⁰⁵ Дегоев В.В. Указ. соч. С.182.

¹¹⁰⁶ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845-1846 гг. // Старина и новизна. Исторический сборник. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1902. Книга 5. С.135.

¹¹⁰⁷ Кумыков Т.Х. Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2002. С.99.

Не видел ничего предосудительного князь-наместник и в давних народных обыкновениях, в которых выражались особенности кавказской народной жизни. Если они не затрагивали основ государственного устройства, то никакого ущерба от этого не могло быть, напротив, власти в данном случае не препятствовали и не меняли насильно хода народной жизни, хотя формы её сильно отличались от привычного для европейского способа времяпрепровождения и могли напугать официальный Петербург.

В Тифлисе издавна существовала традиция проводить ежегодно зимой и весной тамаша, нечто вроде кулачных боев, которые практиковались и в русских провинциях. В тамашах принимали участие люди из разных сословий, возрастов, и даже представители знатнейших фамилий Грузии. В бое участвовали по местному обычаю и лавочники, поскольку местом проведения тамашей был Армянский базар.

Собиралось по несколько тысяч человек, которые, разделившись на две партии, от верхней и нижней частей города, которые возглавлялись двумя княжескими фамилиями – Мухранскими и Орбелиани, начинали кулачный бой, сопровождавшийся «бросанием камней»¹¹⁰⁸.

Тамаша составляли обычай не только древний, бравший начало от грузинских царей, но и «составляли обычай увеселительный и радостный для всех»¹¹⁰⁹.

После присоединения Грузии к России в Тифлисе тамаша были запрещены, но после настойчивых и многочисленных просьб со стороны жителей города снова возобновлены.

Разгул народной стихии во время тамашей мог достигать опасных пределов и, по мнению части представителей российской администрации, способен был в любой момент перейти за грани дозволенного и вылиться в бунт.

Недоброжелатели князя-наместника в 1851 г. сообщили в Петербург о беспрецедентных беспорядках, которые будто бы

¹¹⁰⁸ АКАК. Т.Х. С.826.

¹¹⁰⁹ Там же.

охватили в феврале город и привели к гибели 5 человек, 300 раненым, многочисленным разрушениям и грабежам.

На этом в частности настаивал военный министр и председатель Кавказского комитета князь А.И. Чернышев, который спрашивал объяснений от наместника, по каким причинам не только не были приняты «надлежащие меры к предупреждению и прекращению происходивших во время боя беспорядков, но даже он был дозволен местным начальством, между тем как прежде подобные бои строго воспрещались?»¹¹¹⁰.

Кавказский наместник вынужден был объясняться перед императором и опровергать наличие угрозы общественному строю, а также те цифры погибших и раненых, которыми пытались дискредитировать его управление.

Князь М.С. Воронцов писал в Петербург, что тамаша, как народная забава совершенно безопасна и далека от каких-то иных смыслов. Кроме того, грабежи в это время почти неизвестны – тут он ссылаясь на свой шестилетний опыт проживания в Тифлисе. Не наблюдал он злости или мести и «всегда без исключения, после каждой тамаша, почти все, которые друг против друга дрались, потом собираются, чтобы ужинать и веселиться вместе»¹¹¹¹.

В то же время, нельзя отрицать, что от беспорядка, в таких случаях неизбежного, бывали определенные потери, но нужды защищать свое имущество никогда не было. Не было в тамашах преднамеренных убийств, только редко по неосторожности самих пострадавших, как то случилось лишь однажды в феврале 1851 г., когда один из персидских евреев во время бега упал в толпе и ударился головою о камень. Это падение и привело его к гибели. Кроме того, все действие проходило под присмотром полиции, чтобы «ничего лишнего не было»¹¹¹².

Князь-наместник считал, что запрещение тамашей «сильно опечалит всех здешних жителей, привыкших из рода в род к этому любимому их веселью, которое имеет столь

¹¹¹⁰ Там же. С.825.

¹¹¹¹ Там же. С.826.

¹¹¹² Там же.

сильную связь с характером народным и личною храбростью, свойственную грузинам, и которое делает их столь способными для войны вообще»¹¹¹³.

Согласившись, в конце концов, с мнением князя-наместника, император Николай Павлович все же потребовал усилить контроль за такого рода народными обычаями, распорядившись, проводить тамаша за городом, «но с тем, чтобы кроме рук других орудий в драке не употреблять и всегда под надзором полиции, и кончать по данному от оной знаку, когда слишком разгорячатся»¹¹¹⁴.

Не мешал князь Воронцов проведению в Тифлисе шумного и радостного шутовства – ксеноба. Празднество это связывалось с победой грузин над персами, которые вторгались в их город, но были выбиты и разбиты, а сам шах попал к ним в плен и был переодет в шутовской костюм, в котором его водили по улицам ликующего Тифлиса.

Князь Воронцов полюбил ксеноба, всегда встречал перед своим дворцом процессию с мнимым шахом и бросал в толпу горсти серебряных монет¹¹¹⁵.

Хорошая национальная политика в горах, с точки зрения князя М.С. Воронцова, предполагала, в том числе доброжелательность к сохраняющимся там правилам коренных обычаев, которые могли бы препятствовать распространению мюридизма среди горцев.

Когда имам Шамиль, внедряя основы шариата в жизнь горских обществ, отменил судопроизводство по адатам, тем самым, нанеся серьёзный удар по правам горского владельческого сословия, лишил их права самостоятельной расправы и доходов, связанных с самим ведением судебного разбирательства, князь-наместник выступил в поддержку адатного права.

Поддерживая адат не только как противовес мюридизму, но как «формы передачи социальных норм от одного поколения

¹¹¹³ Там же. С.827.

¹¹¹⁴ Там же.

¹¹¹⁵ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.343-344.

к другому»¹¹¹⁶, как социальный институт, выполняющий регулятивные функции и поддерживающий порядок в обществе¹¹¹⁷, князь М.С. Воронцов старался сохранить или восстановить социальные императивы, обеспечивавшие высокую статусность горским владельцам.

Горский адат как социокультурный феномен содержал в себе ряд стабильных, профилирующих признаков¹¹¹⁸, сходных по своей социальной направленности с имперскими социально-правовыми установлениями, поддерживающими иерархичность и сословность общественной структуры.

Потому адат мог использоваться в качестве средства противодействия установлению господства не только мюридизма, но и всевластия Шамиля, в качестве жесткого ограничителя его возможностей преобразовывать горский мир на основаниях, конкурирующих с имперскими основами.

М.С. Воронцов считал силу не лучшим орудием против идей. Он старался широко использовать контрпропаганду против мюридизма и Шамиля, давая горцам понять, что он проводит четкую грань между ними и остальным горским обществом. Со стороны наместника давались прочные гарантии неприкосновенности их социальной статусности и прав собственности, «обещания подвести под эти основы горской общественной жизни законодательные опоры имперской государственности»¹¹¹⁹.

К концу 40-х – середине 50-х гг. XIX в. правление Шамиля стало все более тяготить горские племена, а выгод от этого правления они не находили, напротив, жизнь мирных селений под покровительством русских была гораздо спокойнее и стабильнее.

¹¹¹⁶ Мальцев Г.В. Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов - на - Дону, 1999. С.13.

¹¹¹⁷ Мисроков З.Х. Адат и Шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во МГУ, 2002. С.21.

¹¹¹⁸ Там же. С.22.

¹¹¹⁹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. - М., 2001. С.183.

Как отмечает В.В. Лапин, имам Шамиль, изменением правил существования горских обществ, многократно увеличил их психологическую утомляемость от войны.

«Травматичным для экономики горцев было и сокращение мирных передышек, необходимых для восстановления хозяйства. Шамиль, вовлекая огромную массу населения в боевые действия, невольно заставил буквально каждую ячейку горского социума убедиться на личном опыте в бесперспективности сопротивления»¹¹²⁰.

Наместник почувствовал эту перемену в горах и повел дело так, чтобы те, наконец, осознали, что их возможности стеснены самим развитием ситуации, а потому, в любом случае, «им представлялся выбор не между свободой и покорностью, а только между покорностью Шамилю, без обеспечения своего спокойствия и жизни, и между покорностью русским, с надеждой на мир и удобства быта»¹¹²¹.

Не отрицая необходимости «железной руки» и натиска против упорного несогласия с русскими условиями, наместник быстро разобрался, что игнорирование глубинного мировидения горских народов и перспектив их религиозно-исторического сознания – все это во многом способствовало мюридизму и непокорности – не могут быть преодолены и подавлены только силой оружия.

Англичанин по воспитанию, М.С. Воронцов использовал в своей деятельности механизмы британской колониальной политики, в арсенале которой была не только голая сила. «Англичане тоже стреляют ядрами и пулями в индийцев и китайцев, но привозят к ним, кроме огнестрельного оружия, всякие орудия для выгодного труда, торговлю, образование, веру и, по доказательному опыту, верную надежду на будущее благосостояние»¹¹²².

Наместник считал, что Россия, прежде всего, должна принести горцам цивилизацию и мирное гражданское существование, подчинить его не столько страхом и

¹¹²⁰ Лапин В.В. Указ соч. С.109.

¹¹²¹ Добролюбов Н.А. Собр. соч. - М. – Л., 1962. Т.5. С.449.

¹¹²² Розен А.Г. Записки декабриста. - Иркутск, 1984. С.390.

репрессиями, сколько культурным влиянием. М.С. Воронцов понимал, что отнять оружие из рук горцев просто так нельзя (этого не смогли сделать до настоящего времени). Их нравы смогут меняться, если вместе с просвещением их умов упрочить в каждодневной жизни их личную безопасность и защиту собственности.

Сближению горцев с русскими и теми переменами, которые предлагались имперскими властями, в то же время препятствовали некоторые устои горской жизни и механизмы их социального самоопределения. Так, П.Е. Коцебу отмечал, что племена, среди которых социальный статус определялся воинскими достоинствами, «трудно соблазнить перспективой обогащения через упорный земледельческий труд. <...> Первые же шаги в этом направлении могли привести к переходу всех мирных и нейтральных горцев в лагерь непримиримых, после чего единственным выходом становилось тотальное уничтожение горцев, что несовместимо с видами правительства»¹¹²³.

Альтернативой тотальному противостоянию сделались планы по выселению горцев на равнины, которые «имели под собой одну основу – желание сломать сложившийся цивилизационный комплекс: горы и горцы»¹¹²⁴.

Но до тех пор, пока продолжалось между сторонами вооруженное противостояние широкомасштабные переселения могли только ухудшить ситуацию. Потому князь М.С. Воронцов практиковал переселения точечные и добровольные, убеждая горцев с помощью прокламаций, в преимуществах мирной жизни.

Как отмечал горский наблюдатель И.-Б. Саракаев: «Побороть горцев в их неприступных горах и непроходимых лесах – было задачей для могущественной России далеко не из легких. Но она, наряду с пушками и мечами, пустила в ход в борьбе с ними еще и другое оружие, которое имело действие на

¹¹²³ РГВИА. Ф.38. Оп.7. 1858 г. Д.351. Л.61-71.

¹¹²⁴ Лапин В.В. Указ соч. С.332.

горцев больше, чем все пушки и штыки. Оружие это – различные прокламации и воззвания <...>¹¹²⁵.

Основным средством преобразовательной деятельности князя-наместника были настойчивость и систематичность.

В целом социальная политика князя М.С. Воронцова на Кавказе была направлена на упорядочение существовавшей социальной структуры и межсословных отношений в новых для них условиях и подведение под них имперского фундамента.

Князь М.С. Воронцов стремился укоренить в кавказской почве имперские институты социального бытия, найти для них социальную основу и опору, преодолеть (ослабить) разнь между русским и кавказскими социумами.

Социальная организация, как христианских, так и мусульманских провинций Закавказского края облегчала князю М.С. Воронцову задачу вовлечения их в имперскую среду, имея в данных провинциях близкую социальную основу – местную феодальную элиту. Ловко используя все наличные рычаги воздействия, выступив на страже сохранения сословных привилегий, князь-наместник сумел склонить к сотрудничеству большую часть местной закавказской знати.

Объединяя многие народы, российские власти не подавляли их самобытности и, как отметил В.А. Матвеев, развитие российской государственности происходило при конструктивном, а не взаиморазрушающем взаимодействии русских и азиатских структурообразующих элементов. Таким способом складывался общий для них цивилизационный контекст¹¹²⁶.

Князь-наместник считал, что адаптация местных традиций к новым условиям их существования, а не тотальная борьба с ними есть наиболее приемлемый способ сделать имперскую социально-политическую структуру естественной для Кавказа.

В своей деятельности Кавказский наместник был прагматиком, а потому требовал от всех субъектов имперской

¹¹²⁵ Цит. по: История Чечни с древнейших времен до наших дней. В 2 т. Т.1: История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. – Грозный: ГУП «Книжное издательство», 2008. С.564.

¹¹²⁶ Матвеев В.А. Указ. соч. С.55-56.

политики в Кавказском крае недопущения того положения дел, чтобы инновации могли нести в себе изъяны, способные дискредитировать саму идею благости имперских ценностей.

На протяжении всего своего кавказского поприща князь-наместник центральным местом своих преобразовательных усилий избирал Грузию, бывшую центром русского присутствия в кавказском мире, имевшую наибольшее представительство христианского туземного населения, способного стать опорой его начинаниям. Кроме того, Грузия в наибольшей степени подходила для роли показательной витрины достижений и перспектив, которые имперские власти стремились предложить Кавказу.

На местном грузинском социальном поле князь М.С. Воронцов сумел выстроить основания для развития имперской сословной структуры руками местных социальных акторов.

Успешность преобразовательной деятельности М.С. Воронцова определялась не только осторожностью и постепенностью, с которой он внедрял в повседневную жизнь Кавказа социальные инновации и имперские смыслы, но и тем, что подкреплял государственные интересы частной заинтересованностью. Поворот к государству происходил через решение и укрепление частных, сословных начал и интересов, которых вне государственных рамок сохранять в неприкосновенности не было возможности.

2.4. Особенности межкультурных коммуникаций в ходе Кавказской войны

Поскольку общение есть форма коммуникативной деятельности и существования всех обществ¹¹²⁷, горские общества, весь мир Кавказа не могли избежать взаимодействия с миром России, который нарастающее активно врывается в их географическое и социальное пространство на протяжении длительного времени.

¹¹²⁷ Туманова О.С. Межкультурные коммуникации // Культурология / Под ред. проф. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М, 2003. С.245.

Этнокультурные исследования свидетельствуют, что характер и содержание межэтнических контактов зависят от способности и желания их участников понимать друг друга и достигать согласия, которые предопределяются их этнической культурой¹¹²⁸.

Согласно концепции Л.Н. Гумилева, в процессе этногенеза общества приобретают и расходуют энергию, которая создает определенное этническое поле. Этническое поле каждого этноса взаимодействует с этническими полями других этносов при их встрече. Если колебания этнических полей гармонируют друг с другом, то этносы делаются комплиментарными друг другу, устанавливая прочные связи, если такой гармонии не случается, то возникает сильное социокультурное напряжение, затрудняющее коммуникацию, поскольку взаимодействующие этносы ощущают чуждость и враждебность социокультурных структур друг друга¹¹²⁹.

Межэтнические коммуникации опираются на многие взаимозависимые факторы, среди которых хотелось бы остановиться и выделить наиболее значимые для данной работы исторические, социальные, культурные и ситуативные.

В ходе исторического развития этносы вступают в контакт с другими этносами в условиях разных исторических обстоятельств. Завоевания или насильственные присоединения, колонизация порождают межэтническую напряженность. Эти исторические обстоятельства превращаются в фон, на котором и в рамках которого происходит межэтнический контакт. В связи с этим «в этнической памяти такие события сохраняются, превращаются в сплывающий фактор»¹¹³⁰, служат средством этнической мобилизации. При этом разные роли этносов при данных исторических обстоятельствах порождают различные оценки одних и тех же событий, в которые они были вовлечены.

Социальные факторы в системе межэтнических взаимоотношений также определяются взаимосвязью социальной и этнической стратификации¹¹³¹, когда

¹¹²⁸ Садохин А.П. Этнология. – М.: Гардарики, 2001. С.201.

¹¹²⁹ Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001.

¹¹³⁰ Садохин А.П. Указ. соч. С.207.

¹¹³¹ Там же.

контактирующие этносы в силу обстоятельств исторического происхождения обладают неодинаковым статусом, а чаще всего приписывают себе более высокий по отношению к контактной этнической группе, определяя его на основании несходства культуры.

Эта ситуация часто проявляется в миссионерстве, которое реализуется этносом-доминантом, мотивирующим все свои действия в пространстве существования этносов-реципиентов, возложенной на себя обязанностью цивилизовать «дикие племена». Статус этноса в свою очередь зависит от его демографических показателей и наличных ресурсов для воспроизводства и развития этнической культуры.

Культурные факторы, детерминирующие характер и формы межэтнических отношений определяются существом своего генезиса, находящего в сфере координат традиции или модернизации. Традиционалистские этнические общества менее предрасположены добровольно воспринимать инокультурные артефакты. Они замыкаются в собственной культурной гомогенности и этнических предубеждениях. Наоборот, модернизированные этнические общества расположены к этнокультурным контактам, в силу господствующих в их культурном поле механизмов гетерогенности.

В связи с этим, если говорить о горских обществах Северного Кавказа, то большинство из них формировались и существовали в закрытой социокультурной парадигме. Что же касается имперского общества России, то его необходимо причислять к обществам модерна.

Ситуация, в которой происходит межэтническая коммуникация, определяется стечением обстоятельств в экономической, политической и социальной сферах, состоянием климатических условий, состоянием окружающего географического пространства, характером ландшафтов, влияя на актуальность восприятия окружающей обстановки, «усиливая или ослабляя межэтническую солидарность и этнокультурные контакты»¹¹³².

¹¹³² Там же. С.208.

Перечисленные факторы межэтнической коммуникации приводят к различным для взаимодействующих этносов результатам: простым количественным изменениям, не затрагивающим сущностные основания этнической культуры, либо к глубоким структурным сдвигам в ней. Результативность межкультурных контактов предопределяется, как степенью силы натиска, так и степенью силы сопротивления разнохарактерных по своим парадигмальным устройствам и направленности развития этническим сообществам.

В силу ограниченности ресурсов и своей исторической локальности, большинство архаических обществ Кавказа не могли остановить культурной экспансии со стороны России, но отчаянно сопротивлялись, противопоставляя силе модерна трудносокрушимую силу традиции.

Кроме того, в пространстве кавказского мира помимо российского модернизационного проекта действовал исламский модернизационный проект, внедрявшийся имаматом, сумевшим до определенной степени и на продолжительное время убедить кавказские горские народы в своей способности защитить их традиционность и выступить культурной альтернативой российским преобразовательным усилиям.

И хотя исламская культурная парадигма не сразу и повсеместно была принята в качестве нового ресурса в противостоянии с российской имперской структурой (это особенно касалось этнических обществ северо-западной части Кавказа), её императивная природа, основанная на универсализме традиционного типа, способствовала укоренению в культурном поле горских обществ. Кроме того, на определенном этапе военного и социально-культурного противостояния с Российской империей у горских этнических сообществ не осталось иных аргументов.

В то же время, при взаимодействии культуры вступают друг с другом в сложные отношения, обнаруживая каждая из них свою самобытность и специфику. Неизбежно происходят культурные заимствования, обуславливающие изменения социокультурных форм существования, вынуждая приспособляться, осваивать и использовать новые элементы в

каждодневной жизни, т.е. происходит процесс аккультурации¹¹³³.

Аккультурация как результат длительного контакта горских этнических сообществ и России, представлявших разные культуры, стал выражаться в изменениях исходных культурных моделей, которыми оперировали стороны до начала культурной коммуникации.

В существовавшей раньше и продолжающейся сегодня полемике в социально-гуманитарной среде России вокруг сущности и последствий Кавказской войны мало кто замечает, что «Кавказская война – это не сплошная цепь сражений, растянувшаяся на многие десятилетия. Это еще и сложная история жизни людей разных племен и культур на протяженном и весьма условном стыке между русским и кавказским миром», жизнь, «наполненная самыми разнообразными проявлениями человеческих отношений»¹¹³⁴.

В этой связи следует согласиться с Я.А. Гординым, утверждающим, что социокультурное пространство Кавказской войны «было пространством парадоксальным, не сводившимся только к жестокости и взаимной ненависти»¹¹³⁵.

Горцы в силу обстоятельств их существования в замкнутых пространствах были весьма любознательны и любопытны. По словам М.Я. Ольшевского, чеченец для собрания новостей не поленится сделать верхом или пешком десяток верст¹¹³⁶.

Потому на них вполне можно было воздействовать хорошими нравственными примерами, способными внести перемену в их сознание и примирить с русскими¹¹³⁷.

¹¹³³ Садохин А.П. Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. С.115.

¹¹³⁴ Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: Русская панорама, 2001. С.242.

¹¹³⁵ Гордин Я.А. Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я останюсь. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. С.110.

¹¹³⁶ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.129.

¹¹³⁷ Юхотников Ф. Письма с Кавказа. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С. 24.

Реалии жизни предлагали свой сценарий развития той или иной ситуации. Горские князья и уздени, вообще горцы всех сословий от частых столкновений с русскими не только в местах вооруженного противостояния, но и во всех иных обстоятельствах, многое стали заимствовать у них, хотя первоначально заимствованиям подвергались самые простые и поверхностные элементы инокультурных проявлений.

Так, горцы полюбили чай, сначала узнали его у кунаков, первоначально не понимая его вкуса, потом, привыкнув к нему, обзавелись собственным, а затем втянулись настолько, что уже не уступали русским в любви к нему. Отдельные князья и уздени, в подражание русским, пили чай из самоваров с большой важностью. Они стали даже обижаться на своих соплеменников, когда, бывая в гостях, не получали по этому случаю чаю¹¹³⁸.

Другим элементом воздействия была водка. Как отмечал Ф. Юхотников, «этот элемент привился только к высшему сословию, а низшее, несмотря на близость станиц к аулам, на возможность во всякое время посещать их, <...> воздерживается от неё»¹¹³⁹.

Третьим элементом заимствования стали карточные игры. Карты так удачно привились горцам, прежде всего, богатым и именитым, что «иной из них мечет направо и налево, как будто по призванию»¹¹⁴⁰. Игра в карты стала обыденностью и для так называемых хищников, которые, по возвращении из своего ночного промысла, коротали свободное время за картами.

Все перечисленные три элемента, составлявшие оттенки российской культурной жизни, в кавказских условиях выходили на передний край повседневного существования в крепостях и всех других населенных русскими местах. Офицеры в свободное время от служебных обязанностей обыкновенно коротали свой досуг за зелеными столами и попойками. Было также обыкновенным метать банк, не вставая из-за стола, целую ночь

¹¹³⁸ Там же. С.30-31.

¹¹³⁹ Там же. С.31.

¹¹⁴⁰ Там же. С.32.

до самого утра. Потом утром – на ученье, а с ученья опять доигрывать до обеда, а после – снова за карты, поскольку развлечений, кроме карт, не было или не находили¹¹⁴¹.

В так называемой интеллигентной части общества преобладали все те же карты и сплетни, а в массе – пьянство, независимо от возраста или социального происхождения¹¹⁴². Потому горцам бросалась в глаза эта нехитрая сторона русской жизни, из-за своей повсеместности воспринимавшаяся как характеристика всего русского. На самом деле эта сторона жизни русской среды была не столько русской, сколько способом существования русских в условиях однообразных будней военного времени.

В мире, в котором люди слишком свыклись с отсутствием благоустроенности и стабильности, из-за многолетней оторванности от почти утраченной цивилизации и ослабления нравственных императивов, особенно в солдатской среде, трудно было ожидать многочисленных примеров праведности.

Наиболее неприглядной стороной проявления человеческой сущности оказывались постой армейских частей в горских аулах. Как свидетельствовал А.Л. Зиссерман, во время постоев русских войск в ауле Большие Казанищи «у офицеров собирались шумные кампании с картами и выпивкой, большинство не прочь было зашибиться хмелем и побезобразничать. <...> Среди солдат случались и воришки, и буяны, и сквернословы»¹¹⁴³.

Реакцией мусульманского населения аула была настороженность и одновременно холодное презрение к тем, кто позволял себе публичные безобразия и слишком свободное отношение с женщинами.

В горской среде было распространено мнение о присущей русским распущенности нравов только потому, что они могли наблюдать особый тип русских людей – кавказских

¹¹⁴¹ Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Выпуск 5. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.33.

¹¹⁴² Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. – СПб., 1879. С.5.

¹¹⁴³ Там же. С.81.

военных, в составе которых находилось немало пройдох и людей, сосланных на перевоспитание за разнородные прегрешения. Но иной России и других русских горские жители не могли узнать в силу своей отдаленности и вынужденному общению с периферийными проявлениями русского мира, который из-за своей периферийности и пограничности сделался не совсем русским, хотя продолжал называться таковым.

Неожиданной формой и способом русско-кавказского взаимодействия сделались горские и вообще кавказские милиции, которые организовывались военными властями Кавказской армии или были инициативами местных владетельных князей¹¹⁴⁴. Они существовали на всем протяжении Кавказской войны.

При М.С. Воронцове горские милиции участвовали в Даргинском походе¹¹⁴⁵, при штурме аулов Салты и Гергебиль и во всех иных мероприятиях военного или полувоенного характера¹¹⁴⁶.

Кроме северокавказских милиций, они создавались и за Кавказом из местных народов Грузии или населения мусульманских провинций. Милицейские формирования, хорошо знакомые с природой и ландшафтом края, с нравами местных народов были не только хорошими помощниками русских в качестве проводников, разведчиков, конвоев, дорожной стражи, непосредственных участников тех или иных военных экспедиций, но в наибольшей мере соответствовали историческим условиям и местным традициям.

В русской военной среде бытовало различное отношение к кавказским милициям, но неизменно милиционеры оставались при войсках в большом ходу, составляя постоянные или временные формирования¹¹⁴⁷.

Между кавказскими милиционерами и русскими шел постоянный диалог, формы которого определялись специфическими условиями военного быта и военной мужской среды, с их по большей части неписанными правилами.

¹¹⁴⁴ Лапин В.В. Указ. соч. С.337-339; Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.62.

¹¹⁴⁵ Бенкендорф К.К. Воспоминания. С.258.

¹¹⁴⁶ ШССТАК. С.536-537.

¹¹⁴⁷ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.336-337.

Стороны настороженно всматривались друг в друга, вольно или невольно следили и комментировали все поступки и действия, так или иначе передававшие социокультурную сущность, собиравшихся там людей.

Между милиционерами и войсками возникал естественный обмен способами ведения войны, происходила демонстрация военного искусства, этнических и социальных нравов, мировоззрения и моральных устоев. Сосуществуя друг с другом, они пристально и пристрастно изучали друг друга, будучи представителями двух разных миров и культур, даже цивилизаций, которые силою обстоятельств обязаны были сожительствовать.

Ничего не ускользало из поля зрения, и всему выносилась оценка, формировалось отношение. Русский и кавказский миры в данном ракурсе сближались с наибольшей прямоотой, когда вся гама качеств, присущая каждой стороне, проявлялась наиболее выпукло и без всевозможных украшательств, хотя и односторонне, поскольку реализовывались в экстраординарных обстоятельствах военного быта.

Здесь стороны привыкали друг к другу, притирались и приучались слушать и понимать друг друга, перенимали повадки и те или иные черты, становившиеся их достоянием, новым опытом, постепенно, вкраплениями, изменявшими прежние устои. Так, присутствие кавказских милиций не только само по себе придавало русским войскам чрезвычайно своеобразный вид, но и наполняло сами действия русских ориентальными мотивами.

Например, кавказские милиционеры нещадно резали сдававшихся в плен, особенно в тех случаях, когда имели с противниками особые счета¹¹⁴⁸. Русские постепенно переняли от милиционеров эту привычку и после того, как обнаруживали случаи жестоких расправ над пленными и ранеными солдатами совершенными непримиримыми горцами, ожесточались и не оставались в долгу.

¹¹⁴⁸ Лапин В.В. Указ. соч. С.267; АКАК. – Тифлис, 1866. С.168-169.

Если перейти к характеристике российской стороны, то «русское завоевание Кавказа сопровождалось страстной увлеченностью завоеванным краем»¹¹⁴⁹, отчасти даже культурно-психологическим слиянием с ним.

Русские люди (дворяне и крестьяне, все по-своему) любили Кавказ, не горцев, полных ненависти к русским и отчаянно боровшихся против незваных пришельцев. Русские любили Кавказ, потому что там они становились другими. Там кардинально переменялась их жизнь, их мировосприятие, жизненные установки, а привычные понятия российского социума наполнялись иным, первоначальным смыслом, который был утерян в суеде светского существования среди дворян или растворился из-за социальной несправедливости в крепостнических основаниях крестьянского бытия. На Кавказе люди приобретали свободу, как состояние социального бытия, так и состояния духа.

Как свидетельствовал князь К.К. Бенкендорф: «Страна, подобная Кавказу, где место, занимаемое человеком – ничто, а сам человек – всё; страна, в которой, если для успеха движения не хватает общего импульса, то на помощь является добровольное и просвещенное содействие целой плеяды личностей; такая страна облагораживает человека, отдавшего ей душу и телом»¹¹⁵⁰.

По мнению Я.А. Гордина, «неудовлетворенному дворянскому сознанию Кавказ не просто как географическое и этнографическое, но и как метафизическое явление давал возможность ощутить бытийную полноту»¹¹⁵¹.

Кавказ вдохновлял и завораживал. Как писал В.Г. Белинский: «С ясной руки Пушкина Кавказ сделался для русских заветною страной не только широкой, раздельной воли, но и неисчерпаемой поэзии. Кавказ – эта колыбель поэзии

¹¹⁴⁹ Гордин Я.А. Зачем России нужен был Кавказ? Иллюзии и реальность. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. С.35.

¹¹⁵⁰ Бенкендорф К.К. Воспоминания // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.364.

¹¹⁵¹ Гордин Я.А. Указ соч. С.44.

Пушкина – сделалась потом и колыбелью поэзии Лермонтова»¹¹⁵².

Кавказ так воздействовал не только поэтов, но и композиторов, наполняя их произведения своими мотивами, как это было у М.И. Глинки, а А.А. Алябьев написал целый ряд романсов на кавказские стихи популярных поэтов¹¹⁵³.

Кавказ рождал даже особую породу в русских людях – кавказцев, которые росли в атмосфере нравственной самостоятельности и в живом деле вечной войны, требующем независимости, сметки и решительности»¹¹⁵⁴. В этой самостоятельности и решительности заключался «ключ к успеху во всякого рода практических делах. А тем более в таком практическом и живом деле как война, да еще и народная»¹¹⁵⁵.

Кавказцы составляли особую «партию», а, скорее всего, некое негласное и естественное содружество лиц и массы, основанием которого являлось «глубокое знание края и любовь к нему»¹¹⁵⁶.

Характеризуя эту породу людей, М.Ю. Лермонтов отмечал, что «кавказец есть существо полурусское, полуазиатское; склонность к обычаям восточным берет над ним перевес <...>»¹¹⁵⁷. Настоящие кавказцы – все люди военные, обитавшие на Кордонной линии. Каждый кавказец был «чужд утонченностей светской и городской жизни, он полюбил жизнь простую и дикую; <...> не зная истории России и европейской политики, он пристрастился к поэтическим преданиям народа воинственного. Он понял вполне нравы и обычаи горцев, <...> запомнил родословные главных семейств <...> знает, какой князь надежный и какой плут; кто с кем в дружбе и между кем и

¹¹⁵² Цит. по: А.С. Пушкин: исследования и материалы. - Л.: Наука, 1983. Т.11. С.20.

¹¹⁵³ Край наш Ставрополье. – Ставрополь: Шат-Гора, 1999. С.120.

¹¹⁵⁴ Бенкендорф К.К. Указ. соч. С.364.

¹¹⁵⁵ Там же.

¹¹⁵⁶ Там же.

¹¹⁵⁷ Лермонтов М.Ю. Кавказец // Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.И. Чистовой. – М.: Правда, 1989. С.590.

кем есть кровь. Он легонько маракует по-татарски. <...> Страсть его ко всему черкесскому доходит до невероятия»¹¹⁵⁸.

Одним из простейших признаков слиянности русских людей с Кавказом было их «подражание горцам в одежде, становившееся естественным обычаем»¹¹⁵⁹. Солдаты и офицеры по собственной инициативе, получив первый опыт войны и жизни в кавказских условиях, вносили изменения в свою форму, мало приспособленную для Кавказа.

Офицеры спешили приобрести себе бурку и меняли казенную шпагу, мало пригодную для настоящего боя, на кавказский клинок¹¹⁶⁰. Некоторые из них даже форменный сюртук заменяли черкесской¹¹⁶¹.

Помимо русских дворян кавказские казаки также не оставались в стороне от культурного влияния горских народов, тем более что имели много выходцев оттуда в своей среде¹¹⁶². Прежде всего, это влияние также проявлялось в одежде. Например, кабардинская одежда, первоначально заимствованная казаками стихийно, через некоторое время в силу её удобства и приспособленности к кавказскому военному быту, стала форменной одеждой казачьих войск¹¹⁶³.

Современные наблюдатели отмечали, что «приняв за образец боевое снаряжение от горцев, наше кавказское казачество, находясь при одинаковых военных потребностях с своими соседями <...> не отставало от них в военных стремлениях, так и в исправности своего боевого снаряжения. Щегольство лошадьми, одеждою, сбруею и оружием у казаков

¹¹⁵⁸ Там же. С.591.

¹¹⁵⁹ Гордин Я.А. Указ соч. С.36.

¹¹⁶⁰ Аноев А.А. Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. – 1877. Т.114. №4. С.406.

¹¹⁶¹ Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом // Военный сборник. – 1863. №7. С.168.

¹¹⁶² Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. №12. С.337.

¹¹⁶³ Вилинбахов В.Б. Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1982. С.240-241; Захарьин Н.Н. Кавказ и его герои. – СПб., 1902. С.289.

дошло, наконец, до того, что они в этом отношении перещеголяли черкесов»¹¹⁶⁴.

Кинжал, шашка в тонких сафьяновых ножнах, не производившие ни звука при передвижениях, сделались их любимым оружием¹¹⁶⁵. Для предохранения винтовок от сырости терские и кубанские казаки вместо обычных кожаных чехлов пользовались войлочными, как горцы. Казаки заимствовали у горцев и всю конскую сбрую, вплоть до медных стремян¹¹⁶⁶.

Лошади, на которых воевали кавказские казаки, большей частью были кабардинской породы, считавшейся лучшей на Кавказе. Посадка казака на лошади была совершенно горской, а потому его трудно было отличить издали от кабардинца¹¹⁶⁷.

Линейные казаки переняли у горцев джигитовку, удалство и блестящую храбрость¹¹⁶⁸ и, как отмечал внимательный наблюдатель, «казак линейский по-чеченски шашкою огонь вырубает и всегда наперед скачет»¹¹⁶⁹.

Очень скоро среди кавказских солдат и казаков утвердился обычай, заимствованный ими из горских нравов: считать самым большим позором оставлять в руках врагов тела убитых товарищей. С большим укором встречали в войсках части, «не выручившие своих убитых и раненых»¹¹⁷⁰.

Кроме того, в кавказских войсках утвердилось куначество между подразделениями разных полков. Князь А.М. Дондуков-Корсаков вспоминал, что когда часть кунаков проходила через расположение другого полка, то по обыкновению каждая рота или эскадрон угощали соответствующую кунацкую часть, выкатывали баки, кормили

¹¹⁶⁴ Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890. С.8.

¹¹⁶⁵ Потто В.А. Два века терского казачества. – Владикавказ, 1912. Т.2. С.136.

¹¹⁶⁶ Там же. Т.1. С.111.

¹¹⁶⁷ Беляев А.П. Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. – СПб., 1881. Т.32. С.24.

¹¹⁶⁸ Вилинбахов В.Б. Указ. соч. С.242; Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. – СПб., 1883. Т.5. С.198.

¹¹⁶⁹ Грибоедов А.С. Указ. соч. С.169.

¹¹⁷⁰ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания. 1845-1846 // Осада Кавказа. Воспоминания участников Кавказской войны XIX в. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2000. С.424.

на свой счет артельных лошадей, снабжали кунаков капустой, салом, луком¹¹⁷¹.

Такое боевое братство поддерживалось не только между солдатами кунацких полков, но и среди офицеров этих полков; «отношения эти составляли одну из самых дорогих и теплых связей кавказцев»¹¹⁷².

Кавказ был принципиально иным миром для русских. Чтобы принять и понять, чтобы впустить Кавказ в себя, русскому человеку необходимо было отойти на некоторое расстояние от мира России. Дистанция такого удаления и определяла близость к Кавказу. Казаки стояли в этом отношении к кавказскому миру гораздо ближе, чем другие русские. Кавказские военные ближе, чем жители русских губерний.

В конце 40-х и в первой половине 50-х гг. XIX в. война не особенно пугала или тяготила казаков и не слишком их разоряла: к ней привыкли. Мешала и тяготила невозможность спокойного труда, когда из-за частых горских набегов и грабежей приходилось все полевые работы или работы в садах проводить под прикрытием вооруженных команд.

Как сообщал по этому поводу А.Л. Зиссерман: «Каждый шаг среди, так сказать, мирной обстановки, выходя за ограду укрепления, за ближайшую черту лагеря, станицы или всякой другой стоянки, для водопоя, для покоса, для пастьбы лошадей, для рубки дров и т.п. надобностей – должен был сопровождаться обстановкой военных предосторожностей, иначе не избежать было кровавой катастрофы»¹¹⁷³.

Для обеих сторон особым средством поддержания отношений, а также своеобразной местной формой прибыльного бизнеса был обмен пленными. Война между непримиримыми сторонами неизбежно порождала плен как обычное явление всякой войны, но в кавказских условиях плен часто служил «основною задачею войны, её конечною целью, как добыча, как

¹¹⁷¹ Там же. С.419.

¹¹⁷² Там же.

¹¹⁷³ Зиссерман А.Л. Указ. соч. Часть II. С.18.

своего рода вознаграждение за военное предприятие, риск»¹¹⁷⁴, прежде всего для горских удальцов.

Пожива пленными, например, у черкесов, чеченцев, лезгин и многих других горских кавказских обществ «была одновременно явлением историческим и бытовым. <...> Пленника, ясыря можно было продать, купить и обратить в раба, в рабочую силу»¹¹⁷⁵.

Русским приходилось считаться с таким подходом горцев к пленным. Несмотря на то, что война диктовала свои правила в отношениях между противниками, требуя око за око, ей также принадлежал обычай: «возьми твое и отдай мое»¹¹⁷⁶. Исходя из последнего обычая, были возможны контакты, в результате которых обратно, к своим, в свои просторы, пленные могли попадать посредством выкупа, обмена или побега.

Как свидетельствовал Ф.А. Щербина, «у русских самым распространенным способом был выкуп, затем следовал обмен и побег», в то время как горцы «чаще всего шли на обмен, реже на выкуп и меньше всего на побег. Они не уходили из плена как по тому, что трудно было бежать из тюрьмы или крепости, так и потому, что русский плен не был рабством»¹¹⁷⁷.

Пленных чужаков обменивали на своих людей, на тела погибших в бою товарищей, на скот, на соль или другие товары, в том числе, на оружие или порох. С обеих сторон имелись для этого специальные агенты. Чаще всего ими были армянские купцы, имевшие в горах кунаков. За это они получали свой процент, а от российского командования именные серебряные медали, которые они очень ценили. Российской стороной выкуп пленных производился за счет войсковых сумм, благотворительных сборов или за счет родственников плененного¹¹⁷⁸.

Русские колонисты, солдаты или казаки были для горских удальцов более желанной целью, нежели горцы-соседи, поскольку это позволяло избегать неизбежного последствия –

¹¹⁷⁴ Щербина Ф.А. Указ соч. С. 517.

¹¹⁷⁵ Там же. С.518.

¹¹⁷⁶ Там же.

¹¹⁷⁷ Там же.

¹¹⁷⁸ Лапин В.В. Указ. соч. С.268-269.

канлы (кровомщения). Среди горцев по обычаям их «все члены каждого семейства обязаны защищать друг друга от врагов и мстить за кровь ближнего»¹¹⁷⁹.

Так, уводы одиночных людей в плен из Кахетии или с Кавказской линии были явлением обыденным. Горцы превратили это занятие в важную статью своего дохода, получая за пленных значительные деньги¹¹⁸⁰. Молодых женщин, мужчин, детей обоего пола сбывали в Турцию, Египет, Аравию.

Благодаря тому, что пленник имел определенную цену рыночного товара, пленных можно было относительно легко выкупить из горского плена, были бы для этого средства или товары, необходимые горцам.

Много пленных находилось в черкесских аулах. С людьми достаточными обходились относительно мягко, выдерживая взаперти некоторое время, сносно кормили. После пленения в русские крепости или станицы посылали лазутчиков с предложением о выкупе и сообщали запрашиваемую цену. Потом ждали ответного лазутчика с условиями места обмена и деньгами. За казачью старшину, офицеров или членов их семей требовали гораздо большую цену, чем за рядовых солдат или казаков¹¹⁸¹.

Такой же торговой тактики придерживалась и русская сторона. Русские плененных черкесских князей, дворян и известных наездников оценивали по более высокому ценам, чем рядовых горцев и членов их семей. В то же время «ловкие черкесские воры ценились дороже, чем честные и невороватые горцы»¹¹⁸².

Если горцы понимали, что их узники оказывались людьми бедными, и за них нельзя было получить выкупа, с ними не церемонились и нещадно мучили. Кормили плохо и изнуряли тяжелыми работами. Чаще всего их содержали в сырых и зловонных ямах, вырытых перед саклями, в которых

¹¹⁷⁹ Анучин Д. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.26.

¹¹⁸⁰ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.139.

¹¹⁸¹ Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у черкесов // В плену у горцев. Выпуск 5. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.60-64.

¹¹⁸² Щербина Ф.А. Указ. соч. С.519.

находилось от 3 до 5 сидельцев¹¹⁸³. Участь их была незавидной: они либо погибали от мучений или при попытках спастись бегством, либо оставлялись на долгие годы в рабстве, в качестве работников. Лишь единицам улыбалась судьба, и они обретали свободу с помощью счастливого случая или сердобольных молодых горянок, которые тайно от своих отцов и братьев помогали пленникам бежать¹¹⁸⁴.

Возвратившихся из плена солдат или казаков не всегда дома ждала теплая встреча, особенно тех, кто нарушал правила военной службы и не подчинялся требованиям дисциплины. Их командиры приказывали пороть возвращенцев палками или нагайками перед строем, чтобы те самовольно не отлучались из подразделений и не становились добычей горских «хищников». Это была наука другим, чтоб не повадно было. Как свидетельствовал Ф.А. Щербина: «Эта родительская мера отцов командиров практиковалась часто»¹¹⁸⁵.

Но дальше всех в этом отношении заходил генерал А.П. Ермолов: «Он возвел плен в преступление и карал за это преступление не только тех, кто попадал в плен, а и те семьи, от которых были отторгнуты пленники»¹¹⁸⁶.

Грозный генерал строжайше запрещал им выкупать своих родственников и членов семьи, чтобы не поощрять охоты на людей и пленопродавства, превратившегося в целую систему. Строгие запреты, однако, не исполнялись и выкупы, людей продолжались до самого конца войны, в том числе среди нарушителей был известный на Кубани генерал Г.Х. Засс, который в разное время выкупил и выменял у черкесов 424 человека русских пленных¹¹⁸⁷.

Кавказские власти пытались вразумлять горцев и требовали прекратить торговлю пленными, время от времени, собирая в крепостях влиятельных среди горцев людей или тех,

¹¹⁸³ Новикова-Зарина Е. Указ. соч. С.60-64; Ф.А. Щербина. Указ. соч. С.519.

¹¹⁸⁴ Новикова-Зарина Е. Указ. соч. С.82-91; Волконский Н. Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // В плену у горцев. Выпуск 4. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011.

¹¹⁸⁵ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.521.

¹¹⁸⁶ Там же. С.529-530.

¹¹⁸⁷ Там же. С.530.

кто был, так или иначе, связан с похитителями. Им грозили карами и разорением аулов. Вразумлениям, однако, мало внимали.

Тяжелую долю неволи несли и черкесские пленники, попадавшие к русским, которые их содержали в острогах или крепостях. Если обмен или выкуп не происходил вскорости после их пленения, горские узники часто заболели, слабели и быстро умирали. Здесь, однако, надо отметить, что горцы, как правило, долго не задерживались в русском плену, поскольку были для русской стороны в тягость. Их не превращали в рабов, не использовали в качестве рабочей силы и не считали «продажным товаром». Наоборот, пленные горцы были большой обузой, «которую требовалось кормить, и за которую нужно было присматривать»¹¹⁸⁸. В горах знали об этом и пользовались данным обстоятельством, чтобы с выгодой возвращать своих пленников, запрашивая при обменах лучшие условия в свою пользу.

В то же время тюрьмы и остроги неожиданно сделались для горцев своеобразным пространством межкультурной коммуникации и местом знакомства с имперскими порядками, вообще русскими на близком расстоянии.

Среди сидельцев крепостных замков встречались не только «хищники», захваченные на месте своего промысла, которых содержали под стражей большей частью не для наказания или вразумления, а с целью обмена на русских пленных, находившихся среди горцев¹¹⁸⁹.

С другой стороны эти «хищники» были воры и убийцы с точки зрения имперских законов, а потому их могли подвергать суду, которого те не понимали, «отдавали в арестантские роты или в солдаты и ссылали в Сибирь или во внутренние губернии России в административном порядке»¹¹⁹⁰.

Кроме «хищников» среди арестантов попадались горские «дезертиры», которые добровольно бежали к русским

¹¹⁸⁸ Там же. С.531.

¹¹⁸⁹ Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Выпуск 5. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.16.

¹¹⁹⁰ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.533.

либо от горских непорядков, либо скрывались от возмездия канлы за совершенные там преступления.

Даже находясь под арестом в крепостях и тюрьмах, они сразу же окунались в инокультурную среду, резко отличную от всего прошлого их жизненного опыта, от односложного и военизированного быта. Как сообщал Ф.А. Щербина, «из всех благ русской цивилизации больше всего прельщал рядовых черкесов белый русский хлеб»¹¹⁹¹.

Прожив какое-то время в русской среде, хотя бы такой своеобразной, какой была арестантская обстановка, часть черкесов заявляли русским властям, «что они убежали с тою целью, чтобы заняться земледелием у русских»¹¹⁹².

Горские перебежчики бежали к русским не от военной службы, которой они не страшились, поскольку сам их быт был изначально пронизан милитаристскими устоями, они бежали в русские пределы «от тяжелых экономических условий» и желания «воспользоваться выгодами мирной жизни»¹¹⁹³.

Среди военнопленных горцев был контингент людей, в отношении которого в русских пределах относились в известной мере с заботливостью, по крайней мере, им не причиняли вреда. Речь в данном случае идет о пленных женщинах и детях, которых захватывали во время карательных экспедиций в горы.

После определенного времени нахождения их под стражей в карантине, детей отдавали на воспитание в приличные семьи, причем девочек — только под опеку исключительно женщинам.

Отдельной стороной русского плена являлись аманаты (заложники), бывшие обыденной повседневностью кавказской действительности на протяжении всего периода Кавказской войны. Институт аманатства был заимствован русскими у горцев, которые пользовались им испокон веку. Сотни аманатов находились у имама Шамиля.

Обычай брать аманатов стал частью политической практики во взаимоотношении российских властей с

¹¹⁹¹ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.531.

¹¹⁹² Там же.

¹¹⁹³ Там же.

непокорными горскими обществами. Аманатов выдавали на определенный срок в знак гарантии достигнутых между сторонами политических договоренностей¹¹⁹⁴.

Аманатами чаще всего были дети или родственники горских князей, старшин или ногайских мурз. Они обладали в кавказской среде высоким статусом в силу своего происхождения и родовой принадлежности. Им полагалось оказывать особые знаки внимания.

В инструкциях, даваемых комендантам крепостей, в которых содержались аманаты, предписывалось: «Обходиться с ними осмотрительно, осторожно, справедливо, приветливо, с умеренною ласкою, но не раболепно»¹¹⁹⁵. Но предписания и реальная практика слишком различались. Самым знаменитым аманатом был сын имама Шамиля Джамал Эддин.

Содержание аманатов обходилось казне не дешево и менялось в зависимости от политической конъюнктуры. Если горские владельцы нарушали договоренности – расходы на содержание аманатов снижались. В то же время сами расходы не всегда были достаточными для поддержания жизни аманатов на должном уровне, особенно в первые десятилетия этой практики.

Так, барон Г.В. Розен просил военного министра А.И. Чернышева увеличить сумму, отпускаемую на ежедневное содержание одного аманата до 1 руб. ассигнациями, поскольку назначенных для этой цели 25 копеек было недостаточно, чтобы предоставлять им сносные условия существования¹¹⁹⁶.

Разъясняя сложившуюся ситуацию, барон отмечал, что в силу того, что «аманаты суть дети почетных старшин, <...> родители их, по понятию своему, считая их у нас в гостях, и потому, по правилам гостеприимства своего, считая их на полном попечении нашем, не обновляют их одежды»¹¹⁹⁷.

Последствием этого было то, о чем свидетельствовал А.С. Пушкин, когда он во время своего путешествия по Кавказу

¹¹⁹⁴ Нефляшева Наима. Аманаты – политические заложники //URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.

¹¹⁹⁵ Там же.

¹¹⁹⁶ АКАК. – Тифлис, 1881. Т. VIII. С. 651.

¹¹⁹⁷ Там же.

во Владикавказской крепости видел черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков, которые проказили и бегали по крепости. Их содержали в жалком положении. Они ходили в лохмотьях, полунагие и в отвратительной нечистоте¹¹⁹⁸. От этого дети горцев болели и умирали. Так, например, умер в Кизлярской крепости сын алдара Темирбулата Ахполова¹¹⁹⁹.

Кроме того, за неимением свободных строений в укреплениях, они помещались вместе с преступниками и арестантами на гауптвахтах¹²⁰⁰. В 1828 г. по сведениям полковника Я. Кухоренко, только от адыгов было взято 916 аманатов¹²⁰¹.

Экономия или точнее, ненужная скупость, предоставляя самую ничтожную выгоду казне, по мнению барона Г.В. Розена, много вредила «мерам, принимаемым к покорению горцев»¹²⁰². Дети-аманаты, терпя голод и холод, пренебрежение и грубости от своих надзирателей, уносили с собой самые неприятные впечатления о времени, «так сказать, выстраданном на русской стороне»¹²⁰³, которые вместе с взрослением их только усиливались, и которые трудно впоследствии было изгладить из их памяти.

Некоторые из аманатов находились среди русских от 13 до 20 лет. Их численность постоянно изменялась, что было связано с политической ситуацией в той или иной части Северного Кавказа.

Число аманатов всегда возрастало после русских экспедиций в горы. После взятия непокорных аулов почти всегда были пленные, которых, по возвращении экспедиции в русские пределы, сортировали согласно установившегося опытом порядка. Взрослых мужчин, т.е. старше 20 лет,

¹¹⁹⁸ Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум // Сочинения в 3 т. – М.: Художественная литература, 1971. Т.3. С.553.

¹¹⁹⁹ Бязырова В. Кавказцы в аманатах. Сыны Кавказа в заложниках у российских захватчиков // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html>.

¹²⁰⁰ АКАК. Т.VIII. С.651.

¹²⁰¹ Малахов И. Аманат аманату – рознь // URL: <http://www.priazovka.ru/stranicy-istorii/4178-amanat-amanatu-rozn/>.

¹²⁰² АКАК. Т.VIII. С.651.

¹²⁰³ АКАК. Т.VIII. С.651.

причисляли без всякого разбора к мюридам и отсылали в арестантские роты сроком на 10 лет, поскольку по имперским понятиям, степень их преступления была одинакова. Пленных, не достигших двадцатилетнего возраста, отсылали в батальоны военных кантонистов¹²⁰⁴.

Российские власти предполагали, что суровая армейская служба могла эффективно перевоспитывать людей, поскольку, по мнению А.В. Кухарук: «Скрепленная железной дисциплиной армия не боялась неблагонадежного материала. В её среде перерабатывались в хороших солдат и преступники»¹²⁰⁵.

В 40-50-е гг. XIX века положение аманатов стало постепенно меняться. Князь М.С. Воронцов видел в аманатах возможных агентов русского влияния в горских элитах. По его предписаниям местные начальники, в ведении которых были аманаты, стали больше стараться прививать им элементов российской культуры, передавая их на воспитание в полки, или отправляли военные училища.

Такое обучение не слишком отрывало горских детей от привычной для них культурной среды, полной милитаристских мотивов, позволяло в полной мере развивать их природные и культурные задатки к пользам российских властей и не препятствовало их личностной самореализации.

В Черномории аманатов, все по той же причине, что и прежде: за неимением свободных помещений в крепостях, чтобы не держать их вместе с уголовниками, стали размещать по разным станицам в семьях тамошних жителей и начали обучать русской грамоте в школах.

Кавказские власти стали осознавать ту реальную политическую и культурную выгоду, которую можно было извлечь от пребывания аманатов среди русских. В крепостях гораздо шире, чем прежде стали создавать условия для обучения аманатов, а если не удавалось там открывать школу, отправляли аманатов по городам. Аманатские школы были во Владикавказе,

¹²⁰⁴ РГВИА. Ф.13454. Оп.2. Д.638. Л.1-3.

¹²⁰⁵ Цит. по: Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык // Кавказский сборник. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Т.6 (38). С.66. С.63-115.

Георгиевске, Гори, Дербенте, Ейске, Екатеринодаре, Кизляре, Моздоке, Нальчике, Тифлисе.

Горских детей учили говорить, читать и писать по-русски. Многие из них выказывали сметливость и быстро осваивали предлагаемые науки. Овладев русским языком, бывшие аманаты становились переводчиками, некоторая часть из них продолжала обучение в частных пансионах, гимназиях, кадетских корпусах.

Первый транспорт с малолетними уроженцами Кавказа был направлен в Петербург еще в 1830 г. С тех пор ежегодно направлялось туда до 30 человек горских детей-аманатов¹²⁰⁶. Российские власти были заинтересованы, чтобы наиболее знаковые для Кавказа аманаты были представлены на русской службе и делали бы там успешную карьеру.

Таким аманатом был первый русский генерал из осетин Асланбек Туганов, воспитывавшийся в семье русского офицера, ставший впоследствии командиром собственного ЕИВ Конвоя в Петербурге. Аманатом был и прославленный на Кавказе генерал Мусса Кундухов¹²⁰⁷, а сын Шамиля Джемал Эддин находился в сфере внимания самого императора Николая I, который часто заходил в Александровский кадетский корпус, где тот был воспитанником. Вместе с Джемал Эддином обучались дети горских старшин Аважуко Тулатов, Уруспи Алдатов, Амза Махтиев¹²⁰⁸.

Кроме того, воспитанниками Моздокской аманатской школы были дети старшин Алагирского ущелья: Петр, Павел и Харитон Хетагуровы, Андрей Битаров, Феофан Карабугаев, Боро Мамиев, Иван Наниев¹²⁰⁹.

С другой стороны, многолетнее удержание аманатов из влиятельных кавказских фамилий, порождало стремление их родственников любыми способами вернуть их обратно в кавказскую среду, тем самым освободиться от рычагов

¹²⁰⁶ Каширин В.Б., Муханов В.М. Указ. соч. С.73.

¹²⁰⁷ Бязырова В. Указ. соч. // URL: <http://Livejournal.com iron-adnan./21920.html>.

¹²⁰⁸ Каширин В.Б., Муханов В.М. Указ. соч. С.75.

¹²⁰⁹ Бязырова В. Указ. соч. // URL: <http://Livejournal.com iron-adnan./21920.html>.

российского давления. При отсутствии или невозможности привычных и доступных мер договориться с российской стороной, горцы могли прибегать к мерам экстраординарным.

Так, имам Шамиль, чтобы вернуть своего сына Джамал Эддина и нескольких своих ближайших родственников приказал Гази-Магомету совершить налет на Телавский уезд и захватить в заложники семейства видных грузинских аристократов, имевших тесные связи с российскими властями. Они должны были стать козырями в руках Шамиля.

Горцами были захвачены семейства князей Д.А. Чавчавадзе и И.Д. Орбелиани, к которым присоединили взятых в плен 322 человек мужчин и 349 человек женщин, причинив общий убыток от вторжения в 353000 рублей¹²¹⁰. Это вынудило Петербург и кавказские власти приложить максимум усилий, чтобы вернуть из плена захваченные семейства. Николай I потребовал скорейшего освобождения похищенных княгинь, бывших «родными внуками последнего грузинского царя»¹²¹¹.

В сентябре 1854 г. имам Шамиль выдвинул условия обмена пленными. Он требовал вернуть Джамал Эддина, находившегося среди русских в течение 15 лет, а также вернуть своего племянника Гамзата, отданного в аманаты в 1837 г., сына Алибека Харасалоу Аварского и сына Гамзада Шейх-Ислама, бывших в аманатах с 1839 г., и еще 116 пленных¹²¹².

Обе стороны придавали большое значение своим пленным, а потому вопрос был разрешен посредством их обмена.

Кавказская действительность предъявляла также как способ своеобразной коммуникации - набег. Дм. Анучин подразделял набеги черкесов на территории, находившиеся под контролем русских, на два вида: «для хищничества и большие

¹²¹⁰ АКАК. Т.Х. С.566; Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов. Сборник документальных материалов / Под ред. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Груз.ССР, 1953. С.416; Георгиев В.А., Георгиева Н.Г. Кавказская война (1829-1867 гг.) // Сборник РИО. Т.2 (150). – М., 2000. С.168.

¹²¹¹ АКАК. Т.Х. С.564.

¹²¹² АКАК. Т.Х. С.566.

военные предприятия против станиц или укреплений, а иногда и селений, лежащих даже за передовыми линиями»¹²¹³.

Для «хищничества» собиралось несколько смельчаков, которые под предводительством вожака, хорошо знавшего местность, переправлялись через Лабу или Кубань, таились в камышах, выжидая по несколько дней «оплошных прохожих и проезжих»¹²¹⁴. Чаще всего в «хищничества» отправлялись те из черкесов, которые не любили работать и получали главную наживу от таких предприятий. Они могли проводить в засаде по несколько дней, «переноса с удивительным терпением и выносливостью голод, холод и скуку. В лесу, сидя на деревьях, скрытые густой листвой, в камышах, стоя часто часами по горло в воде. <...> Именно они были самыми докучливыми врагами русских»¹²¹⁵.

Никакая бдительность кордонной стражи не могла уберечь русских рубежей и порубежных жителей от бедствий, причиняемых им «хищниками». Как писал П.П. Короленко: «Темные и бурные ночи, прибрежные тростниковые и кустарниковые заросли и зимняя стужа, обледенившая быстрое течение Кубани, давали полную возможность хищным горцам переходить незаметно на нашу сторону для грабежей и разбоев»¹²¹⁶.

Стычки с такими партиями черкесов продолжались беспрерывно, и, по свидетельству очевидцев, «в течение года не проходит и часа, в который враждующие стороны не обменялись бы десятью ружейными выстрелами»¹²¹⁷.

Если «хищники» подъезжали к станицам, то ими отгонялись иногда стада и табуны или брали в плен попавшихся жителей, а потом стремительно возвращались в свои пределы, часто преследуемые казаками.

¹²¹³ Анучин Д. Указ. соч. С.28-29.

¹²¹⁴ Там же. С.29.

¹²¹⁵ Теофил Лапинский (Тефик-бей). Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. С.183.

¹²¹⁶ Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696-1896). Исторический очерк. – Екатеринодар, 1896. С.42.

¹²¹⁷ Теофил Лапинский (Тефик-бей). Указ. соч. С.183.

Если планировалась военная операция против станиц и укреплений, в этом случае влиятельные среди черкесов люди объявляли на народном собрании «о намерении своем и необходимости для общей безопасности предпринять набег на Линию»¹²¹⁸.

В этом случае на таком собрании определялось, сколько всадников и пеших людей выставит каждое общество. Каждый воин должен был явиться на сборное место, которое указывал предводитель, с оружием, лошадью и запасами продовольствия.

Когда осуществлялся набег в виде военной операции, то его задачей было не столько получение добычи, сколько попытка запугать русских поселенцев, сжечь их дома и посеять между ними панику, создать невыносимые условия для их существования. Проводя военную операцию против станиц, черкесы придерживались стратегии измора, совершая частые и скоротечные рейды на вражескую территорию. Они старались держать людей в систематическом напряжении и страхе, парализовать их хозяйственную деятельность в надежде на то, что русские поселенцы и войска уйдут, как это делали сами черкесы, сталкиваясь с аналогичными угрозами.

Если целью атаки было укрепление, то черкесы стремились его разрушить, а гарнизон истребить, т.е. снова утратить и заставить уйти.

Давая характеристику таким действиям черкесов, современный исследователь адыгского военного искусства А.А. Остахов подчеркивает, что «антикордонная война» черкесов была нацелена на уничтожение Кавказской линии, путем медленного истощения её потенциала¹²¹⁹.

Казачьи не менее горцев были втянуты в набеговую систему войны, поскольку их давние традиции мало, чем отличались от горских¹²²⁰, а, кроме того, набег помогали им умерить пыл их беспокойных соседей и принести компенсацию

¹²¹⁸ Ануцин Д. Указ. соч. С.29.

¹²¹⁹ Остахов А.А. Состояние военного искусства адыгов в XV-XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2011. С.21.

¹²²⁰ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.808-810.

за причиненный ущерб¹²²¹ и «чтоб нанести им поражение в сердце их оседлости»¹²²².

Казачьим командирам удалось выхлопотать от Петербурга позволение «карать горцев в их земле тот час же после каждого их нападения»¹²²³. Пользуясь этим, кордонная стража ничем не стеснялась в преследовании и наказании горцев за чертой пограничной линии.

При этом, как свидетельствовал Ф.Ф. Торнау, «схватки наших линейных казаков с горцами были беспощадны: обе стороны дрались под влиянием чувства личной ненависти и мщения за убитых братьев, за разграбленное имущество, за похищенных жен и детей»¹²²⁴.

Если казакам приходилось сталкиваться с абреками, самыми изощренными «хищниками», «когда сила брала, истребляли их до последнего человека. Ни казаки, ни черкесы никогда не просили и не давали пощады»¹²²⁵.

Ходили в набеги против горцев и покорные русским черкесо-гаи или закубанские армяне, ранее жившие рассеяно среди разных горских народов. Генерал Г.Х. Засс собрал их вместе и поселил одним большим аулом Джаур-Хабль на левом берегу Кубани. Всех жителей данного аула к началу 40-х гг. XIX века насчитывалось до 5000 человек¹²²⁶.

Проведя долгое время среди черкесов, закубанские армяне приобрели многие черкесские обычаи, но сохранили «по всей его силе промышленный дух, свойственный их племени и отличающий их и доньне»¹²²⁷.

Они вели торговлю среди горцев, говорили на их языках, имели в горах кунаков, хорошо знали горы и Закубанье, давали русским лазутчиков и выставляли милицию. Время от времени и с разрешения начальника Кубанской линии собирали партии для

¹²²¹ Лапин В.В. Указ. соч. С.335.

¹²²² Короленко П.П. Указ. соч. С.38.

¹²²³ Там же. С.41.

¹²²⁴ Торнау Ф.Ф. Секретная миссия в Черкессию русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1999. С.211.

¹²²⁵ Там же. С.95.

¹²²⁶ Анучин Д. Указ. соч. С.17.

¹²²⁷ Там же.

набегов на непокорные племена, для отмщения за грабежи, которым подвергались в горах, нередко отбивая большие табуны и стада.

Проводили набеги-экспедиции против горцев и армейские части Отдельного Кавказского корпуса. В Черкесии или Чечне эффект их был не всегда таким, на какой рассчитывало армейское командование. Если не удавалось застигнуть горцев врасплох, те успевали прятать свои семьи, пожитки и скот в горах или отдаленных лесных чащобах, оказывали жесткое сопротивление, а потом исчезали. Черкесы и чеченцы довольно легко расставались со своими прежними жилищами, возводя без особых трудов новые в скрытном отдалении от русских.

В Дагестане, где в одном ауле могло проживать по несколько сотен семей, ситуация была несколько иной. Разорение аула во время войсковой операции там было всегда тяжелым ударом для горцев, так как они в таких аулах складывали свое продовольствие и их дома строились из камня¹²²⁸.

Во время таких экспедиций горцам некуда было отступать, а после всегда кровопролитного штурма селения могли быть разрушены настолько, что их возобновление на прежнем месте становилось невозможным из-за материальных и людских потерь, либо требовали весьма длительного времени и значительных трудов.

Несмотря на столько жесткие формы взаимодействия, какими были набеги, проводившиеся с обеих сторон, участники их многому учились и узнавали характер и особенности культуры друг друга. Обогащались не только военные приемы и опыт сторон, изменялось понимание Кавказа русскими, а русских - горцами. Возрастало любопытство с обеих сторон.

Например, русские научились у черкесов их необыкновенному искусству «предсказания погоды – по полету бабочек и прыжкам кузнечиков, по состоянию полевых цветов,

¹²²⁸ Теофил Лапинский (Тефик-бей). Указ. соч. С.198.

по цвету, густоте и протяженности облаков, окутывавших горы».¹²²⁹

Среди офицеров русской армии и вообще дворян, бывавших на Кавказе, постепенно вошло в обычай, собирать горских детей-сирот и отправлять в гарнизоны или города на воспитание.

Некоторые из горских детей отправлялись на воспитание в собственные семьи офицеров-дворян в Россию¹²³⁰, где те впоследствии получали хорошее образование и знание российской имперской действительности. Как правило, по прошествии многих лет они возвращались в свои горы, не потеряв своего патриотизма, становились проводниками имперских смыслов в кавказскую среду.

Пребывание среди русских, жизнь в Петербурге, Москве, участие в составе российских войск в европейских походах (Кавказский - Горский полуэскадрон в Польшу в 1830-1831 гг. и в Венгрию 1849 г.); знакомство с европейским образом жизни и яркими представителями русской культуры, светские знакомства, чтение разнообразной литературы, посещение театров, музеев, библиотек; обучение в университетах и гимназиях – всё вместе заряжало горцев новыми ценностями, на базе которых стала формироваться собственная горская интеллигенция, сыгравшая впоследствии роль просветителей своих народов.

Одним из таких мальчиков был 11-летний Лукман Кодзоков, которого привезла с Кавказа мать поэта А.С. Хомякова, который стал ему крестным отцом. И.Л. Андроников, сообщал, что Кодзоков жил в доме Хомяковых в Москве, а лето проводил с ними в их тульском поместье Богучарове¹²³¹, «пользовался постоянно дружбою своего крестного отца, отдававшего ему значительную часть своего времени»¹²³².

¹²²⁹ Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. Статьи, очерки, эссе. - М.: Русская панорама, 2001. С.209.

¹²³⁰ Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: Худ. лит-ра, 1977. С.508-510.

¹²³¹ Андроников И.Л. Указ. соч. С.508.

¹²³² Ляковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков. Его биография и его учение // Русский архив. – 1896. №11. Часть I. С.355.

А.С. Хомяков для получения знаний жизни отправлял своего воспитанника в Петербург к своим друзьям – А.В. Веневитинову, которого просил помочь молодому черкесу советом¹²³³.

С 1830 по 1834 гг. Л. Кодзоков обучался в частном учебном заведении профессора Павлова, где изучал языки: русский, латинский, греческий, французский, немецкий и английский; науки: закон божий, священную и церковную историю, физику, логику, риторику, географию, статистику, русскую и всеобщую историю, арифметику, геометрию, алгебру; искусствам: рисование и музыку.

С 1834 по 1838 гг. Л.М. Кодзоков проходил курс в Московском императорском университете, где слушал лекции вместе с Ф.И. Буслаевым, Ю.Ф. Самариним, М.Н. Катковым. Эти люди (М.Н. Катков) были знакомы и участвовали в кружке Н.Станкевича и дружили с В.Г. Белинским. Среди знакомых Л. Кодзокова были Т. Грановский, В. Боткин, М. Бакунин, братья Киреевские и Аксаковы – «в этой среде должен был сформироваться человек очень высокой культуры»¹²³⁴, каким сделался Л.М. Кодзоков¹²³⁵. В 1840-е гг. он вернулся в Кабарду.

Содержал на воспитании чеченского мальчика Муссу, ставшего сиротой после военной экспедиции против селения Амир Аджи-юрт, считавшегося «скопищем хищников», кавказский помещик А.Ф. Ребров. Мальчика передала ему майорша, вдова Е.С. Савельева из станицы Наурской, у которой он находился в течение одного года после того, как полковник Петров выбрал его из числа взятых в плен малолетних чеченских детей¹²³⁶. По достижении юношеского возраста и принятия крещения Мусса поселился «у казаков в станицах Моздокского полка»¹²³⁷.

Принятие горских детей-сирот в русские семьи на воспитание было довольно широко распространено по всей

¹²³³ Андроников И.Л. Указ. соч. С.509.

¹²³⁴ Там же. С.511.

¹²³⁵ Кумыков Т.Х. Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. – Нальчик: Эльбрус, 1962.

¹²³⁶ ГАСК. Ф.79. Оп.1. Д.1589. Л.3-3 об.

¹²³⁷ Там же. Л.15.

линии соприкосновения русских с горцами и продолжалось весь период вооруженного противостояния на Кавказе.

Кавказ, как уже подчеркивалось ранее, в восприятии русских был ипостасью другого мира, в котором, как им казалось, возможна была реализация самых сокровенных желаний, вместилище всех и всяческих свобод. По этой причине и в связи с этим среди казаков Терека или Кубани, а также солдат было много дезертиров.

Дезертирство порождалось, в том числе и тем, что российское государство через казачьих атаманов требовало от казаков переменить сложившийся и привычный для них образ жизни, настаивая на том, что «линейный казак не хищник, а воин Христов»¹²³⁸.

Среди многих предприимчивых людей к жажде своевольничать, примешивалось сожаление «об отнятой государством вольной жизни <...> явилось озлобление к власти»¹²³⁹. Потому они открыли для себя способ поддерживать старину в своей жизни – бежали к непокорным горцам, вместе с которыми воевали против своих. В былые времена, по свидетельству Ф.А. Щербины, «Черномория вообще славилась своими разбойниками, стяжавшими известность на Кавказе и юге России»¹²⁴⁰. Эти люди «искали в тревожной жизни черкесов забвения от неудач и горькой доли на родине»¹²⁴¹.

Так, в 1841 г. бежал к горцам сотник Лабинского полка Атарщиков вместе с находившимися у русских абазинскими узденями Шереметом Лоовым и Лафишевым. Скоро Атарщиков возглавил партию из 40 горцев и вместе с ними вторгся в пределы Кавказской линии с хищническими целями. В 1844 г. Атарщиков перешел в мусульманскую веру и женился на дочери узденя Мисоста Энарукова и поселился в ауле, располагавшемся на реке Курджипс. С Курджипса Атарщиков много раз совершал набеги вместе с черкесами на казачьи станицы, а в 1845 г. ходил в разбойный рейд к Ставрополю. В этом предприятии он был ранен своим слугою казаком Головкиным и передан в руки

¹²³⁸ Гордин Я.А. Указ. соч. С.126.

¹²³⁹ Гордин Я.А. Указ. соч. С.126.

¹²⁴⁰ Щербина Ф.А. Указ. соч. С.810.

¹²⁴¹ Там же. С.812.

казачьей команды Новогригорьевского укрепления. По дороге в укрепление Атаршиков умер от потери крови¹²⁴².

Кроме того, была в Черномории и другая категория перебежчиков, условно говоря, - перекасти-поле. Этих людей не привлекала ни боевая жизнь, ни грабежи или разбой. Это были люди мирных наклонностей, которые переходили или перебежали с места на место не с преступными целями, а с целями поиска лучшей доли. Сущность их поступков выражала народная поговорка: «рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Такие люди, отмечал Ф.А. Щербина, «искатели удобных для жизни мест, попавши в Черноморию и не найдя в ней того, чего они искали, оставляли войско и скрывались в другие места»¹²⁴³.

Дезертиры притеречных районов перебирались через Терек в непокорные аулы, откуда их под конвоем доставляли к шамилевским наiban, определявшим их судьбу. Чеченцы быстро наводили справки о тех, кто искал и них убежища, и «чем большим числом преступлений на Линии сопровождался побег, тем желаннее принимался дезертир»¹²⁴⁴. Эти люди обеспечивали свою будущность среди горцев, но навсегда лишали себя возможности вернуться в свои станицы.

Дезертиры, после выяснения всех обстоятельств их побега, распределялись по аулам. Наиболее надежные с точки зрения горцев перебежчики были собраны по приказу имама Шамиля в одном селении, невдалеке от горского политического центра – аула Дарго. В 1852 г. в таком селении проживало до 150 человек перебежчиков, из которых 10 имели там семьи и детей. Все они занимались мирным земледельческим трудом, выращивали кукурузу и заготавливали сено. Часть перебежчиков работали в горах, на рудниках, и некоторое число из них были определены служить в имамской артиллерии¹²⁴⁵.

Те дезертиры, которые не имели авантюрного характера и вкуса к разбоям, всегда находили в аулах заработок, часто перепродавались от одного хозяина другому. Кроме того,

¹²⁴² Там же. С.815.

¹²⁴³ Там же. С.811.

¹²⁴⁴ Гордин Я.А. Указ. соч. С.121.

¹²⁴⁵ Там же. С.122.

беглые казаки могли «не только получить у горцев полноправие, но семью и безбедное существование, стоило только принять ислам»¹²⁴⁶. Надо признать, что многие перебежчики так и поступали, чему косвенным доказательством могла служить та степень свободы и то доверие, которым пользовались беглые казаки среди чеченцев.

Те из беглых казаков, которые не желали жить мирным трудом среди чеченцев, искали себе средства к жизни путем грабежа и набегов на казачьи станицы, воруя там лошадей и иной скот, а также путем захвата русского населения с целью получения выкупа или перепродажи в рабство¹²⁴⁷.

Перебежчики составляли около половины состава личной гвардии имама Шамиля¹²⁴⁸, которая держала оружие постоянно наготове, поскольку даже высокий статус имама «не мог служить защитой от тех, кто считал его ответственным за гибель родственников»¹²⁴⁹.

В Дарго находилось до 400 русских солдат беглых и пленных; все они жили вместе в отдельной казарме. Через каждые 2-3 дня они проводили учения под командой перебежчика по имени Идрис¹²⁵⁰.

В ауле Ведено, окопанном по обеим сторонам речки Хул-Хул, в хорошо устроенном сарае хранились 8 крепостных орудий, за которыми смотрели беглые солдаты, деятельно занимавшиеся постройкой орудийных лафетов, зарядных ящиков и колес. Всего в Ведено проживало до 300 человек перебежчиков, вооруженных разнокалиберными азиатскими ружьями, пистолетами и шашками. Все они были одеты в черкески. Жили довольно хорошо и были «своевольны в своих поступках»¹²⁵¹.

Солдаты большею частью были женаты на чеченках, но были среди солдатских жен и русские женщины. Все семьи

¹²⁴⁶ Там же. С.123.

¹²⁴⁷ Там же. С.124; Волконский Н. Семь лет в плену у горцев (1849-1856). – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011.

¹²⁴⁸ Лапин В.В. Указ соч. С.103.

¹²⁴⁹ Там же. С.98.

¹²⁵⁰ РГВИА. Ф.846. Д.6535. Лл.128-130 об.

¹²⁵¹ ЦГА РСО-А. Ф.104. Оп.1. Л.116.

шамилевских телохранителей были многодетными. Доверие к ним со стороны Шамиля было таким, что он не препятствовал своим детям бывать в расположении перебежчиков¹²⁵².

Зная о перебежчиках, приближенных к Шамилю, князь М.С. Воронцов пытался найти к ним пути влияния и перевербовки. Наместник надеялся оторвать их от имама и тем самым значительно ослабить его военные силы, поскольку беглые солдаты составляли основной контингент шамилевских артиллеристов, а также подать пример обратного выхода с гор для неустойчивых или раскаявшихся.

М.С. Воронцов через ловких лазутчиков отправлял в горы к перебежчикам воззвания, обещая от имени российского императора прощение, кроме тех, кто обвинялись в убийствах и тех, «которые бежали с часов»¹²⁵³. Редко кто откликался.

Перебежчиками к горцам становилась часть людей, которые выбирали горский мир как наиболее подходящий строй жизни к их складу ума и способу традиционного существования, свободного от контролирующей руки государства. Миропонимание этих людей не могло выйти за рамки установок традиционного бытия, сформировавшегося на пограничной периферии. Потому бегство в горы осуществлялось ими сознательно в поисках воли, которую они обретали в инокультурном пространстве, укрываясь от жестких рамок социокультурных требований регулярной государственности.

Исследуя многочисленные проявления межкультурных контактов, протекавших в пространстве Кавказского края во время наместничества князя М.С. Воронцова, следовало бы задаться вопросом: насколько князь-наместник влиял на их ход и были ли в его арсенале средства такого влияния?

Межкультурная коммуникация не может определяться только официальными властями и их усилиями. Они могут лишь задавать темп, отчасти направленность, в какой-то мере формы, но не более того, дав ход механизму межкультурного взаимодействия самим фактом присутствия России в Кавказском крае. Дальше события разворачиваются по

¹²⁵² Там же.

¹²⁵³ ДГСВК. С.486.

собственной, непреднамеренной траектории реализации народной жизни.

Если в том и была какая-то преднамеренность, то, если эту преднамеренность пытались определять официальные власти, часто их усилия гасли в интерференции волн и событий многофакторного процесса, который определялся больше сущностью и характерными особенностями самих вступающих в контакт культур.

Межкультурные взаимодействия, не спрашивая властей о языках, способах и формах, часто осуществлялись скрытно от глаз властных усилий в системе тайной локальности и латентности.

Князь-наместник мог только догадываться по каким-то сопутствующим следствиям о существовании того или иного способа взаимодействия, отражавшегося в панораме событий, рождавшихся от активной деятельности русского мира в социальном пространстве Кавказа.

Наместник мог отреагировать на информацию, которую он получал из многих источников, и собственными усилиями, личной жизнью, усилиями множества людей, находившихся с ним по одну сторону и оперирующими инструментами культурной парадигмы русского мира, предложить Кавказу условия гармонического сосуществования, или, по крайней мере, добиваться снижения накала противостояния.

Князь М.С. Воронцов, находясь в системе объективных и субъективных координат межкультурной коммуникации, искал путей воздействия и появления условий для созидающей интеграции России и Кавказа.

Можно ли было в данных обстоятельствах выявить голос властной воли наместника в безбрежной по масштабам стихии межкультурных контактов?

Можно, но голос его не мог побороть стихийной (естественной) заданности, лишь, время от времени, возвышаясь и выделяясь определенной отчетливостью над безмерным многоголосием социокультурной сферы, реализующейся в пространстве кавказского мира.

Одно было определено – князь-наместник много и активно трудился, пытался понять и услышать Кавказ, пытался

говорить ясно и отчетливо, артикулируя кавказскому миру, цель России и надеялся быть услышанным в свою очередь.

В связи с этим, происходившие процессы не только определялись стихийными (естественными) факторами и ресурсами народного существования, но совершались также при благорасположении и одобрении наместника там, где он мог оказывать на них прямое или опосредованное влияние.

Жившие в Тифлисе представители высшего грузинского и армянского дворянства быстро усвоили европейский костюм и образ жизни. Эти люди старались если не перешеголять, то не отставать от русских в убранстве комнат, красоте экипажей или пышности туалетов¹²⁵⁴.

Люди, прибывшие с князем М.С. Воронцовым, и те, кто приезжал туда из столиц позже, вносили в жизнь города и городского общества новые для них понятия, взгляды, формы существования, стремления. Европейская культура постепенно стала теснить восточную патриархальность. Модистки из Одессы или Парижа прививали местным модницам вкус к европейским туалетам¹²⁵⁵.

По свидетельству А.М. Дондукова-Корсакова, громкое и аристократическое имя князя Воронцова сосредоточивало и поглощало все интересы местного общества в его доме – «при дворе, как называли его на Кавказе. <...> Неминуемым следствием явилась роскошь в туалетах дам и во всей обстановке прежней Тифлисской жизни»¹²⁵⁶.

Своеобразной площадкой межкультурной коммуникации были обеды и собрания у князя-наместника. Здесь у князя М.С. Воронцова была возможность штучного, индивидуального подхода к тем людям, которые по своему местному статусу обладали громадными возможностями влияния на местное, туземное общество. Вкрадчивостью и ласковостью обхождения князь-наместник разворачивал местных аристократов в пользу

¹²⁵⁴ Ольшевский М.Я. Указ. соч. С.294.

¹²⁵⁵ Захарова О.Ю. Указ. соч. С.340.

¹²⁵⁶ Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845-1846 гг. // Старина и новизна. Исторический сборник. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. Книга 6. Часть II. С.167.

России порой более эффективно, чем самые громкие военные акции, проводившиеся суровыми генералами.

Князь Воронцов «гнушался мер, вызывавших ужас; зато в его распоряжении были средства, привязывавшие к нему души и сердца. С Воронцовым никто не чувствовал себя жутко <...> Его не боялись, потому что он понимал недостатки людей и умел прощать их ради их достоинств»¹²⁵⁷.

В отличие от всех предыдущих главных начальников на Кавказе и в Грузии обеды во дворце князя М.С. Воронцова производили на всех, в том числе местных грузинских аристократов, которые были неперемненными их участниками, неизгладимое впечатление, причиной которого был сам наместник.

Обеды начинались в 6 часов пополудни при свечах, на которые приглашались каждый день не менее 25-30 человек гостей. В конце обеда подавали кофе, которого князь Михаил Семенович никогда не пил. Он обходил своих гостей. Одним говорил любезности, другим предлагал вопрос или вспоминал что-нибудь деловое и просил явиться на следующий день. Потом шел в гостиную и садился за карты, играл в ломбер, шутил с рядом садившимися дамами¹²⁵⁸.

Как свидетельствовал А.Л. Зиссерман: «Чрезвычайно доволен бывал князь, если около него садились княгини – умнейшая из туземок Мария Ивановна Орбельян, Манана Орбельян или Елена Эристова»¹²⁵⁹.

По понедельникам в доме у наместника бывали собрания, «которые только и возможны у вельмож, подобных князю Воронцову. <...> Неизменная любезность и приветливость <...> полная непринужденность, оживленный говор, множество красивых женщин <...> обширность помещения, великолепная обстановка, прекрасный оркестр, щедро уставленный буфет и в заключении отменный ужин»¹²⁶⁰.

¹²⁵⁷ Лавинцев А.И. Воронцов // Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. СПб., 1904. – М.: Изд-во Надыршин, 2010. С.397.

¹²⁵⁸ Зиссерман А.Л. Указ. соч. С.107-108.

¹²⁵⁹ Там же. С.108.

¹²⁶⁰ Там же. С.109.

Это производило впечатление на всех присутствовавших на вечере, а само здание резиденции наместника и все происходившее внутри него, казалось местным жителям чем-то необычайным, по крайней мере, никогда не бывшим в их повседневном опыте, сшитым по лекалам имперского петербургского света. Это льстило их самолюбию, а наместник, как бы ненароком, давал всем понять, что они уже суть части великой империи, и не просто части, а её избранники. Все делалось князем-наместником, чтобы сблизить туземную аристократию с русскими.

Кроме обедов и вечеров наместник соблазнял особенно избранных представителей туземной аристократии Английским клубом, который он устроил в своем дворце по образцу Петербургского и Московского, а также Одесского Английского «клуба», к учреждению которого М.С. Воронцов был причастен.

Английский клуб был особенной социокультурной площадкой российской имперской жизни первой половины XIX века. В Петербурге и Москве Английский «клуб», как тогда говорили, был местом российской общественной и политической жизни, где складывалось пресловутое «общественное мнение», к которому прислушивалась высшая власть страны¹²⁶¹. Например, император Николай I иногда интересовался тем, что говорилось о действиях правительства в Английском клубе¹²⁶².

На этой общественной площадке соединялись главные представители столичной знати и образованного общества. Они также обсуждали литературные новинки и театральные премьеры, карьеры и вообще все то, о чем в другом месте говорить было не принято.

По подобию клубов Петербурга и Москвы князь М.С. Воронцов стремился сделать Тифлисский Английский клуб местом общественной и культурной жизни Кавказского края.

¹²⁶¹ Буторов А.В. Князь Николай Васильевич Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. – М.: Астрель, 2012. С.300.

¹²⁶² К истории московского Английского клуба // Русский архив.- 1889. №5. С.85; Английский клуб // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1895. Т.XV. С.427.

Заседания клуба славились бильярдом, карточной игрой и обедами, составленными по рецептам английской и вообще изысканной европейской кухни, что уже само по себе было ярчайшей экзотикой и вызовом устоям кавказской жизни. Обеды, бильярд и карточная игра в Английском клубе отличались от обедов и карточной игры во всех иных местах и обстоятельствах дворянских собраний.

Обеды и ужины, карточная игра, бильярд, чтения и беседы в Английском клубе были не только приятным проведением времени среди избранных лиц, но механизмом выработки общественного мнения и развития неформальных связей между людьми, имевшими значительный вес в обществе – русском и туземном.

В дискуссиях формировалось общественное мнение местной дворянской среды, для которой образцами были столичные имперские аристократы, окружавшие князя М.С. Воронцова, и, конечно, сам князь. Приобщаясь к господствующим идеям имперского столичного дворянства, местные закавказские аристократы имели возможность из первых рук узнавать существовавшее мнение на перспективы и пути развития Грузии и всего Закавказского края, могли высказаться сами и заявить свою позицию.

Английский клуб в руках князя-наместника был также инструментом по внедрению в умы туземной аристократии идей имперского монархизма.

Количество членов в клубе было ограничено. Новых членов принимали только по рекомендации и после тайного голосования. Князь М.С. Воронцов, проводя заседания Английского клуба, строго придерживался его изначального предназначения и духа, который выражался в девизе: «Concordia et laetitia» (Согласие и веселье)¹²⁶³.

Членами Английского клуба в России первоначально могли быть только представители родовой знати, потому что быть членом Английского клуба, означало иметь светское

¹²⁶³ Английский клуб // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон...С.426.

положение. Там собирались люди не только сходного положения, но воспитания и привычек¹²⁶⁴.

До середины XIX века в столичных клубах доминировали представители дворянских княжеских родов - Юсуповы, Долгоруковы, Оболенские. Для людей из первейших вельмож членство в Английском клубе считалось обязательным атрибутом избранничества и высокого статуса. Как правило, членами клуба оставались до конца своего земного существования.

Многие видные люди в России домогались чести вступить в число членов Английского клуба, но не всем суждено было достигнуть этой мечты. Например, князь А.И. Чернышев, многолетний военный министр Российской империи, так и умер, не попав в число избранных. Та же участь постигла графа Клейнмихеля¹²⁶⁵.

В Москве очередь ожидавших баллотировки на освобождавшееся место в Английском клубе доходила до 2000 человек. В Петербурге в 1850-х гг. считалось до 1000 кандидатов, которые по старшинству занимали открывавшиеся вакансии¹²⁶⁶.

Заботливые родители дворянских отпрысков, радея о карьере своих детей, записывали их в очередь на баллотировку еще в младенчестве, понимая какие возможности могли открываться тем, кто был вхож в это элитное собрание¹²⁶⁷.

Вся деятельность Английских клубов в обеих столицах империи осуществлялась по уставу. Клуб был сугубо мужским собранием. Женщин в клуб не допускали, даже в качестве прислуги, но каждый член Английского клуба мог привести с собой одного гостя на его собрания. Особенно важными считались дни совместных обедов всех членов клуба.

¹²⁶⁴ Буторов А.В. Указ. соч. С.310.

¹²⁶⁵ Пыляев М.И. Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – СПб.: Паритет, 2002. С.221.

¹²⁶⁶ Английский клуб // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон...С.426.

¹²⁶⁷ Английский клуб в Москве // URL: <http://moya – moskva. Livejournal.com>3434981.html>

Для организации клубов необходимо было испрашивать разрешения в Министерстве внутренних дел, в котором также утверждался устав клубов. Руководство клубами осуществлял Совет старейшин, избиравшихся общим собранием всех членов, а непосредственное наблюдение за порядком в собрании принадлежало дежурному старшине.

По инициативе клубных старшин некоторые лица могли быть исключаемы из членов клуба за «грубость» и проступки, несовместимые с существующими клубными правилами. Исключались как сами члены клуба, так и их протеже – гости, не оплатившие карточные долги¹²⁶⁸.

Английские клубы в провинции возникали по инициативе гвардейских офицеров-аристократов, желавших иметь столичный досуг в местах расквартирования их полков и не лишаться, по возможности, прежнего и привычного для их круга образа жизни.

Английский клуб в Тифлисе, был рожден инициативой окружавших князя-наместника выходцев из аристократических фамилий, как правило, бывших членами московского или петербургского Английских клубов. Из петербуржцев были флигель-адъютанты К. Бенкендорф, граф Строганов, князь Паскевич, сын фельдмаршала, князь Барятинский, принц Гессенский, князь Васильчиков и многие другие¹²⁶⁹.

Князь М.С. Воронцов, как англоман и аристократ, придерживался аналогичных столичным правилам. Английский клуб действовал во дворце наместника, и в этом деле князь был строгим педантом.

В Тифлисе скоро появились также обанкротившиеся рестораторы из Петербурга и другие проходимцы из всех уголков России и Европы. Их стараниями шашлык и «пилов», которыми довольствовались в открытых лавках армянского базара и городских духанах, весело запиваемых кахетинским вином из бурдюков, заменились более изысканной кухней, в подражание французской.

¹²⁶⁸ К истории московского Английского клуба // Русский архив. - 1889. №5. С.88-89, 97.

¹²⁶⁹ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.433.

Кроме того, в городе появилось значительное количество рессорных экипажей из Одессы и Вены, богатые упряжки. После этих новаций уже никто, как прежде, не делал визитов верхом.

В квартирах местных аристократов и вообще людей достаточных старая базарная мебель, с непременно покрытыми коврами диванами и бархатными подушками заменялись выписанной из Одессы, а потом приобретаемой и в Тифлисе роскошной мебелью.

Дома перестраивались. Плоские крыши домов, с которых по вечерам раздавались звуки зурны, заменялись черепичными и железными крышами. Беспощадно вырубались салалакские сады Тифлиса. На левом берегу Куры «образовались целые кварталы со всеми условиями европейского города»¹²⁷⁰.

В грузинских домах стали открываться собрания, наподобие русских. В доме князя Дмитрия Орбелиани, в домах Эристовых, Тумановых и особенно гостеприимном доме князя А.Г. Чавчавадзе давали балы, которые оживлялись молодыми грузинскими княжнами, привлекавших всю приезжую аристократическую молодежь¹²⁷¹.

В городе был учрежден дворянский клуб. В дворянском клубе коротали вечера и развлекались молодые армейские офицеры. Там было особенно весело и шумно, когда случались обеды и попойки по случаю отъезжавших в походы и встречи благополучно возвращавшихся из экспедиций в горы товарищей. Происходившее там обращало внимание всего Тифлиса, и было пищей для разговоров и пересудов¹²⁷².

Особенной формой межэтнической и межкультурной коммуникации сделались браки между русской и грузинской аристократией. Князь М.С. Воронцов всячески их поощрял, видя в том новые возможности влияния на местную туземную среду и своеобразным путем привязывания края к империи, в том числе при помощи уз Гименея.

¹²⁷⁰ Дондуков-Корсаков А.М. Указ. соч. С.168.

¹²⁷¹ Там же. С.170.

¹²⁷² Там же. С.180-182.

Дочь М.П. Щербинина – Марья Михайловна – известная красавица – сочеталась браком с М.Е. Чилиевым, грузином, человеком весьма образованным и хорошим администратором, лицом очень известным и влиятельным за Кавказом¹²⁷³.

В свою очередь, Кутаисский губернатор князь А.И. Гагарин женился на шестнадцатилетней грузинской красавице княжне Анастасии Орбелиани. Её сестра Елизавета стала женой князя А.И. Барятинского, а Софья Чавчавадзе, младшая сестра Нино Чавчавадзе, в замужестве Грибоедовой, вышла замуж за барона А.П. Николаи.

Сам факт таких браков сам по себе производил сильное впечатление на эмоциональные натуры кавказских жителей. Дети, родившиеся от таких браков, становились непреодолимым гарантом связанности Кавказа с Россией.

В наибольшей степени стараниями Кавказского наместника или его благожелательной поддержкой пополнялась новыми элементами грузинская элита. С каждым последующим поколением своих представителей она все крепче связывала Кавказ с империей, умиряла необузданные восточные нравы простолюдинов, покорявшиеся авторитету своих традиционных господ, постепенно приобретавших вкус к жизни в новых русско-европейских способах существования и увлекавших на этот путь свой народ.

Случаи межэтнических браков происходили не только в аристократической среде, но и среди солдат и казаков, которые ходатайствовали перед своими командирами о разрешении им вступить в брак с крещеными черкешенками или женщинами других горских народов, по воле судьбы, оказывавшихся в русских пределах¹²⁷⁴.

В программе нравственного покорения Грузии и Кавказа князь М.С. Воронцов соединял и использовал все и любые инструменты: существовавшие в крае традиции и светские имперские церемонии. М.П. Щербинин указывал на то, что

¹²⁷³ Бенкендорф К.К. Указ. соч. С.358.

¹²⁷⁴ РГВИА. Ф.14719. Оп.1. Д.60. Л.54; ГАКК. Ф.260. Оп.1. Д.2184. Л.1; Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. С.101.

князь стремился всеми силами добиться слияния туземцев с русскими и уничтожить «едва ли не враждебной розни, искони существовавшей между разнородными и разноплеменными обитателями Кавказа»¹²⁷⁵.

Обладая значительным состоянием, князь Воронцов щедро им пользовался. Радея «о развитии благосостояния во вверенной ему стране», сознавая, что «для получения обильной жатвы» необходимы затраты¹²⁷⁶.

При этом, устраиваемые князем в Тифлисе еженедельные собрания, вечера и концерты «нельзя было именовать барскими затеями»¹²⁷⁷, поскольку служили благому делу. Кроме того, затеи этого рода не причиняли издержек казне и совершались исключительно «на иждивение богатого вельможи, коему вверено было <...> обрусение края»¹²⁷⁸.

Социокультурное пространство всех иных кавказских городов складывалось на иной основе, не менее своеобразной, нежели та, которая складывалась в Тифлисе, но все города были для М.С. Воронцова сгустками цивилизационных инноваций, аккумулировавшихся и направлявшихся на преобразование кавказской жизни и бывшими наиболее яркими центрами межкультурных контактов.

Князь-наместник весьма заботился о развитии кавказских городов, не только не препятствуя их своеобразной социокультурной системе, но даже способствуя тому, определяя направление их функциональной необходимости в кавказской действительности.

Это своеобразие и разноликость кавказских городов хорошо понимали современники. Так, Н.И. Воронов отмечал, что, например: «Ставрополь по составу своих обывателей, оказывается городом <...> оригинальным, отступающим от

¹²⁷⁵ Кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев (Из служебных воспоминаний М.П. Щербинина) // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – СПб, 1874. Т.ХI. С.100.

¹²⁷⁶ Там же. С.99.

¹²⁷⁷ Там же. С.100.

¹²⁷⁸ Там же. С.101.

мерки, прикладываемой <...> к другим собственно русским городам»¹²⁷⁹ в силу обстоятельств и места развития.

Население города было «наплывное», собиравшееся со всех концов России, и потому разнохарактерное, не успевшее еще к 1840-м гг. обзавестись местными преданиями, обычаями, порядками, не рассчитывавшее на долгую оседлость, часто менявшееся, большей частью бессемейное.

Ставрополь, как город военный и вместе с тем губернский, представлял собой смешение разнообразного чиновного люда, гражданского и военного, которое само по себе дробилось на армейское, казачье, горское, «со всеми принадлежащими сюда штабами, комиссариатскими, провиантскими, гошпитальными чиновниками»¹²⁸⁰.

Ставрополем начиналась «страна служебных привилегий, привлекающих сюда искателей счастья, карьеры»¹²⁸¹, которые раздроблены на мелкие кружки и партии, ничем не связанные друг с другом.

Принимая во внимание то положение, по которому Ставрополь был преддверием Кавказа, известного своей многонародностью, легко было объяснить пестроту городского населения, проявлявшуюся на каждом шагу помимо обитавших там русских, в лицах армян, грузин, калмыков, татар, ногайцев и всякого рода прикавказского люда, делавших многообразие городской жизни и её проявлений особенно выпуклыми¹²⁸².

Степень разноликости городского населения Ставрополя в 1847 г. можно проследить по данной таблице¹²⁸³.

сословия	Ставрополь	
	число	%
1. Дворяне	331	2,6

¹²⁷⁹ Воронов Н.И. Ставрополь // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т./ Под ред. проф. В.А. Шаповалова и проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т.2. С.286.

¹²⁸⁰ Там же. С.287.

¹²⁸¹ Там же. С.286.

¹²⁸² Там же.

¹²⁸³ Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т.1. С.175. Таблица приводится с изменениями.

2. Военные сословия:		
Обер-офицеры	760	
Нижние чины	3141	
Казачье сословие	48	
Отставные солдаты	788	
Кантонисты	779	
Всего:	5516	43,7
3. Городские сословия:		
Купцы	1086	
Мещане	3466	
Всего:	4552	36,0
4. сельские сословия:		
Государственные крестьяне	850	
Помещичьи крестьяне	309	
Удельные крестьяне	28	
Дворовые люди	655	
Всего:	1842	14,6
5. Духовенство и прочие сословия	396	3,1
Всего человек	12637	100

Аналогичную картину можно было наблюдать и по всем другим городам Кавказского края, за исключением городов, находившихся за Кавказом, бывших продуктом местной этнической истории.

Сами русские, приехавшие в Ставрополь ради служебных привилегий, или по влечению на новые места, или же явившиеся по необходимости, «как в страну, которую нужно защищать и колонизовать», представляли собой собрание «людей бывалых, видевших и испытавших многое, прошедших огонь и воду»¹²⁸⁴ тертых калачей.

Из-за отсутствия общих интересов, которые бы руководили обществом постоянно, появлялось много интересов случайных, мимолетных, «также наплывных», вследствие появления новой личности, которая приносила их издалека, «из той среды, в которой она прежде вращалась и которой дышала по необходимости»¹²⁸⁵.

¹²⁸⁴ Там же. С.287.

¹²⁸⁵ Там же. С.286.

Это мешало возникновению крепких привязанностей, не давало обществу однородных стремлений или согласия в целях. Общим здесь было только «желание во что бы то ни стало добиться своих личных расчетов»¹²⁸⁶, что сильно противодействовало образованию общественной солидарности.

Отсутствие общих местных интересов и частое появление интересов случайных, придавало местному обществу подвижность, склонность ко всякого рода нововведениям, противодействовало общественному застою, апатии, господству рутины на всех путях общежития.

И хотя к такой подвижности и неустойчивости было трудно приспособиться, особенно новичку, который хотел бы самоопределиваться на новом месте, зацепившись за что-нибудь исстари заведенное, но которого в Ставрополе не могло быть, он скоро преображался. Пассивная роль в подобных обстоятельствах оказывалась неуместной. Потому всякий человек, которого заносила судьба в Ставрополь, скоро чувствовал себя свободным, способным «вести свою жизнь как ему удобнее»¹²⁸⁷.

Отсюда вытекала новая характерная черта подобного городского общества: возможность сближения, хотя бы мимолетного, между людьми неравных общественных положений, которого не могло быть в городах собственно России.

Всякий в Ставрополе чувствовал себя свободным от прежних заветов и преданий и невольно считал свободными от них и других людей, с которыми сталкивался. Приобретаемое в таких условиях существования кажущееся равенство чинов и положений освобождало людей от наружных знаков различия, которые так сковывали человеческое разнообразие и своеобычность, господствовавших в свете.

Этому много содействовало то, что семейная жизнь на Кавказе (имеется в виду анклав и местности, занятые русскими) недавно только началась и потому что недавно господствовала та пора, «когда служащие здесь, вместо жен, по

¹²⁸⁶ Там же. С.287.

¹²⁸⁷ Там же.

большей части, обзаводились кухарками, прачками или же искательницами любовных приключений»¹²⁸⁸.

С успехами семейной жизни на Кавказе (опять же среди русских) все больше и больше исчезали угловатости местного существования, изживались «особнячества», потому что у них постепенно отнимались поводы к образованию в силу того, что менялась общественная атмосфера, и утверждались новые местные предания и порядки, требовавшие обязательного применения¹²⁸⁹.

К 50-м гг. XIX в. в Ставрополе постепенно сложилось и поддерживалось местное *comme il faut*. Жители стали ретиво подвигаться в нарядах, одеваясь по журнальным образцам, на балах и во всех других веселостях старались скорее пересолить, чем недосолить в сравнении со столицами¹²⁹⁰.

В среде предприимчивых людей заводились разнообразные промыслы и предприятия, участниками которых были выходцы из всех сословий и народностей. Открывались разнообразные торги, лавки, устанавливались ярмарки, строились гостиницы и постоялые дворы, заполнявшиеся всяким приезжим людом, среди которого бывало много скупщиков продуктов сельскохозяйственного производства или купцов, привозивших в город разнообразные ткани, серебряные и золотые изделия. Город застраивался домами всякого предназначения и менял свой облик, становясь источником и активным проводником русского образа и способа жизни, или хотя бы их близкой к горскому и кочевническому миру витриной, в которую они заглядывали, время от времени, дивясь происходившему, постепенно заражались отдельными проявлениями там существовавшего.

Так происходило не только в одном Ставрополе, но и в других местах русского пребывания. Наблюдатель середины XIX в. отмечал, что все, кто посещал Георгиевск, Пятигорск, Владикавказ, Грозный и прочие места, видел города, оживленные торговлей и русской жизнью, а «там, где еще 25 лет

¹²⁸⁸ Там же. С.288.

¹²⁸⁹ Там же.

¹²⁹⁰ Там же.

тому назад стояли бедные избы и землянки, ныне воздвигнуты красивые здания»¹²⁹¹.

Зримые перемены в материальном проявлении русского образа жизни, которые воплощались во внешнем виде городов, оформлении улиц бульварами и садами и другими материальными знаками довольства и достатка, стали привлекать к себе любопытство горских жителей, особенно дворянско-княжескую элиту.

Те из них, кто находил в себе силы выходить за рамки своей традиционности и увидел новые возможности для себя в открытии русского мира, постепенно стали втягиваться в орбиту новых для них цивилизационных требований и общественного устройства.

В большинстве городов Северного Кавказа и Закавказья, которых касалась благосклонная рука князя-наместника, появились улицы, бульвары, сады и рощи, а также мосты, разнородные здания самого широкого назначения, носившие имя М.С. Воронцова, т.е. Воронцовские. В этом отражалась степень участия Кавказского наместника в социокультурных процессах и межкультурной коммуникации, оценка его преобразовательных усилий.

Таким образом, можно утверждать, что межкультурные связи и отношения суть неизбежный атрибут человеческого существования, а потому местное население Кавказского края не могло избежать общения с русским миром, результатом которого сделалась взаимная аккультурация.

В силу ограниченности социальных и иных ресурсов горский мир не имел возможности остановить культурной экспансии со стороны Российской империи, которая одновременно несла в горскую среду многочисленные элементы обновленчества, подрывавшего основы существования социальной архаики и традиционализма.

Российская культурная экспансия протекала в постоянном противоборстве, как с местной культурной локальностью, так и претендовавшей на универсальность

¹²⁹¹ Очерки истории Ставропольского края: В 2 т. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1986. Т.1. С.179.

исламской культурной парадигмой, пытавшейся конкурировать с российским имперским социокультурным проектом.

В свою очередь кавказский мир для русских был не только местом приложения их преобразовательных усилий, но и особой социокультурной субстанцией, которая преобразовывала их самих.

Многие русские обрели на Кавказе новое для них состояние социального бытия и состояния духа, выражавшегося в чувстве свободы от многих пут и социальных условностей, которыми изобиловала их прошлая жизнь, которую они вели до приезда на Кавказ.

В связи с этим среди части русских людей родилась особая кавказская романтика, которую в концентрированном и наиболее проявленном виде предьявили русские поэты, писатели или композиторы, оставшиеся на протяжении нескольких поколений певцами кавказской экзотики и духа свободы.

От этого среди русских появилась даже особенная порода людей – кавказцы, чьи социально-культурные основания зарождались отчасти метафизическим отношением и любовью к Кавказу. В них произошло нравственное обновление и преображение, не только внутреннее, которое воплощалось в разрыве с прошлым, но и внешнее – переодевание в кавказский костюм и приобретение характерных черт кавказской повседневной жизни, а для некоторых – переход в кавказскую среду.

Само пространство кавказского мира, его реакция на приближение к нему мира России, самый экстраординарный способ его освоения, вылившийся в форму Кавказской войны, порождал своеобразные, неизвестные в других обстоятельствах площадки межкультурного взаимодействия, невозможные во всех иных условиях.

Сама Кавказская война одновременно сделалась своеобразным способом диалога и познания, предлагая её участникам, на выбор, элементы межкультурного взаимодействия, которыми были военные акции (экспедиции и набеги), плен, аманаты, торговля пленными, кавказские милиции, постой войск в горских аулах, русские крепости и

города, преобразования окружающих ландшафтов посредством экономической деятельности, кардинальные перемены в способах невоенного существования.

Немалая заслуга в развернувшемся межкультурном диалоге принадлежала князю М.С. Воронцову, который в меру своих сил и возможностей предлагал и демонстрировал кавказскому миру способы жизни и широкий набор имперских артефактов, способствовавших укреплению в кавказской социокультурной почве новых для кавказского мира цивилизационных мотивов и ценностей.

Князь М.С. Воронцов стремился убеждать горские и все другие народы Кавказа в том, что русский мир не только не враждебен их историческим перспективам, но с Россией они наилучшим образом способны будут самоопределиться в мире, предъявлявшем новые вызовы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Российская политика в Кавказском крае в середине 40-50-х годов XIX века оказалась более результативной и успешной, чем того можно было ожидать в силу многих негативных обстоятельств, получивших развитие в крае с конца первой трети обозначенного столетия.

Ход событий за десятилетие с 1845 по 1854 гг. постепенно переменял вектор своей направленности. Начавшись громкой неудачей русских в Даргинском походе, предоставившей возможность Имамату достичь апогея в своем развитии, ситуация вдруг развернулась в сторону от тех, кто противился русскому присутствию на Кавказе. Все усилия тайных и явных противников русских стали терять былую действенность, хотя были пропитаны опытом многолетнего противостояния. Все бывшие стратегии и механизмы начали давать сбои, хотя внешне продолжали казаться плодоносящими, но самые чуткие акторы разворачивавшегося действия могли уже отчетливо уловить грядущие перемены.

Причиной тому был князь Михаил Семенович Воронцов, которого направил на Кавказ император Николай I в качестве спасителя русского дела, незадолго до этого, почти потерявшего путеводную нить в лабиринтах кавказских противостояний.

Будучи в преклонных годах (62 года) М.С. Воронцов, прагматик до мозга костей и опытный администратор, не стал сплеча рубить Гордиев узел кавказских проблем, а предложил Кавказу сделать выбор между созидательной и безопасной жизнью в составе российской имперской структуры или оставаться без всякого обеспечения и минимальных гарантий среди превратностей войны.

Князь М.С. Воронцов никого не понуждал силой и ничего не требовал от кавказских жителей, он предлагал, показывал, объяснял, сопоставлял и призывал, обращаясь к их здравому смыслу. Его статус и биография, прошлые поприща сильно содействовали его усилиям. Он обольщал новыми социально-культурными смыслами и открывал возможности для благополучного и обеспеченного существования всем без исключения этносам, сословиям и вероисповеданиям.

Это скоро понял проницательный имам Шамиль, не нашедший, однако, в своем арсенале достаточных аргументов, чтобы кроме сабель и идейной непримиримости предъявить в качестве альтернативы воронцовским обольщениям.

Князь М.С. Воронцов постепенно, но настойчиво и систематически, не считаясь со временем и затраченными трудами, вел диалог с обитателями всех частей Кавказского края, не сидел сиднем в своей тифлисской резиденции даже тогда, когда те отвечали ему неприкрытой враждебностью.

Князь Воронцов умел быть терпеливым, предоставляя другой стороне время на осознание самого себя и тех социально-культурных перспектив, которые сулило существование в пространстве между Имаматом и Российской империей.

Будучи по натуре и призванию предприимчивым человеком, М.С. Воронцов везде, где только позволяли условия, стремился преобразовывать материальное и социальное пространство неустойчивого кавказского мира.

При содействии князя-наместника или по прямому его указанию внедрялись в кавказскую почву новые зримые образы, прокладывались пути сообщения, перебрасывались через реки мосты, возобновлялись или строились разнородные здания. При участии князя-наместника организовывалось городская жизнь по имперским стандартам там, где её почти не знали, насыщалось повседневное существование местных обществ новыми артефактами имперского бытования, подготавливалась социально-культурная почва для мирного бытия, за которым должно было последовать примирение.

БИБЛИОГРАФИЯ

АРХИВЫ

Государственный архив Краснодарского края

Ф.249 - Канцелярия наказного атамана Кубанского казачьего войска

Ф.250 - Войсковая канцелярия Черноморского казачьего войска

Ф.252 - Войсковое правление Кубанского казачьего войска

Ф.254 – Войсковое дежурство Кубанского казачьего войска

Ф.260 – Гражданская канцелярия Командующего Правого фланга Кавказской линии и наказного атамана Черноморского казачьего войска

Ф. 261 – Канцелярия начальника Нижнекубанской кордонной линии Кубанского казачьего войска, Екатеринодар 1794-1864 гг.

Ф.638 – Канцелярия начальника портового города Ейска

Ф.690 – Екатеринодарское духовное правление Екатеринодарской духовной консистории

Государственный архив Ставропольского края

Ф.55 – Кавказская палата государственных имуществ

Ф.79 – Общее управление Кавказской областью (1822-1847 гг.)

Ф.87-Канцелярия гражданского губернатора Кавказской губернии

Ф.101 – Канцелярия гражданского губернатора Ставропольской губернии

Ф. 249 – Управление главного пристава кочующих народов Ставропольской губернии

Ф.298 – Ставропольская казенная палата

Ф.444 - Канцелярия гражданского губернатора Кавказской области

Российский государственный архив древних актов

Ф.1261 – Воронцовы (Воронцов М.С.)

Российский государственный исторический архив

Ф.416 – Комитет для обсуждения и разработки нового положения о государственном коннозаводстве и ремонтировании при главном управлении государственного коннозаводства (1858-1859 гг.)

Ф.932 – Дондуков-Корсаков Александр Михайлович

Ф.1268 – Кавказский комитет (1833-1881 гг.)

Ф.1281 - Хозяйственный департамент Министерства внутренних дел

Ф.1661 - Сербинович Константин Степанович (1798-1879 гг.)

Российский государственный военно-исторический архив

Ф.38 – Департамент Генерального штаба

Ф.232 – Фонд Гурко

Ф.400 – Главный штаб

Ф.482 – Канцелярия «Кавказские войны»

Ф.846 – Военно-ученый архив

Ф.1058 – Кавказское линейное казачье войско

Ф.13454 – Штаб войск Кавказской линии и Черномории

Ф.14257 – Штаб войск Кубанской области

Ф.14719 – Главный штаб Кавказской армии

Центральный государственный архив республики Северная Осетия-Алания

Ф.104 - Штаб Чеченского отряда

Ф.290 – Управление начальника Владикавказского военного округа

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Арнольди М. Боевое снаряжение Кубанского казачьего войска. – СПб., 1890.

Архив Раевских. – СПб., 1910. Т.3. С.353-381.

Белый А. Армения. Очерк, письма, воспоминания / Сост. Н. Гончар. – Ереван: Советакан грох, 1985. 208 с.

Бентковский И. Историко-статистические сведения о селе Безопасном // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып. 2. – Ставрополь, 1869.

Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа. Ч.1. – СПб., 1869.

Голов В. Г. Прохождение службы по военному ведомству / Кн. VII Свода военных постановлений 1869 г. изд. 1907 г. – Петроград, 1917. С. 7-9.

Записка начальника Черноморской береговой линии генерал-майора Н.Н. Раевского «О торговле с горцами и переселении на Восточный берег» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005. С.358-374.

Известия Общества любителей истории Кубанской области. Вып.IV. – Екатеринодар, 1909.

Историческое описание одежды и вооружения российских войск. В 19 частях. Изд. 2-е. Ч.19. - СПб.: Тип. «Балашев и К», 1899-1902. 348 с.

Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2011. 376 с.

Каченовский В. Первое знакомство с Кавказом. От Червленной до Хасав-Юрта. 1846 // Военный сборник. – 1863. №7. С.157-178.

К истории московского Английского клуба // Русский архив.- 1889. №5. С.85-99.

Кубанский сборник. – Екатеринодар, 1900.

Лаудаев У. Чеченское племя // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып.4. – Тифлис, 1873.

Львов П. Памятная книжка о правах и обязанностях армейского духовенства, составленная из указов Св. Правительствующего Синода, устава духовных консисторий, предписаний Главных

Священников и сводов гражданских и военных постановлений. – Свеаборг, 1889. С. 4-14.

Мнение адмирала Н.С. Мордвинова о способах, коими России удобнее можно привязать к себе постепенно кавказских жителей, чем покорять их силою оружия, 1816 г. // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв.– СПб., 2005. С.265-269.

Наш край. Документы и материалы. 1777-1917 гг. – Ставрополь: Ставропольское книжное изд-во, 1977.

Новикова-Зарина Е. Одиннадцать месяцев в плену у горцев // В плену у горцев. Выпуск 5. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 92 с.

Обзор иррегулярных войск в Российской империи // Военный сборник. СПб., 1861. №12. С.337.

Письма императора Николая Павловича И.Ф. Паскевичу. 1832-1847 // Николай I. Муж. Отец. Император. – М.: Слово, 2000. С.469

Письма С.В. Сафонова к князю М.С. Воронцову // Архив князей Воронцовых (АКВ). – М., 1892. Т.38. С.313-382. 544 с.

Письма М.С. Воронцова к С.В. Сафонову // АКВ. Т.38. – М., 1892. С.409-420.

Письма Михаила Семеновича Воронцова к Алексею Петровичу Ермолову // Русский архив. - 1890. №2. С.161-214.

А.С. Пушкин: Исследования и материалы / Под общ. ред. Д.Д. Благой и др. - Л.: Наука. Ленингр. Отд., 1983. Т.11. 360 с.

Разговор С.В. Сафонова с императором Николаем Павловичем 28 сентября 1846 года// АКВ. – М.: Университетская типография, 1892. Т.38. 542 с.

Ровинский И.В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губернии по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству, сочиненное по начертанию императорского Вольного общества. – СПб.: Императорская типография, 1809. 550 с.

Розен А.Г. Записки декабриста. - Иркутск: Восточно-Сибирское книжное изд-во, 1984. 480 с.

Статистические монографии по исследованию станичного быта Терского казачьего войска. – Владикавказ: Тип. Терского обл. прав., 1881. VI. 466 с.

Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып.3. отд.1. – Ставрополь, 1868. 93 с.

Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Вып.2. отд.1. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1869. 496 с.

Юхотников Ф. Письма с Кавказа. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 40 с.

НЕОПУБЛИКОВАННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Записки пятигорского краеведческого общества (рукопись). – Пятигорск, 1996. Вып. 28. Л.7.

ОПУБЛИКОВАННЫЕ ДОКУМЕНТЫ И СБОРНИКИ

АКАК. – Тифлис, 1866. Т.I. 816 с.

АКАК. – Тифлис, 1873. Т. V.1170 с.

АКАК. – Тифлис, 1875. Т.VI. Ч.II. 950 с.

АКАК. – Тифлис, 1878. Т.VII. 994 с.

АКАК. – Тифлис, 1878. Т.VIII. 1009 с.

АКАК. – Тифлис, 1884. Т.IX. 1013 с.

Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (АКАК). – Тифлис, 1885. Т.X. 938 с.

АКАК. – Тифлис, 1888. Т.XI. 1020 с.

АКАК. – Тифлис, 1904. Т.XII. 1552 с.

Движение горцев Северного Кавказа в 20-50-х гг. XIX века. Сборник документов. – Махачкала: Дагестанское книжное издательство, 1959. 785 с.

Материалы по истории Осетинского народа. Сборник документов по истории завоевания Осетии русским царизмом. – Орджоникидзе, 1942. Т.II. 361 с.

Народно-освободительная борьба Дагестана и Чечни под руководством имама Шамиля. Сборник документов. – М.: Эхо Кавказа, 2005. 552 с.

- ПСЗРИ.** Собр.2. Т. XIV (1838). - СПб., 1839. Ст.11213.
- ПСЗРИ.** Собр.2. Т.XV(1840). – СПб., 1841. Ст.1346
- ПСЗРИ.** Собрание 2-е. Т.XVI. Отд.2.
- Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ).** Собрание 2. Т.XVII. Отделение первое. - СПб.,1843. 915 с.
- Пятигорск в исторических документах.** 1803-1917 гг. – Ставрополь, 1985. 351 с.
- Торгово-экономические связи России и Северного Кавказа в период Кавказской войны (40-50-е гг. XIX в.).** Сборник архивных документов / Выявление, археография и составление Т.Х. Кумыков. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2005. 488 с.
- Шамиль – ставленник султанской Турции и английских колонизаторов.** Сборник документальных материалов / Под ред. Цагарейшвили. – Тбилиси: Госиздат Груз.ССР, 1953. С.416. 558 с.

ВОСПОМИНАНИЯ

- Абдулла Омаров.** Этнографические очерки. Воспоминания муталима // Сборник сведений о кавказских горцах (ССКГ). – Тифлис, 1869. Вып.2. С.1-70.
- Аноев А.А.** Воспоминания о боевой службе на Кавказе // Военный сборник. – 1877. Т.114. №4. С.398-412.
- Беляев А.П.** Воспоминания о пережитом и пережитом // Русская старина. – СПб, 1881. Т.32.
- Волконский Н.** Семь лет в плену у горцев (1849-1856) // В плену у горцев. Выпуск 4. - Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 68 с.
- Воспоминания князя А.М. Дондукова-Корсакова.** Князь М.С. Воронцов // Старина и новизна. 1902. №5. С.134. С.119-154.
- Воспоминания графа Константина Константиновича Бенкендорфа о кавказской летней экспедиции 1845 года // Даргинская трагедия. 1845 год. Серия: Воспоминания участников Кавказской войны XIX века / Составление текстов Г.Г. Лисициной. Комментарии, указатели Б.П. Миловидова. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2001. 616 с.**

Дондуков-Корсаков А.М. Мои воспоминания 1845-1846 гг. // Старина и новизна. Исторический сборник. – СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1902. Книга 5. С.119-154.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе (1842-1867 гг.). Ч. 1. 1842-1851 гг. – СПб., 1879. 424 с.

Зиссерман А.Л. Двадцать пять лет на Кавказе. Часть II: 1851-1856 гг. – СПб., 1879. 441 с.

Кн. М.С. Воронцов и Н.Н. Муравьев (Из служебных воспоминаний М.П. Щербинина) // Русская старина. Ежемесячное историческое издание. – СПб, 1874. Т.ХI. С.99-114.

Ольшевский М.Я. Кавказ с 1841 по 1866 год. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2003. 608 с.

Филипсон Г.И. Воспоминания // Русский архив. – СПб., 1883. Т.5. С.73-200.

Шипов Н. История моей жизни. 1845 год // В плену у горцев. Выпуск 5. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. С.3-31.

Щербинин М.П. Воспоминания Михаила Павловича Щербинина. – М.: Тип. Грачева, 1876. 30 с.

ЛИТЕРАТУРА

Авалов З.Д. Присоединение Грузии к России / Комментарии Г.А. Анакидзе и Б.П. Миловидова. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2009. 264 с.

Авксентьев А.В. Ислам на Северном Кавказе. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1984. 287 с.

Адонц М.А. Экономическое развитие Восточной Армении в XIX в. – Ереван: АН АрмССР, 1957. 560 с.

Андроников И.Л. Лермонтов. Исследования и находки. – М.: Худ. лит-ра, 1977. 647 с.

Антелава И.Г., Орджоникидзе Э.Д., Хоштария Э.В. К вопросу о генезисе и развитии капитализма в сельском хозяйстве и промышленности Грузии. – Тбилиси: АН ГССР, 1967. 128 с.

Анучин Дм. Очерк горских народов правого крыла Кавказской линии. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2011. 50 с.

Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г. Старый Тбилиси. Город и горожане в XIX веке. – М.: Наука, 1990. 273 с.

- Ахвердов А.И.** Описание Дагестана// История, география и этнография Дагестана. – М., 1958. С.219-228. 371 с.
- Бабич И.Л.** Экономическое развитие региона в XIX - начале XX в. // Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С.229-249.
- Бабич И.Л., Бобровников В.О., Соловьева Л.Т.** Ислам и православное миссионерство в эпоху реформ и контрреформ// Северный Кавказ в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. С.250-268.
- Базилевич К.В.** Почта в России в XIX веке. – М.: Изд-во НКПТ, 1927. 96 с.
- Бакрадзе Г.К.** Возникновение и развитие капиталистической промышленности в Грузии XIX в. Тбилиси: Главполиграфиздат, 1958. 302 с.
- Баррет Т.М.** Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: вехи историографии последних лет. Императорский период. – М., 2000. С.163-193.
- Баталин Ф.А.** Пятигорский край и Кавказские Минеральные Воды. – СПб., 1861. Часть I. 303 с.
- Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др.** История Грузии. – Тбилиси: Гослитиздат «Цодна», 1960. 386 с.
- Берже А.П.** Чечня и чеченцы. – Грозный: «Книга», 1991. 60 с.
- Берже А.П.** Краткий обзор горских племен на Кавказе. – Нальчик: Изд-во М. и В. Котляровых, 2010. 48 с.
- Берозов Б.П.** Переселение осетин с гор на плоскость (XVIII – XX вв.). - Орджоникидзе, 1980. 240 с.
- Блиев М.М.** Россия и горцы Большого Кавказа. На пути к цивилизации. – М.: Мысль, 2004. 877 с.
- Блиев М.М., Бзаров Р.С.** История Осетии с древнейших времен до конца XIX века. - М., 2005. 354 с.
- Бонч-Бруевич В.Д.** Избранные сочинения в трех томах. Т.1.- М.: Изд-во АН СССР, 1959. 346 с.
- Бродель Ф.** Материальная цивилизация, экономика и капитализм, V-XVIII вв. Т.1. Структуры повседневности: возможное и невозможное/ 2-е изд.; пер. с фр. Л.Е. Куббеля. – М.: Весь мир, 2006. С.138. 592 с.

- Бродель Ф.** Материальная цивилизация и капитализм. Т.2. Игры обмена / пер. с фр. Л.Е. Куббея. – М.: Изд-во «Весь Мир», 2006. 672 с.
- Буторов А.В.** Князь Николай Васильевич Юсупов. Вельможа, дипломат, коллекционер. – М.: Астрель, 2012. 655 с.
- Варадинов Н.** История Министерства внутренних дел. Т.8.-СПб., 1863. 666 с.
- Вебер М.**: Избранное: протестантская этика и дух капитализма. – М.: РОССПЭН, 2006. 656 с.
- Величко В.Л.** Кавказ. Русское дело и межплеменные вопросы. СПб., 1904. 224 с.
- Верещагин А.В.** Исторический обзор колонизации Черноморского побережья Кавказа и её результат. – СПб., 1885. 36 с.
- Верховец Я.Д.** Садоводство и виноградарство в районе Кавказских минеральных вод 1825-1850 гг. – Пятигорск, 1911. 279 с. + Приложения.
- Вилинбахов В.Б.** Из истории русско-кабардинского боевого содружества. 2-е изд., доп. и испр. – Нальчик: Изд-во Эльбрус, 1982. 256 с.
- Воронов Н.И.** Ставрополь // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: В 3 т./ Под ред. проф. В.А. Шаповалова и проф. К.Э. Штайн. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. Т.2. С.285-290.
- Высочков Л.В.** Николай I. М.: Молодая гвардия, 2003. 693 с.
- Гаджиев В.Г.** Роль России в истории Дагестана. – М.: Наука, 1965. 391 с.
- Гангур Н.А.** Материальная культура Кубанского казачества: В 2 т. Т.1. – Краснодар: Традиция, 2009. 288 с.
- Гоголадзе Д.А.** Капиталистические предприятия в сельском хозяйстве и промышленности дореформенной Грузии (1830-1864 гг.). Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959. 239 с.
- Гордин Я.А.** Кавказ: земля и кровь. Россия в Кавказской войне XIX века. – СПб.: Журнал «Звезда», 2000. 464 с.
- Гордин Я.А.** Зачем России нужен был Кавказ. Иллюзии и реальность. – СПб., 2008. 288 с.
- Гордин Я.А.** Ничего не утаю, или Мир погибнет, если я остановлюсь. – СПб.: ЗАО журнал «Звезда», 2008. 352 с.

Гранкин Ю.Ю. Наместничество и реализация стратегии экономического развития Северного Кавказа в 1844-1881 гг. – Пятигорск: Изд-во ПГЛУ, 2011. С.70-74. 403 с.

Грибоедов А.С. Сочинения в двух томах. – М.: Изд-во «Правда», 1971. Т.2. 368 с.

Гумилёв Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Рольф, 2001. 560 с.

Джавахишвили И. Политическое и социальное движение в Грузии в XIX в. – СПб., 1906.

Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. – М.: Русская панорама, 2001. 448 с.

Дегоев В.В. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. – М.: Русская панорама, 2001. 374 с.

Добролюбов Н.А. Собр. соч. в 9 т. Т.5. – М. – Л.: ГИХЛ, 1962. 547 с.

Дон и степное Предкавказье. XVIII – первая половина XIX века (Заселение и хозяйство). – Ростов-на-Дону: Изд-во РГУ, 1977. 240 с.

Дубровин Н.Ф. История войны и владычества русских на Кавказе. В 6 т. Т.6. – СПб., 1888. 765 с.

Емельянов О.Б. Земледелие в казачьих станицах Восточного Предкавказья в первой половине XIX века. – Георгиевск - Новопавловск, 2007. 68 с.

Захарова О.Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М.С. Воронцов. – М., 2001. 381 с.

Захарьин И.Н. (Якунин) Кавказ и его герои. Книга 1. Святые, богатства и народы. – СПб.: Тип. А.Е. Колпинского, 1902. 487 с.

Знаменский П. В. История Русской Церкви. – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 1996. 474 с.

Император Николай Первый. – М.: «Русский мир», 2002. 752 с.

История Дагестана в 4 т. Т.1. – М.: Наука, 1967. 431 с.

История многовековых взаимоотношений и единения народов Дагестана с Россией. К 150-летию окончательного вхождения Дагестана в состав России / Институт истории, археологии и этнографии. – Махачкала, 2009. 752 с

История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.) / Отв. ред. акад. А.Л. Нарочницкий. – М.: Наука, 1988. 659 с.

История предпринимательства в России. Кн.1. От средневековья до середины XIX века. – М.: РОССПЭН, 2000. 480 с.

История Чечни с древнейших времен до наших дней: В 2 т. Т.1.- История Чечни с древнейших времен до конца XIX века. / Руководитель издания М.М. Ибрагимов. – Грозный, 2008. 828 с.

Казаков С.В. Грузинский гамбит // Загадки и легенды русской истории. – Ростов – на – Дону: Феникс, 2007. 219 с.

Кауфман А.А. Переселение и колонизация. Государственная политика и крестьянское землевладение в пореформенной России. Изд. 2-е – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. 440 с.

Кипкеева З.Б. Абазины Северного Кавказа: внутренние и внешние миграции в XVIII - XIX вв. - Ставрополь, 2005. 152 с.

Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России. – М.: Наука, 1965. 348 с.

Клибанов А.И. Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. – М.: Наука, 1973. 256 с.

Клычников Ю.Ю. Российская политика на Северном Кавказе (1827-1840 гг.). Пятигорск, 2002. 494 с.

Клычникова М.В., Клычников Ю.Ю. Вхождение Северного Кавказа в культурное поле России (1777-1864 гг.). – Пятигорск: ИП Филиппов, 2006. 158 с.

Клычников А.Ю., Клычников Ю.Ю. Алексей Федорович Ребров: страницы биографии. – Пятигорск, 2011. 44 с.

Козубский Е. История города Дербента. – Темир-Хан-Шура, 1905. 468 с.

Козубский Е.И. Памятная книжка Дагестанской области. – Темир-Хан-Шура: «Русская тип.» В.М. Сорокина, 1895. 724 с.

Короленко П.П. Двухсотлетие Кубанского казачьего войска (1696-1896). Исторический очерк. – Екатеринодар, 1896. 101 с.

Край наш Ставрополье. – Ставрополь: Шат-Гора, 1999. 528 с.

Краснов М. Просветители Кавказа. – Ставрополь: Тип. Губернского правления, 1913. 102 с.

Краткий исторический очерк развития и деятельности Ведомства путей сообщения за сто лет его существования (1798-1898 гг.). – СПб., 1898. 292 с.

Ктиторов С.Н. История Армавира (досоветский период: 1839 – 1918 гг.). Армавир, 2002. 384 с.

- Кузнецов И.В.** На холмах горячих. – Ставрополь: Кн. изд-во, 1980. 264 с.
- Кумыков Т.Х.** Жизнь и общественная деятельность Л.М. Кодзокова. – Нальчик: Каб.-Балк. Кн. изд-во, 1962. 80 с.
- Кумыков Т.Х.** Общественная мысль и просвещение адыгов и балкаро-карачаевцев в XIX – начале XX в. – Нальчик: Эльбрус, 2002. 446 с.
- Куприянова Л.В.** Города Северного Кавказа во второй половине XIX века. – М.: Наука, 1981. 231 с.
- Лавинцев А.И.** Воронцов // Покоренный Кавказ. Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа. Издание А.А. Каспари. СПб., 1904. – М.: Изд-во Надыршин, 2010. 544 с.
- Лазарян С.С.** Становление предпринимательства в регионе КМВ.1780-1917 гг. – Пятигорск: Спецпечать, 2003. 196 с.
- Лапин В.В.** Армия России в Кавказской войне XVIII-XIX вв. – СПб.: Европейский Дом, 2008. 400 с.
- Лермонтов М.Ю.** Кавказец // Сочинения в двух томах. Том второй / Сост. и комм. И.И. Чистовой. – М.: Правда, 1989. 704 с.
- Лесков Н.С.** Заметки неизвестного. – М.: Изд-во «Правда», 1989. 512с.
- Лисицина Г.Г.** «Гражданское управление краем, самое трудное...» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. – СПб., 2005. С.203-236.
- Мак-Нил У.** Восхождение Запада. История человеческого сообщества. Пер. с англ. – 2-е изд. – Киев: Ника-Центр, 2013. 1064 с.
- Мальцев Г.В.** Очерк теории обычая и обычного права // Обычное право в России: проблемы теории, истории и практики. – Ростов - на - Дону: Изд-во СКАГС, 1999. 368 с.
- Манько А.В.** Выдающиеся деятели XIX века. – М., 2003. 112 с.
- Матвеев В.А.** Российский универсализм и этничность на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). – Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2008. 240 с.
- Мисроков З.Х.** Адат и Шариат в российской правовой системе. Исторические судьбы юридического плюрализма на Северном Кавказе. – М.: Изд-во МГУ, 2002. 256 с.

- Мунаев В.С.** Северный Кавказа и Закавказье во время управления князя Михаила Семеновича Воронцова 1844-1854 гг. – Ставрополь: Ставропольбланкиздат, 2012. 236 с.
- Мэхэн А.Т.** Роль морских сил в мировой истории. – М.: Центрполиграф, 2008. 608 с.
- Невзоров Н.** Исторический очерк управления духовенством военного ведомства в России. – СПб., 1875. 101 с.
- Невская Т.А.** Связи русского населения Ставрополя с ногайцами и другими кочевыми народами в XIX в. // История горских и кочевых народов Северного Кавказа в XIX – начале XX в. – Ставрополь, 1980. С.78-95.
- Невская Т.А., Чекменев С.А.** Ставропольские крестьяне. Очерки хозяйства, культуры и быта. – Минеральные Воды: Изд-во «Кавказская здравница», 1994. 167 с.
- Олейников Д.И.** Николай I. – М.: Молодая гвардия, 2012. 339 с.
- Очерки истории Адыгеи.** – Майкоп, 1957. 302 с.
- Очерки истории Кубани** с древнейших времен по 1920 г. / Под ред. В.Н. Ратушняка. – Краснодар: Изд-во Советская Кубань, 1996. 656 с.
- Очерки истории Ставропольского края.** Т.1. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1986. 462 с.
- Панарин С.А.** Позиционно-исторические предпосылки современной политической ситуации в Кавказо-Закавказском регионе // «Россия и Кавказ – сквозь два столетия». Исторические чтения. – СПб.: АОЗТ журнал «Звезда», 2001. 416 с.
- Потто В.А.** Два века терского казачества. – Владикавказ, 1912. Т.2. 384 с.
- Пругавин А.С.** Раскол и сектантство в русской народной жизни. – М., 1905. 95 с.
- Пушкин А.С.** Путешествие в Арзрум // Сочинения в 3 т. – М.: Художественная литература, 1971. Т.3. 605 с.
- Пылков О.С.** Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX вв.). – Армавир: И.П. Шурыгин, 2011. 248 с.
- Пыляев М.И.** Старый Петербург. Рассказы из былой жизни столицы. – СПб.: Паритет, 2002. 480 с.

- Романовский Д.** Кавказ и Кавказская война. Публичные лекции, прочитанные в зале Пассажа в 1860 году генерального штаба полковником Романовским. – М.: ГПИБР, 2004. 404 с.
- Садохин А.П.** Этнология. – М.: Гардарики, 2001. 256 с.
- Садохин А.П.** Межкультурная коммуникация. – М.: Альфа-М; Инфра-М, 2004. 288 с.
- Северный Кавказ в составе Российской Империи.** – М.: Новое литературное обозрение, 2007. 460 с.
- Секретная миссия в Черкесию** русского разведчика барона Ф.Ф. Торнау. – Нальчик, 1999. 507 с.
- Семенов А.** Изучение исторических сведений о Российской внешней торговле и промышленности с половины XVII столетия по 1858 год. Т.1-3. Ч.1. – СПб.: Тип. И.И. Глазунова и К*, 1859. 295 с.
- Семенов И.Я.** История закавказских молокан и духоборов. – Ереван: Авторское издание, 2001. 124 с.
- Соппенков С.В.** Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке. – М.: Восточная литература РАН, 2000. 214 с.
- Теофил Лапинский (Тефик-бей).** Горцы Кавказа и их освободительная борьба против русских. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1995. 564 с.
- Триус Л.И., Зюзин В.В.** Исторический опыт развития связей в сфере экономики, культуры и быта между горцами Северного Кавказа, казаками и российскими переселенцами (конец XVIII – XIX вв.). – Пятигорск: ПГЛУ, 2012. 250 с.
- Туманова О.С.** Межкультурные коммуникации // Культурология / Под ред. проф. Г.В. Драча. – М.: Альфа-М, 2003. 432 с.
- Тхамокова И.Х.** Русское и украинское население Кабардино-Балкарии. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 2000. 240 с.
- Удовик В.А., Кацик В.О.** Светлейший князь Воронцов. Человек. Полководец. Государственный деятель. – СПб., 2000. 220 с.
- Удовик В.А.** Воронцов. – М., 2004. 413 с.
- Фадеев А.В.** Очерки экономического развития степного Предкавказья в дореформенный период. – М.: Изд-во АН СССР, 1957. 260 с.

- Фадеев Р.А.** Кавказская война. – М.: Изд-во Эксмо, 2005. 640 с.
- Филипсон Г.** Кавказская война // Стрижамент. Историческое наследие. Приложение к газете «Кавказский край». Выпуск 1. – Ставрополь, 1991. С.431-525.
- Хавжоко Шаукат Муфти.** Герои и императоры в черкесской истории. – Нальчик: Издательский центр «Эль-Фа», 1994. 318 с.
- Хашаев Х.-М.** Занятия населения Дагестана в XIX веке. – Махачкала: Тип. Даг. ФАН СССР, 1959. 116 с.
- Халфин Н.А., Рассадина Е.Ф.** Н.В. Ханыков – востоковед и дипломат. – М.: Наука, 1977. 278 с.
- Хоретлев А.О.** Влияние России на просвещение в Адыгее (XIX – начало XX в.). – Майкоп: Адыг. кн. изд-во, 1957. 103 с.
- Церковь и общество:** 160 лет совместного служения на юге России. – Ставрополь, 2004. 155 с.
- Чекменев С.А.** Социально-экономическое развитие Ставрополя и Кубани в конце XVIII –первой половине XIX в. – Пятигорск, 1967. 278 с.
- Чекменев С.А.** Переселенцы. (Очерки заселения и освоения Предкавказья русским и украинским казачеством и крестьянством в конце XVIII – первой половине XIX в.). – Пятигорск: ТОО «Кинт», 1994. 352 с.
- Чернова-Дёке Т.Н.** Немецкие поселения на периферии Российской империи. Кавказ: взгляд сквозь столетие (1818-1917 гг.). – М.: МСНК, 2008. 208 с.
- Шевырёв А.П.** Русский флот после Крымской войны: либеральная бюрократия и морские реформы. – М.: Изд-во Московского университета, 1990. 184 с.
- Шкунов В.Н.** История внешней торговли Российской империи с государствами Востока в XVIII – XIX вв. в исследованиях и документах. В 5 т. Т.1. – Самара: Поволжский филиал ИРИ РАН, 2008. 408 с.
- Шрадер Х.** Экономическая антропология/ Пер. с англ. Е.А. Островской. – СПб.: «Петербургское Востоковедение», 1999. 192 с.
- Щербина Ф.А.** История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Т.II: История войны казаков с закубанскими горцами. (Репринтное воспроизведение). – Екатеринодар, б/и., 1913. 880 с.

- Эсадзе С.С.** Историческая записка об управлении Кавказом. В 2-х томах. Т.1. – Тифлис: Тип. «Гуттенберг», 1907. 616 с.
- Эсадзе С.С.** Штурм Гуниба и пленение Шамиля. Исторический очерк Кавказо-горской войны в Чечне и Дагестане. – Тифлис, 1909. 208 с.
- Эсадзе С.С.** Исторический очерк распространения русской власти на Кавказе. – Тифлис, 1913. 671 с.
- Яковлев Н.Ф.** Ингуши. Популярный очерк. - М.-Л., 1925. 136 с.

СТАТЬИ

- Августинович Н.** По поводу статьи «О сближении русских с горцами на Кавказе» // Кавказ и Российская империя: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX – начало XX вв. – СПб.: Изд-во журнала «Звезда», 2005. С. 590-601.
- Айрапетов О.** Предположение атаки Царьграда. Русские проекты десанта на Босфор первой половины XIX века // Родина.2009. №3. С.60-63.
- Бурькина А.В.** Заселение Северо-Восточного берега Черного моря в 30-40-е гг. XIX в. в проектах Н.Н. Раевского, А.И. Будберга, М.С. Воронцова // Мир на Северном Кавказе через языки, образование, культуру. Материалы докладов IV Международного конгресса 21-24 сентября 2004 г. – Пятигорск, 2004. С.21-22.
- Великая Н.Н.** Взаимоотношения светских и духовных властей со старообрядцами терского левобережья в XVIII – XIX вв. // Вопросы северокавказской истории. – Армавир, 2001. Выпуск № 6. Часть 1. С.61-70.
- Георгиев В.А., Георгиева Н.Г.** Кавказская война (1829-1867 гг.) // Сборник Русского исторического общества. Т.2 (150). – М.: РИО, «Русская панорама», 2000. С.158-171.
- Гранкин Ю.Ю.** Из истории колонизации Северо-Западного Кавказа в 40-50-е гг. XIX века // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа - III. Материалы региональной научно-практической конференции. Пятигорск 26-28 ноября 2010 г. – Пятигорск: ПГЛУ, 2011. С.71-77.
- Гриценко Н.П.** Роль российского торгового флота и портов Каспия в экономическом развитии Северо-Восточного Кавказа в

первой половине XIX в. // Роль России в исторических судьбах народов Чечено - Ингушетии (XIII – начало XX в.). – Грозный, 1983. С.88-102.

Дегоев В.В. Кавказ в составе России: формирование имперской идентичности (первая половина XIX века) // Кавказский сборник. Т.1 (33)/ Под ред. Н.Ю. Силаева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2004. С.28-47.

Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX век) // Вопросы истории. – 1995. №9. С.130-142.

Замечания М.П. Щербинина о деятельности князя М.С. Воронцова на Кавказе // Русский архив. – СПб., 1872. № 3-4. С. 707-715.

К. Левый фланг Кавказской линии в 1848 г. (продолжение) // Кавказский сборник. – СПб., 1886. Т.Х. С.405-496.

Каширин В.Б., Муханов В.М. Заложник двух владык // Кавказский сборник. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2010. Т.6 (38). С.63-115.

Клычников Ю.Ю., Лазарян С.С. Внутренние миграции на Северном Кавказе как продолжение переселенческой политики российских властей в первой половине XIX века // Проблемы российской и европейской истории и историографии: общественно-политический и социально-экономический аспекты. Ученые записки. Вып.12 / Под общ. ред. В.П. Ермакова. – Пятигорск: ПГЛУ, 2009. С.89-101.

Кузмичев А., Керров В. Старообрядчество – источник российского капитализма // Экономика и жизнь. – 2008. №52 (9266);

Лясковский В.Н. Алексей Степанович Хомяков. Его биография и его учение // Русский архив. – 1896. №11. Часть I. С.337-402.

Матвеев О.В. «С крестом в руках между рядами солдат...». Из истории духовной жизни в укреплениях Черноморской береговой линии (30-50-е годы XIX века) // Кавказский сборник. Т.5 (37)/ Под ред. В.В. Дегоева. – М.: НП ИД «Русская панорама», 2008. С.102-112.

Мельник В. Ставропольской духовной семинарии 160 лет //Православная Осетия, 2006, № 5 (61). С. 1-3.

Н.Д. Прыгуны (Материалы к истории обрусения Закавказского края) // Отечественные записки. – 1878. Том 240. №10. С.379-396; №11. С.40-57.

Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. – СПб., 1862. №8. С.153-188.

Петриченко К. Каспий, его промышленность и торговля // Морской сборник. – СПб., 1862. №9. С.63-88.

Ребров А.Ф. Зима 1844-1845 гг. на степях при-Кумских на Кавказе // Журнал сельского хозяйства и овцеводства. – 1845. №3. С.290.

Чжунг Сечжин. Идеология и характер исламского государства на Северном Кавказе в XIX в. // Вопросы истории. 2013. №9. С.77-86.

АВТОРЕФЕРАТЫ И ДИССЕРТАЦИИ

Дадашева И.А. Стратегия хозяйственно-экономического развития Северного Кавказа в период правления императора Николая I: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2006. 161 с.

Кулиев Фарман Мурувват оглы. Государственно-конфессиональные отношения на Северном Кавказе в конце XVIII – начале XX вв. Автореф дисс. ... докт. ист. наук. – Владикавказ, 2013. 46 с.

Остахов А.А. Состояние военного искусства адыгов в XV-XIX вв. Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Пятигорск, 2011. 27 с.

Рясная Ю.О. Политика России и представители северокавказской горской элиты на службе Российского государства в первой половине XIX века. – Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.02. – Пятигорск, 2010. 200 с.

Самарина О.И. Общины молокан на Кавказе: история, культура, быт, хозяйственная деятельность. Дисс. ... канд. ист. наук. – Ставрополь, 2004. 239 с.

Симонян А.С. Интеграция Восточной Армении в Российскую империю в последней четверти XVIII в. – первой половине XIX в. Автореф. канд. ист. наук. – М., 2011. 22 с.

Шеховцова Н.А. Развитие предпринимательства на Ставрополье и Кубани в XIX – начале XX века. Автореф. канд. ист. наук. – Ставрополь, 2002. 26 с.

СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

Английский клуб // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон. – СПб., 1895. Т.XV. С.427. 478 с.

Военно-статистическое обозрение Российской империи. Ставропольская губерния. Т.XVI. Ч.1.– СПб., 1851. 284 с.

Грузинский экзархат РПЦ // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2006. Т.XIII. С.321-351. 752 с.

Кавказский календарь на 1847 год. – Тифлис: Глав. Управ. Кавказ. наместника, 1846. 278 с.

Кавказский календарь на 1852 год. – Тифлис: Глав. Управ. Кавказ. наместника, 1851. 718 с.

Кавказский календарь на 1855 год. – Тифлис: Глав. Управ. Кавказ. наместника, 1854. 800 с.

Кавказский календарь на 1857 год. – Тифлис: Глав. Управ. Кавказ. наместника, 1858. 648 с.

Кавказские курорты. – Ростов-на-Дону, 1901. 95 с. + Реклама.

Кавказ. Справочная книга, составленная старожилом. – Тифлис, 1887. 418 с.

Колесников В.А. Станицы Ставрополя. Историко-статистический и топонимический справочник (последняя треть XVIII в. – 1917 г.). – М.: Изд. Надыршин А.Г., 2012. 352 с.

Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С. - Петербург). – СПб., 1898. Т.XXVI. 480 с.

Энциклопедический словарь / Изд. Ф.А. Брокгауз (Лейпциг) и И.А. Ефрон (С. - Петербург). – СПб., 1904. Т.XLI. 576 с.

КНИГИ НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ

Donald Mackenzie Wallace. Russia, its History and Conditions to 1877. Luigi Villari. Russia - Russia of Today. Boston and Tokyo, J.B. Millet, 1910.

Le Goff J. Time, Work and Culture in the Middle Ages. Chicago, 1980.

ЭЛЕКТРОННЫЙ РЕСУРС

Английский клуб в Москве // URL: <http://moya – moskva.Livejournal.com>3434981.html>

Бердзенишвили Н.А, Дондуа В.Д., Думбадзе М.К. и др. История Грузии. С древнейших времен до 60-х годов XIX в. Т.I: Глава II. Разложение феодально-крепостнической системы и развитие буржуазных отношений в 30-50-х гг. XIX в. – Тбилиси: Госиздат учебно-педагогической литературы, 1962 // URL http://yandex.ru/yandseach?text=dlibrary_collect_0001_000038_istoria_Gruzii_tom_I&clid=44289&lr=11057.

Бязырова В. Кавказцы в аманатах. Сыны Кавказа в заложниках у российских захватчиков // URL: <http://iron-adnan.Livejournal.com/21920.html>.

Герман Р.Э. Формирование дорожно-транспортной инфраструктуры на Кавказе и в Кавказской (Ставропольской) губернии в конце XVIII- начале 60-х гг. XIX в. //URL: <http://budetinteresno.info/kraeved/dorogi kavkaz. htm>.

Гитин В.В. Тифлисская уника //URL: http://www.mirmarok.ru/prim/view_article/152/

Дживилегов А.К. История торговли (до XIX в.) //URL: [http:// az.lib.ru/d/ dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya.shtml](http://az.lib.ru/d/dzhiwelegow_a_k/text_esbe_15_torgovlya.shtml)

Исмаилова А.М. Промышленность Эриванской губернии во второй половине XIX-начале XX вв. // URL:http://www/online-science.ru/m/products/ istori_science/ gid176/pd0/

Керров В.В. Старообрядческие предприниматели // URL: <http://www.hist.msu.ru/labs/Ecohist/OB5/kerrov.htm>.

Копарев Е. Военное духовенство на Кавказе // URL: <http://rusk.ru/st.php?idar=47648>.

Малахов И. Аманат аманату – рознь // URL: <http://www.priazovka.ru/straniczy-istorii/4178-amanat-amanatu-rozn/>.

Мельников-Печерский П.И. О расколе. // URL: <http://molokans.ru/?p=99>.

Мельников-Печерский П.И. Письма о расколе. Письмо пятое // URL:

http://centerdialog.ukrsekta.info/index.phoption=com_content&view=article&id=1184-2011-08-13-09-44-14&catid=29&Itemid=55.htm

Нефляшева Наима. Аманаты – политические заложники //URL: <http://www.kavkaz-uzel.ru/blogs/1927/posts/10334>.

Очерки истории Грузии. Т. V. Глава II: Разложение феодально-крепостнической системы в сельском хозяйстве / Под ред. М.М. Гаприндашвили и О.К. Жордания. – Тбилиси: Мецниереба, 1989 // URL

http://yandex.ru/clck/redirect/AiuY0DBWFJ4ePaEse6rgeAjs2pI3DW99KUdgowt9Xsh9AmfW_e8fw8JjxSfq9kqjcXkMZfN5TwVXWGSO9dF4gORw2YnTls_L5LiR.

Очерки истории Грузии: В 8-ми т. Т.5: Грузия в XIX веке / Ред.: М. Гаприндашвили, О. Жордания. - Тбилиси : Мецниереба : Тип. АН ГССР, 1990//URL: Очерки истории Грузии: В 8-ми т. Т.5: Грузия в XIX веке / Ред.: М. Гаприндашвили, О. Жордания. - Тбилиси : Мецниереба : Тип. АН ГССР, 1990//http://nplg.nukri.org/work/Ocherki_istorii_gruzii/Ocherki_istorii_gruzii_V/1.htmhttp://nplg.nukri.org/work/Ocherki_istorii_gruzii/Ocherki_istorii_gruzii_V/1.htm

Победоносцев К.Н. Граф В.Н. Панин. Министр юстиции // Голоса из России. – Лондон, 1859. Кн.7 //URL: http://dugward.ru/library/pobedonoscev/pobedonoscev_graf_v_n_pantin.html

Федосеева Л.Д. Развитие путей сообщения на Северном Кавказе в XIX – начале XX вв. // URL: <http://do.gendocs.ru/docs/index-380952.html>.

Церковь и армия //Журнал Московской Патриархии. – 1999. №8 // URL: http://krotov.info/libt_min/ot/kov.htm.